

В. БАЛАХОНОВ

КАВАЛЕР
ОРДЕНА
ПОЧЕТНОГО
ЛЕГИОНА

В. БАЛАХОНОВ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

**КАВАЛЕР
ОРДЕНА
ПОЧЕТНОГО
ЛЕГИОНА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Крым»
СИМФЕРОПОЛЬ
1968

Севастополь бурлил. Отряды красногвардейцев и революционных матросов с трудом сдерживали натиск вымуштрованных и отлично вооруженных войск кайзеровской Германии. В городе поднимала голову контрреволюция. В эти дни на углу Таможенной и Екатерининской улиц открылось небольшое кафе. Его содержатель, молодой и энергичный коммерсант Александр Вапельник, казалось, вовсе не интересовался политикой. И мало кто знал, что была у него другая жизнь, полная отваги и риска. С помощью друзей-подпольщиков он вел революционную пропаганду среди вступивших в город германских солдат и матросов.

Еще более широкий размах приобрела его деятельность в период англо-французской интервенции. Пропагандистская работа Иностранной коллегии Одесского областного комитета партии, в состав которой входил Вапельник, привела к тому, что французское командование осталось без армии, а 20 апреля 1919 года алый стяг революции взвился и над кораблями Черноморской эскадры Франции.

Об этих событиях и рассказывает в своей книге крымский журналист В. Балахонов. В основе повести — документы архивов, воспоминания участников описываемых событий, исследования исторической литературы, относящейся к тому периоду.

В повести широко показана деятельность подпольных большевистских организаций Крыма в 1918—1919 годах, работа ЦК РКП(б) и ЦК КП(б)У по руководству всенародной борьбой против немецких оккупантов и англо-французских интервентов.

...Товарищем русского рабочего в борьбе против класса капиталистов является и рабочий немец, и рабочий поляк, и рабочий француз, точно так же, как врагом его являются капиталисты и русские, и польские, и французские.

В. И. Ленин.

Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СПАРТАКОВЦЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ В СЕВАСТОПОЛЬ

Пассажиры толпились у борта.

Одни пытались что-то расслышать в визгливой разноголосице прощальных выкриков. Другие сами кричали, с трудом отыскивая взглядами провожающих в пестрой колышущейся толпе на тесном феодосийском причале.

— Кланяйся Ферапонтычу! — басил, перекрывая дисканты и сопрано, дородный бородач в измятом сюртуке.

— Больше красненькой не дава-а-ай! — доносился с причала истошный голос.

— Господь милостив...

— Эй, дьявол, заткни глотку!

За этой сумятицей расставания с верхней палубы наблюдал моложавый стройный человек в безукоризненно сшитом демисезонном пальто. Его взгляд рассеянно скользил по суетящимся у борта пассажирам. На какую-то долю секунды он задержался на лице человека, прижатого толпой к штабелю ящиков. И тогда пассажир коротким движением руки дотронулся до шляпы. Впрочем, это могло и показаться. Быть может, он просто надвинул ее на лоб, чтобы не сорвало порывом свежего морского ветра.

Отдали концы.

Нещадно дымя и выбрасывая из всех отверстий шипящие струйки пара, «Владимир» стал медленно отчаливать от стенки.

Пассажир задумчиво смотрел на все увеличивающуюся полоску воды между бортом и стонущим от многоголосых выкриков причалом. На воде колыхались обломки ящиков, испачканные мазутом клочья бумаги, какой-то мусор.

— Загадили, — слышался рядом противный надтреснутый голос. — Загадили такой порт.

Кто-то явно напрашивался на разговор. Пассажир в надвинутой на лоб шляпе не ответил.

— Ну и времена, — снова заговорил неизвестный.

— Вы, кажется, что-то сказали? — не оборачиваясь, спросил пассажир.

— Так точно, сказал... Испохабили, говорю, все в окружности. Времена — не приведи господи.

— Собственно, почему вам не нравятся нынешние времена? — с явным недоумением взглянул на непрошеного собеседника пассажир. Перед ним стоял человек со сморщенным, словно выжатый лимон, лицом. — На мой взгляд, все идет превосходно.

— Вы так считаете? Вас устраивают большевистские порядки?

— Политикой не интересуюсь.

— Если не ошибаюсь, мы встречались в Одессе? — сверля пассажира маленькими глазками, вдруг спросил сморщенный. — При обстоятельствах весьма...

— Вы ошибаетесь! — резко перебил его пассажир. — Простите, у меня нет ни малейшего желания беседовать с незнакомым человеком.

— Пардон, — продолжая сверлить глазками собеседника, извинился тот. — Кажись, обознался.

Беспокойно оглядываясь, странный тип удалился.

Свежело. Высокая волна то и дело хлестала в борт старенького, выдавшего виды пароходика. Он скрипел всеми своими старческими суставами, продолжая с поразительным упорством карабкаться по пенистым бурунам.

Пассажир, слегка прихрамывая, направился в свою каюту.

При тусклом свете, едва пробивающемся сквозь закопченное стекло иллюминатора, он стал просматривать стопку бумаг. Из них выпало свидетельство. Оно

удостоверяло, что Александр Ильич Вапельник следует в Севастополь с целью организации коммерческих сделок.

— Коммерсант, — иронически усмехнулся он. — Кто бы мог подумать...

Вспомнился Яков Карп. Это он стоял в толпе провожающих у штабеля ящиков. Стоял и молчаливо наблюдал за событиями. Накануне они долго беседовали о предстоящем задании.

— Неизбежность оккупации Крыма кайзеровской армией становится очевидной, — шагая по тесному номеру гостиницы, говорил Карп. — Губком не сегодня-завтра эвакуируется в Новороссийск. Нам с тобой придется поработать в тылу врага. Я возвращаюсь в Одессу, тебя же решено откомандировать в распоряжение Крымского губкома. Поедешь в Севастополь.

Вапельник поднялся.

— Как раз об этом и хотел просить. Я ведь коренной севастополец, а в своем доме, говорят, и стены помогают.

— Учитывалось и это. А главное, что хорошо знаешь немецкий... Твоей задачей будет подготовка конспиративных квартир и пропаганда среди германских солдат. Сможешь?

— Жизнь научит, — ответил Вапельник.

Председатель Молдаванского райкома и член Одесского губкома партии Яков Карп давно знал Александра — со времен эмиграции. Он верил ему, как самому себе, и без колебаний предложил его кандидатуру, когда возник вопрос о посылке надежного товарища в Севастополь.

— Итак, будем считать, что договаривающиеся стороны пришли к соглашению, — пошутил Карп. — Инструкции, мандат получишь завтра. Кстати, тебе выделена значительная сумма, чтобы ты мог превратиться в настоящего коммерсанта. Это называется — легализоваться, стать своим среди врагов. Лучше всего открой кафе. Легче будет встречаться с нужными людьми и заводить знакомства.

Этот разговор состоялся 18 апреля 1918 года в Феодосии, куда эвакуировался Одесский губком партии накануне захвата Одессы немцами и петлюровцами. А вскоре Карп провожал Александра в Севастополь, с трудом раздобыв место на «Владимире» — ржавом и

грязном «самотопе», как называли свой пароходишко матросы.

В Феодосии лишь немногие знали о падении Перекс-па и вступлении немцев в Джанкой. Да и в Симферополе, в правительстве Республики Тавриды, еще шли споры: нужно ли начинать эвакуацию? Между тем Центральный Комитет партии уже дал директиву о развертывании борьбы во вражеском тылу. Александр Вапельник должен был организовать работу по разложению германских войск в Севастополе.

— Легализоваться нужно до прихода немцев, — посоветовал Карп на прощанье. — Повторяю, кафе или буфет — самое надежное прикрытие для твоей работы. Постарайся обосноваться поближе к центру города.

— Хорошо, старина! Будь спокоен, — ответил Александр. — Смотри сам не угоди в лапы немецкой контрразведки или петлюровцев. Тебя теперь пол-Одессы знает.

— Обо мне не тревожься. Одесса — мой родной дом.

Пристань медленно отдалялась от парохода.

«До свидания, друг, а может, и прощай», — подумал Александр, провожая взглядом Якова. За шесть лет знакомства он привязался к этому человеку, словно к старшему брату, и теперь с сожалением думал о том, как трудно будет без его опыта и советов.

...По палубе стучали шаги.

Через грязное надтреснутое стекло иллюминатора Вапельник видел лишь белопенные волны. Они колыхались, перекатывались и, сталкиваясь у борта косыми гребнями, рассыпались серебристыми всплесками.

Александр вышел на палубу. Здесь теснились пассажиры, любуясь городом, по-своему неповторимым феодосийским побережьем.

Окрашенная в золотисто-нежные тона Феодосия походила на город из сказки. Освещенные робкими лучами солнца, причудливым узором вырисовывались на фоне гор старинные генуэзские башни. Их окаймляли разбегающиеся во всех направлениях мощные булыжником улицы. Стремительным потоком они стекали к морю со склонов возвышенности Тепе-Оба, образуя перекаты на террасах переулков.

Вапельник стоял у подветренного борта, любуясь необычной красотой. А старенький, расшатанный, насквозь проржавленный пароход медленно полз вдоль

живописного берега. Справа по борту показались обрывистые скалы. На одной из них стояла высокая круглая башня.

— Изумительно! — всплеснула руками стоящая рядом сентиментальная девица. — Потрясающе!

— Ильинский маяк, — ни к кому не обращаясь, пояснил ее сосед — пожилой господин.

Он несколько секунд помолчал, словно давая слушателям возможность сосредоточиться, потом приблизился к миловидной женщине в строгом, английского покроя, синем платье.

— Да, это и есть знаменитый Ильинский маяк. История его удивительна и романтична... Началась она, если не изменяет память, где-то в году тысяча восемьсот девяносто седьмом... Так вот, в одной из московских семей случилось несчастье: тяжело заболел сын-студент. Лечение не помогло. Врачи в один голос советовали везти больного к морю. И вот в Феодосии студент и его мать поселились в маленьком домике на берегу моря. Через несколько месяцев морской воздух и молодой организм победили болезнь. Здесь, в Феодосии, мать и сын познакомились с моряками. Из их рассказов узнали, что у подводных скал около мыса Ильи часто случаются кораблекрушения. Обойти скалы трудно, особенно ночью. Дело в том, что на мысу не было маяка, и никто не хотел заниматься его постройкой. Москвичка, приехавшая в Феодосию с больным сыном, часто думала о маяке. А тут произошло новое несчастье: затонул большой пароход. Это событие потрясло мать. Она не могла примириться с мыслью, что то же самое море, которое вернуло здоровье ее сыну, отнимает сыновей у других женщин. И она решила построить маяк на свои средства. Распродала все ценности, но этого оказалось мало. Тогда стала собирать пожертвования. И осуществила задуманное — на мысе Ильи появился маяк.

— История, рассказанная вами, весьма печальна, — заметил пассажир с бородкой и в пенсне. По его хорошо поставленному голосу можно было предположить, что это адвокат. — Я бы сказал более: она звучит как тяжкое обвинение в адрес Морского ведомства. Именно оно должно заботиться о безопасности мореплавания.

— А что думаете об этом вы, молодой человек? — обратился он к Вапельнику.

— Старое Морское ведомство приказало долго жить, — ответил тот. — А о покойниках принято или не говорить совсем или говорить хорошо. Во всяком случае ваша обвинительная речь немного опоздала.

— Пожалуй, вы правы, — миролюбиво согласился «адвокат». — Обвинять, конечно, легко. А если представить себе, как велики просторы российскийские, омываемые морями и океанами, то отпадает и это запоздалое обвинение — за всем не усмотришь.

«Удивительные люди эта наша интеллигенция. Всегда готовы приспособиться к любому мнению, — подумал Вапельник, провожая взглядом случайного собеседника. — Вот и этот «правдолюбец»: только что произносил обвинительную речь и тут же превратился в защитника. Зевс, только что метавший грома и молнии, за одну минуту сошел с пьедестала и стал в позу нашкодившего школьника, о проделках которого узнал классный надзиратель...»

Извергая густые клубы дыма, «Владимир» неторопливо полз по зеленовато-голубой воде. Давно скрылась за скалами Феодосия. Справа по борту остался мыс с поэтическим названием Киик-Атлама. От него оторвался крохотный островок с часовней. Впереди возвышалась скалистая громада Кара-Дага.

Пассажиры любовались причудливым рисунком потухшего вулкана на фоне синего неба. Обладатели биноклей в фантастических нагромождениях вулканических глыб находили профиль Пушкина, скалы «Иван-разбойник» и «Чертов палец», замки со шпильями и башнями, гигантские фигуры людей и каких-то нереальных громадных чудовищ. Внимание многих привлекла выступающая из моря скала-арка — знаменитые ворота Кара-Дага. Издали она казалась маленькой, на самом же деле в проем этой арки, созданной по прихоти природы, свободно мог пройти паровой катер.

За Кара-Дагом открылась живописная Отузская долина, а впереди показалась гористая цепь Меганомы, затуманенная синеватой дымкой.

Александр нетерпеливо вглядывался вдаль, любясь побережьем и морем, а сам думал о будущей работе, о Севастополе.

Шесть лет не был он в родном городе — с того самого дня, когда царским ищейкам удалось напасть на след и разгромить подпольную молодежную организацию

«Юная волна». О ней и ее руководителе бывшем студенте Николае, исключенном из университета за политическую неблагонадежность, у Александра сохранились самые добрые воспоминания. Многим молодым севастопольцам помогла эта организация определить свое место в борьбе за пролетарское дело.

В памяти возникли картины давно минувших дней: массовки в пещерах, собрания на лодках в бухте, споры о прочитанных брошюрах, на обложках которых стояли непривычные, но притягивающие, как магнит, слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Откуда попадали в Севастополь эти брошюры, знал только Николай. Он приносил и прокламации. Александр и его друзья расклеивали их по городу, разбрасывали в цирке Труцци и Народном доме.

Александр живо представил свою «команду голубятников»: не по летам рослого и сильного Федю Ковалева, расторопного, находчивого Бориса Полякова и других ребят. Чтобы прокламации лучше разлетались по залу, их свертывали треугольниками, как бумажных голубей. Как только раздавался последний звонок перед началом спектакля и гас свет, ребята швыряли «голубей» с галерки, и те, плавно кружась, опускались вниз. Зрители, встав с мест, ловили и рассовывали по карманам листовки. Возмущалась лишь «чистая» публика, требуя «прекратить безобразие». Но начиналось представление, и зал стихал... Вместе со всеми, как ни в чем не бывало, смотрели на сцену и «голубятники». По их сосредоточенным лицам никто бы не сказал, что они способны на столь непозволительный поступок.

А листовки попадали на заводы и корабли. Они делали свое, нужное революции дело.

Но кто-то выдал организацию. Однажды Федя увидел, как два дюжих жандарма вели Николая в тюрьму. Юноша немедленно предупредил о случившемся ребят из «команды голубятников».

— Саша, Саша! — барабанил он в дверь дома Вапельников. — Фараоны Николая схватили! Востри лыжи, пока не поздно.

Объяснений не требовалось. Многочисленные аресты приучили подпольщиков, включая самых юных, к вечно грозящей опасности.

Не теряя времени, Александр, в чем был, выпрыгнул из кухонного окна и в несколько прыжков пересек

двор. Входная дверь уже сотрясалась от тяжелых ударов. Полицейские ломились в дом.

Раздумывать было некогда. Александр юркнул в ближайшую подворотню и по известным только мальчишкам проходам устремился в противоположную часть города.

Это было в 1912 году. В ту пору в Севастополе готовилось восстание военных моряков, но царской охране удалось предупредить его. Позднее Александр узнал, что правительство жестоко расправилось с участниками подготовки восстания. Десять человек были казнены, около двухсот осуждены на каторжные работы и ссылку, сотни матросов списаны с кораблей в дисциплинарные роты.

Оставаться в городе стало невозможно. Царские ищейки рыскали повсюду, отыскивая тех, кто находился у них на подозрении. Перед Александром встала дилемма: возвратиться домой и попасть в их лапы или исчезнуть до более благоприятного времени. Друзья посоветовали избрать второй путь. С их помощью Вапельник эмигрировал во Францию.

И вот прошло шесть лет. Где вы теперь, с кем вы, смельчаки из «Юной волны»?

За этими воспоминаниями и раздумьями о будущей работе Александр не заметил, как опустела палуба. Ветер свежел, и пароход взял мористее. Эта мера была не лишней: в левый борт все сильнее била волна, и слабосильное утлое суденышко могло снести на прибрежные камни.

Александр прошел в буфет. Все столики были заняты. Свободное место нашлось лишь за одним, где сидел давешний «адвокат». Тот приветливо, как старому знакомому, махнул ему рукой:

— Милости прошу.

Пока ждали официанта, разговорились. Борис Маркович Батман, как представился словоохотливый сосед, возвращался в Севастополь после длительной поездки по полуострову. Представитель «свободной демократической прессы» — меньшевистской газеты «Прибой», — он предпринял эту поездку, чтобы лично убедиться в хаосе и разрухе, к которым привела Крым нынешняя, «так называемая Советская власть».

— И знаете, впечатления самые удручающие. Повсюду — бушующая стихия, разгул страстей. Попирают-

ся самые святые принципы. Вышедшие из повиновения матросы и самочинные организации облагают население контрибуциями, учиняют обыски и аресты. Повсеместно возникают какие-то весьма сомнительного назначения вооруженные отряды. Не далее, как три дня тому назад из Феодосии в сторону Джанкоя ушел еще один эшелон вооруженного сброда.

Батман сунул руку во внутренний карман пиджака и извлек сложенный вчетверо лист бумаги.

— Вот, полюбуйтесь. Это воззвание Центрального Исполнительного Комитета Республики Тавриды. Товарищи большевики обращаются ко всем, кому дорога революция. Они призывают к оружию, к новому кровопролитию... Кому это нужно? Нет, знаете, коль уж не сумели навести законного порядка, пусть это сделают германцы.

Вапельник значительно раньше Батмана читал это воззвание, где каждое слово било в цель, звало трудящихся на защиту завоеваний Октябрьской революции. Хотелось поспорить, но он не мог, не имел права. Как можно более безучастным тоном он сказал, что перед отплытием из Феодосии заслуживающие доверия люди сообщили ему о взятии немцами Перекопа и Джанкоя.

— Что вы говорите! — обрадовался Батман. — Ну, теперь дело за Симферополем, а там дойдет черед и до Севастополя... Если бы вы знали, как я устал от всех этих беспорядков.

— А мне, грешным делом, казалось, что журналистам любые беспорядки на руку, — поддержал Вапельник разговор. — Что ни говорите, сенсация всегда была и остается пищей для газеты. Нашему брату, коммерсанту, куда трудней. Того и гляди лишишься состояния.

— В определенной степени вы, разумеется, правы, — после минутного молчания проговорил Батман. — Вам труднее. Вы рискуете большим. Но вместе мы рискуем всем — отечеством, цивилизацией, нашими идеями.

— Представьте, — уклончиво заметил Вапельник, — мне всегда казалось, что идея — понятие относительное. Я, правда, еще не разобрался, чего хотят большевики, но об идеях некоторых интеллигентов наслышан. То они стоят горой за Временное правительство, то, видите ли, узрели спасение в иноземных штыках. Попробуй разберись...

— Я вам помогу, с удовольствием помогу. Мы еще не раз возвратимся к этой теме. Сейчас же, поймите меня правильно, суть вопроса в том, чтобы спасти русскую цивилизацию от вандалов, объяснить народу силу вековых традиций повиновения.

— Рабства, — невольно вставил Вапельник.

— Пусть рабства. Но это лучше кровопролития и истребления материальных и духовных ценностей.

Слушая разглагольствования меньшевистского борзописца, Александр с трудом сдерживал негодование: «Каков подлец! Готов всю Россию отдать врагам, чтобы задушить революцию. Не выйдет!»

Вслух же говорил о другом. Расспрашивал о Севастополе, рассказывал о Франции и ее блистательной столице, о нелегком пути на родину после ранения, полученного под Верденом, о своих планах.

— Собираюсь открыть кафе по французскому образцу, — сообщил он. — Не знаю только, удастся ли найти подходящее помещение. И опять-таки разрешение от властей потребуется.

— В таком случае позвольте быть вашим поверенным, — предложил Батман. — У меня, должен вам сказать, есть некоторые связи и опыт.

«Что ж, — мысленно ответил Александр, — такой пройдоха вполне может пригодиться».

...Почти сутки потребовалось «Владимиру», чтобы покрыть расстояние от Феодосии до Севастополя. Ялту прошли ночью. На рассвете показалась пятнадцатисажженная башня Херсонесского маяка. С этой минуты Александр не покидал палубы, любясь знакомыми с юношеских лет местами — Казачьей, Камышовой, Круглой и Стрелецкой бухтами, Херсонесским монастырем и открывающейся панорамой Большого рейда. Вход на рейд охраняли знаменитые с времен героической обороны Севастополя батареи. Между этими грозными оборонительными сооружениями в дни героических баталлий проходила первая линия затопления кораблей. Вторая находилась между Приморским бульваром и Михайловской батареей.

Потопление русских кораблей у входа на Большой рейд и в Южную бухту диктовалось жестокой военной необходимостью — закрыть объединенному англо-французскому флоту проход через фарватер.

В дни пятидесятилетия Севастопольской обороны в

море, недалеко от Приморского бульвара, на искусственной скале поднялся памятник затопленным кораблям. Александр, в ту пору тринадцатилетний ученик реального училища, был на открытии памятника и теперь, увидев его с парохода, обрадовался, как старому знакомому.

Миновав Павловский мысок с обсерваторией и магнитнокомпасной станцией, пароход втащился в Южную бухту и пришвартовался к пристани РОПиТа*.

Встречающих было немного, Александр издалека увидел мать и прижавшихся к ней сестренку. Младший брат Анатолий стоял поодаль. Он сильно вырос, и его трудно было узнать. А Толик узнал его сразу и первым бросился к трапу. Несмотря на окрики матросов, он раньше всех оказался на палубе и схватил Александра в объятия.

— Ого, силен, — невольно рассмеялся Александр. — Смотри не поломай ребра.

Захватив вещи, он в сопровождении Анатолия спустился по трапу и попал в объятия матери.

Полина Александровна ни о чем не расспрашивала. Только по ее заплаканным глазам сын понял, как истосковалась она за эти шесть лет. У него запершило в горле.

Увидев проходившего мимо Батмана, Александр учтиво раскланялся.

— Так вы не забывайте: я к вашим услугам, — напомнил тот. — До скорой встречи. Желаю удачи.

— Благодарю. Всего хорошего, — приподнял шляпу Александр.

Расторопный Анатолий успел пригласить извозчика. Мест в пролетке для всех не хватило, и извозчик начал было ворчать, но, получив несколько серебряных монет, подобрел:

— Садитесь все. Далеко ехать-то?

— На Артиллерийскую.

«Вот и кончилась шестилетняя Одиссея. Начинается новая жизнь, — думал Александр, с волнением разглядывая улицы родного города. — Здравствуй, Севастополь!»

---

* РОПиТ — Российское общество пароходства и торговли. (Здесь и далее примечания автора.)

Председатель Севастопольского горкома партии и уполномоченный Военно-революционного штаба Крыма по Севастополю Николай Пожаров, не скрывая недомыслия, вертел в руках узкий лоскут шелка.

— Что это?

— Как видишь, мандат, — ответил Вапельник.

— Документы принято писать на бумаге.

— В нормальных условиях да, а в подполье удобнее тонкая ткань — легче спрятать.

Пожаров нахмурился:

— Но мы пока еще не в подполье.

— Сегодня нет, а завтра все может случиться. Немцы и гайдамаки — на подступах к Симферополю.

— Знаю. — Пожаров встал и подошел к окну. Несколько секунд стоял молча, не оборачиваясь, потом сказал: — Знаю, черт возьми! Но мы будем драться! Слышал, что сказал о Севастополе товарищ Гавен*. «Севастополь был и будет Кронштадтом юга». Самому Владимиру Ильичу Ленину так сказал.

— И все-таки нужно готовиться к любым неожиданностям, — настаивал Вапельник.

Пожаров задумался. Облокотясь на подоконник, он смотрел вдаль. В этот момент он жалел, что не ушел из Севастополя с одним из черноморских отрядов на борьбу с беляками и прочей нечистью. Там, на фронте, все ясно — громи врага! А тут изволь разбираться в сотнях и тысячах то и дело возникающих больших и малых проблем.

Но раздумье было недолгим. Партийный долг требовал его присутствия здесь, в Севастополе. И как ни тяжелы его обязанности, он выполнит их.

Пожаров отлично понимал правоту Вапельника. Если его прислали сюда с таким мандатом, значит, обстановка действительно требует этого. Нужно быть готовым ко всему. Слишком малые силы в распоряжении

---

* Гавен Ю. П. — видный деятель большевистской партии. В ноябре 1917 г. был избран членом Крымского губкома партии, а в январе 1918 г. — председателем губернского ревкома и секретарем губкома партии. В период наступления кайзеровских войск возглавлял военно-морской комиссариат в правительстве Республики Тавриды.

Военно-революционного штаба, чтобы противостоять регулярным германским войскам, отрядам юнкеров и гайдамаков. Непокойно и на флоте. С боевых кораблей на берег сошли самые надежные революционные матросы. В отрядах Мокроусова, Федько и Кассесимова они сражаются на фронтах. На кораблях же усилилось влияние меньшевиков, эсеров и буржуазных националистов. Все они готовы вонзить нож в спину революции.

Воспаленными от недосыпания глазами матрос пристально посмотрел на Вапельника.

— Да, брат, аховские дела. Пожалуй, следует подумать и о подполье. Но, понимаешь, не до этого сейчас. Драться надо... Видишь — флот на рейде. О нем первая забота. Ты обживайся пока. Потом что-нибудь придумаем.

Вапельнику начинал нравиться этот матрос с небольшими, пшеничного цвета усами и добрыми глазами. Первое впечатление, когда он показался грубоватым и неприветливым, рассеялось. Перед Александром был умный, собранный человек, несомненно обладающий недюжинной волей и неиссякаемой энергией. Такому можно довериться не раздумывая.

Во время разговора несколько раз звонил телефон, и Пожаров тут же отдавал короткие и четкие распоряжения, кого-то подбадривал, кого-то распекал. Было видно, что он твердо держит руку на штурвале города.

Александр рассказал ему о полученных инструкциях и о том, что успел присмотреть подходящее помещение для кафе — угол Таможенной и Екатерининской улиц.

— Бойкое место, — одобрил Пожаров. — Выдать ордер?

— При немцах и гайдамаках твои ордера вряд ли окажутся действительными, — ответил Вапельник. — Как бы хуже не наделать. Я уж как-нибудь обойдусь сам. Есть у меня на примете один «доброжелатель» советской власти, некий Батман. Он поможет заключить арендную сделку.

— Батман? — удивился председатель горкома. — Этого свистуна давно нужно отправить на корм акулам. Вот где у меня сидит его вонючая писанина в меньшевистском «Прибое», — провел он ладонью по горлу. — Договаривается до того, что нужно, дескать, передать

Черноморский флот Центральной раде. Тогда, мол, и немцы прекратят наступление. Продажная шкура.

— Я того же мнения, — согласился Александр. — Но поскольку мы вынуждены мириться с его существованием, почему не воспользоваться его услугами для маскировки?

— Добро! Делай дымовую завесу из этой гидры, — согласился Пожаров. — Во всем остальном постараюсь помочь.

— Только, как говорится, без пышной рекламы.

— Добро, — кивнул головой председатель.

От Пожарова, поколесив по улицам, Вапельник направился к Батману. Тот был сама любезность. Бросив недочитанные гранки, он встретил Вапельника у двери.

— Искренне рад визиту, мой друг! Как устроились, как семья!

— Плохо с семьей. Дом почти разрушен. Уцелела одна комната, где была мастерская отца. Срочно нужно жилье. А заодно хотелось бы арендовать и помещение под кафе.

— Одобряю. Нынче умные люди должны смотреть вперед, — фамильярно похлопал Александра по плечу Батман. — Если вы при деньгах, снять помещение не такая уж неразрешимая проблема.

— Я осматривал дом на углу Таможенной и Екатерининской, — доверительно сообщил Александр. — Там живет какой-то одичавший от революционных потрясений отставной генерал. Полуподвальный этаж его дома подойдет для кафе. Есть там превосходное место и для жилья. Во всяком случае мою семью оно устроит как нельзя лучше. Это на первом этаже. Вот только не знаю, с какой стороны подступиться к генералу? По всей видимости, без вашей протекции тут не обойтись. Ведь вы — личность, весьма популярная в городе.

— Я к вашим услугам, — согласился польщенный Батман. — Вот, если позволите, дочитаю гранки и тотчас же отправимся.

Через некоторое время они уже сидели в мрачной гостиной.

Полузавершенные окна и паутина над старомодным диваном свидетельствовали о том, что хозяин давно отрешился от приемов и чаепитий с друзьями. Запустение глядело из всех углов.

— Чем могу служить? — глядя на гостей исподлобья, спросил хозяин дома.

— Видите ли, — начал Батман, — у нас к вам дело свойства весьма деликатного.

Он вкратце ознакомил генерала с причиной неожиданного визита.

— В моем доме — кабак? — скорее поразился, чем возмутился генерал.

— Простите, кафе.

— Милостивый государь, — обратился генерал к Вапельнику, — неужели вы всерьез думаете, что между кабаком и кафе есть разница?

— Разумеется, — вежливо возразил тот. — Мое кафе будет на французский манер: очень пристойно, по-домашнему, никаких скандалов. Уверяю вас, жалеть не придется.

— Ни за что на свете! — продолжал упорствовать владелец дома. — Как дворянин, я не могу...

— Вот именно, — мягко прервал его Батман. — Как дворянин, вы отлично понимаете, что такое культурное предпринимательство на нашей нынешней многострадальной Руси. Конечно, если не стесняетесь в средствах, то дело ваше... Найдем помещение в другом месте. Тем более нынче сдают охотно. Ходят слухи, что предстоит новая реквизиция.

— Вот как? — насторожился генерал. — Говорите, есть слухи? К слову сказать, у вас превратное представление о моем финансовом положении. Поверьте, даже от прислуги отказался. Этот дом — мое единственное достояние... Неужели может дойти до реквизиции?

— Вполне, — подтвердил находчивый в делах такого рода Батман. — Стало быть, сейчас самое разумное — договориться о цене.

— Ваши условия? — перешел к делу генерал.

Обещание звонкой наличности в качестве полугодового задатка сделало старика сговорчивей.

Не откладывая дела в долгий ящик, составили договор. Затруднение возникло из-за пустяшной формальности: где заверить документ? Арендатор решительно воспротивился обращаться в Совет.

— Дни этой власти сочтены, — заявил он. — Хотелось бы иметь свидетельство от деловых кругов.

Батман нашелся и тут:

— Пусть с каждой стороны будут по два поручите-

ля — уважаемых людей города. Я берусь найти таких людей и доставить сюда.

— Пусть будет так, — согласился Вапельник.

— Так надежнее, — подтвердил генерал. — Только прошу, чтобы не было кабака. Кафе, только кафе.

Через час договор был подписан. Александр съездил за деньгами и вручил их генералу. Батман получил коммиссионные и тут же укатил на экипаже в редакцию, пожелав своему протекже всяческих благ и успехов.

Так весьма удачно решился вопрос о помещении.

На другой день уже работали столяры, обойщики, маляры. Не без помощи Пожарова Вапельнику удалось раздобыть мебель со списанных кораблей, и большой зал кафе стал похож на кают-компанию. Две примыкающих к нему комнаты были обставлены по-домашнему. Одна из них имела выход во двор.

Хлопот по оборудованию помещения оказалось куда больше, чем предполагал Вапельник. Тем не менее он за этими хлопотами не упускал из виду событий, бурно развивавшихся в городе.

В эти дни горком партии, исполком Совета и штаб заседали почти без перерыва. В своих обращениях к рабочим, матросам и солдатам они призывали: «Всеми средствами, вплоть до жертвования собственной жизнью, воевать против немецких и союзных с ними войск».

Из города навстречу врагу отправлялись все новые и новые отряды добровольцев. Шли рабочие Морзавода и порта, матросы, солдаты крепостной артиллерии. С ними уходили на фронт лучшие силы большевистской организации Севастополя.

А контрреволюция нагнала. Меньшевики, эсеры, буржуазные националисты, кадеты — вся эта свора открыто улюлюкала Советской власти. На митингах и собраниях контрреволюционеры внушали рабочим и матросам, что на Севастополь наступают не кайзеровские войска, а свои же братья — украинские рабочие и крестьяне. Стоит, дескать, признать Центральную раду, и наступление будет прекращено.

Приехав на Морзавод за мебелью, Вапельник оказался невольным свидетелем одного из таких митингов. Витийствовал Батман.

— Дружья, — картинно потрясая руками, взывал он. — Вы думаете, что посылаете вооруженные отряды

против немцев, но их нет в Крыму. Вы проливаете кровь своих братьев-украинцев. Одумайтесь!

Его то и дело прерывали.

— Что, меньшевичок, немецкие мундиры со страху с синими жупанами перепутал? — слышался в толпе чей-то густой, сочный бас. — Или не терпится немецкий зад облобызывать?

На трибуну поднялся котельщик Рожнов. Рядом с Батманом он выглядел Ильей Муромцем. В прожженном раскаленными заклепками фартуке и серой рубашке с закатанными по локоть рукавами, он пришел на митинг прямо с работы. Легко оттолкнув Батмана, Рожнов рассмеялся:

— Видали? Этот оратор со страху уже и штаны испачкал. А может, ему выгодно, чтобы мы без сопротивления от революции отказались? Глядишь, опять буржуйская власть вернется... Этого, что ли, хочешь, гнида очкастая?

«Очкастая гнида» потихоньку протискивалась к выходу.

— На сквознячок потянуло? — поняв маневр «орателя», — спросил котельщик. — Давай проветривайся.

Послышались голоса:

— Катись, откуда пришел!

— В бухту его, пусть подштанники прополощет!

— А ну, геть звидсиля, буржуй недорезанный!

Батман уже не слышал последних реплик. Втянув голову в плечи, он трусливо семенил к проходной.

Но так было не везде. И это не на шутку тревожило Вапельника. На многих демагогия меньшевиков действовала разлагающе. На одном из митингов меньшевики протащили решение воздержаться от посылки подкреплений на фронт. Вместо этого к фронтовикам была направлена делегация, которой поручили «разобраться, кто с кем воюет». Возглавил ее меньшевик Михайлов. Не доехав до станции Альма, он со своими спутниками вернулся в Севастополь. Исчерпывающую информацию дал ему встреченный по дороге старик путешественник.

— Аграмадную силу собрал нынче ерманец, — рассказывал тот, пользуясь возможностью потолковать с городским человеком. — Так и прет окаянный. Но наши тоже не кладут охулки на руку. Знатно лупцуют паразита. Слышите?

Издадека доносилаь артиллерийская канонада, раздавались пулеметные очереди, частая ружейная стрельба. Для делегатов этого оказалось более чем достаточно.

Михайлов по-своему трансформировал сообщение словоохотливого старика.

— Я только что с фронта, — бия себя в грудь, говорил он на очередном митинге. — Севастополю не удержаться. Немцы, вкуне с нашими единокровными братьями-украинцами, не нынче-завтра войдут в город. Кому нужно лишнее кровопролитие? Только один путь прекратить братоубийство — признать власть Центральной рады.

Свидетельства таких «очевидцев» и их призывы находили благодатную почву в заячьих душонках перепуганных обывателей. Некоторые спешили объявить себя сторонниками рады.

Напряженность на фронте, вызванная разногласиями, обострилась до предела.

С парапета на Приморском бульваре Вапельник видел, как на многих кораблях то и дело менялись государственные флаги: только что был красный, глядишь, появился «жовто-блакитный».

Телеграмму Ленина о переводе Черноморского флота в наименее досягаемый для врага Новороссийский порт меньшевики и эсеры встретили в штыки.

Недавно назначенный вместо Роменца* главным комиссаром Черноморского флота говорун и карьерист эсер Спиро 24 апреля созвал делегатское собрание моряков, главным образом, офицеров. Он откровенно высмеял приказ об эвакуации флота в Новороссийск и встал на путь прямого предательства. По его предложению и за его подписью Центральной раде было послано воззвание о перемирии.

Сбросил личину стоящего вне политики и командуя-

---

* Роменец В. В. в 1917 г. был направлен ЦК РСДРП(б) в Севастополь для революционной работы среди моряков Черноморского флота, где с 1910 по 1916 г. служил в штабе 6-го дивизиона миноносцев. В июле 1917 г. избран членом Исполнительного комитета Севастопольского Совета военных и рабочих депутатов и членом Центрального комитета Черноморского флота. С ноября 1917 г. по февраль 1918 г. — главный комиссар Черноморского флота (фактически командующий флотом).

ший флотом контр-адмирал Саблин. По его приказу на кораблях были подняты флаги Центральной рады*.

Не выполнил приказ командующего лишь эскадренный миноносец «Керчь». Он один гордо держал красный флаг революции. На стенге эсминца взвился гневный сигнал: «Позор и продажа флота».

Вапельник был у Пожарова, когда к нему, словно ураган, ворвался возбужденный командир «Керчи» капитан-лейтенант Владимир Кукель**. Его сопровождали члены судового комитета, вооруженные маузерами.

— Спиро и Саблин продали флот немцам. Немед-

---

* За подписью командующего флотом в это время были отправлены радиогаммы Центральной раде с изъяснением верноподданных чувств и командующему германскими войсками в Крыму генералу фон Кошу — с сообщением о высылке делегации для заключения перемирия. Вот тексты этих радиогамм:

«Всем. Киев. Центральная рада. Сего числа Севастопольская крепость и флот, находящийся в Севастополе, подняли украинские флаги».

«Командующему германскими войсками в Крыму фон Кошу. Прошу указать, куда выехать на переговоры с Вами высылаемой мною делегации».

Ответ на обе радиогаммы Саблин получил от немецкого генерала Лейцингера. Ответ яснее ясного показывал, кому служила пресловутая Центральная рада:

«Срочно. Командующему украинским флотом контр-адмиралу Саблину. Копия Черноморской украинской раде.

Ваша радио об украинизации Черноморского флота весьма обрадовала украинцев, и они просят вас как командующего флотом издать приказ Керчи и Керченской крепости, а равно и судам, стоящим в порту Керчи, срочно поднять украинский прапор до 8 ч. утра 30 апреля».

Немногословно и откровенно. Безо всяких дипломатических ходов.

Забыли только спросить, согласен ли украинский народ, чтобы от его имени говорили немецкие генералы.

** Кукель (Кукель-Краевский) Владимир Андреевич (1885 — 1937) — участник гражданской войны, видный деятель советского флота. В 1902 г. окончил Морской корпус и до Октябрьской революции занимал различные командные должности на кораблях Балтийского флота. В 1916—1917 гг. на эсминце «Амурец» принимал участие в первой мировой войне. В июне 1917 г. был переведен на Черноморский флот и осенью того же года назначен командиром эскадренного миноносца «Керчь», наиболее революционного корабля Черноморского флота. В январе 1918 г., командуя «Керчью», участвовал в подавлении контрреволюционного мятежа в Ялте. В апреле 1918 г. был одним из организаторов перехода флота в Новороссийск, который осуществлялся по приказу Совета Народных Комиссаров. В июне 1918 г. В. А. Кукель сыграл важную роль при выполнении приказа В. И. Ленина о потоплении флота.

ленно объявите делегатское собрание, или я выпущу по предателям весь запас мин, — гневно потребовал Кукель.

Пожаров просиял: поддержка пришла кстати.

Экстренное делегатское собрание было созвано в тот момент, когда немецкие разьезды появились возле Инкермана. Большинство делегатов пошло за Николаем Пожаровым и Владимиром Кукелем. По предложению командира «Керчи» начальником уходящего в Новороссийск отряда кораблей был избран старый и опытный моряк Гернет.

Делегаты требовали назначить командиром Кукеля, но он отказался:

— Гернет — старший по званию. Верность морским традициям разрешает мне быть только заместителем, — сказал он, обосновывая свой отказ. — Я иду на «Керчи», чтобы обеспечить безопасность эскадры.

Сразу после собрания Гернет приказал разводить пары. В ночь с 27 на 28 апреля из Севастополя курсом на Новороссийск вышли пять крейсеров, одиннадцать миноносцев и четыре транспорта.

Высшее флотское командование осталось с Саблиным. На линкоре «Воля» была сыграна боевая тревога и взвилась гирлянда сигнальных флагов: «При попытке самовольного выхода из бухты любой корабль будет расстрелян артиллерией флота и крепости». Сигнальщики «Керчи» отсемафорили: «Ответ — минная атака». После этого на линкоре спустили сигнальные флаги.

К утру 28 апреля произошел перелом и в настроении команд линейных кораблей. Для титулованного офицерства немцы в сравнении с большевиками были наименьшим злом, и в то же время господам офицерам не хотелось оказаться за бортом. Адмирал Саблин первым почувствовал, что дальнейшее упорство бессмысленно, и распорядился объявить поход.

А ночью 29 и утром 30 апреля на последние пароходы грузились остатки измотанных в боях под Перекопом и Альмой отрядов моряков и красногвардейцев, советские учреждения и военно-революционный штаб. Горком партии уходил в Новороссийск на транспорте «Сюрень».

Николай Пожаров по пути на пристань завернул в кафе на углу Таможенной и Екатерининской.

Над парадным входом он успел заметить неплохо намалеванную вывеску. Слово «Кафе» пересекал яркий

рисунок, изображающий поднос с закрытым кофейником и кофейными чашками.

«Быстро развернулся, — отметил про себя Пожаров, входя в кафе. — Цепкий парень.»

Вапельник встретил гостя в «кают-компании». Там оказалось несколько ранних посетителей, и Александр незаметно показал Пожарову на дверь в малый зал. Сам же прошел туда со двора.

— У меня времени в обрез, — коротко бросил Пожаров. — Зашел попрощаться. Не думал, что такой аврал получится. Но мы вернемся. Ты при случае помогай нашей братве.

В этот час, когда вплотную подступала неизвестность, Вапельника радовала встреча с Пожаровым. За короткое время он привык к этому человеку и успел полюбить его. Во время недолгих бесед с Пожаровым, из рассказов людей, знавших матроса, Вапельник кое-что узнал о председателе горкома партии. Ярославский слесарь, он еще подростком вступил на революционный путь. Работал в Петербурге, вел агитацию среди рабочих. С 1915 года служил в минном отряде Балтийского флота на учебном судне «Азия». Здесь и вступил в партию большевиков. В 1916 году за революционную пропаганду был приговорен к тюремному заключению. После Февральской буржуазно-демократической революции кронштадтцы освободили его из крепостного каземата и избрали членом Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов, а затем представителем Кронштадта в Центральном комитете Всероссийского военного флота.

Во главе отряда моряков-балтийцев Пожаров участвовал в подавлении корниловского мятежа, а в сентябре по заданию Центрального Комитета партии с группой матросов-большевиков приехал в Севастополь. Видать, по душе пришелся черноморцам боевой и энергичный посланец Балтики. Скоро его избрали в состав исполкома Севастопольского Совета, а через некоторое время он возглавил городской комитет РСДРП(б). В декабре 1917 года Пожаров становится председателем Севастопольского Совета, комиссаром по охране города и крепости. Его видели на самых решающих участках боев против курултаевских эскадронцев. С неутомимой энергией и страстностью ломал он сопротивление меньшевиков, эсеров и реакционных офицеров при формировании матросских отрядов для посылки на Дон против Кале-

дина. В марте 1918 года Пожаров стал членом Центрального Исполнительного Комитета и особоуполномоченным Совета Народных Комиссаров Республики Тавриды в Верховном Военно-революционном штабе.

...Последний разговор был недолгим — подгоняли гудки «Сюрени». Условились о чем следовало. Николай Пожаров напоследок еще раз крепко стиснул руку Вапельника.

— Ну, держись! Ты, я вижу, крепкой закалки, хоть и не моряк. Смотри не впадай в дрейф.

Александр не провожал Пожарова. Только вышел на Приморский бульвар и увидел, как покидает бухту «Сюрень». А над городом и бухтой уже летели немецкие «таубе», со стороны Херсонесского маяка доносилась артиллерийская канонада — германские войска срывали зло на уходящих с Севастопольского рейда отставших транспортах Черноморского флота.

Во второй половине дня в притихший город вступили кайзеровские войска.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОШИБКА ФОН АШАУЭРА

Полковник фон Ашауэр, командир головной колонны германских войск, вступивших в Севастополь, со свойственной немцам аккуратностью записывал в полевом дневнике:

«30 апреля 9-й егерский батальон совершил переход через Черную речку, не встретив сопротивления противника. По нашим сведениям, большевики прошлой ночью покинули Севастополь. Стало ясно, что мы не встретим сопротивления и в городе...»

Во главе с генералом Кошем и окруженные массой конных татар — наших новых друзей, — мы двинулись вперед... и выехали на Екатерининштрассе. Население встретило нас почтительно. Лишь изредка наблюдались проявления национальной вражды, но они были исключением. В общем мы видели приветливые лица в этом хорошем районе города. Хулиганов не было, вероятно, они спрятались....

Немедленно после входа в город были заняты

все важнейшие пункты... Огромные склады и магазины, большое количество боеприпасов, оружия и военного обмундирования попало в наши руки.

Штаб поместился в немецкой гостинице Киста на Морском бульваре... Для постоянного жительства я избрал гостиницу на Екатерининштрассе. Хозяйки — две пожилые немки из Висбадена — приняли меня весьма радушно, видя во мне избавителя. Еще недавно здесь находился штаб большевиков.

...Наши войска усердно занялись обезоруживанием населения, размещением и хранением запасов. В Южной гавани стояли суда с захваченной большевиками добычей, которую они впопыхах не успели вывезти... На них назначена охрана из егерей. Вместо украинских флагов на русских судах поднялись германские...

3 мая организовано управление Севастополя. Губернатором назначен командир четвертой баварской кавалерийской дивизии генерал-майор барон Эгглофстейн, я — комендантом. Эта должность наложила на меня ответственность за восстановление порядка в городе. Военным полицмейстером назначен обер-лейтенант А. Аппель. Организовано бюро с тремя паспортными пунктами и временное бюро по регистрации русских офицеров. Над оставшимися большевиками установлен надзор. Разоружение населения дает блестящие результаты. Нам уже не приходится опасаться вооруженных выступлений. В общем русский человек послушен и им легко управлять...»

Говорят, блажен кто верует. Ашауэр же верил в то, о чем писал. Он действительно видел подобострастные, угодливые улыбки на лицах некоторых горожан, когда вместе с Кошем ехал по Екатерининской улице, на которой в тот час собрался «цвет» севастопольского общества.

Вапельник издали наблюдал за несусветной суетой претендентов на городские портфели. Каждый старался чем-то выделиться, высунуться вперед, обратить на себя внимание новых хозяев. Раболепски склоняли головы перед германскими офицерами лидеры крымских меньшевиков Канторович и Могилевский. От внимания Вапельника не ускользнуло, как кланялся генералу Кошу фабрикант мыла Харченко, как пресмыкался перед ок-

купантами бывший таврический вице-губернатор князь Горчаков. Рабочего люда на улице было мало — Екатерининская, так же как Большая и Малая Морская и Нахимовский проспект, считалась «дворянской» улицей. Трудовой же народ селился в слободках — Корабельной, Татарской, Барте́невской и на окраинных улицах.

С «проявлениями национальной вражды» Ашауэр встретился в тот момент, когда из-за высоких заборов на колонну немцев посыпался град камней. Правда, ни генерал Кош, ни его свита не пострадали. Ребятишек же, которые так непочтительно встретили немецкое командование, жестоко отхлестали нагайками новоявленные друзья оккупантов — татарские эскадронцы.

Небольшой инцидент, скорее трагикомический, чем враждебный, произошел возле почты. Виновником его оказался не в меру тучный владелец реквизированной ревкомом гостиницы «Бристоль». Он так низко кланялся «освободителям», выставив на обозрение публики свой толстый зад, что оказалось достаточным легкого пинка, и он растянулся на брусчатке. Кто наподдал ему, установить не удалось. Впрочем, в столь торжественный момент этим никто не занимался. Новоявленные блюстители порядка впопыхах по-своему истолковали неожиданное появление толстяка на пути немецкого командования. Содержатель «Бристоля» незамедлительно заплатился за свое неумеренное холуйство. На его спине и пониже надолго остались следы татарских нагаек.

Но кто принимал во внимание подобные мелочи?

Как бы там ни было, записи фон Ашауэра основывались на его личных наблюдениях. Он не украшал их излишними деталями и подробностями. Излагал только суть. Германские войска действительно могли не опасаться вооруженного выступления населения. Но не повальные обыски, не аресты и расстрелы «подозрительных лиц» тому причиной. И даже не усиленные патрули егерей и баварских кавалеристов, не пушки и пулеметы, установленные на перекрестках... У большевиков, оставшихся в подполье, были иные планы. И виноват ли полковник, что они не делились с ним своими замыслами?

На абсолютно достоверных сведениях основана и восторженная запись коменданта о захваченных трофеях, В их числе оказались все продовольственные запасы, заготовленные ревкомом для снабжения населения.

С первых дней оккупации жители Севастополя стали получать голодный паек — полфунта хлеба на взрослого и четверть фунта на ребенка. Да и состоял он из одного припека — хоть ложкой черпай. Поднялись цены и на рынке.

«Прибой» по недосмотру холопствующего перед немцами редактора рассказал читателям, какая дсбыча досталась германскому воинству: «Немцы забрали для нужд армии все продовольственные товары, принадлежащие городу. Так, конфискованы хлебные амбары, забран месячный запас сахара, около 900 пудов чая, свыше 500 000 банок консервов....»

Эта заметка вызвала неопиcуемый гнев барона Эгглофстейна и всей военной администрации императорской армии. По распоряжению генерал-губернатора печатный орган Севастопольского и Таврического комитетов меньшевиков «за помещение вредной статьи» был закрыт на семь дней.

Эта «вредная статья» лишний раз подтверждает, что в дневнике полковника содержались только хорошо проверенные данные. Ошибка была лишь в той записи, где говорилось о послушании русских, о том, что ими легко управлять. Скоро полковнику пришлось убедиться в обратном. Но в этой ошибке был виноват не столько комендант, сколько полицмейстер фон Аппель. По роду службы ему надлежало первым информировать полковника о настроениях населения. Но фон Аппель слишком увлекся поисками оружия, облавами и арестами. Ему казалось, что полиция своей деятельностью нагнала достаточно страху на горожан и теперь никто не посмеет поднять голову. Самонадеянной информацией он и взял в заблуждение фон Ашауэра.

Видимо, познание «русской души» не было стихией полковника императорской армии. Вопреки его заключениям, город жил своей, не разгаданной интервентами жизнью. Внешне все казалось спокойным. Но в этой подозрительной тишине чувствовалось предельное напряжение, ожидание чего-то, не предвиденного фон Ашауэром.

Вапельник почти не выходил из кафе. Вместе с матерью и сестренками безотлучно находился в «кают-компании», прислушиваясь к разговорам посетителей.

Сюда заходили рабочие с пристаней РОПиТа, почтовые служащие, трамвайщики и строители, молодежь с

прилегающих улиц. Зачастили в кафе и немецкие солдаты. Им тут понравилось, и они при каждом удобном случае забежали выпить стаканчик сухого вина или чашку кофе. К их услугам всегда были газеты и журналы на родном языке. Но, пожалуй, больше всего солдат привлекала возможность потолковать с сослуживцами, не опасаясь подслушивания унтер-офицеров. Местных жителей они не остерегались: «Откуда им знать немецкий язык?»

Хозяин кафе, пожилая буфетчица и молоденькие сестры-кельнерши ко всем посетителям относились одинаково предупредительно, старались, чтобы все остались довольны.

По отрывочным фразам, услышанным от немецких солдат, у Вапельника сложилось представление о настроениях оккупантов. Можно было сделать вывод, что далеко не все одобряли нарушение Брестского мира, вторжение германских войск на Украину и в Крым.

В своих застольных беседах солдаты часто вспоминали однополчан, погибших в боях на Перекопском перешейке и у станции Альма. Обычно в эти минуты воцарялось глубокое молчание.

Как-то до слуха Вапельника донеслась приглушенная фраза:

— У нас с русскими мирный договор. Зачем же снова льеся солдатская кровь?

Невольно захотелось ответить. Но как? Нельзя просто подойти и вступить в беседу или вручить каждому по листовке. Задание требует другого. Нужно искать среди солдат надежных людей. Не может быть, чтобы в гарнизоне не оказалось ни одного члена «Союза Спартака»*. Вот с кем в первую очередь необходимо установить связь!

Александр продолжал внимательно приглядываться к посетителям кафе.

Когда получал задание, все казалось намного проще. Даже роль владельца такого заведения представлялась не столь обременительной. А тут попробуй всем угодить,

---

* «Союз Спартака» — революционная организация германских левых социал-демократов. Создан в начале первой мировой войны под руководством Розы Люксембург, Карла Либкнехта, Клары Цеткин, Франца Меринга и Вильгельма Пика. Деятельность «Союза Спартака» подготовила создание Коммунистической партии Германии (декабрь 1918 г.).

за всем присмотреть. К тому же и сестренки не сразу научились тонкостям обращения с посетителями. Особенно беспокоила Соня. Эта непоседливая, легкомысленная девчонка того и гляди наделает глупостей. То носится, словно угорелая, по залу, то ни с того, ни с сего уставится на посетителя и обо всем забудет.

— Тебя не должно интересоваться, о чем говорят за столами, — наставлял Александр сестру. — Не лезь не в свое дело.

— А если интересно? — вскидывала она удивленно брови. — Неужели послушать нельзя?

— Нельзя.

— Все равно буду, — упорствовала та.

— Что ты понимаешь? — смеялся Александр. — Они ведь не по-русски говорят.

— Вот и понимаю.

Становилось и смешно и грустно. В сущности, как мало знал он эту шуструю девчонку, по привычке считая ее пустой болтуней. За годы странствий Вапельника по Европе Соня сильно изменилась. Она несколько лет училась в школе вместе с детьми немцев-колонистов, бывала у них дома, на целое лето ездила с ними в деревню и неплохо знала их язык. И вот теперь, прислуживая за столами, Соня из любопытства прислушивалась к голосам посетителей кафе. Хотелось понять, о чем говорят, проверить свое знание немецкого языка. Постепенно стала вникать в смысл услышанного. Только смысл этот не всегда доходил до нее. Хотелось спросить кое о чем Александра. Да где уж! Чего доброго, нагоняй получишь.

После очередной взбучки за излишнее любопытство она неожиданно осмелела.

— Саша, а в Германии есть большевики или коммунисты? — спросила она.

Александр рассмеялся.

— Большевики и коммунисты — это одно и то же, — ответил он. — В Германии есть спартаковцы. Они, как и большевики, тоже борются против самодержавия и войны, за народное счастье. Но, собственно говоря, почему ты меня об этом спрашиваешь?

— Нет, нет... Ты мне только ответь, чем эти самые спартаковцы отличаются от остальных людей?

— Ну и вопрос! — вырвалось у Александра. — От обычных людей они ничем не отличаются. Наоборот, они

за людей, против тех, кто угнетает народ. Одним словом...

— Теперь все до капельки ясно! Больше не говори... Значит, это они и есть, — понизила голос до шепота Соня.

— Кто они?

— Ну, эти самые, которые за народ и против войны.

— Выдумщица ты. Что у них, на лбу это написано?

Соня обиженно поджала губы.

— Ты меня все еще считаешь маленькой и глупой девчонкой, а мне уже пятнадцать. Кое-что понимаю.

— Ну, и как же ты узнала спартаковцев?

— Понимаешь, — снова зашептала сестренка. — Когда они разговаривают, все время украдкой оглядываются: не подслушивает ли кто. А сейчас остались вдвоем на весь зал и беседуют без опаски. Я, когда убирала соседние столики, слышала немного их разговор.

— Ты запомнила, о чем они говорили?

— Конечно, запомнила. Называли каких-то Розу и Карла, которые, говорят, не простят им, если погибнет русская революция. Потому что поражение Республики Советов будет поражением пролетариата всех стран... Вот видишь, такие трудные слова запомнила.

Александр ласково потрепал сестренку по щеке.

— Ты, оказывается, умница и молодчина! Только тебе еще рано заниматься политикой. И чур, забудь все, о чем сейчас рассказывала. Может, это и в самом деле хорошие люди, а ты своими разговорами можешь их подвести.

— За кого ты меня принимаешь? — обиделась Соня. — Я понимаю больше, чем ты думаешь.

— Бот и хорошо, — похвалил брат. — А теперь иди помоги маме на кухне.

Александр вышел из своей тесной конторки в «кают-компанию» и прошелся вдоль столиков. На одном поправил скатерть, на другом поаккуратнее сложил стопку газет и журналов, на короткое время остановился около солдат, о которых только что толковал с Соней. По синим вкрапинам угольной пыли, въевшейся в кожу лица того, что сидел спиной к буфету, Александр безошибочно угадал шахтера. Простые грубоватые лица двух его собеседников, их крутые плечи и руки с набухшими венами свидетельствовали, что эти люди также не из привилегированного сословия.

— Добрый вечер, господа. Прошу извинить, если помешал вашей беседе. Я — хозяин кафе и хотел бы знать, нравится ли вам здесь? — по-немецки спросил Александр.

Собеседники переглянулись.

— У вас тут очень уютно и мило, — ответил тот, что сидел спиной к буфету.

— Похоже на салон парохода, — поддержал его другой. — Хозяин, наверное, моряк!

— Хоть и не моряк, но приходится учитывать условия портового города, — ответил Александр. — Моряки и на берегу любят корабельный уют.

— Присаживайтесь к нам, — пригласил третий и налил Александру бокал вина.

В свою очередь хозяин кафе не поскупился на угощение. Он принес к вину несколько тарелок с закусками. Немцам больше всего понравился слоистый сыр качкажук. Ели они его с удовольствием.

Через полчаса все беседовали как добрые старые знакомые, называя друг друга по именам.

Вапельник угадал: Отто Гюнтер был потомственным шахтером — до войны работал в Руре на той же шахте, где во время обвала погиб его отец. Слесарь Курт Бауэр и шофер Фридрих Браумгартен оказались его земляками. С Браумгартеном они встретились случайно на железнодорожной станции, когда грузили в вагоны пшеницу для отправки в Германию. Пшеницу возили на станцию грузовики транспортной роты. За рулем одного из них приятели и увидели своего земляка. Теперь вот решили отпраздновать встречу.

Солдаты, казалось, обрадовались беседе с местным жителем, владеющим их языком. Они наперебой расспрашивали Вапельника о Крыме, о Севастополе. Он в свою очередь поинтересовался жизнью в Германии, ходом военных действий на Западном фронте, разумеется, в пределах естественного любопытства среднего обывателя. С самым простодушным видом спросил, как в Германии относятся к революции в России. Тут же мысленно отметил, что солдаты насторожились.

Возникла неловкая пауза. Желая как-то исправить положение, хозяин кафе объяснил, что его вопрос связан с чисто коммерческим взглядом на мир. Ведь от настроения людей, от их симпатий и антипатий во многом зависит процветание торговли.

— Отношение к революции,—добавил Вапельник,— это в какой-то степени отношение к русским. Поэтому я и интересуюсь, как у вас относятся к нашей революции.

— По-разному, — неопределенно ответил Отто Гюнтер. — Одним ваша революция нравится, другим—нет.

— Германские газеты сообщают, что в главной комиссии рейхстага социал-демократы протестуют против оккупации Украины и Крыма, — вскользь заметил Александр.

— В какой газете написано об этом? — спросил Гюнтер.

Вапельник взял с соседнего столика несколько номеров «Берлинер Тагеблатт», «Кельнише Цайтунг» и других газет.

Гюнтер с жадностью набросился на газетные страницы. Хвастливую передовую о взятии Севастополя он пропустил, не читая. Заинтересовало его лишь сообщение о прибытии в Севастополь турецкого флота, и он быстро пробежал заметку. Корреспондент сообщал, что прибытие турецкого флота означает конец войны на Черном море. Автор пространно рассуждал о революционности Черноморского флота и выражал сожаление, что «Гебен» и «Бреслау» не могли принять участия во взятии Севастополя и захвате русских кораблей. Еще более заинтересовали Гюнтера сообщения из рейхстага. Некоторые места он читал вслух:

«Представитель партии центра Эрцбергер заявил в главной комиссии рейхстага, что Германия скомпрометировала себя своей деятельностью на Украине...

«Независимый» социал-демократ Ледебур рассматривает оккупацию Украины как нарушение Брестского мира с Советской Россией и протестует против оккупации Крыма.

Носке отметил, что правительство не ответило на запрос, заявила ли Россия протест по поводу занятия Тавриды германскими войсками.

«Независимый» социал-демократ Гаазе потребовал немедленной эвакуации германских войск с Украины и заявил, что занятие Крыма германскими войсками является нарушением Брестского мира».

— Как же понимать все это? — спросил Александр.

— Депутаты поболтают и перестанут. Генералам же от их протестов ни холодно, ни жарко. А солдатами

командуют генералы, — резюмировал прочитанное Фридрих Браумгартен.

Курт Бауэр высказался точнее:

— У этих депутатов только вывеска социалистическая. Предатели они, а не социалисты. На словах одно, а когда дело дошло до войны — первыми голосовали за эту бойню. И этот «независимый» Гаазе, и Носке, и вся их компания.

Вдруг Бауэр умолк, видимо, смутился своей неожиданной откровенности. Вапельник понял его. Да и сам он никак не ожидал от немецкого солдата проявления такого бурного темперамента, да еще при первой встрече.

— Не беспокойтесь, — мягко произнес Александр, как бы отвечая на растерянно-вопросительный взгляд собеседника. — Русские ведь тоже не все одинаково понимают революцию и ваше пребывание здесь.

— Разве? — поразился Бауэр. — Никогда не предполагал... Вы интересный собеседник.

— Благодарю, — поклонился Вапельник. — Беседа с вами меня тоже заинтересовала, хотя политикой я никогда не увлекался.

Вечерело.

Кафе стали заполнять посетители. Солдаты заторопились в часть.

— Приходите завтра, — пригласил хозяин.

— Если удастся, — пожал плечами Браумгартен.

— И если у вас снова окажется качкажук, — добавил Бауэр.

Они ушли.

Вапельник не на шутку обеспокоился. Не спугнул ли он нужных людей? Придут ли они сюда снова? Если да, то как сблизиться, прекратить игру в жмурки?

Едва Александр проводил своих новых знакомых, как вошел еще один посетитель. Вапельник не сразу сообразил, почему этот человек привлек его внимание. Был он чуть выше среднего роста, широк в плечах. Зачесанные назад русые волосы открывали высокий лоб, лицо добродушное и широкое, как у украинских дядькив откуда-нибудь из-под Полтавы. Не хватало только усов. Одет в белую косоворотку с множеством перламутровых пуговиц, светло-зеленую куртку и флотские суконные брюки. Из-под густых нависших бровей, особенно заметных на незагоревшем лице, на Александра пытливо смотрели умные, удивительной голубизны глаза.

— Мне говорили, что у вас есть виноградный сок из имения «Болгатур».

Вапельник сразу подобрался. Это была начальная фраза пароля, оставленного Пожаровым для связи с подпольщиками.

— Недавно мне привезли из Гурзуфа небольшую партию. Сколько нужно?

— Полдюжины. Одну бутылку, если можно, выпью здесь.

— Хорошо, пройдемте в другую комнату, — пригласил Александр.

Когда закрылась дверь, посетитель представился. Это был председатель профсоюза металлистов Андрей Лысенко. Александр не раз слышал это имя от рабочих Морзавода. Несмотря на его молодость, о нем говорили с уважением.

— Понимаешь, немцы арестовали в банке восемнадцать миллионов рублей, присланных Советским правительством для расчета с рабочими за вторую половину апреля и выплаты пособий в связи с эвакуацией. А без денег сейчас совсем круто. Наш союз решил объявить забастовку. Но на заводе несколько тысяч рабочих. Каждому не расскажешь, что да почему. Нужно откатать на твоем ротаторе хотя бы сотню воззваний. Понимаешь, пусть все начнется с экономических требований, а там народ сам расшевелится. Сейчас еще многие находятся под меньшевистским влиянием. А вспыхнет забастовка — увидишь, как подожмут хвосты господи меньшевички.

— Откуда ты знаешь, что у меня есть ротатор?

— Выходит, знаю, раз пришел. А ты знаешь, откуда у тебя такая «кают-компания»?

Александр с недоумением взглянул на Лысенко.

— В моем лице можешь отблагодарить главного поставщика, — рассмеялся Андрей. — Правда, не совсем добровольного. Пожаров распорядился подыскать мебель. Я, конечно, заякорился. Чего это ради какого-то буржуя снабжать?

— Да еще бесплатно, — в тон ему вставил Вапельник.

— Нет, не бесплатно, — поправил Лысенко, — купчая оформлена чин чином, и денежки в кассе оприходованы... Все Пожарова работа. А я, грешным делом, тогда удивлялся. Даже на Пожарова коситься стал, пока не разобрался, что к чему.

— Раз так, тогда по рукам, — весело отозвался Вапельник. — Текст воззвания подготовлен?

— А как же? Только постарайся отпечатать поскорей.

— К утру сделаю, — пообещал Александр.

В эту ночь он не ночевал дома. Зато в маленьком флигеле, затерявшемся в заброшенном проходном дворе на Базарной улице, всю ночь кипела работа. Этот флигель был открытием Вапельника — проходной двор позволял приходить и уходить в любое время, не привлекая внимания соседей. Со стороны улицы флигель скрывала высокая глухая стена, сложенная из камня-ракушечника. Здесь и находилась севастопольская «скоропечатня», как окрестил Александр свою тайную резиденцию.

На стареньком «Ундервуде» он долго выстукивал на восковке текст воззвания стачечного комитета к рабочим Морзавода.

Когда работа была закончена, Александр убрал со столика «Ундервуд», завернул в байковое одеяло и спрятал в корзину для белья. После этого из простенка извлек другую машинку — новенькую, с латинским шрифтом, заложил под валик восковую бумагу и стал старательно печатать прокламацию, озаглавленную «Зачем вы пришли в Крым?». Прокламация была адресована германским солдатам и матросам. Текст ее он написал под впечатлением беседы с Гюнтером, Бауэром и Браумгартенем.

С волнением натягивал он первую восковку на вал. Маленьким валиком прижал к ней чистый лист бумаги и медленно прокатил по столику. Оттиск получился четкий:

«Товарищи рабочие!

Германское командование ограбило вас. На вашу зарплату за вторую половину апреля и деньги, которые дала Советская власть на выплату пособий в связи с эвакуацией, германские власти наложили арест. Кроме того, немцы отняли четыре миллиона рублей ваших личных сбережений, составленных путем отчисления шести процентов из зарплаты.

Чтобы добиться выплаты этих денег, все как один, прекращайте работу.

Союз металлистов защищает ваши права. Тре-

буйте от германских властей заключения коллективного договора с Союзом металлистов.

Договор должен предусматривать: 8-часовой рабочий день, работы исключительно ремонтного и невоенного характера.

Все на забастовку!

Правда на нашей стороне. Наша возьмет!

Союз металлистов».

«Составлено толково, — подумал Вапельник. — Этот Лысенко размахивается с большим прицелом. Забастовка крепко подорвет позиции кайзеровских властей — шутка ли, если забастует многотысячный коллектив рабочих!»

Довольный четким оттиском воззвания, Александр вставил второй лист, третий... пятый. Скоро он приобрел сноровку, и подготовленная стопка бумаги стала заметно уменьшаться. Но качество оттисков становилось все хуже и хуже. Пришлось садиться за машинку и делать новый трафарет. Только на рассвете, весь перепачканный краской, он закончил печатание воззваний. Но еще предстояло размножить прокламацию.

«Отосплюсь днем», — решил Вапельник. Снова заработал ротатор.

Сквозь щели в ставнях уже пробивались солнечные лучи.

«Пора заканчивать, — решил Александр. — На первый раз достаточно. Андрей скоро должен прийти. Нужно спешить на Таможенную».

Вапельник убрал в тайник оборудование «скоропечатни», чисто вымыл руки и запер флигель на замок. С маленьким саквояжем он вышел на улицу и через несколько минут был в кафе. Лысенко вошел туда вслед за ним.

— Получай и распространяй свое сочинение, — передал Александр объемистый сверток председателю союза металлистов. — Желаю успеха в проведении забастовки.

— Ну, дружище, спасибо! — от души поблагодарил Лысенко. — Увидишь, какой сабантуй будет нынче на заводе.

— Одному делу служим, — ответил Александр, крепко пожимая протянутую ему руку, и добавил: — Не бойся, что немцы арестуют тебя и других руководителей союза за эту листовку и организацию забастовки?

— Все может быть, — спокойно ответил Лысенко. —

Но и мы не лыком шиты. Арестуют одно правление — в действие вступит заранее избранное второе. Все предусмотрено.

Александр с уважением посмотрел на Андрея: «Вот это молодчина! Дело для него важнее всего на свете».

Он показал Андрею задрапированную дверь во двор и рассказал, как лучше выйти на Екатерининскую.

Хотелось отоспаться, но не пришлось. До прихода Браумгартена, Гюнтера и Бауэра следовало договориться о встрече с Леппеном. Этот обрусевший немец, старый и надежный партиец, прошел тюрьму и каторгу. После Февральской революции его вместе с другими политкаторжанами партия направила в Крым для лечения. Накануне немецкой оккупации по заданию обкома он переехал в Севастополь и сразу разыскал Александра. И вот теперь Вапельник хотел свести его с немецкими солдатами.

Леппен был рад визиту Вапельника. Узнав о предстоящей встрече, оживился.

— У меня пока осечка за осечкой, — сообщил он. — Большинство баварских кавалеристов из крестьян. А эта публика, сам знаешь, как тяжела на подъем. Сказывается бюргерская прослойка. Что касается твоих солдат, то они могут стать для нас сущей находкой. Только вот план встречи по-моему неудачен.

— Почему?

— Беседовать в кафе рискованно. Неконспиративно. Встреча должна произойти «случайно», скажем, у Владимирского собора. Ты проводишь их до Владимирской улицы. На углу подойду я. В таких делах нужно действовать осторожно.

Все складывалось как нельзя лучше. Несмотря на бессонную ночь, Александр вышел от Леппена в бодром настроении. На улице неожиданно-негаданно столкнулся с Борисом Поляковым. В «Юной волне» он в свое время слыл одним из лучших «голубятников».

Прошедшие годы наложили на Бориса заметный отпечаток. Он возмужал, стал шире в плечах. Только лицо было бледное да на скулах играл нездоровый румянец. Но все так же открыто и прямо смотрели на мир его большие глаза. Они были прежними, хотя в них уже не мелькали озорные смешинки. Взгляд у Бориса стал строже и внимательней.

Поляков обрадовался встрече.

— Сашок, дружище, сколько лет, сколько зим!

— Борис! Ты ли это?

— Где тебя носило, чертяку, столько лет?

Расспросам не было бы конца, не заметь Борис дорогой трости в руках Александра. Со свойственной ему непосредственностью он отошел назад и с головы до ног осмотрел Александра.

— Вид у тебя буржуйский, — сделал он вывод. — Видать, не терял времени, пока наш брат в окопах сидел.

— А что? Вид вполне подходящий для коммерсанта и содержателя кафе. Мое заведение тут неподалеку. Пойдем, поглядишь.

После этих слов Поляков как-то сразу сник. С его лица исчезло выражение радости. Зайти в кафе он согласился с явной неохотой.

— Знаешь, дела... Как-нибудь в другой раз.

— Никаких других разов, — Александр нарочито грозно потряс тростью.

— Это что, тоже для коммерческой солидности? — поинтересовался Борис.

— Трость? Это, дорогой, подарок благодарной Франции русскому волонтеру-разведчику.

— Так ты был во Франции? — изумился Борис. — В русском экспедиционном корпусе? А ну, расскажи, — попросил он, присаживаясь на уличную скамейку.

Его изумление было понятно. До Севастополя доходили слухи о трагической судьбе двадцати тысяч солдат, посланных царским правительством во Францию в обмен на пушки и снаряды. Из них уцелели немногие. Французское командование смотрело на русских как на пушечное мясо и использовало в первом эшелоне на самых трудных и опасных участках фронта, не считаясь с потерями. Не щадил солдат и генерал Лохвицкий. Он ввел телесные наказания, и офицеры направо и налево раздавали нижним чинам зубстычины.

Командование долго скрывало от солдат весть о Февральской буржуазно-демократической революции в России. Но в конце концов они сами узнали о свержении царя, о переменах на родине и потребовали отправки домой. В ответ на это командующий французской армией Жоффри приказал загнать русских за колючую проволоку в военном лагере Ля Куртин. Дикая расправа французского командования над представителями союз-

ной армии закончилась расстрелом трех тысяч русских солдат.

— Неужели ты служил в том проклятом корпусе? — снова спросил Поляков. — Расскажи.

— Об экспедиционном корпусе я знаю лишь понаслышке, — ответил Вапельник. — Не служил в нем.

— Где же ты был ранен?

— Длинная история, — после короткого раздумья ответил Александр. — Помнишь наш провал?

— Еще бы!

— Мне тогда пришлось скрыться. Оказался за границей. Работал в Париже портным. Когда началась война, попал во французский Иностранный легион*. Это похуже экспедиционного корпуса. И ты не поверишь: сам, по доброй воле вступил в это воинство, как говорят французы, волонтером.

Александр задумался, лицо его омрачилось.

— Что же ты? — вывел его из задумчивости Борис. — Рассказывай, как свалил дурака.

— Это ты правильно сказал. Что было, то было. Тогда, в августе четырнадцатого года, мозги у меня действительно оказались набекрень. И не только у меня. На многих политэмигрантов в ту пору нашел какой-то ура-патриотический угар. Ты даже представить не сможешь, в какой обстановке оказались наши эмигранты, когда началась война. Французские социалисты, которые говорили о международной солидарности трудящихся и выступали против войны, отреклись от своих слов. То же сделали и германские социал-демократы. Вожди Второго Интернационала провозглашали лозунги «защиты отечества и долга перед родиной». В Париже

---

* Иностранный легион был сформирован во Франции в 1831 г. из наемных солдат для борьбы против национально-освободительного движения во французских колониях. В это воинское формирование зачислялся уголовный сброд всего мира. Для наемников не было ничего святого. Их интересовали только деньги и трофеи. По словам видного деятеля французского и международного социалистического движения Жана Жореса, солдаты Иностранного легиона не обременяли себя трудом вынимать серьги из ушей африканских женщин, а отрезали их вместе с ушами. В 1871 г. Иностранный легион отличился особой жестокостью при подавлении Парижской Коммуны; позднее использовался для подавления восстаний во французской армии. В это формирование и были зачислены тысячи русских политэмигрантов, вступивших добровольцами во французскую армию в начале первой мировой войны.

начались демонстрации под лозунгами: «В Берлин!». Казалось, все французы переоделись в военную форму и только русские политэмигранты оставались в штатском. Нельзя было пройти и десяти шагов по городу, чтобы тебя не остановил какой-нибудь французский патриот: «А вы, мосье, почему не на фронте?». Особенно настойчивы были женщины: «Почему вы не вступаете в армию? Наши мужья ушли воевать за Россию, а вы, русские, прячетесь». Даже консьержки открыто бранили молодых эмигрантов за то, что те не вступили в армию. Но женщины что, откуда им знать, что русским революционерам не нужна победа царского правительства. Хуже того — заколебались сами революционеры. «Наш святой долг — защищать цивилизацию от немецких варваров», — призывал Плеханов. «Своими подвигами мы ускорим падение монархии в Германии, а когда падет кайзер Вильгельм, скорее рухнет и русское самодержавие», — вторили ему другие меньшевики и эсеры.

Вापельник смолк. Борис не торопил. Понимал, как трудно его другу ворошить пережитое.

— Понимаешь, — снова заговорил Александр. — Не было единства и в большевистской секции эмигрантов. Как сейчас слышу речи Антонова-Овсеенко, Мануильского, Владимирова и Лозовского. Они призывали не оказывать никакой поддержки царскому правительству, доказывали, что война ведется в интересах буржуазии и поэтому нужно объединиться под ленинским лозунгом превращения войны империалистической в войну гражданскую. «Только глупцы или предатели могут звать русских революционеров вступать добровольцами в армию союзника русского царя», — говорил Антонов-Овсеенко.

Но шовинистический угар оказался сильнее доводов разума. Выстрелы в Сараево* ослепили даже Литвинова-Седого, которого мы знали как одного из организаторов Московского вооруженного восстания в 1905 году.

---

* 28 июня 1914 г. (все даты по н. ст.) в Сараево (Босния) сербскими националистами был убит австро-венгерский престолонаследник экс-герцог Франц-Фердинанд. Австрийские и германские империалисты использовали это убийство как повод для нападения на Сербию. 23 июля 1914 г. Австро-Венгрия предъявила Сербии заведомо невыполнимый ультиматум, а 28 июля объявила ей войну. 1 августа Германия объявила войну России, заявившей о своем стремлении защищать Сербию, а 3 августа — Франции. Позднее в

Он тоже выступал с призывом защищать республиканскую Францию. «Только трусы могут оставаться в Париже, настоящие революционеры должны идти на фронт», — говорил он и одним из первых записался добровольцем во французскую армию. За ним в парижский Дворец инвалидов, где происходила запись добровольцев, потянулись многие эмигранты. Мог ли я отстать?

— Но все же, как ты попал в этот легион... уголовников? — спросил Борис, заинтересованный рассказом.

— Об этом позаботился российский военный атташе полковник граф Игнатьев. По его ходатайству нас сделали легионерами, так как ни в какую другую часть волонтеров из политэмигрантов не принимали. В этом легионе у нас и началось очищение мозгов. Старые легионеры встретили русских волонтеров как врагов. Каких только пакостей не устраивали они нашему брату. «Идейных» волонтеров они называли не иначе, как мектеками, то есть дармоедами. Если нужно было послать людей на верную смерть, выбор всегда падал на «идейных». Для многих волонтеров служба в Иностранном легионе превратилась в форменную пытку.

— Но ведь вы были добровольцами. Почему же из-за такого собачьего отношения не сняли военную форму? — недоумевал Борис.

— Всякое случалось, — ответил Вапельник. — В пятнадцатом году, летом, волонтеры одного батальона обратились к командиру с просьбой о переводе в регулярную воинскую часть. Их обвинили в бунтарстве. По законам военного времени суд приговорил девять волонтеров к расстрелу. Военный атташе Игнатьев как-то сумел хлопотать у Пуанкаре помилование, но было поздно. Когда прибыл гонец с приказом об отмене приговора, добровольцев уже расстреляли.

— Ты, оказывается, тоже попадал в переплеты, — задумчиво сказал Борис. — Поначалу, как встретились,

---

войну были втянуты Англия, Болгария, Румыния, Италия, Греция, Турция, США, Китай и другие государства. Война стала мировой.

Причиной войны были, конечно, не выстрелы в Сараево, а кризис капиталистической системы хозяйства, возникший в результате неравномерного развития капиталистических держав и нарушения равновесия между ними. К войне готовились все империалистические государства, правящие круги которых стремились к переделу уже поделенного мира.

я подумал, что ты совсем уже буржуем стал. Внешне тоже все сходится. Одежка и то не нашенская. Все по последней моде и высшего сорта.

— Ну и что? — сощурил глаза Вапельник.

— А то: значит, и доходы есть соответствующие.

— Эх ты, Пинкертон доморощенный, — рассмеялся Александр. — А того не слышал, что встречают по одежке, провожают по уму?

— Слышать-то слышал, да только в толк не возьму: говоришь по-нашему, а франтишь похлеще Симки-бакалейщика. Сам говоришь, кафе у тебя.

— Осуждаешь? — продолжал непонятную Борису игру Александр. — Пошли, посмотришь на мое владение. Заодно и о себе расскажешь.

Друзья поднялись со скамьи и сели в подошедший трамвай. Через несколько минут были на Таможенной. Мать встретила Александра укоризненным взглядом:

— Поспать бы тебе, Саша, посмотри, какие круги под глазами.

Александр вместо ответа представил Полякова:

— Знакомься, мама, друг моей далекой юности Борис Александрович.

— Да я этого друга получше твоего знаю, — скрестив руки под фартуком, сказала Полина Александровна. — Как ты уехал, дня не проходило, чтоб не зашел. Потом исчез куда-то. Видно, новым дружкойм обзавелся.

— Мамаша, я же на фронте был, — оправдывался Борис.

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг закашлялся. Кашлял долго, до хрипоты, прикрывая рот скомканным платком. Красные пятна на его лице от напряжения стали пунцовыми.

— Что с тобой? — обеспокоился Александр.

— Ерунда, пройдет, — коротко бросил Борис. — Не обращай внимания.

Мать ушла на кухню, а друзья уединились в комнате с запасным ходом. Соня принесла им полную с верхом тарелку розовых рачков. Пообещала через полчаса подать обед.

— Хорошо, хорошо, — отмахнулся брат и сразу же засыпал Бориса вопросами.

Тот рассказывал немногословно. Часто кашлял. За несколько минут он неузнаваемо переменялся — посерел, осунулся. Большие его глаза ввалились.

— Тебе плохо? — снова спросил Александр. — Может, позвать врача?

— Ничего, пройдет, — смутился Борис. — Вот, привез чахотку с галицийского фронта.

— Почему же не лечишься? Тебе, братец, в санаторий надо. Куда-нибудь на Южный берег.

— Тоже придумал — в санаторий. Да у меня матушка получше любого санатория. С фронта привезли — еле ноги волочил, а сейчас, слава богу, успеваю за день весь город обегать.

— Курьером, что ли, работаешь?

— Зачем курьером? Создаю с приятелями союз бывших солдат-фронтовиков. Записалось уже несколько сот человек. А всего в городе не менее четырех тысяч бывших солдат. И нужно дойти до каждого.

— Так уж и нужно? — усомнился Вапельник. — Что им даст этот ваш союз?

— Даст, и уже дает. Удалось устроить на работу более трехсот человек. Как-никак люди умеют владеть оружием. Вот и определяем их в охрану порта, Морского завода. Многие фронтовики охраняют военные склады.

Вапельник оживился.

— Это все свои люди? Офицеров среди них нет?

— Офицеров не принимаем.

— Правильно, — думая о чем-то своем, одобрил Александр. — Значит, главная ваша задача: ликвидация безработицы?

— Не только. Проводится и кое-какая культурно-просветительная работа. Даже арендовали небольшое помещение для клуба. Собираемся, читаем газеты, книги, беседуем о жите-быте, вспоминаем бои и походы.

— С умом придумано. Не знаю, кто у вас заправляет этим союзом, но, по всему видать, человек с головой.

— Башковитый, — подтвердил Борис. — Может, слышал: Матвей Котнер? Наш, севастополец. Да и остальные члены правления тоже стоящие люди: Ивашкевич, Курдюмов, Власенко, Ляшенко. Толковые ребята.

— Это, конечно, хорошо, что руководители союза — симпатичный народ, — что-то взвешивая в уме, отметил Александр. — Но ведь симпатичные люди бывают разные: одних к старому тянет, к царю-батюшке, другим анархия нравится... Вот ты, например, за кем бы пошел — за кадетами, анархистами или большевиками?

— О таких делах так вот, в лоб, не спрашивают, — уклонился от ответа Борис. — Если бы не наша дружба, послал бы тебя ко всем чертям собачьим с твоими вопросами. Но я знаю тебя и хочется думать, что ты не переменялся. Могу довериться: хочу быть с большевиками.

— За чем же остановка? — спросил Александр.

— Остановка за тем, что нет организации.

-- Будет, — похлопал его по плечу Вапельник. — Но ты не жди, пока тебе выдадут партийный билет. Веди в союзе большевистскую линию.

— Такой линии держится большинство фронтовиков, — сообщил Борис. — Думаю, что все это от Матвея идет. У них, говорят, вся семья настроена по-большевистски.

— Здорово! — обрадовался Александр.

Борис с любопытством наблюдал за своим другом. Он все время порывался его с чем-то спросить, но тут же спохватывался. Потом все-таки не выдержал:

— А ты, Саша, какую веру исповедуешь?

— Доверие за доверие, — ответил тот. — Думаю, что мы с тобой скоро будем в одной партийной организации.

Друзья юности проговорили до самого вечера. Расставаясь, условились о следующей встрече.

Александр сейчас же направился в «кают-компанию». Ее заполнили вечерние посетители. Среди них было много рабочих. В ожидании знакомых егерей Вапельник прислушивался к разговорам.

— Сегодня пошабашили, а завтра весь завод станет, — говорил соседу по столику пожилой рабочий с отвисшими, как у запорожца, усами.

— С чего это вы? — поинтересовался тот. — Германцы — народ сурьезный, не помилуют за забастовку.

— С одним-двумя, может, и справятся, а нас больше восьми тысяч. Всех в тюрьму не упекут.

— Тогда до профсоюза доберутся, — высказал предположение сосед.

— Профсоюз в обиду не дадим, — рассек рукой воздух рабочий. — Горой встанем!

В дальнем углу группа мастеровых обсуждала, как догадался Александр, воззвание союза металлистов.

— Листовка всех расшевелила, — доносилось до

слуха. — Завтра ни одна живая душа не приступит к работе в нашем цехе.

— Кузнечный тоже бастует.

— Сам бог велел... Немцы поставили к нам на ремонт две подводные лодки. Выходит, что мы своими руками должны ковать оружие против рабочей и крестьянской власти. Не дождутся!

— Что, работу бросишь?

— Где уж бросить-то ее... Семью кормить надо.

— Выходит, придется на немца потрудиться.

— Эх, придется... Только на военных кораблях работать не станем.

Вапельник жадно ловил каждую доносящуюся до него фразу. «Значит, не ошибся Лысенко — будет забастовка! Вот уж наверное засуетятся завтра в штабе Энглофстейна».

В дверях появилась сутулая фигура человека со сморщенным лицом. В памяти Вапельника мигом воскресла картина посадки на «Владимир». Вспомнилась Одесса. Именно там он впервые заметил эту, вызывающую отвращение физиономию. Тогда этот тип привязался к товарищам, которые несли листовки. Им с трудом удалось запутать следы и скрыться... «Что ему здесь надо? — мелькнула мысль. — Вынюхивает?»

Между тем, новый посетитель осторожной походкой проследовал вдоль стены и уселся за столик, стоящий рядом с тем, за которым беседовали рабочие. Первым желанием было предупредить этих людей. Но как? Они же, как ни в чем не бывало, продолжали беседу. Показалось даже, что стали говорить громче. В предчувствии неизбежной беды Александр прислушался к разговору.

— Говоришь, не устояла Авдотья? — донесся дребезжащий от смеха голос. — Согласилась пройтница?

— Ага!

— Ну и как?

— Врет, поди, парень... Она, толкуют, клятву своему мужу дала в девках остаться.

— Ха-а-ха-а-ха...

За столиком прокатился громкий смех.

Что за наваждение? До чего же стали эти люди непохожими на тех, что еще минуту назад вели совершенно другой разговор.

Расторопная Соня принесла новому посетителю чашку чаю.

Отхлебывая его мелкими глотками из расписной чашки, тот делал вид, что ничего не замечает вокруг. Александр не мог оторвать взора от его закутанного грязным шарфом затылка. Седеющая прядь свисала к уху. Вдруг показалось, что ухо слегка шевельнулось. «Почудилось, — мысленно ругнул себя Вапельник. — Если по ночам не спать, и не такое привидится».

Медленно допив чай, посетитель встал, подошел к стойке.

— Имею честь, — почти не шевеля тонкими губами, обратился он к хозяину кафе. — Снова изволили встретиться.

— Не припомню, почему снова?

— Как же не помните, милостивый государь, — скрипел у самого лица Александра противный голос. — В Одессе встречались, потом, с вашего позволения, на «Владимире».

— Ах, да... на «Владимире», — наконец выдавил Вапельник, с трудом пытаясь придать своей речи добродушную иронию. — На том старом самотопе... Впрочем, не мудрено. Я так тогда был озабочен своим будущим делом, что сам себя не узнавал.

— И в Одессе, и в Одессе виделись, — вновь напомнил странный посетитель. И неожиданно доверительным тоном добавил: — По совести говоря, в ту пору я за другого вас принимал. Думал, что с той самой большевистской шантрапой связаны. Теперь, вижу, промашку дал.

— Как вы могли подумать такое? — возмутился Александр. — Я — человек делового круга.

— Знаю, знаю, батенька, — совсем тихо заговорил посетитель. — Потому и хочу предостеречь: не особенно доверяйте этим людишкам, — он едва заметно кивнул в сторону зала. — С виду они ничего, а на деле горлохваты и преступники. Вы тут случайно не слышали непотребных речей?

— Нет, а что?

— Если услышите, сообщите. Я еще наведаюсь.

Филер изобразил на лице подобие улыбки и, не дав Вапельнику обдумать ответ, ретировался.

— Шкура, — донеслось от одного из столиков.

В это время в «кают-компанию» вошел Бауэр. Он

был один и скромно присел за столик, на котором лежали газеты.

— Добрый вечер, Курт,—поздоровался Вапельник.— А где Гюнтер и Браумгартен, не случился ли с ними чего?

— Что может случиться на гарнизонной службе? — невесело усмехнулся Курт. — Отто в наряде, поэтому и не пришел. А Браумгартен служит не в нашем полку. Может, подойдет еще.

— Как настроение?

— Отвратительное. Я бы не пришел сегодня, но очень хотелось продолжить вчерашнюю беседу. По-моему, ты чего-то недоговаривал. Например, номер «Кельнише Цайтунг»... Именно тот номер, в котором помещен отчет о выступлениях Носке, Ледебурга, Гаазе. Можно говорить откровенно? Я очень колебался, пока шел сюда.

— И напрасно колебался, Курт, — с добродушной улыбкой ответил хозяин кафе. — Со мной можешь говорить откровенно. А «Кельнише Цайтунг» и вправду оказалась к стати — помогла нашему знакомству. Друзья из вашего штаба помогают мне регулярно получать и ее и «Берлинер Тагеблатт». Мне очень хотелось, чтобы немецкие посетители могли почитать газету на родном языке. По-моему, неплохие газеты. Наши никогда не освещали прения в Думе с такими подробностями.

Курт помрачнел. При упоминании о «друзьях из штаба» у него заныло под ложечкой. (Позднее он рассказывал, что в этот момент чувствовал себя, как рыба, заглотнувшая крючок.)

Вапельник заметил состояние гостя. «Видимо, не следовало отпугивать его выдумкой о знакомствах в штабных кругах», — мелькнула мысль. Однако тут же вспомнил, что бывший политкаторжанин Леппен советовал никому не верить на слово, проверять и проверять, даже, если проверка покажется на первый взгляд слишком жесткой. «Значит, все верно», — решил Вапельник. Встревоженность Бауэра свидетельствовала о том, что он не одобряет знакомства Вапельника со штабными чинами. Стало быть, Бауэр человек надежный. Остается лишь найти путь к сближению с ним. Однако это уже дело Леппена. Так условились. Надо только задержать немца до условленного часа встречи.

Он угостил Бауэра слоеным сыром, пригласил, как знатока, дать оценку купленной по случаю партии баварского пива, которое, кажется, после дальней дороги приобрело не совсем свойственный ему, но тем не менее очень приятный вкус.

Курт остался равнодушным к сыру. На пиво вначале посмотрел с недоверием. Но оно было действительно баварским. Такого не выпить просто нельзя.

...Вапельник вышел вместе с Бауэром и предложил пройти до Владимирского собора. Курт согласился.

Александр хорошо знал историю собора и с увлечением рассказывал о его архитектуре, об усыпальнице адмиралов. На углу Соборной и Владимирской остановились. Александр извинился, что должен попрощаться, но расставанию помешал подошедший высокий, как каланча, немецкий солдат-артиллерист. Он, оказывается, слышал часть рассказа о соборе и очень сожалеет, что упустил начало.

— Не может ли господин русский повторить этот рассказ для немецкого учителя, который, несмотря на солдатский мундир, не перестал быть любознательным? — осведомился артиллерист.

— Если это вас интересует, с удовольствием.

Александр не верил своим глазам. Высоким артиллеристом оказался Леппен. Он расспрашивал об особенностях архитектуры собора, интересовался, когда начато и окончено его строительство, как выглядит собор изнутри. С большим интересом слушал этот разговор и Курт Бауэр. Благодаря артиллеристу он узнал много любопытного из русской истории и был признателен своему соотечественнику за его любознательность. Оба они горячо поблагодарили рассказчика, который часто поглядывал на часы, давая понять, что спешит по своим делам.

Курт и Леппен остались вдвоем. Вапельник же, выполнив свое дело, поспешно удалился.

Около полуночи к нему зашла мать.

— Перед закрытием кафе приходил немецкий солдат, — сообщила она. — Длинный, как жердь. Просил передать тебе записку.

Александр прочитал: *«Кажется, надежный человек».*

У Вапельника отлегло от сердца.

Было тихое и теплое майское утро.

Крепкий сон освежил Александра. Когда проснулся, почему-то захотелось сразу же отправиться на Минную пристань. Здесь в двенадцатом году он последний раз купался со сверстниками. Его желание пришло в столкновение с реальностью: сильно болела натруженная вчерашней ходьбой раненая нога. Без опоры на палку или спинку кровати он не мог сделать ни шагу. И все-таки хотелось искупаться. Наскоро одевшись, Александр зашагал к купальням Приморского бульвара.

Бухта призывно синела зеркальной гладью. В ранний час купальни были безлюдны. Бывалый пловец с наслаждением погрузился в прохладную воду. Александр нырял и плавал, не слишком удаляясь от берега. Увлеченный купанием, он не заметил, когда появились патрули. Грозное «Хальт! Назад!» Вапельник услышал вслед за выстрелами.

— В чем дело? — вылезая из воды, спросил он.

— Читайте приказ герр комендант, — потребовал один из патрульных. Его указующий перст был направлен в сторону доски объявлений. Никаких объявлений на ней не оказалось — всю доску занимала фраза из приказа коменданта: «Пользование купальнями во время комендантского часа воспрещается».

— Позвольте, но уже утро, — протестовал Александр, обращаясь к солдатам по-немецки.

— Комендантский час установлен до семи, — назидательно произнес унтер, доставая из кармана массивные часы величиной с добрую луковицу. Их стрелки не добрались еще и до шести.

Вапельник шутливо поднял руки.

— Извините, я как-то не подумал об этом. Мне часто приходится встречаться с офицерами немецкого штаба, и, представляете, у меня даже не появилось мысли, что на меня могут распространяться указания, касающиеся разного сброда.

То ли безукоризненное немецкое произношение, то ли небрежная самоуверенность, с которой Вапельник отнесся к предупреждению, подействовали на солдат. Они невольно подтянулись, словно перед ними стоял старший начальник.

— Кайзер может гордиться такими солдатами, — добавил Александр покровительственно. — При случае я доложу о вашей аккуратности, — пообещал он и, помахав рукой отковырявшему ему унтеру, снова вошел в воду.

Через некоторое время он с небольшим чемоданчиком, где лежали заботливо приготовленные матерью съестные припасы, сел в дребезжащий вагончик трамвая. Возле базара вышел и долго петлял по рыночной площади.

...Севастопольский базар. Каким живописным и шумным был он совсем недавно, а теперь обеднел и захирел. Среди торговцев преобладали зеленщики и добытчики даров моря. Они наперебой предлагали купить у них мидий, рачков-креветок и весеннюю разнорыбицу. У перекупщиков встречалась спрессованная, как камень, кефалевая икра и связки вяленой тарани. Но от бывшего рыбного изобилия осталось лишь воспоминание. В молочном и мясном рядах восседали альминские, бельбекские и южнобережные татары, похожие на генуэзцев. У них за бешеные деньги можно было купить порцию дымящегося и тающего во рту шашлыка из молодого барашка или кружок высушенной до кремневой твердости и темной, как мореный дуб, бараньей колбасы. Здесь же была брынза и айран — холодная сыворотка.

В хлебном ряду безраздельно властвовали немецкие кулаки-колонисты. Вот когда пришла их благословенная пора. Пуд муки стоил пятьсот—шестьсот рублей. Да и то только николаевками. Более ценились золотые царские пятерки и червонцы. Но откуда им взяться у рабочего люда? Покупателями в хлебном ряду были преимущественно те, кто побогаче.

Оживление в рыночную жизнь вносили ребяташки — разносчики безделушек, рассыпных папирос и конфет домашнего производства.

— Папирсы Стамболи, помогают от зубной боли, — выкрикивали мальчишки, держа наготове открытые пачки.

— Покупайте ириски: свежие и сочные, сливочные и молочные, — рекламировали свой товар другие.

Изрядно поплутав по базару, Вапельник вышел через другие ворота, завернул в Народный дом. Черный ход вывел его во двор, а затем на соседнюю улицу. Та-

кая предосторожность могла показаться излишней. Но Вапельник не имел права рисковать и ставить под удар доверенную ему базу подполья.

Два дня, не разгибая спины, работал он на пишущих машинках и ротаторе. Результатом его труда были несколько увесистых пачек прокламаций.

Александр перечитал написанное.

«Солдаты Германии!

Рабочие и крестьяне России свергли царя, отобрали фабрики и заводы у капиталистов, землю у помещиков и создали свою Советскую власть, стали хозяевами страны.

Наша революция показывает пролетариям всего мира, как нужно бороться за свою свободу. Это пример и для вас, германские пролетарии, одетые в шинели!

Кайзер Вильгельм и ваша германская буржуазия знают, что рано или поздно германский народ тоже восстанет на борьбу с несправедливостью и эксплуатацией. Они готовы утопить в крови наше рабочее-крестьянское государство, чтобы отдалить час своей гибели.

Поймите это!

Не поддавайтесь обману, не будьте палачами и душителями свободы рабочих и крестьян!

Поверните оружие против настоящих своих врагов — банкиров, фабрикантов и кайзера!

Помните лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Кажется, получилось убедительно. «Пусть интервен-ты знают, — подумал он, — что оккупация Крыма не означает их победы, что Советская власть и большевистская организация Севастополя не сломлены и продолжают борьбу».

Визит одесского шпики тревожил Вапельника. И хотя у подпольщиков были сведения о том, что немецкая военная полиция в Севастополе еще не успела обзавестись разветвленной сыскной службой, следовало держать ухо остро.

Чтобы выяснить, все ли спокойно, Александр проехал трамваем по кольцевому маршруту. Никаких сигналов тревоги в окнах кафе не оказалось. На следующей остановке Вапельник вышел из вагона.

Мать первой услышала его шаги и поспешила сообщить новости. Их за два дня накопилось немало.

— Заходил Борис, — сказала она тоном, в котором Александр угадал, что самое интересное мать припасла напоследок. — Потом был какой-то высокий, очень худой господин из иностранцев. Русские слова у него получаются шиворот-навыворот. Этот велел передать, что товар идет хорошо и нужно заняться заготовками.

— Еще что? — спросил Александр.

— Не знаешь? Ты, оказывается, скрытничаешь, сынок. Ни разу не сказал, что у тебя в Одессе есть девушка, — лукаво поглядывая на сына, начала издалека Полина Александровна.

Александр насторожился. Близких знакомств с одесскими девушками у него не было. Матери же ответил шутливо и неопределенно:

— Уж не сорока ли на хвосте принесла такую новость?

— Сорочьим вестям, может, и не поверила бы, — ответила мать. — А Таня сама приехала. Как ни уговаривала ее отдохнуть с дороги — не уговорила. Скромная она не по-нынешнему. Про тебя спрашивает, а сама, как маков цвет краснеет. Расстроилась сильно, что не застала. Вечером, сказала, еще зайдет.

Александр знал в Одессе лишь одну Татьяну — товарища Таню, с которой познакомился в губкомке партии. «Не она ли?»

— Больше ничего не говорила? — спросил он мать.

— Говорила, что привезла тебе привет от дяди Якова. Только, мыслю я, что ради дядиногo привета за море не ездят.

— Умница ты у меня, матушка, — с улыбкой прервал ее Александр. — Все-то ты знаешь и видишь. Только отпускать ее не следовало. Куда она пойдет в незнакомом городе?

— Насильно разве удержишь? Таня еще говорила, что должна передать письмо родителям подруги. К ним, наверное, и пошла, да там и засиделась.

Полина Александровна припоминала все новые и новые подробности: как просто, но со вкусом одета Таня, какой у нее ласковый и умный взгляд, приятный говор. Старушка от души радовалась, что к ее сыну — аж из самой Одессы — приехала такая девушка. Но Александр уже ничего не слышал — переодевался.

Конечно, для встречи со связной можно было и не затевать переодевание. Но если это действительно та самая товарищ Таня из губкома — другое дело.

— Мам, а ты не заметила, как у нее уложена коса? Или уже остриглась по новой моде? — спросил Александр.

— Как же не заметила... Коса у нее, как золотая корона.

«Значит, не ошибся, — в душе обрадовался Александр. — Она!»

В комнату брата доброй вестницей впорхнула Соня.

— Саша, тебя ждет твоя знакомая из Одессы!

— Где?

— Я проводила ее в заднюю комнату.

Александр поспешил в кафе, предупредив сестренку, чтобы не проявляла любопытства.

Товарищ Таня, а это была она, поздоровалась сдержанно, по-деловому. В ее глазах на мгновение блеснул сияющий лучик, но она тут же опустила ресницы.

— С приездом в благословенный Крым, — приветствовал ее Александр после того, как они обменялись обязательными фразами пароля. — Рад тебя видеть.

— Я тоже рада встрече, — смущенно улыбнулась девушка. — Признаюсь, сама напросилась в эту поездку.

— Как мне благодарить тебя? — спросил Александр, обрадованный этим признанием.

— За что же благодарить? Я выполняю долг партийца. Дело неотложное, а людей мало. Вот и вызвалась съездить в Крым. Ты на моем месте поступил бы так же.

Александр смутился.

— Прости, я тебя не так понял.

— У меня к тебе действительно очень важное дело, — понизила она голос до шепота. — Кроме пропагандистской работы, тебе поручается еще и разведка. Нужны достоверные сведения о дислокации, численном составе, вооружении и перемещениях германских войск. Красная Армия должна заранее знать, когда и на каком участке фронта появятся новые воинские части противника. У нас надежная связь с фронтом.

Чтобы лучше слышать шепот гостыи, Александр сел поближе.

— Саша, приглашай девушку на ужин. Стол уже на-

крыт, — донесся из-за двери голос Полины Александровны.

— Не возражаешь? — спросил Александр. — Устала, наверное, с дороги?

— Нет, что ты! Спасибо. Я ведь только что была в гостях.

— Ты не стесняйся, дочка, — ласково заворковала мать. — Будь как дома. Не знаю, чем тебя потчевали родители подружки, а я угощу настоящими крымскими чебуреками. Слыхала про такие?

— Слыхала, — отозвалась девушка, — но есть не приходилось. Специально приехала, чтобы отведать.

— Вижу, вижу, что специально, — понимающе проговорила мать. — Пойдем наверх.

В кафе осталась одна Дора. Соня же нашла предлог отлучиться и последовала за старшими.

— Саша, — улучив момент, спросила она, — Таня теперь у нас будет жить?

Александр с укоризной посмотрел на сестру, и она отошла в сторонку, переключив свое внимание на красивую гостью.

...Татьяна быстро освоилась в этой радушной семье. Она рассказывала об Одессе, о разных историях, случившихся с нею в пути. Время за разговором летело незаметно, и, когда девушка спохватилась, что ей нужно идти к родителям подруги, оказалось, что осталось всего несколько минут до комендантского часа. Волей-неволей пришлось остаться ночевать у гостеприимных хозяев кафе.

Приказ о комендантском часе существовал для кого угодно, только не для Бориса Полякова. Он пришел к Александру в двенадцатом часу.

— Два дня ищущ тебя, а ты как в воду канул, — начал он с упрека.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался Васька.

— Многое. Обо всем не расскажешь. У меня к тебе дело.

— Давай выкладывай.

— Оружие нужно?

— Какое оружие? — опешил Александр.

— Ну, винтовки, наганы, гранаты. Если постарать-

ся, можно достать даже пироксилин. Ты же знаешь: через союз бывших фронтовиков созданы караулы для охраны военных складов. Там есть надежные ребята, могут раздобыть все что хочешь.

Вапельник задумался. Предложение Бориса казалось заманчивым. Оружие, конечно, может понадобится всегда. Но для создания подпольного арсенала нужны верные люди и укромные места.

Чтобы не провалить дело, он попросил Бориса подождать с заготовкой оружия, пока не будут созданы необходимые условия.

— Тоже придумал: подождать, — возмутился тот. — Фронтовики не ждут — сами вооружаются понемногу. У некоторых уже есть винтовки и наганы. Не век же под германцем жить, вот и готовятся интервентов бить.

— Это верно, что не век жить под кайзеровским сапогом, — поддержал его Вапельник. — Поэтому нужно основательно готовиться к борьбе, обдумывать каждый шаг. Зайди завтра вечером, может, удастся что-нибудь сообразить. А сейчас твоя помощь нужна в другом деле. Сможешь расклеить сотни полторы листовок на Историческом бульваре и Корабельной стороне, поближе к казармам?

— Каких листовок?

— С обращением к германским солдатам.

— Давай. Есть у меня на примете хлопцы. В два счета расклеят на самых видных местах.

— Листовки получишь утром. Ночью ходить с ними опасно. Да проинструктируй ребят, чтобы не лезли на рожон. Сам понимаешь, дело ответственное и рискованное.

— Будь спокоен, — ответил Борис. — Подберу таких, которые знают все проходные дворы и сумеют обойти любой патруль.

Расстались.

Утром, передав Полякову пачки листовок с обращением к германским солдатам, Вапельник отправился в союз металлистов. Через Андрея Лысенко он надеялся установить связь с руководителями подпольной партийной организации города. Но тот разочаровал его: никакого партийного центра в Севастополе не было.

— При эвакуации городской комитет партии оставил нескольких товарищей для работы в профсоюзах, — сообщил Лысенко. — Некоторых знаю. У них тоже нет

никаких связей — каждый работает по своему разумению. Придется, видимо, самим создавать организацию. Надо переговорить с Михаилом Котнером. Из всех оставшихся в Севастополе партийцев — это самый опытный организатор.

— Вот и иди к нему, — предложил Вапельник.

— С Котнером встречусь нынче же, — пообещал Лысенко. — А ты займись профсоюзом «Иглы». Среди швейников найдешь хороших помощников, знающих немецкий. У колонистов научились. Есть среди них и партийцы. В первую очередь потолкуй с Семеном Федоровым и Ходосом. Николай Пожаров ценил их.

Лысенко подробно рассказал Вапельнику о забастовке в порту и на Морском заводе.

— Германские власти рвут и мечут, пытаются заставить рабочих прекратить забастовку. В порту вот уже несколько дней в ожидании ремонта стоят довольно потрепанные за войну немецкие субмарины и дредноут «Гебен», но судоремонтники наотрез отказались выполнять работы военного характера, требуют заключения коллективного договора и возвращения задержанных восемнадцати миллионов рублей. Вчера капитан порта снова вел переговоры с делегацией рабочих завода. Пошел даже на хитрость: предложил заключить контракты с каждым в отдельности. Но не тут-то было.

— Держатся, значит?

— Еще как! Теперь немцы пытаются найти другие пути. Капитан порта предложил одному нашему старичку быть осведомителем. Старичок возьми и согласись — с хитринкой дед. На другой день приходит к капитану и докладывает, что так мол и так — народишко у нас смирный, крамольных речей, упаси господи, не ведет, только от своего не отступится.

— Но может случиться и хуже, — заметил Вапельник. — Найдется человечешко другого сорта и нагадит общему делу.

— Среди рабочих такого найти трудно, — сказал Лысенко. — Тут всех знают от деда и прадеда.

— Между прочим, в кафе уже появился один шпик, — предупредил Александр. — Не из местных. По Одессе его знаю, со сморщенной такой физиономией...

— Погоди, погоди, — не дал ему закончить Лысенко. — Это который с тобой у стойки шушукался?

— Да. Откуда знаешь?

— Вот видишь, мне тоже кое-что известно, — загадочно усмехнулся собеседник. — Только того типа опасаться уже нечего.

Вапельник не понял.

— Ну, видишь ли, — пояснил Лысенко, — на переезде через бухту он сел вечером в лодку, а на берег не вышел. Засекли наши ребята того типа, ну и...

— Как же так? — возмутился Александр. — Следовало понаблюдать за ним, выяснить, на кого работает.

Лысенко хотел что-то возразить, но Вапельник оборвал его и продолжил свою мысль:

— Инициатива должна быть разумной, согласованной с товарищами. Без совета мы ничего не имеем права делать. Давай считать этот инцидент ошибкой. Впредь работать умнее и осмотрительнее. Ясно?

— Куда уж ясней... Но ведь надо же бить гадов?

— Верно. И делать это будем сообща.

Чтобы замять неприятный разговор, председатель союза металлистов стал рассказывать о том, как проходила беседа делегатов с представителем германского командования.

— Оккупационные власти решили пойти на уступку, — говорил капитан порта. — Прошу сообщить рабочим, что все желающие получить заработок должны зарегистрироваться в моем штабе и подписать контракт.

Делегаты переглянулись: не сразу разгадали подвох. Но тут вступил в разговор плотник Карпенко.

— Як розумити, що воно такэ оцей контракт? — с наивным добродушием спросил он офицера, а у самого бесенята в глазах. — Не трапиться так, що с оцим контрактом нас почнуть контрою прозывать?

Рабочие рассмеялись, а капитан порта метнул на Карпенко такой свирепый взгляд, что у другого бы поджилки затряслись, только не у Карпенко — он парень не робкого десятка. Волей-неволей капитану пришлось сдерживать свой гнев. Понял, видно, что для крутых мер время не совсем подходящее.

— Можно называйт его трудовой соглашения, — пояснил он, стараясь держаться спокойно.

— Ото ж я и кажу, що хай краще будэ умова. Та ще й колективна.

Чтобы выиграть время на обдумывание ответа, капитан порта обратился к помощи переводчика. Пока тот переводил, капитан подготавливал очередной ответ.

— Коллективный договор не является законным документом, — пояснил его тираду переводчик. — Труд должен быть совсем свободным, а коллектив не дает свободы.

— Хитер, пройдоха. Не удалось осилить профсоюз, так решил покупать поодиночке, — шепнул товарищам рабочий с плавучей мастерской «Кронштадт» Осип Жигинас.

— Мы тоже не лыком шиты, видим его лжу, — тихо ответил котельщик Рожнов.

Капитан выжидательно смотрел на делегатов. Чтобы прервать затянувшуюся паузу, он обратился к стоящему впереди пожилому рабочему:

— Ви будет подписывает контракт?

— Я не о себе пришел хлопотать, — с достоинством ответил тот. — Меня послали товарищи, а они стоят твердо: без коллективного договора к работам не приступать, военные заказы не выполнять, требовать возвращения отнятых денег.

Капитан ткнул пальцем в сторону другого делегата:

— А что скажет ви?

— Несправедливо так: работать вместе, а контракт — в одиночку, — ответил тот. — На обман похоже. Вместе-то мы сила, а поодиночке — тьфу и нет нас.

Офицер побагровел. Расстегнул ворот френча и снова заговорил через переводчика.

— Если не будут приняты условия о контрактах и в ближайшее время не начнутся работы на заводе, германское командование примет более решительные меры, — последовал перевод. — С вами поступят, как с бунтовщиками, а порт и завод станут обслуживать рабочие из Турции, Румынии и Австрии.

— Что ж, воля ваша, — за всех ответил Рожнов. — Мы ничего не решаем. Доложим о разговоре с вами на собрании. Как скажет народ, так и будет.

— Кстати, нынче же состоялось и собрание, — добавил Лысенко. — Решено продолжать забастовку. В резолюции собрания есть и такой пункт. Вот слушай: «Те условия, которые предлагаются рабочим германским командованием, сводят к нулю не только завоевания рабочего класса во время Великой Русской Революции, но даже некоторые основные завоевания рабочих, существовавшие при старых дореволюционных порядках».

Слушая этот рассказ, Вапельник все больше радо-

вался стойкости рабочих Морзавода. В былые времена не так-то просто было достичь единодушия. Теперь словно подменили людей.

— Вот это и называется классовым сознанием, — проговорил он. — Прозревает народ.

— Точно, — согласился Лысенко. — Еще немного, и, глядишь, за оружие возьмется. Сейчас хорошо бы еще одну листовку тиснуть, поддержать и ободрить рабочих. Сможешь?

— Нужно, значит, смогу, — ответил Вапельник.

— Будем считать, что договорились, — одобрительно сказал Лысенко и после минутной паузы добавил: — К тебе будет наведываться Овсянников. На заводе он — Осип Жигинас, а между нами — Овсянников. Так мы его зовем. Этому моряку можешь доверять — большевик. Когда будут готовы листовки, передашь ему. Он знает, что с ними делать. Мне же придется ехать в Киев, а оттуда попытаюсь добраться до Москвы. Сегодня улажу кое-какие дела, повидаясь с Котнером — и в путь-дорогу.

Александр пожелал Андрею доброго пути и вернулся в кафе.

На Таможенной все шло своим чередом. Александр переговорил со связной о новом поручении, о способах передачи информации и связи с одесскими подпольщиками. Долго задерживаться в Севастополе связная не могла. Следовало позаботиться об отправке ее ближайшим пароходом. Хлопоты о пропуске и билете Александр взял на себя. Заодно он собирался получить разрешение на поездку в Ялту, Феодосию и Керчь по «коммерческим» делам.

День выдался нелегким.

В союзе «Иглы» Вапельника встретили как своего — многие знали его еще мальчишкой, а мастера постарше помнили и отца. Радужно встретил его и Семен Федоров.

— Я к тебе давно приглядываюсь, — сказал Федоров, когда остался один на один с Александром. — Кое-что слышал о грехах твоей юности, о «Юной волне». А тут, гляжу, — владелец кафе. Остепенился, выходит?

— Осуждаешь?

— Да нет, к чему осуждать, — усмехнулся Федоров, — не ты первый, не ты последний.

Он решительно поднялся из-за стола, заваленного

выкройками и лекалами, и спросил уже без прежнего радушия:

— Давай выкладывай, зачем пожаловал. По знакомству можем соорудить костюм или брюки самого модного фасона.

— Эх ты, Семен-Семенище! Неважный из тебя конспиратор. Пока ты разводил турусы на колесах да меня пытал, я о тебе полное представление получил.

— Ну, и какое же такое твоё представление?

— Хороший ты человек, вот что я о тебе подумал. Только слишком прямолинейный: все у тебя на лице написано. А нам с тобой нужно быть хитрей.

По лицу Федорова скользнула тень сомнения, но он тут же рассмеялся:

— Хитрят не с такими заказчиками, как ты. Ты хоть и бывший, а все же портной — на тебе не наживешься.

«Молодец! Скоро нашелся», — подумал Александр. Вслух сказал другое:

— Я к тебе не как к портному пришел, а как к товарищу. Если тебя смущает мое положение владельца кафе, спроси обо мне у Андрея Лысенко.

Это имя подействовало на Федорова, как пароль.

— С этого и начинал бы, — облегченно вздохнул он. — А то не поймешь, кто кого прощупывает. Рад тебя видеть в нашей рати.

— Положим, никакой рати в Севастополе пока нет. Нужно создавать ее, объединять силы. Лысенко слишком на виду, чтобы заниматься этим, а я еще не успел как следует осмотреться в городе. Тебе да Котнеру сподручней заниматься созданием организации. Мы с Андреем уже советовались об этом.

— От таких дел не отказываются, — согласился Федоров. — Кое-кого из партийцев знаю. Другими займется Котнер. Думаю, что сообща нам удастся заново создать городскую партийную организацию.

Вापельник подробно расспросил Федорова о Ходосе.

— Молод, но смышлен, — коротко охарактеризовал его тот. — Пожаров специально оставил Ходоса для подпольной работы. Внешность у него для этого очень подходящая: худ, невысок — совсем как подлеток. А он уже и в боях успел побывать — сражался с курултайцами под Бахчисараем, бился с германцами и гайдамаками под Альмой. Он, кстати, твой тезка — тоже Александр. Настоящая его фамилия — Бельский.

Вапельник остался доволен такой характеристикой и попросил прислать Ходоса в кафе. Федоров хотел было спросить, для чего нужен ему Ходос, но передумал: «В подполье каждый должен знать лишь то, что касается его непосредственно».

— Хорошо, жди его завтра к семи вечера, — пообещал Федоров.

После посещения союза «Иглы» Вапельник походил по адресам, где сдаются недорогие квартиры. В двухэтажном доме на Хрулевском спуске облюбовал небольшую комнату с окном во двор. Дверь в нее находилась в темном углу коридора, под лестницей на второй этаж.

Толстый слой пыли на огромном пузатом комод, густые тенета паутины в углах свидетельствовали о том, что комната давно не видела жильцов. Об этом можно было догадаться и по поведению домовладельца. Он, почти не торгуясь, согласился с ценой, предложенной квартиросъемщиком. Правда, после получения задатка стал менее сговорчив и за предоставленный Вапельнику чулан потребовал почти такую же плату, как и за комнату.

Побывал Вапельник и в городской управе — подал прошение о выдаче пропуска невесте, приехавшей из Одессы. Потом посетил управление военного коменданта — без германских властей нельзя было получить разрешение на выезд из города и поездку по Крыму. Посетителей в управлении оказалось немного. Щеголевые немецкие писаря убивали время за разговорами. Из услышанных обрывков фраз о предстоящем назначении фон Ашауэра военным губернатором Севастополя вместо генерала Эгглофстейна и переводе егерей из одних казарм в другие Вапельник заключил, что баварская кавалерийская дивизия уходит из города.

«Вот и первая важная новость, которую надо срочно сообщить командованию Красной Армии, — подумал он. — Нужно только выяснить, куда отправляются кавалеристы».

Его вызвали к дежурному офицеру за документами.

— Фот пропуск для фашей нефест, — сказал тот. — Скоро наш комендатур не пудет разрешать фыезд молодых дефушек из Сефастополя. Мы должен позаботиться и о наших доблестных зольдат... А фот и фаш пропуск. Битте.

Александр вежливо поблагодарил офицера и, довольный, вышел из комендатуры.

Через несколько минут он был в кафе: зашел, чтобы взять сверток для Леппена, и снова в путь.

Леппен встретил его радушно.

— С Гюнтером и Бауэром связь прочная, — сообщил он. — Твои листовки ходят по рукам. Но их мало. Нужно еще. Для Браумгартена. С ним разговаривал Гюнтер. Он тоже обещал помогать нам.

— Листовки есть, специально захватил для передачи немецким товарищам. Со временем будет и более серьезная литература на немецком языке. А сейчас необходимо основательнее заняться изучением германских войск. И не только для агитационной работы.

Подпольщики понимали друг друга с полуслова. Леппен лишь уточнил, какого характера сведения нужны в первую очередь. Вапельник объяснил.

Для изучения дислокации германских войск предстояло объехать весь Крым. Леппен не видел в этом никакой трудности.

— В деревню Бютень со всего Причерноморья съехались немцы-колонисты. Говорят, собралось человек четыреста. Там даже имперский министр колоний фон Линдеквист. Участники съезда договариваются о создании немецкой Черноморской области. После съезда делегаты поедут по Крыму. Мне будет нетрудно пристроиться к какой-нибудь группе.

— Момент подходящий, — обрадовался Вапельник. — В таком случае возьмешь на себя Симферополь, Евпаторию и Джанкой, а я объеду побережье от Севастополя до Керчи.

На том и порешили.

В назначенное время состоялась встреча с Александром Ходосом-Бельским. Это был худой, неширокий в кости юноша. Несмотря на свои девятнадцать лет, он походил на подростка. Только взгляд не мальчишеский — сосредоточенный, строгий и немного настороженный. О себе рассказывал неохотно, пытливо приглядывался к хозяину кафе. Оживился лишь после того, когда зашла речь о задании.

— На Хрулевский переселюсь, — ответил Ходос на предложение Вапельника. — Но надо сохранить за мной и мое нынешнее жилье. У меня отдельная, удобная во всех отношениях комната в большом доме.

— Пригодится и она, — согласился Вапельник. — Потом покажешь. А сейчас бери ключи и обживайся на новом месте. Хозяин квартиры предупрежден, что жильцом будет одинокий молодой человек, весьма благонаправленного поведения. Уж как-нибудь постарайся оправдать эту характеристику.

Ходос едва заметно улыбнулся:

— С хозяином общий язык найду. Главное, чтобы не был излишне любопытным.

— За это не поручусь. Лучше самому быть осторожней... Связь будешь поддерживать с Борисом Поляковым. Он зайдет к тебе.

Проводив Ходоса, Александр вздохнул с облегчением — теперь он мог дать Борису «добро» на его предложение о создании подпольного арсенала.

...Утром Вапельник провожал Татьяну в Одессу. Из дому вышли пораньше, задолго до отправления парохода. Александру очень хотелось показать девушке Севастополь, и он привел ее к колоннам Графской пристани.

Над бухтой повис диск утреннего солнца, озаряя древние стены рavelинов и опустевший рейд. Шипя паром, медленно полз по водной глади уродливый буксиришко. На ленивых перекатах волн безмятежно покачивались рыбацьи лодки. Как все здесь близко и дорого сердцу! Кажется, каждый камешек на прозрачном мелководье, каждый всплеск морского прибоя знаком Александру давным-давно — всю жизнь.

Когда-то в школе старый учитель географии рассказывал ребятам о городе, об увлекательных событиях, свидетелем которых был Севастополь. Мальчишки слушали его, затаив дыхание, позабыв обо всем на свете. Слушали и еще не сознавали, что узнают не только свой родной город, но и учатся любить его той любовью, которая не знает забвения.

Увлеченный воспоминаниями, Александр не заметил, как заговорил. Таня, словно зачарованная, смотрела на него. Смотрела и молчала, как бы боясь спугнуть мысли спутника. А он говорил и говорил о событиях далекого прошлого, о том, что стало частицей его души, его страстью.

Постепенно, сама того не замечая, девушка начинала ощущать то же, что и молодой мечтатель. Перед мысленным взором обоих проплывали парусные брига и

корветы эскадры прославленного флотоводца Ушакова, который провел более пятидесяти морских сражений и каждый раз возвращался в Севастополь победителем. Вот в синей дымке показались полные тугого ветра паруса линейного корабля «Азов», только что одержавшего победу над турками в Наваринской бухте. На Севастопольский рейд его ведет бесстрашный мореход Лазарев, будущий адмирал, имя которого русские моряки и через столетия будут вспоминать с чувством глубокого восхищения. «Азов» сменяют боевые корабли эскадры адмирала Нахимова...

Многое повидала Графская пристань на своем веку. Она хранит память и о революционном броненосце «Потемкин», первым на флоте поднявшем красное знамя. О крейсере «Очаков», восставшем против самодержавия в ноябре 1905 года под руководством лейтенанта Шмидта.

Александр почти дословно пересказал Татьяне предсмертную речь лейтенанта Шмидта, обращенную к царским палачам. В благоговейном молчании слушала она полные величия и глубокой веры слова осужденного на казнь героя:

«...Я знаю, что столб, у которого встану я принять смерть, будет водружен на грани двух разных исторических эпох нашей родины. Сознание это дает мне много силы, и я пойду к столбу, как на молитву... Позади за спиной у меня останутся народные страдания и потрясения тяжелых лет, а впереди я буду видеть молодую, обновленную, счастливую Россию. Великая радость и счастье наполняют мне душу, и я приму смерть».

Александр перевел дыхание и задумался, словно примеряя к себе сказанное Шмидтом. О том же думала и Татьяна.

— Трудно даже представить, какое огромное мужество надо иметь, чтобы в последние минуты думать не о смерти, а о будущем родины, о счастье народа, — тихо сказала она. — Я, наверное, не смогла бы так. А ты?

— В бою нужно думать о победе, а не о смерти, — ответил Александр. — Я уверен: ты тоже сможешь, если понадобится.

— Но ведь мы не гарантированы от ошибок, провалов, предательства. Стало быть, неизбежны пытки и казнь. Сможем ли мы перенести их с такой же стойкостью, как Шмидт? — вздохнула Татьяна.

— Могу ответить тебе словами самого Шмидта: «Умереть в борьбе легко — это потребность. Умирать на эшафоте тяжело — это... необходимость».

Немного подумав, Александр добавил:

— Шмидту было труднее. Он шел на казнь после поражения восстания, а наша революция — непобедима. Грань, о которой говорил Шмидт, уже позади. Началась новая история родины, новая жизнь. Во имя этой жизни мы сумеем пойти на подвиги и смерть с поднятой головой.

Александр говорил без напыщенности, без пафоса, как о чем-то давно решенном. Его убежденность невольно передавалась девушке, заставляла чувствовать себя сильнее и значимей в этом чудовищном круговороте событий.

— Какой ты хороший, Саша, — неожиданно для себя сказала Татьяна.

Сказала и смутилась. Впрочем, в глубине души она понимала, что это именно те самые слова, которых она не могла не сказать сейчас.

Они долго молчали. И это молчание казалось наполненным огромного смысла и значения.

Из оцепенения их вывел пароходный гудок. Началась посадка.

— Береги себя, будь осторожнее, — шепнула девушка Александру возле шаткого трапа и несмело поцеловала его в губы...

В тот утренний час в германской комендатуре непрерывно раздавались тревожные звонки телефонов. Офицеры из частей гарнизона сообщали об обнаруженных возмутительных листовках на немецком языке. Первым позвонил дежурный егерского полка, расположенного в Брестских казармах. Через несколько минут о листовках доложил дежурный из артиллерийского дивизиона. Листовки, отпечатанные на ротаторе, были обнаружены даже на стене гостиницы Киста — резиденции вновь испеченного военного губернатора Севастополя полковника фон Ашауэра. Позже других раздался звонок начальника военной полиции обер-лейтенанта фон Апделя. Он был вне себя от ярости.

— Вы не офицер, а бездельник, — орал он в телефонную трубку на дежурного офицера. — Как вы организовали службу патрулей, когда у вас под носом свободно разгуливают преступники, распространяют боль-

шевистскую заразу? За такую службу с вас нужно снять офицерские погоны и отправить на фронт рядовым.

Дежурный даже не пытался оправдываться и воспринимал упреки начальника военной полиции как должное. А когда дежурный писарь принес листовку, сорванную с дверей комендатуры, дежурного офицера хватил сердечный удар.

Вапельник не знал об этом. Лишь у входа на пристань РОПиТа он увидел группу немецких матросов, окруживших афишную тумбу. Моряки читали листовку.

Молодец Поляков! Это он со своими хлопцами с Артиллерийской ночью расклеил на Историческом бульваре, возле Брестских и Белостокских казарм, на железнодорожной станции и в порту около ста листовок.

Как ни старался фон Аппель, в военную полицию и комендатуру было доставлено лишь два-три десятка листовок. Остальные попали в руки тех, кому адресовались.

Эти первые листовки, конечно, не произвели действия бомбы, внезапно взорвавшейся в рядах оккупантов. Но ведь бомбы бывают разные. Нередко больший урон наносят бомбы замедленного действия.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОЕДИНОК

Возвращаясь из поездки по городам Крыма, Вапельник очень волновался. Первое разведывательное задание потребовало максимального напряжения сил и изобретательности. Приходилось отыскивать нужные связи, выдумывать кажущиеся более или менее правдоподобными предлоги для посещения воинских гарнизонов. Положение коммерсанта несколько облегчало его задачу. Но опять-таки он был коммерсантом-одиночкой, не имеющим своих поверенных и нужных знакомств в деловых кругах. Впрочем, деловых кругов, как таковых, почти нигде не существовало. Просто, пользуясь некоторой благосклонностью интервентов, из темных щелей стали вылезать дельцы с сомнительной репутацией. Каждый действовал на свой страх и риск, не надеясь на устойчивое финансовое обеспечение сделок.

В расчеты Вапельника никак не входила перспектива погрязнуть в мелочах торговых операций. С другой сто-

роны, сложившаяся обстановка в какой-то степени оправдывала его частые переезды. В самом деле, не мог же коммерсант его масштаба заниматься куплей-продажей из-под полы. Он искал «солидных» поставщиков и в этих поисках не скупился на расходы, связанные со столь хлопотной поездкой.

В дорожном бауле Александра лежала папка со всевозможными расписками и гарантийными документами на поставку вин, копченой и соленой рыбы, а также других продуктов, пользующихся спросом в «кают-компании». Но более ценные результаты вояжа хранились еще тщательней. Их Вапельник запрятал в глубинах своей памяти. Это были сведения о численности вражеских гарнизонов, о настроениях интервентов, о предполагаемых перемещениях немецких частей и подразделений на те или иные участки действующих фронтов. О сохранности этих сведений Александр не беспокоился. Волновало другое: как быть с картой театра военных действий германских войск в Крыму и на Кавказском фронте? Ее он «позаимствовал» в Феодосии у интендантского офицера 15-й ландверной дивизии фон Рюмплера. Эту карту и некоторые документы Вапельник прибинтовал к раненой ноге. Для пущей убедительности оцарапал палец и выдавил на бинт несколько капель крови. В случае проверки и обыска это вполне могло сойти за кровотечение из старой раны.

С фон Рюмплером Вапельник встретился на пароходе, возвращаясь из Керчи. Этот краснолицый и круглый, как головка швейцарского сыра, немолодой господин в погонах гауптмана производил впечатление человека нелюдимого и сердитого.

Александр не сразу разглядел его лицо. Вначале бросился в глаза объемистый портфель из крокодиловой кожи. С ним гауптман не расставался ни на минуту. Выходя на палубу подышать морским воздухом, он обязательно прихватывал и его, ставил на палубу возле шезлонга и все время придерживал рукой.

В тщательно оберегаемом портфеле лежали, конечно, не харчи, припасенные в дальнюю дорогу. Портфель буквально загипнотизировал Вапельника. Он стал медленно прохаживаться у бортовых лееров, придумывая и сейчас же отвергая десятки вариантов знакомства. Суровое, напыщенное лицо гауптмана не давало повода к какому бы то ни было случайному разговору.

Но вот пригласили к столу. Вапельник на некоторое время задержался, словно любуясь стаей летящих за пароходом чаек, потом прошел в салон вслед за владельцем крокодилового портфеля. Когда тот утвердился за угловым столиком, Александр занял место напротив, предварительно осведомившись, не возражает ли офицер против такого соседства. Гауптман неопределенно хмыкнул, давая понять свое безразличие ко всему происходящему.

Подали закуски.

Вапельник положил на край стола аккуратный сверток. Медленно развернул и извлек бутылку настоящего ямайского рома. По тому, как приподнялись брови гауптмана, он без труда догадался, что повод для знакомства избран правильный.

— Разрешите? — обратился Александр к офицеру, протягивая руку с бутылкой к его рюмке.

С лица гауптмана исчезла маска суровой отчужденности.

Наполнив рюмки, Вапельник решил, что настал удобный момент. Он представился. Немец благосклонно кивнул и, наконец, произнес первую за все время пути фразу:

— Это есть очень хорошо. Как говорят у русских, рыбак рыбака далеко видит. Я тоже занимаюсь коммерцией.

— Что, разумеется, гораздо приятнее, чем восвать, — поддержал Вапельник, переходя на немецкий.

— О, вы знаете наш язык? — удивился гауптман.

— Он наполовину и мой, — моментально сочинил Александр. — По материнской линии я фольксдойч.

Расчет оправдался. Гауптмана словно подменили. От былой суровости не осталось и следа. Он охотно поддерживал застольную беседу.

— Я человек деловой и далек от политики, — говорил немец, — но должен признать, что планы кайзера на востоке дальновидны и разумны. Украина, Крым и Кавказ открывают Германии путь к несметным богатствам, в Месопотамию, Аравию и Индию.

— Чтобы пройти этот путь, потребуется немало жертв, а солдаты и без того устали от войны. Вы, как мне кажется, тоже не очень спешите на фронт, — прощупывал собеседника Вапельник.

Это не понравилось Рюмплеру. Он гордо выпятил

свой и без того объемистый живот, приосанился и стал похож на драчливого петуха.

— Ошибаетесь, дорогой мой. Не пройдет и двух недель, как фон Рюмплер будет брать Новороссийск, — напыщенно изрек он. — Фон Рюмплеры никогда не забывали о своем долге перед фатерляндом.

— Мне остается только пожелать вам успехов, герр гауптман, — ответил Вапельник.

Вскоре беседа перекинулась в другое русло. Разглагольствуя о сокровищах Индии, гауптман не забывал и о том, что синица в руках лучше журавля в небе. Он не упускал случая ухватить эту самую синицу за хвост.

— Наше совместное путешествие подходит к концу, — проговорил он, выглянув в иллюминатор. — Мы уже на подходе к Феодосии. Чтобы отблагодарить вас, хочу предложить выгодную сделку. У меня есть кое-какие запасы консервов и сахара. Могу уступить по сходной цене.

— Это было бы кстати, — обрадованно ответил Вапельник. — Контрагенты в Керчи здорово подвели меня, а возвращаться порожняком неинтересно.

— В таком случае прямо с парохода — ко мне. Пообедаем и поговорим о деле.

Это как нельзя лучше устраивало разведчика. Он тут же согласился.

...От пристани до улицы Рукавишникова, где жил фон Рюмплер, всего несколько минут ходьбы, но гауптман предпочел взять фаэтон.

Откормленный, похожий на своего шефа денщик, видимо, хорошо знал вкусы гауптмана. Он быстро накрыл на стол и сразу же удалился за дверь. Фон Рюмплер и Вапельник остались вдвоем.

— Итак, совместим приятное с полезным, — хозяин широким жестом пригласил гостя к столу. — Перекусим с дороги и поговорим о деле.

Он ловко откупорил бутылку водки и налил по полной рюмке.

Гауптман с той же жадностью, что и на пароходе, поглощал одно блюдо за другим, не забывая доливать рюмки.

— Люблю поесть, — довольно похихатывал он.

Но тревоугодие не мешало ему расхваливать предлагаемые товары, называть цены, сравнивать их с рыночными, убеждать гостя, что только необходимость за-

ставляет его переводить в наличность имеющиеся в запасе продукты.

Вапельник, слушая хозяина, думал о портфеле. «За счета и накладные так бы не держался, — рассуждал он. — Видимо, есть документы важнее».

Соблазн был слишком велик. Хотелось тут же пристукнуть этого обжору. Но трезвый голос рассудка удерживал разведчика от опрометчивости. Действовать надо умнее, попусту не рисковать.

Александр торговался, выигрывая время и обдумывая план захвата портфеля.

Бутылка опустела. А торг продолжался.

— Что ж, пусть будет по-вашему, — уступил наконец Вапельник. — Если через два дня доставите товар, получите сразу же половину стоимости в твердой валюте. Остальное николаевками.

— Готов доставить хоть завтра.

— Лучше послезавтра, — с деловым видом уточнил срок Вапельник. — Я должен подготовить необходимую сумму.

— Не возражаю.

— В таком случае по российскому обычаю полагается магарыч.

Гауптман понимающе посмотрел на пустую бутылку и позвал денщика.

— Еще! — коротко распорядился он.

Воспользовавшись моментом, пока фон Рюмплер выбирал из поданного денщиком походного погребка нужную бутылку, Вапельник всыпал в обе рюмки заранее приготовленный порошок сильнодействующего снотворного.

Гауптман тут же наполнил рюмки и махнул рукой, давая понять денщику, чтобы тот удалился.

— Простите, — остановил его Вапельник. — У нас есть обычай угощать.

— С вашим обычаем я уже познакомился на пароходе, — благосклонно согласился захмелевший немец. — Хороший обычай!

Александр протянул денщику свою рюмку.

— Вы разве не выпьете? — удивился гауптман.

— В таких случаях пью только из нашей традиционной посуды, — с достоинством проговорил Вапельник и наполнил до краев граненый стакан, стоявший возле графина с водой.

Выходка русского пришлась фон Рюмплеру по душе. Осушив свою рюмку, он потребовал стакан и, морщась с непривычки, кое-как выпил.

Никто не заметил, что водка из стакана Вапельника улетучилась в кадке с пыльным фикусом.

Закусили. Налили еще.

Вапельник подмигнул денщику и передал ему из-за спины пузатую бутылку, которую незаметно достал из открытого погребка. Обрадованный денщик моментально ретировался в свою комнату.

— Еще по одной? — спросил фон Рюмплер.

— Не смею отказать.

Выпили снова.

Гауптман пытался подавить зевоту. Но не смог. Мутными глазами он обвел комнату и грузно откинулся на спинку стула. Через несколько минут он забористо храпел.

Вапельник выглянул за дверь. Следуя примеру своего хозяина, денщик склонился на подоконник и тоже спал сном праведника.

Взять и открыть портфель было делом нескольких секунд. Среди прочих бумаг в нем оказалась карта театра военных действий. Зеленым карандашом на ней были обозначены районы расположения тылов 15-й ландверной дивизии при передислокации на Кавказский фронт.

Все это Вапельник понял уже позднее, когда смог внимательно изучить карту. Сейчас же он поспешно спрятал ее, рассовал по карманам другие бумаги и вышел из комнаты.

Александр запер входную дверь и, швырнув подальше ненужный ему ключ, не спеша, с видом довольного и незанятого человека направился к железнодорожному вокзалу, откуда готовился к отправлению поезд на Джанкой. С вокзальной площади отходили также автомобили и мальпосты на Старый Крым, Карасубазар и Судак. Однако этим видам транспорта Вапельник предпочел извозчика, который быстро домчал его до Коктебеля. Отсюда на попутной моторной фелюге разведчик добрался до Алушты и пересел на катер.

Леппен вернулся в Севастополь на два дня раньше Вапельника. Он привез ценные сведения о расположении германских войск. Установил, что гарнизонной службой занята лишь незначительная часть подразделений.

Основные силы ведут карательные операции против партизан и крестьян, отказывающихся платить скопщину* и возвратить помещикам землю, полученную при Советской власти. Особенно упорно шла борьба в деревнях Евпаторийского и Перекопского уездов. Здесь в карательных операциях регулярным кайзеровским войскам активно помогали отряды немцев-колонистов, крымских татар-эскадронцев и офицеров.

Леппену удалось выяснить структуру и численность татарских воинских частей. Они разрастались как грибы после дождя, и с их помощью буржуазные националисты рассчитывали создать свое самостоятельное крымское ханство. На помощь им по приказу германского командования в Крым стягивались части мусульманского корпуса генерала Сулькевича**.

В Симферополе Леппен получил любопытные сведения о борьбе буржуазных политических партий за власть в Крыму. Вапельник также следил за этой борьбой. Он знал, что главным претендентом на власть является татарская буржуазно-националистическая партия «Миллифирка». Лидер этой партии Джафер Сейдамет побывал в Турции и был принят султаном Магомет-Решидом. Сразу после возвращения из Константинополя этот политический авантюрист явился на заседание курултая и при закрытых дверях выступил с речью, порадовавшей сердца миллифирковцев. Он сообщил о своем успешном пребывании в Турции, о директивах султана, который изъявил готовность всемерно помогать единоверцам в Крыму. С этой целью в Турции были сформированы «специальные силы», а для начала правительство султана отпустило ему, Сейдамету, 700 тысяч лир и командировало в Крым двести офицеров и чиновников для организации новой власти.

У миллифирковцев не было основания не верить своему лидеру: он прибыл из Константинополя на всенном корабле, а вслед за ним в Севастопольский порт

---

* Скопщина — форма арендной платы за землю. Крестьяне-арендаторы в Крыму отдавали помещику-землевладельцу до 50 процентов урожая.

** С. Сулькевич — генерал царской армии. В 1917 г. правительством Керенского был назначен командиром 1-го мусульманского корпуса. Во время наступления немцев перешел на их сторону. В 1918 г. остатки этого корпуса по приказу германского командования были переброшены в Крым для борьбы с большевиками.

вошла турецкая эскадра. В ее состав входили крейсер «Гамидие» и несколько миноносцев.

Сейдамет допустил оплошность, выступив с речью об образовании крымского ханства под протекторатом Турции в присутствии представителя германского командования генерала от инфантерии Коша. Германия не собиралась допускать свою союзницу Турцию в Крым, и генерал Кош тут же охладил протурецкие настроения руководителей курултая.

Сейдамет и его соратники стали поспешно исправлять допущенную ошибку, старались всячески услужить Германии. На очередном заседании курултая лидер миллифирковцев выступал уже в качестве германского холуя. «Хотя с турками нас связывает религия, национальность и язык, — говорил он, — но вместе с тем мы уже дошли до такого периода политической жизни, что разум может брать перевес над чувствами... Нам приходится остановиться на такой державе, которая была бы в состоянии отстоять самостоятельность Крыма... Такой державой может быть только Германия».

Лакейское раболепство миллифирковцев перед оккупантами оказалось тщетным: красная феска Сейдамета была слишком неподходящим головным убором для главы крымского правительства, удобного немцам. Генерал Кош без лишних дипломатических церемоний ликвидировал выданный Сейдамету ярлык «Крымского татарского парламента» на звание премьер-министра и назначил главой правительства более удобную для него политическую марионетку — Сулеймана Сулькевича.

Дойче пуппе (немецкая кукла) Сулькевич сразу же постарался показать себя «государственным мужем». В своем первом заявлении он без обиняков сообщил, что новое правительство «признает пока возможным сохранить в силе все законоположения Государства Российского, правомерно изданные до 25 октября 1917 года», требует возврата земель помещикам и членам царской фамилии, считает необходимым ликвидировать губернское земство и земельные комитеты. В низкопоклонстве перед оккупантами новоявленный премьер дошел до того, что предложил признать немецкий язык государственным.

— Словом, провозглашается полный возврат к старым царским порядкам, — заключил Леппен свою информацию.

— Судя по составу правительства, этого следовало ожидать, — ответил Вапельник, подавая Леппену эсеровскую газету «Вольный Юг». — Здесь уже объявлен состав кабинета министров. В него вошли самые махровые монархисты — князь Горчаков, граф Татищев, бывший царский посол в Константинополе Чарыков. А на утеху миллифирковцев портфель несуществующего министерства иностранных дел вручен Джаферу Сейдамету.

— В общем театр марионеток укомплектован, — режюмировал Леппен. — Генералу Кошу остается лишь дергать за веревочки.

Вскоре сводка с материалами разведывательного рейда севастопольских подпольщиков была отправлена в центр. Сообщенные в ней сведения помогли командованию Красной Армии внести существенные поправки в оперативные планы, а Центральному Комитету партии учесть политическую обстановку при разработке директив по организации подпольной работы в Крыму.

Чтобы доставить эти сведения по назначению, в Севастополь прибыл бойкий молодой одессит в твердом канотье.

Вапельник встретил его настороженно. Казалось странным, что такому балагуру доверено серьезное задание. Но после обмена условными фразами пароля сомнения рассеялись.

— Сундуки с драгоценностями от богатой тети, — сказал связной, передавая несколько увесистых свертков.

В них оказались необходимые для подпольной и разведывательной работы инструкции, а также литература и листовки.

Закончив формальности, связной обратился к Вапельнику:

— Слушай сюда, и я клянусь дюком Ришелье, что через минуту ты перестанешь бросать косые взгляды на мое канотье. Эта великолепная шляпа наполнит твое сердце радостью.

Одессит снял канотье, сдул невидимую пылинку и, словно фокусник, картинно извлек из-под подкладки голубой конзерт.

— Это тебе от очаровательной блондинки, за которую пол-Одессы сходит с ума. — сообщил он, и, заговорщицки подмигнув, отдал письмо.

— Псл-Одессы? — еще не понимая, в чем дело, машинально переспросил Александр.—Откуда, извиняюсь, у вас такие сведения?

— Как говорят французы, положение обязывает, — не моргнув глазом, ответил юноша, сохраняя на лице безразличное спокойствие.

Вапельник мельком взглянул на конверт. Конечно, письмо от Танюши. Он нетерпеливо надорвал плотную бумагу, извлек сложенный вчетверо листок, но тут же спохватился: «Прочту потом». Снова спрятал листок в конверт.

А одессит продолжал балагурить:

— Только ша! Ни полиции, ни друзьям меня не выдавать. Письмо доставлено контрабандой, минуя цензуру. А это — сплошной риск. Вся Одесса знает печальную повесть за одну достопочтенную даму с Ланжероновской. Она совсем недавно за доставку совершенно частного письма получила шомполами пониже спины. Взялась за самую малую плату передать послание главному атаману петлюровской банды, а тот аж позеленел от злости, когда прочитал.

Александр бросил на собеседника недоуменный взгляд. Тот поспешил пояснить:

— Этому атаману, холую австрийскому и германскому, подлому предателю и бандиту, в записке вежливо предлагалось немедленно убираться из Одессы поближе к кайзеру, чтоб было удобнее лизать одно место, а он, представь себе, озлился.

— Ну, а даму зачем же подвели под шомпола?

— Обратно же с целью воспитания. У нее на Ланжероне дом терпимости для австрийцев. Вот судьба и сыграла с ней трагическую шутку. Пожадничала мадам. Хотела подзаработать. Об ней и ее ближайших родственниках поется в известной одесской песенке: «Люди гибнут за металл...»

Своеобразное построение фраз, в которых смешно сочеталась изысканная манерность с неподражаемым жаргоном одесских окраин, делало его речь цветистой и по-своему остроумной.

Вапельник вначале слушал юношу с улыбкой, потом произнес задумчиво:

— Не знаю, кто подшутил над той дамой, только озорство это. Стоило ли рисковать попусту?

— Риск был небольшой, а потеха—на всю Одессу,— лукаво подмигнул связной.

Вапельник понял, что этот весельчак наверняка приложил руку к письму атаману.

— С вашего позволения, я прошвырнусь по городу,— сказал одесский гость, когда заметил, что Александр время от времени поглядывает на голубой конверт. — Я парень догадливый.

Вапельник мысленно поблагодарил его и, проводив до двери, вынул из конверта сложенный вчетверо листок.

«Дорогой Саша! — писала Таня. — После Севастополя я стала другим человеком. Закрою глаза—и вижу Графскую пристань, слышу твой голос, вспоминаю твои слова. Я ведь и вправду была страшной трусихой, а теперь у меня словно крылья выросли. Нам предстоит еще много испытаний, но теперь я уверена, что сумею быть мужественной и стойкой до конца.

Тогда на Графской пристани до меня не сразу дошел смысл твоих слов о том, что в бою нужно думать о победе, а не о смерти. Теперь я понимаю: без этого победить нельзя. И ты не представляешь, как я благодарна тебе за то, что помог мне стать сильнее и уверенней...»

Александр задумался. В свои двадцать семь лет он еще никогда не испытывал такого теплого чувства, какое вызвало в нем это письмо. Может быть, сказывались долгие годы жизни на чужбине, фронт, тяжелое ранение. Ему казалось, что он знает женщин. Как-никак в Париже работал дамским портным, сам изобретал для них модные туалеты в фирме «Женни»... Но ни одна из них не будила в нем такого волнения, как Таня.

В ответном письме Александр не скрыл от Тани, как обрадовался ее письму, хотя предпочел бы видеть ее лично, снова и снова бродить с ней по улицам утреннего города и вместе с ней тысячи раз встречать восход солнца.

«Милая Танюша! — писал он. — В мою жизнь вошло нечто новое. У меня была суровая юность, и я не знал, что такое нежность. Это чувство пробудила ты, и оно удваивает мои силы. Если бы ты знала, как хочется видеть тебя! Хочу верить, что это желание скоро сбудется».

Писал он долго, взвешивая каждое слово, зачеркивая написанное и вновь начиная с чистого листа.

Связной из Одессы только, казалось, и ждал, когда Александр закончит ответное письмо. Он появился в дверях в тот момент, когда Александр уже запечатывал конверт.

— Порядок! — лаконично заметил он, как бы подводя итог и своему пребыванию в Севастополе, и выполнению задания, и прогулке по городу.

Вапельник передал ему сведения и документы, добытые во время вояжа по Крыму. Посоветовал особенно тщательно спрятать карту.

— Чего доброго, при случайном обыске найдут полицейские, — предостерег Александр. — Головы может стоять.

— Чтоб они были так здоровы, как им светит приобрести мой неповторимый скальп, — проговорил связной. — Раз Леша сказал, что будет порядок, значит, ша!

Они выжидательно посмотрели друг на друга. Видимо, каждый надеялся, что разговор на другую тему начнет не он.

— А где ответ очаровательной блондинке? — первым заговорил одессит. — Без твоего письма мне придется навсегда распрощаться с Пересыпью.

— Ах да, письмо, — словно только сейчас вспомнил Александр. — Вот, пожалуйста, передай.

— Передам без всяких «пожалуйста», — подмигнул связной. — У меня такая настырная сестренка, что если бы ты не написал, мне самому пришлось бы сочинять ответ.

— Таня — твоя сестра? — удивился Вапельник.

— Родная, — подтвердил тот. — И вдобавок злоющая. Так что твое письмо для меня как спасательный круг.

Тепло распрощались.

Не откладывая, Вапельник приступил к разбору и сортировке содержимого Лешиных «сундуков», наполненных в Одесском подпольном губкоме партии. В них оказалось несколько пачек листовок с воззванием «Союза Спартака» к германским солдатам и матросам. Вапельник с большим интересом читал этот страстный и яркий документ. Воззвание начиналось с характеристики разбойничьей сущности германского империализма*.

---

* Сохранен стиль оригинала.

«Маски сброшены. После длившейся месяцами болтовни о сглашении относительно мира без аннексий и контрибуций, о праве наций на самоопределение германский империализм шаг за шагом обнажает теперь всю свою хищническую природу, — читал Вапельник. — Решающим поворотным пунктом явился разбойничий набег на Россию. Несмотря на то, что русские совершенно определенно заявили, что считают войну оконченной... и для военных действий не было ни малейшего повода, германское правительство вдруг снова понесло в Россию смерть, пожары и разрушения. Как разбойник на большой дороге, схватила Германия за горло безоружную республику рабочих и крестьян и револьвером бесстыдного ультиматума оттиснула на ее груди «мирный договор»*, какого не видел мир!

Область вдвое большая, чем вся Германия, грубой силой отнята у русской революции. Курляндия, Лифляндия, Эстония и Литва теперь уже беззащитно, как несчастная Польша, аннексируются Германией. Германская военщина расположилась на Украине, как в каком-нибудь негритянском селении в Африке. По Финляндии маршируют германские войска. Все эти страны экономически высасываются Германией в награду за германскую «освободительную акцию», разоряются реквизициями, а в будущем должны стать германскими буферными государствами и подданными германского милитаризма...

Но это еще не все! Прежде всего в каждой из этих стран наводится германской винтовкой «порядок», прусский порядок! В еще не занятых частях Эстляндии, Курляндии, Лифляндии и Литвы, на Украине — везде рабоче-крестьянские массы подавляются и восстанавливается господство помещиков и капиталистических эксплуататоров!..

Таким образом, Германия стала ныне жандармом капиталистической реакции во всей Европе, а германский пролетарий в солдатской шинели сделался палачом свободы и социализма.

...Мир поставлен сейчас на голову. В 1848 году

---

* Речь идет о грабительском Брестском мире.

толпы русских крепостных мужиков вторглись по приказу царя в Западную Европу, чтобы подавить буржуазную революцию. Теперь, 70 лет спустя, германские социал-демократические и организованные в профсоюзы пролетарии движутся на восток и север, чтобы подавить социалистическую революцию. Более страшной трагедии, более глубокого падения, более мерзкой самокастрации не переживал еще ни один класс в мировой истории!

Но эта позорная измена международному социализму не останется безнаказанной. Выполняя с рабской покорностью службу палача свободы в Европе, немецкие рабочие массы готовят сами себе только новые цепи и удары плети.

Германская реакция, которой они своими руками помогают достичь беспримерного усиления ее мощи, господства над миром, на следующий же день после войны обрушится на народные массы Германии бичами и скорпионами. После того, как германский пролетарий задушит революционное рабочее движение и свободу на Востоке, отечественная реакция схватит за горло его самого. Палачи России и Финляндии почувствуют тогда на своей шкуре плоды своей постыдной службы раба, почувствуют их в заработной плате, в законодательстве, в тяжести налогов и политическом бесправии. После войны с германского рабочего будут драть шкуру на каждом шагу. Мы, германские рабочие, которыми сейчас пользуются и злоупотребляют как душителями русской и финской свободы, получим в конце концов от германской реакции, вскормленной нашей же кровью, в виде платы пинок, а наши инвалиды, наши вдовы и дети принуждены будут нищенствовать...»

Читая воззвание, Вапельник мысленно представил тех, кому оно адресовано. Он уже знал немецких солдат и мог заранее предугадать, какое впечатление произведет на них воззвание, как будут реагировать они на призывы:

«Вставай, германский рабочий! Надо стряхнуть с себя этот страшный позор! Надо показать, что социализм в Германии не умер окончательно и навсегда! Надо в последний час спасти честь германского пролетариата! Только могучее революцион-

ное восстание масс в Германии с целью свержения реакции и окончания бойни народов может загладить ужасные преступления, которые мы, германские пролетарии, совершили и продолжаем еще совершать над другими и над самими собой!

После укрепления кровавой власти германских насильников на Востоке предстоит цеслыханная массовая резня на Западе, с единственной целью облегчить также и там германской реакции осуществление ее разбойничьих планов. Миллионы человеческих жизней будут погублены там для того, чтобы даймлеры и другие капиталистические гиены в Германии могли обогащаться и безраздельно господствовать.

Вставай, германский рабочий! Спасем в последний час свободу в Европе, спасем нашу честь, спасем социализм! Довольно позора и безрассудной холопской службы! Начнем массовую борьбу! Долой кровавое господство империализма! Долой войну! Да возродится международная солидарность рабочих!»

Вапельник был достаточно подготовлен, чтобы целестремленно вести идейную борьбу против оккупантов. Но, прочитав воззвание спартаковцев, он понял, что до сих пор владел лишь средствами ближнего боя. Воззвание же было по-настоящему дальнобойным оружием в битве за умы и сердца германских пролетариев, одетых в солдатские и матросские шинели. Ознакомить их с этим по-человечески ясным, умным возванием, донести до солдат и матросов его глубинный смысл и вызвать ответный отклик — в этом видел теперь смысл своей работы в Севастополе Александр Вапельник.

В работе, полной риска и неожиданностей, его верными помощниками стали Браумгартен, Гюнтер и Бауэр, а также кильские моряки, присланные в Севастополь, чтобы сорвать забастовку рабочих Морзавода и вывести из порта захваченные при оккупации русские корабли. Вот почему, получив листовки с возванием, Вапельник с таким нетерпением ожидал появления в кафе знакомых солдат. От Леппена он узнал многое об этих немцах и не сомневался, что с ними можно разговаривать вполне откровенно. Но сегодня в обычное время их почему-то не было.

— Помнишь, ты рассказывала о трех германских

солдатах? — спросил Александр у сестры. — Они не заходили в мое отсутствие?

— Не было дня, чтобы не спросили о тебе.

Сразу отлегло от сердца. Значит, все в порядке.

А вот и они. В «кают-компанию» ввалился угловатый и немного неуклюжий Бауэр. За ним, громыхая коваными сапогами, шли Гюнтер и Браумгартен. Друзья подошли к стойке, попросили по стакану столового вина.

— Похолоднее, пожалуйста, — добавил Гюнтер и, словно между делом, спросил: — Герр Александр еще не приехал?

— Рад вас видеть, — негромко приветствовал их Вапельник, подходя к стойке. — Очень тронут, что вы не обходите стороной мое заведение. Желаю вам сто лет спокойной гарнизонной службы.

Отставив вино, солдаты, как по команде, обернулись на его голос и долго наперебой тискали ему руку, расспрашивали о поездке.

Посетители кафе с любопытством наблюдали за этой встречей. Вапельник предложил:

— У меня есть комната для самых уважаемых гостей. Пройдемте туда. Заодно поговорим о делах, интересующих и меня и вас.

Они прошли в малый зал.

— Я знаю, что вам можно доверять, — плотно закрыв дверь, обратился Вапельник к солдатам. — Знаю, что вам ненавистна война против таких же, как вы, русских и украинских рабочих и крестьян. Я не ошибаюсь?

— Чтобы вести такой откровенный разговор, мы должны знать о твоих убеждениях, — уклонился от ответа Гюнтер. Вопросительно смотрели на Вапельника и его товарищи. — Мы догадывались, что ты знаешь больше, чем говоришь, и давно хотели побеседовать с тобой откровенно, по-товарищески.

— Могу сказать, — проговорил Вапельник: — я обращаюсь к вам от имени партии большевиков. А у моей партии и «Союза Спартака» — общие цели и задачи.

Солдаты переглянулись и протянули ему руки.

— В таком случае можешь на нас положиться. Мы — спартаковцы и не хотим быть врагами пролетарской революции.

— Мне известно об этом, и я знаю, как благодарны вам ваши земляки и сослуживцы, которых вы познакомили с листовками против войны.

— О, ты знаешь все, — удивился Бауэр. — Откуда?

— Пусть это останется моей маленькой тайной, — ответил Александр. — Главное, что вы хорошо выполнили поручение, и мне остается только поблагодарить вас, дорогие друзья.

— Значит, тот солдат-артиллерист тоже связан с тобой? — не удержался от вопроса Гюнтер.

— Он такой же артиллерист, как ты — наследник Гогенцоллернов, — поддел приятеля Бауэр. — Я сразу заметил, что он из фольксдойчей.

— Какая разница, — успокоил гостей Вапельник. — В борьбе против эксплуататоров в одном строю должны быть все сознательные рабочие, все эксплуатируемые.

Александр еще раз окинул пытливым взглядом лица солдат и, загадочно улыбаясь, сообщил:

— У меня для вас приготовлен сюрприз. Сегодня получил несколько экземпляров воззвания «Союза Спартака».

Браумгартен, Бауэр и Гюнтер невольно привстали.

— Вот, можете прочитать, — протянул им Вапельник листовку.

Гюнтер сразу же углубился в чтение. Бауэр и Браумгартен пристроились сбоку. Лица солдат стали суровыми. Гюнтер читал молча, и с каждой прочитанной фразой у него на скулах все отчетливее выступали тугие желваки. Более темпераментный Браумгартен комментировал прочитанное: «Правильно!», «Метко сказано!», «Так могли написать только настоящие революционеры!»

— Ну, а что скажешь ты? — обратился Вапельник к Бауэру.

— Это мина под наших даймлеров и всех империалистов, — ответил тот. — Жалко, что воззвание не смогут прочитать другие солдаты.

— Помогите им. Я дам вам два десятка экземпляров. Раздайте надежным людям, а они познакомят с воззванием своих друзей. Согласны?

Он мог не спрашивать. Солдаты сами горели желанием активно участвовать в распространении революционных листовок. Но они понимали, что одной агитационной работы еще недостаточно, чтобы помешать грабительской войне. И когда Вапельник высказал мысль о создании среди германских солдат подпольной орга-

низации друзей революции, они горячо одобрили эту идею.

— Одна ячейка друзей уже есть: Гюнтер, Браумгартен и я, — пошутил Бауэр. — К тому же мы имеем немало надежных товарищей.

— Нужно, чтобы такие ячейки были в каждом батальоне, в каждой роте, — сказал Вапельник. — В первую очередь старайтесь найти людей, связанных с «Союзом Спартака» или сочувствующих его идеям. Чтобы избежать провала, связь с ячейками поддерживайте через проверенных людей. Вас должны знать лишь немногие. Действуйте осторожнее, остерегайтесь провокаторов. Цели и задачи организации определены в воззвании: подготовка солдат к борьбе против войны народов, за социализм.

— Сегодня мы уйдем от тебя с просветленными головами, — заключил беседу Браумгартен. — Можешь верить: сделаем для революции все, что в наших силах. Страхнем с себя позор безрассудной холопской службы! Это прозвучало торжественно, как клятва.

Браумгартен, Гюнтер и Бауэр стали первыми германскими солдатами, которых севастопольские подпольщики привлекли на свою сторону. Но Фридриха, произведенного в младшие унтер-офицеры, вскоре перевели в Симферопольский гарнизон, и у Вапельника нарушилась наметившаяся было связь с немецкими автомобилистами. Зато в числе его друзей оказался Вольфганг Краузе, прошедший Палестинский фронт и люто ненавидящий империалистическую войну.

Краузе еще задолго до войны стал членом Германской социал-демократической партии, но в 1914 году разуверился в ее вождях. Это произошло после того, как социал-демократические депутаты вместе с прусскими юнкерами и другими империалистическими акулами проголосовали за военные кредиты. Он решительно перешел на сторону лидеров левых социал-демократов — Карла Либкнехта и Розы Люксембург, отстаивающих принципы интернационализма и международного братства рабочих. «Союз Спартака», как называли себя вначале интернационалисты, организовывал антивоенные выступления, руководил стачками, разоблачал грабительский характер войны, развязанной империалистами. За участие в одной из таких стачек Краузе был арестован и отправлен в действующую армию. В Сева-

стополь он прибыл в составе батальона, снятого с Палестинского фронта.

Вольфгангу не приходилось раньше встречаться с русскими социал-демократами, и когда он узнал, что в городе есть рабочий клуб имени Плеханова, решил во что бы то ни стало сходить туда. Ему «посчастливилось» разговаривать с меньшевистскими лидерами Канторовичем и Батманом, знающими немецкий язык. Беседы с ними разочаровали спартаковца. Это были такие же оппортунисты, как и германские социал-соглашатели. И все-таки он продолжал посещать это «культурное» заведение, которому покровительствовало германское командование.

Завсегдатаями клуба являлись и севастопольские подпольщики.

Беседа Краузе с руководителями клуба не ускользнула от внимания Вапельника. Заметил он и разочарование солдата. Через немецких друзей он, насколько было возможно, осведомился о взглядах Вольфганга, о его солдатской службе. Однажды, словно ненароком встретив Краузе в вестибюле, Александр обратился к нему по-немецки:

— Прошу извинить, но я оказался невольным свидетелем вашего разговора с господами Канторовичем и Батманом. Мне почему-то показалось, что у вас иные взгляды.

Краузе недоверчиво посмотрел на Вапельника.

— А кто вы такой?

— Затрудняюсь ответить на ваш вопрос. Считайте, что вы встретили товарища по классу. Сейчас хочется сказать о другом... Мне кажется, вы хотите понять политическую обстановку в нашей стране, но неудачно выбрали собеседников. Эти господа так же далеки от интересов рабочего класса, как и ваши немецкие социал-демократы. Их вполне устраивает, что рабочие одной страны истребляют своих товарищей в другой.

Краузе с любопытством посмотрел на Вапельника. «Этот русский, кажется, подслушал мои мысли», — подумал он и тут же спросил:

— Вы хотите сказать, что армия Германии воюет с русскими рабочими?

— Вот именно, — подтвердил Вапельник. — Не просто германская армия, а германские пролетарии воюют против русских пролетариев. Солдат Германии толкнули

на битву со своими братьями по классу, чтобы огнем и кровью отнять у них государственную власть и свободу, восстановить прежние эксплуататорские порядки и помочь собственной буржуазии еще туже затянуть петлю на вашей шее.

Краузе слушал молча, пытаясь не выдать охватившего его волнения. Он почувствовал в собеседнике человека, близкого по духу, по убеждениям. Положив широкую ладонь на руку Вапельника, он сказал:

— В Германии тоже есть люди, которые разделяют это мнение.

— А как думают солдаты?

— Солдаты подчиняются дисциплине. Им некогда думать о политике.

— Мне кажется, что дело в другом — им никто не напоминает о политике, о рабочей солидарности, о будущем!

— Вы правы, — вздохнул Краузе.

Тем не менее в его голосе угадывалось сомнение. Вапельник это понимал. Человек, неоднократно встречавшийся со шпиками и провокаторами, не мог просто так довериться первому встречному. Наводя справки о Краузе, Александр был осведомлен о его чрезвычайной осторожности.

— Вы вправе не доверять мне, — сказал Вапельник. — Я не настаиваю. Больше того, я не спрашиваю, кто вы, и сам доверяюсь вам.

Краузе недоуменно вскинул брови.

— Да, да — продолжал Вапельник. — Кто-то из здравомыслящих людей должен сделать первый шаг. Я его сделал. Теперь делаю второй.

С этими словами он протянул Краузе несколько листовок с воззванием. Тот, едва пробежав глазами заголовки, весь подобрался.

— Откуда это у вас?

— Об этом не спрашивают. Дадите почитать сослуживцам. Воззвание поможет солдатам понять, в чьих интересах ведется война, как должны действовать сознательные пролетарии.

С этими словами Вапельник удалился, оставив Краузе в тревожном недоумении.

В этот день у него была назначена встреча с Фрицем Леппенем, который также настойчиво и методично вел пропагандистскую работу среди немецких солдат. За

короткое время ячейки друзей были созданы почти во всех частях егерской дивизии, в саперном батальоне и артиллерийском дивизионе. Большевицкая пропаганда, воззвание «Союза Спартака» находили горячий отклик среди солдат.

С моряками дело обстояло хуже. Несмотря на все попытки подпольщиков, долгое время не удавалось установить связь с экипажами боевых кораблей. Трудность заключалась в том, что основная часть германского флота постоянно крейсировала у берегов Новороссийска и Одессы, а в редкие дни стоянок кораблей на Севастопольском рейде лишь небольшая часть свободных от вахты матросов получала краткосрочные увольнительные на берег. Пользующиеся большей свободой матросы с субмарин были высокомерны и заносчивы, мало общались с населением оккупированного города. Работа с ними не сулила успеха.

А настоящие друзья-интернационалисты находились рядом. Это были кильские моряки — пожилые резервисты, призванные на военную службу вскоре после нарушения Германией мирного договора с Советской Россией.

Вапельник знал о прибытии в Севастополь эшелонов с резервистами. О них сообщали и меньшевицкий «Прибой» и эсеровский «Вольный юг». Но Александр не придавал значения этому событию, ограничился лишь тем, что зафиксировал сообщение для очередной разведсводки. Между тем, среди резервистов оказалось немало активных участников антивоенных выступлений, людей, сочувственно относящихся к революции в России. «Открыл» их Михаил Котнер.

С наступлением лета здоровье Михаила пошло на поправку, и он стал навещать профсоюз металлистов, порт, железнодорожную станцию и союз солдат, где были товарищи, оставленные геркомом для подпольной работы. Зашел он и в кафе к Вапельнику, о котором ему в свое время рассказывал Андрей Лысенко.

Александр с нескрываемым интересом приглядывался к посетителю, назвавшему при встрече ту же условную фразу, что и председатель союза металлистов. «Ты, при случае, помогай нашей братве. Твои координаты у них на плененге», — вспомнил Вапельник слова Пожарова.

Лысенко был первым, кто вышел на его координаты.

«Этот тоже точно по курсу идет,—подумал Александр.— Значит, правильно говорил Лысенко: не только из-за болезни остался в Севастополе этот человек».

Михаил Котнер понравился Вапельнику. Они были почти ровесниками, но болезнь так изнурила Котнера, что он казался значительно старше. Серебряные пряди, сверкающие в длинных, отросших за время болезни волосах Михаила, его тонкое изрезанное морщинами лицо и приметная сутуловатость наводили на мысль о том, что он давно пережил свою молодую пору. А вот глаза... Серые, по-юношески живые и пытливые, они светились задорно и приветливо. Такие же глаза были и у сопровождавшего Михаила юноши.

— Младший брат, — представил его Михаил. — Вполне свойский парень.

«Свойский парень» предпочел представиться самостоятельно.

— Лева, — с достоинством произнес он, пожимая руку Вапельника.

— Ого, — воскликнул Александр, — вот это силища! У меня тоже не слабая рука, особенно после полуторалетней тренировки вот с этой клюшкой, и то чувствительно. А если такое рукопожатие кому-нибудь послабее?

— Будет знать наших, — ответил Михаил за брата. — Лева действительно молодец. Каждое утро тренируется с двухпудовой гирей и обливается холодной водой. Прочитал роман Чернышевского «Что делать?» и взял себе за образец Рахметова. Хочет быть не свидетелем, а бойцом революции.

Младший Котнер, казалось, не слышал слов брата. Он подсел к газетному столику и углубился в чтение. Вапельник с Михаилом прошли в соседнюю комнату.

— Из-за болезни я подвел и Пожарова, и товарищей, оставленных для подпольной работы, — словно оправдываясь, говорил Михаил. — Но вы, как мне рассказывали, не теряли времени даром. Теперь, пожалуй, можно созывать и организационное собрание... А с забастовкой морзаводцев получилось прямо-таки здорово. Металлисты — организованный народ. Сейчас надо усилить агитацию среди оккупантов. Разумное и вовремя сказанное слово склоняет перед собой оружие.

— С солдатами кое-какая работа проводится, — сообщил Вапельник. — В гарнизоне уже есть несколько

подпольных ячеек друзей. Но к матросам до сих пор никакого подступа нет.

— С моряками, разумеется, трудней, — согласился Михаил. — На кораблях сильная слежка. Да и проникнуть туда не просто. Но есть еще и береговые матросы — те, что прибыли эшелонами по железной дороге. Может, среди них удастся найти опору? Это ведь резервисты — вчерашние рабочие, мастеровые. Они проклинают и войну, и тех, кто оторвал их от родного очага, от семьи.

Михаил предложил Вапельнику напечатать листовку, обращенную к этим матросам. Текст ее он уже обдумал, и листовка, несмотря на ее краткость, получилась убедительной. В ней говорилось о том, что дала и намерена дать угнетенным народам пролетарская революция в России, что нужно сделать германским рабочим и крестьянам, чтобы помочь братьям по классу, а возвратиться на родину, — свергнуть господство эксплуататоров в своей стране.

Александру понравилось воззвание. Он взялся размножить его на ротаторе.

— Если нет возражений, то в помощь мне прикомандируй своего Рахметова, — предложил он. — Одному трудновато управляться.

— Что ж, пусть привыкает к настоящему делу, — согласился Котнер.

Лева охотно принял предложение Вапельника.

Вдвоем они за несколько часов отпечатали сотни полторы листовок. Александр остался доволен помощником. Тот быстро освоил приемы работы на ротаторе.

На следующее утро возле казарм матросов-резервистов и на стенах сооружений рядом с доком, где ремонтировался крейсер «Гебен», появились свежотпечатанные листовки. Многие резервисты познакомились с их содержанием до прибытия чинов военной полиции, вызванных перепуганным капитаном порта.

Внимательный наблюдатель мог заметить, как круто изменилось настроение этих людей. На крейсер и в мастерские они шли сосредоточенные и молчаливые. Видимо, глубоко в душу запал призыв к активной борьбе.

Вапельник и Котнер дорого бы дали, чтобы узнать, как восприняли моряки написанную ими листовку, но кого спросить об этом? «Хотя, почему же и не спросить? — размышлял Александр. — Это могут сделать Гюнтер или Краузе».

При первой же встрече Александр поручил своим друзьям-интернационалистам поговорить с матросами, выяснить их настроения. Спартаковцы принесли ему обнадеживающие вести и помогли завязать знакомства со многими резервистами. Двое из них — Курт Рихтер и Пауль Шварц — позднее стали организаторами ячеек друзей в экипаже плавучей мастерской «Кронштадт» и в порту.

Через матросов-судоремонтников подпольщикам удалось установить связь с экипажем «Гебена» и немецкими командами на захваченных русских кораблях. Обер-матросы Вернер Кюндлер и Август Кох, комендор Пауль Нокс и машинист Курт Зеллингер чаще других отлучались в город, где их встречали Александр Вапельник или Фриц Леппен.

При активном содействии новых товарищей по борьбе севастопольские подпольщики смогли распространять листовки и воззвание спартаковцев по всему гарнизону, порту, на большинстве кораблей. Нередко листовки попадались на глаза и военному полицмейстеру фон Аппелю. Тот догадывался, что в городе действует тщательно законспирированная большевистская организация. Его ищейки сбились с ног, пытаясь напасть на след, но ни массовые обыски и облавы, ни аресты «по подозрению» не увенчались успехом.

По приказу губернатора газеты меньшевиков и эсеров одновременно опубликовали приказ оккупационных властей «туземному населению» с требованием о выдаче германскому командованию «большевиков, матросов и красногвардейцев».

«По сведению полевой полиции, — говорилось в приказе, — у части населения большевики еще до сих пор пользуются сочувствием. Это сочувствие выражается в том, что они прячут от глаз германской полиции оставшихся в городе матросов и красногвардейцев и в случае надобности наводят германскую полицию на ложный след, помогая преступникам скрыться. По этому поводу пусть помнят эти круги населения, что германские войска пришли как победители, и как таковые они в состоянии заставить в точности исполнять приказы своих начальников».

Но и этот приказ оказался холостым выстрелом. Севастопольские «туземцы» разочаровали его авторов и не пошли в германскую военную полицию в качестве

осведомителей. Оккупационным властям пришлось искать других помощников. Вскоре в газетах появилось объявление: «Все бывшие русские жандармы и жандармские офицеры, члены сысской и другой* полиции, желающие получить должность, приглашаются для составления списков в германскую комендатуру».

Как сообщили вскоре «Прибой» и «Вольный юг», немецкая комендатура организовала «полицию по наблюдению за нравственностью».

Тогда же, чтобы отвлечь солдат от политики, комендатура приступила к созданию солдатских и офицерских публичных домов.

Узнав об этом, Вапельник брезгливо сплюнул. Чувство гадливости к высокопоставленным вырождакам, надеющимся подменить человеческое сознание скотской похотью, переполняло его душу.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОВЕТ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

В кафе на Таможенной проходила дружеская вечеринка.

Дотошным патрульным, заглянувшим в кафе, объяснили, что есть у русских такой обычай, когда за столом собираются одни друзья юности.

— Мальчишки... Мальчишник, — старалась как можно популярней растолковать Полина Александровна. — Ферштейн?

— Нихт, ниht ферштейн, — не понимал возглавляющий патруль обер-ефрейтор.

Лишь после третьей стопки, поднесенной хозяйкой дома, он, наконец, с превеликим трудом осмыслил, что такое мальчишник и чем он отличается от обычной выпивки.

— Традиция... Зеер гут, — пояснял он солдатам. — Э-э-э... мальчишник!

Поблагодарив щедрую старушку, блюстители порядка проследовали дальше.

После этого визита Соня и Дора затеяли в большом зале генеральную уборку. Парадную дверь закрыли, и в кафе можно было попасть только через двор.

---

* Очевидно, имелась в виду тайная полиция.

У подворотни торговали семечками и рассыпными папиросами Александр Ходос и брат Вапельника Анатолий.

— Дай пачку, — обратился к друзьям прохожий.

— У нас только рассыпные, — ответил Ходос.

— Может, хоть одна найдется? — не отходил покупатель. — Рассыпные мнутся в кармане.

— К сожалению, нет, — слышалась в ответ последняя условная фраза. — Зайдите в кафе. Быть может, там возьмете.

Посетитель проходил во двор. Здесь он встречался с Борисом Поляковым и исчезал за дверью.

Раньше всех пришли Мусий Кривохижа — невысокий худощавый клепальщик со стрелчатыми усами и его напарник по работе Дмитрий Скрыпник — коренастый, всегда улыбающийся крепыш. С ним Вапельник познакомился в профсоюзе металлистов, когда заходил к Лысенко.

Как старых друзей встретил он братьев Михаила и Матвея Котнеров, Семена Федорова. Точно в назначенное время появился в кафе представитель плавучей мастерской «Кронштадт» Осип Жигинас. Он был самым старшим среди участников собрания — недавно ему исполнилось тридцать лет.

Других приглашенных на «вечеринку» Вапельник видел впервые. Порывистый, резкий в движениях телеграфист, одетый, несмотря на теплынь, в форменную тужурку, представлял партийную ячейку городских связистов. Знакомясь с товарищами, он назвался Зеленским. От союза моряков на собрание пришел Зимин — широкоплечий, жизнерадостный здоровяк. По его походке за версту угадывался бывалый моряк, привыкший цепко стоять на ускользающей из-под ног палубе. Вслед за ним вошли Андрей Мазур, Иван Ржанников и Карпенко. Мазур был в форме железнодорожника, а в его спутниках угадывались портовые грузчики.

Позже других появился рыжебородый мужчина в поношенной одежде мастерового.

— Иван Назукин, — отрекомендовался он, поглаживая свою окладистую бороду. — Пришлось немного попетлять по городу. Боялся, как бы не притащить за собой хвост.

Вапельник уже слышал о Назукине — любимце балаклавских рабочих, рыбаков и моряков-подводников.

Александр с любопытством приглядывался к «матросу Ивану». На первый взгляд тот казался медлительным, даже флегматичным. Товарищи же характеризовали его как решительного и смелого человека. Став председателем Совета рабочих, крестьянских и рыбацких депутатов, Назукин на первом же заседании провозгласил в Балаклаве «начало социализма» и подписал декрет о передаче в собственность народа предприятий местных богачей. На другой день он сообщил исполкому губернского Совета, что Балаклава больше не знает эксплуататоров и эксплуатируемых, что местная буржуазия как класс перестала существовать.

Когда пришли оккупанты, Назукин, тяжело больной, лежал в госпитале. «Ликвидированная как класс» балаклавская буржуазия готовила жестокую расправу над матросом-большевиком, но верные друзья под покровом ночи похитили его из госпиталя и помогли укрыться в городе. Даже прикованный к постели, он продолжал вести борьбу, руководить подпольными большевистскими организациями в Балаклаве и на железной дороге.

...Собрание на Таможенной проходило бурно. Представители ячеек по-разному понимали цели и задачи своей работы в тылу врага. Потребовалось немало времени и усилий, чтобы определить единую линию.

— Главное — подготовка вооруженного восстания, — доказывали представители партийных ячеек союза бывших фронтовиков и военных моряков. — Мы можем поднять не менее двух тысяч человек, умеющих владеть оружием. Нас поддержат рабочие Морзавода и железнодорожники.

— Это левацкий заскок, — спорили с ними другие участники собрания. — Допустим, что мы сумеем захватить город. А хватит ли сил удержать его?

— Вслед за Севастополем поднимется весь Крым, — стояли на своем руководители союза.

— Ни к чему, кроме лишних жертв, это не приведет, — внес ясность Михаил Котнер. — Пока в силе Брестский договор, мы не можем рассчитывать на помощь Красной Армии. Без нее же нас сомнут. Сейчас гораздо важнее исподволь расшатывать германский тыл. Массовые забастовки рабочих, революционная агитация среди вражеских солдат, поиски контактов с германскими интернационалистами — такой должна быть

тактика. Заодно следует разоблачать предательство меньшевиков и эсеров, бороться с их влиянием.

Большинство подпольщиков поддержало это предложение. Но страсти улеглись не сразу.

— Шахраев у хати агитуют дрючком, а не розмо-
вамы, — бросил реплику молчавший до этого Мусий
Кривохижа.

Его поддержали другие сторонники немедленных и
решительных действий.

Им ответил Вапельник. Говорил он спокойно, рассу-
дительно, опираясь только на факты.

Он рассказал о спартаковцах и воззвании «Союза
Спартака» к германским солдатам, о матросах-резерви-
стах, которых насильно оторвали от семей и погнали в
Севастополь ремонтировать военные корабли, о под-
польных ячейках друзей, о росте революционных на-
строений в самой Германии. В конце он обратился с
вопросом к Кривохиже:

— Как бы ты поступил с германским солдатом, ко-
торый несет в казарму большевистскую листовку и воз-
звание «Союза Спартака»?

— Це инша справа, — смутился Мусий. — Такой
герман — своя людына.

— В том-то и дело, что наших друзей в германской
армии с каждым днём становится все больше и больше,
и нужно, чтобы ненависть к оккупантам не ослепляла
наше классовое сознание. Вместе с сознательными гер-
манскими солдатами мы должны направить ее против
общего врага — германского империализма.

— Биля моря чекаты погоды? — не соглашался
Кривохижа,

— Не ждять, а самим создавать нужную погоду, —
поправил его Вапельник. — Искать надежных людей,
формировать боевые дружины и отряды, добывать ору-
жие, организовывать крупные диверсии в порту и на
железной дороге. Нужно готовиться к борьбе в больших
масштабах, когда на империалистов обрушится мощь
Красной Армии и поднимутся трудящиеся всех оккупи-
рованных областей. Это время не за горами.

— Ото було б добре — навалытыся всею грома-
дою, — довольно усмехнулся Кривохижа. — Так бы вда-
рылы, щоб аж тырса посыпалась.

После долгих споров участники собрания приняли
предложения Котнера и Вапельника как программу

действий городской партийной организации. Тут же был избран и руководящий центр. Горком партии возглавил Михаил Котнер. В состав подпольного горкома вошел и Вапельник. Ему поручили руководить секцией по работе среди германских солдат. За Александром остались также организация печатной пропаганды и связь с Одесским губкомом партии.

Вместе со всеми Вапельник от души радовался созданию подпольного горкома. Он-то знал, как нелегко быть бойцом-одиночкой в стане врагов, когда следует рассчитывать лишь на свою находчивость и удачу. Теперь же есть с кем посоветоваться, если надо, получить помощь и поддержку. Вапельник видел, что рядом с ним, плечом к плечу, — надежные и верные люди, сплоченные стремлением к единой цели.

По крайней мере теперь появилась уверенность. Начинался период работы не на свой страх и риск, работы нужной, направляемой в русло общих задач партии. Уверенность усиливалась еще и тем, что подпольный горком поручил Дмитрию Скрыпнику связаться с ЦК РКП (б) и доложить о создании в Севастополе большевистского подполья, получить инструкции. Этих инструкций ждали все. Понимали, что доставить их не так-то легко. Ведь Скрыпник должен был перейти линию фронта, добраться до Москвы.

Все волновались, отправляя его в трудный путь, и с нетерпением ожидали возвращения своего посланца.

Шли долгие, томительные дни.

Своим чередом велась подпольная работа. В городе появлялись листовки. Зрело недовольство политикой интервентов.

Дмитрий Скрыпник возвратился в Севастополь, когда его уже перестали ждать. Он весь прямо-таки светился радостью. В кафе на Таможенной, куда Дмитрий пришел сразу по приезде, собрались Котнер, Назукин, Карпенко, Кривохижа, Ржанников и другие подпольщики.

— Съездил в общем удачно, — начал Дмитрий свой отчет о поездке. — Центральный Комитет в общем одобряет наш план действия.

— Да ты не о том, о главном говори, — перебил его Назукин, — Ленина видел?

— Нет, братцы, с Лениным не довелось встретиться, — виновато развел руками Скрыпник. — Беседовал

я с товарищем Свердловым, с Яковом Михайловичем. Он познакомил меня с руководителями Коммунистической партии и правительства Украины. Один из них, между прочим, мой однофамилец, тоже Скрыпник Николай Алексеевич. С ним были Коцюбинский, Косиор и Гамарник. Они советовали выходить за рамки Севастополя, поддерживать более тесную связь с Одессой. Там, говорят, крепкое подполье. Рекомендовали связаться с Симферополем и вместе создавать областную партийную организацию. Нашу тактику тоже одобрили. Косиор прямо так и сказал, что наша работа поможет созреванию и развязыванию революции в Германии. А это значит, что полетит к чертовой бабушке Брестский договор, будут освобождены и Украина, и Крым. Слышишь, Мусий, — обратился он к Кривохиже, — насчет немедленного вооруженного восстания тоже был разговор. Скрыпник просил разъяснить, что сейчас такое восстание преждевременно. Это, говорит, бланкизм.

Кривохижа весь подался вперед.

— Бланкизм? Гм-гм... Так-таки и сказав?

— Так.

— Дывысь, як, — задумчиво произнес Мусий. — От не гадав, не думав... А що воно такэ, цей бланкизм?

Подпольщики грохнули со смеху.

— Чого регочетэ, — невозмутимо продолжал Мусий. — А якщо я хочу знаты, як воно по-простому, польдськи зветься. Я ж не дуже освиченный.

Товарищи объяснили.

— Ну так я ж так и кажу, що треба навалытыся на ворога всею громадою, — резюмировал Кривохижа.

— Громада не только в Севастополе, — поправил его председатель горкома. — Нужно учитывать общую обстановку, чтобы на врага навалились и Россия, и Украина. Вот тогда придет наше время братья за оружие. Понимаешь?

— Це я давно розумию, — ответил Мусий. — Тільки важко чекаты того часу. А деяким германам и канторовичам треба зараз допомогты вризаты дуба достроково. Свитова революция вид цього не програе, а германский пролетариат выиграе.

— З цым згодный, — согласился Вапельник, незаметно для себя переходя на родной язык. — Алэ попишаты нэ трэба. Всякому ашауэру свий час.

— От Сашко мэнэ зрозумив, — улыбнулся Кривохижа. — Нияких суперечок больш нэма.

...О своих мытарствах, о том, что ему не раз приходилось рисковать жизнью, переходя вражеские кордоны, Дмитрий Скрыпник говорил коротко. На вопросы товарищей отвечал односложно.

— Ты поделись опытом, — настаивал Котнер. — Нам скоро Назукина посылать по твоему маршруту.

— В общем всякое было, — «делился опытом» Скрыпник. — Пришлось, как говорится, где тишком, где ползком, а где и на чувства нажимать: так, мол, и так, ищу семью, оставшуюся в совдепии... Сашкины документы тожегодились. Здорово он меня в дворяне произвел... Из Москвы было проще — бежал ст красных к своим крымским друзьям. Правда, с одним остзейским бароном пришлось поделиться «фамильными» драгоценностями. Зато до самого Симферополя ехал под его покровительством.

Привезенную литературу Скрыпник сдал «главному агитатору» — Александру Вапельнику. Это был настоящий клад для подпольщиков: несколько номеров газеты «Ди Факел», издававшейся на немецком языке русским Бюро революционной пропаганды, воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Украины к солдатам германской и австро-венгерской армий, листовки на русском языке, разоблачающие холуев империализма меньшевиков и эсеров, книги, брошюры, плакаты.

Вапельник в тот же день побывал в клубе имени Плеханова, встретился со знакомыми спартаковцами, поделился с ними пропагандистскими материалами. Нашлось применение и листовкам на русском языке...

В день приезда Скрыпника все афишные тумбы Севастополя пестрели красочными объявлениями. На них аршинными буквами была набрана фамилия лидера Центрального комитета меньшевиков Вольского. Афиши зывали:

«В клубе имени Плеханова состоится лекция члена ЦК русской социал-демократии Вольского».

«Приходите на лекцию Вольского».

«В гостях у истинных плехановцев — ученик Плеханова».

Меньшевики понимали, что лакейская служба оккупантам подрывает их авторитет в рабочей среде, и не

скупились на рекламу, рассчитывая, что залетный оратор поможет им снова завоевать популярность.

Вапельник решил по-своему откликнуться на выступление Вольского. В назначенное время он прибыл в клуб.

Народу собралось немало. Меньшевики были в восторге: щедрые расходы на рекламу не пропали даром. К началу лекции вместительный зал был забит до отказа. В первых рядах чинно разместилась «чистая публика». Основную массу посетителей составляли рабочие. Они занимали все ряды от пятого и дальше. На галерке мелькали веселые рожицы ребят с Артиллерийской улицы — друзей Бориса Полякова и Льва Котнера. Самих вожakov Вапельник встретил у входа в зал.

— Все в порядке, — доложили они. — Команда «голубятников» в боевой готовности.

«Так повторяется жизнь», — подумал Александр. Кажется, совсем недавно сам вот так же докладывал руководителю «Юной волны». Как летит время!

«Чистая публика» устроила Вольскому пышный прием — встретила его стоя, торжественными возгласами и рукоплесканиями. Он воспринял это как должное и бодро взбежал на трибуну. Изохрененный мастер разговорного жанра, он с первой же фразы заставил внимать своему хорошо поставленному голосу. Оратор густо уснащал речь мифологическими и литературными образами. Он не оплакивал благодетельный капитализм, а с пафосом говорил об иссякающих животворных кастильских источниках, причем слушатели должны были понимать, что гибель капитализма хуже, чем гибель источников в испанской провинции. На этом его скорбный голос достиг самой высокой ноты и вдруг... оборвался: в зале погас свет.

Здесь и там стали тускло вспыхивать спички, угодливо зажигаемые поклонниками залетного оратора. В коротких вспышках света стремительно замелькали белые пятна. Это с галерки на головы слушателей посыпались сотни листовок, свернутых треугольниками. Планируя и кружась, они долетали до самой трибуны.

— Включите свет! Немедленно дайте свет! — вопили передние ряды.

Они могли и не кричать: монтеры быстро обнаружили выкрученные пробки, и через несколько минут зал

снова сиял огнями. Но на Вольского уже мало кто обращал внимание: в руках присутствующих были листовки, в которых говорилось о предательской политике меньшевиков и их сговоре с врагами революции. Попытка Вольского овладеть аудиторией не принесла успеха. Он угадал это чутьем опытного оратора и, кое-как закруглив речь, покинул трибуну.

Недалеко от клуба Вапельник встретился с жокаками «голубятников».

— Как работа? — спросил младший Котнер.

— На пять с плюсом, — похвалил Александр. — Теперь нужно провести еще одну операцию — расклеить листовки возле казарм.

— О чем там в этих листовках?

— Воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Украины к германским и австрийским солдатам. Огромной силы воззвание. Будет действовать как фугас, — сообщил Вапельник.

— Ради такого дела стоит потрудиться, — оживился младший Котнер.

Через полчаса он уже был на Артиллерийской улице и инструктировал помощников:

— Будем работать с подстраховкой, вроде как расклеиваем объявления о собрании в профсоюзе «Иглы». Собрание через два дня, так что сейчас уже пора известить членов профсоюза. Коля Горшков, — показал он на рослого вихрастого паренька, — понесет ведро с клейстером и объявления. Как только одно объявление приклеит, через шесть-семь шагов сделает еще несколько мазков клейстером, это уже для листовок. Впереди и сзади пойдет прикрытие.

Такая тактика пришлась ребятам по душе, и они тут же отправились выполнять задание. Другую группу подростков Котнер возглавил сам. К утру на видных местах возле казарм появились листовки. Несколько экземпляров воззвания Котнеру и его друзьям удалось подбросить в мастерские порта и в помещение железнодорожного вокзала.

Вапельник не обольщал себя надеждами на немедленное действие листовок. Но он понимал, что они еще сыграют свою роль, что слова правды, которые они несут в себе, ускорят прозрение германских солдат. На этой правде, как на дрожжах, взойдет солдатский гнев против душителей революции и свободы трудящихся.

И он не ошибся в своих предположениях. Случилось все даже раньше, чем он ожидал.

Если бы Вапельник видел в эти дни Ашауэра, то без труда смог бы догадаться, что тот хронически не в духе. Полковник до поздней ночи засиживался в своем кабинете, поднимал с постели и вызывал к себе подчиненных. Но сведения, получаемые от них, явно не удовлетворяли самовлюбленного службиста, и он продолжал нервничать, теряясь в догадках, как и с какой стороны подойти к этим русским, оказавшимся куда непонятней на самом деле.

Предметом тревоги полковника была продолжающаяся забастовка рабочих Морского завода. Он знал, что кое-кто из генштаба при случае напомним, как из-за его, Ашауэра, нераспорядительности сорвался ремонт кораблей германского флота и турецкой эскадры. Чтобы отремонтировать стоящие в доках и на рейде суда, верховное командование было вынуждено послать в Севастополь матросов-резервистов. И это в то время, когда фатерлянд задыхается от нехватки людских ресурсов, когда Западный фронт требует все новых и новых подкреплений! А какая огромная армия нужна для удержания Украины, Белоруссии, Прибалтики, Крыма, для наступления на Кавказе!

Военный губернатор Севастополя все чаще и чаще писал в своем дневнике о служебных неприятностях и бедах.

Вот и сейчас неожиданно-негаданно нагрянула новая беда. Вслед за рабочими Морского завода забастовали железнодорожники.

Утешением для губернатора являлось лишь то, что забастовка началась не в Севастополе, а далеко на северо-западе, в каком-то Коростене, в Сарнах и Здолбунове, а потом перебросилась на юг. Он был вправе считать себя свободным от ответственности за ущерб, нанесенный забастовкой.

Конечно, Ашауэр понимал, что забастовка железнодорожников сводит на нет значение Крыма и Севастополя как «несравненной геополитической позиции» и базы для предстоящих кавказских операций, и принимал все меры, чтобы обеспечить нормальное железнодорожное сообщение во вверенном ему районе.

«Главное — найти и уничтожить большевистскую организацию, — размышлял полковник. — Это она на-

водняет город подстрекательскими прокламациями, руководит забастовщиками. Но попробуй найди! Полиция Апеля тут бессильна».

Не могли напасть на след большевиков и привлеченные на помощь сыщики тайной полиции бывшей Российской империи. Видимо, во главе подполья стоят опытные и весьма не глупые люди. Стало быть, военные власти имеют дело не с простачками. «Раз так, то опасность вдвойне велика», — сделал вывод полковник.

Нужные сведения не удалось получить и от арестованного при расклейке листовок на станции большевистского агитатора Голубева. Фон Апель и его специалисты по следственным делам подвергли агитатора самому строгому допросу, но этот фанатик даже под пытками не назвал соучастников. Пришлось пристрелить его «при попытке к бегству». Такую удобную формулировку придумал начальник военной полиции, когда «разгружал» переполненные тюрьмы и дома предварительного заключения. Впрочем, кажется, в этом деле у него уже были предшественники.

— У нас явное преимущество, — заметил однажды начальник полиции в беседе с военным губернатором. — Важно не упустить момент и воспользоваться этим преимуществом.

— Что вы имеете в виду?

Начальник полиции многозначительно ухмыльнулся. Занимаясь своим не всегда чистым делом, как он любил выражаться, «на научной основе», Ашауэр сделал несколько непогрешимых, с его точки зрения, выводов.

— Вас интересует, в чем наше преимущество? — после небольшой паузы проговорил он. — Извольте... Насколько мне известно, русские социал-демократы любят поговорить, пошуметь.

— Но мы имеем дело с большевиками, — нервно перебил его полковник.

— Тем лучше. Я основательно изучил тактику большевиков. Они занимаются обработкой умов. После несомненно псйдут на открытое выступление. Прошу заметить: **после** и на **открытое**. За это время мы их скрутим и не обязательно в открытую. Вооруженного удара из-за угла нам опасаться не следует.

— Не кажется ли вам, что большевики тоже кое-чему научились за последнее время?

— Видите ли, — начал было начальник полиции, но полковник не дал ему закончить фразу.

— Занимайтесь своими прямыми обязанностями. Меньше философии и больше дела!

В этот вечер полковник с горечью писал в своем дневнике: «В депо по-прежнему пусто. Для отправки экстренных маршрутов приходится формировать бригады из солдат. Уборка вагонов и составление поездов также производятся германскими солдатами. Вследствие поголовного отсутствия стрелочников, обязанности их выполняются старшими агентами службы. Пришедший с севера единственный поезд у семафора принимал помощник начальника станции».

Пока губернатор грустил над дневником, в кафе на Таможенной обсуждались те же вопросы, только в ином аспекте.

Вольфганг Краузе сообщил Вапельнику, что его батальон срочно перебрасывается в Донбасс, что в полках проводится регистрация бывших железнодорожников для комплектования паровозных бригад, которые поведут поезда на север.

— А что думают солдаты? — спросил Александр. — Рвутся в бой, мечтают поскорее попасть в окопы?

— Солдаты по горло сыты Палестинским фронтом, — ответил Вольфганг. — Я пришел к тебе посоветоваться. Нельзя дать батальону уйти из Севастополя. Нужно не на словах, а на деле вести борьбу против войны.

— Допустим, начнешь ты. А батальон поддержит? — спросил Александр.

Вольфганг задумался.

— Весь батальон? Нет. А за третью роту ручаюсь — там каждый второй считает себя спартаковцем. В остальных ротах наших друзей немного — по два-три человека.

— В таком случае лучше подождать, пока созреют для борьбы остальные подразделения, — посоветовал Вапельник.

Этот осторожный совет не удовлетворил Краузе. Он ушел от русского подпольщика с твердым намерением действовать, как подсказывает совесть: вести в ротах агитацию за решительный отказ ехать на фронт.

Вапельник был наблюдательным человеком и, конечно же, понял настроение Вольфганга. Но он не мог рас-

крыть перед ним новый план, который возник у подпольщиков, как только стало известно о формировании немецких паровозных бригад взамен бастующих русских железнодорожников.

Проводив Краузе, Александр отправился на Хрулевский спуск, к Ходосу.

— Ну, показывай свой арсенал, — вместо приветствия предложил Вапельник.

«Арсенал» оказался внушительным: несколько десятков винтовок, два пулемета типа «кольт», двадцать семь револьверов. В чулане хранился целый штабель ящиков с патронами. Самое главное Ходос приберег напоследок.

— Кое-какие припасы хранятся в этом мирном очаге, — похлопав ладонью по чисто выбеленной печке-голландке, сообщил он.

— Меня интересуют не винтовки, не пулеметы и не револьверы. Все это нужно, но ими железнодорожный мост не взорвешь, — ответил Александр. — Поляков говорил, что у тебя есть пироксилиновые шашки.

— Они здесь, — Ходос снова похлопал рукой по шершавой поверхности голландки. — А вот тут детонаторы и бикфордов шнур, — показал он на нижний ящик пузатого комода.

— За этим я и пришел, — сказал Вапельник. — Понимаешь, германцы задумали наладить железнодорожное сообщение, а мы должны закрыть семафор перед их эшелонами.

— Взрывчатки хватит, — заверил Ходос. — Если потребуется, можно будет «разгрузить» целую штольную флотского склада. На постах — наши хлопцы.

— Всю штольную разгружать не нужно, а это хозяйство упакуй в баулы и корзины, как багаж дачников, — попросил Александр, указывая на взрывчатку.

Весь следующий день он провел в хлопотах. Утром побывал в союзе моряков, разыскал Зимина.

— Мне рассказывали о тебе как о первом классе минере. Это верно? — отведя матроса в сторону, спросил он.

— Люди зря не скажут, — с достоинством ответил тот.

— Нужно на время вернуться к старой профессии. Для революции, понимаешь?

— Спрашиваешь...

— Тогда пойдем потолкуем.

Вапельник и Зимин вышли на улицу.

— Нужно взорвать железнодорожный мост в Инкермане, — спокойно, как будто речь идет о какой-то мелочи, сказал Александр.

— Какая необходимость? — недоверчиво глянул Зимин на своего спутника. — Железная дорога и без того парализована забастовкой.

Вапельник рассказал о сообщении Краузе.

— Раз такое дело, я готов, — согласился Зимин. — А где взрывчатка?

— Есть пироксилиновые шашки.

— Подходящий материал, — одобрил Зимин. — Люди будут?

— Думаю, втроем управимся: ты, я и еще один товарищ — армейский сапер.

— Если мост не охраняется, то хватит и троих.

— Я еду в Инкерман и выясню насчет охраны, — пообещал Александр.

Армейского сапера Степана Тищенко Вапельник застал дома. Тот без долгих раздумий согласился участвовать в операции.

— Руки давно чешутся по настоящему делу, — обрадовался он.

Степан взял на себя подготовку зарядов и тут же задумался:

— Как доставим взрывчатку в Инкерман? В кармане такой груз не пронесешь.

— Нужен транспорт, — понял его Вапельник. — Но какой?

— Экипаж, — с ходу предложил Тищенко.

— Верно, — согласился Александр, — нарядный экипаж.

— Есть такой! — Степан радовался собственной сообразительности. — Есть тут один татарин-лихач. За деньги даст напрокат и рысака, и пролетку.

— Все, договорились. Действуй!

Назначив подрывнику время и место встречи, Вапельник отправился в Инкерман. Он остался доволен осмотром местности: есть удобные подходы, недалеко проходит шоссе на Симферополь и проселочная дорога в сторону Балаклавы. Но мост сильно охраняется. Александр выждал и убедился, что через каждые два часа из небольшого домика под скалой, где размещается ка-

раульное помещение, выходит разводящий и производит смену часовых на невидимых в ущелье постах, а затем на мосту.

Во второй половине дня Вапельник вернулся в Севастополь. Зимин и Тищенко ждали его у Ходоса. Во дворе стоял легкий экипаж на резиновом ходу с поднятыми вверх тонкими лакированными оглоблями. Рядом у столба нетерпеливо копытил землю золотисто-рыжий жеребец.

— Вижу, не теряли времени, — одобрительно заметил Александр. — А у меня плохие вести: мост под охраной.

— На войне без жертв не бывает, — философски изрек Зимин, — часового придется снять.

— Но он не один.

— Ничего, справимся.

Вапельник изложил план операции.

Взрывать мост решили около полуночи, после смены часовых. Того, что у самого моста, вызвался снять Степан Тищенко. Чтобы не привлекать лишних людей, на кучерские козлы решили посадить Ходоса.

Готовились к заданию деловито и внешне совершенно спокойно, но в глубине души каждый волновался. Наблюдая за товарищами опытным взглядом бывалого солдата, Вапельник понимал их состояние. Казалось, каждая минута усиливает внутреннее напряжение. Чем ближе подходили стрелки часов к назначенному времени, тем сильнее возрастало напряжение.

Вапельник еще раз глянул на заранее подготовленный пропуск. Чем черт не шутит, можно ненароком натолкнуться на патрулей — и тогда прощай все. С пропуском надежнее.

Выехали перед вечером. Душный зной сменился легкой прохладой. Красавец рысак бойко бежал по каменистой дороге, высекая подковами каскады искр. Открылась Инкерманская бухта с рассыпанными вокруг огоньками пригородного поселка. В него решили не заезжать. Миновав железнодорожный переезд, неторопливо проехали еще с километр и остановились. Эту позицию на берегу Черной речки Вапельник облюбовал еще днем. Отсюда был самый удобный подход к мосту. Густой кустарник и приземистые домишки железнодорожников закрывали от часового берега речки.

— Видишь, Степан, как позаботилась природа о тво-

ей безопасности, — пошутил Вапельник. — При луне часового видно, как на ладони, а ты останешься в тени. К насыпи ползи, когда часовой пойдет в сторону того берега. Мы прикроем тебя со стороны караульного помещения.

— Это кстати, — отозвался Тищенко.

Подрывники улеглись в траве, дожидаясь, когда уснет поселок камнерезов и моряков. Над бухтой и речной долиной черным занавесом стояла тихая южная ночь. Лишь рысак, нетерпеливо перебиравший ногами, да шорох крыльев вылетевших за добычей ночных птиц нарушали настороженную тишину.

Первым поднялся Степан.

— Ну, я пошел, — по-будничному спокойно сказал он. — Ждите сигнала.

-- Будь удачлив, — напутствовали его товарищи.

Тищенко сделал несколько шагов и исчез в темноте.

Вслед за ним поднялись остальные. Ходос подтянул подпругу, проверил упряжь и вывел рысака на дорожку.

Исходный рубеж находился за выступом скалы, к которой прижалось несколько домиков. Здесь и остановились.

Приготовили оружие. Вапельник остался у экипажа, чтобы в случае тревоги задержать у переезда солдат, которые кинутся из караульного помещения к месту происшествия. Зимин и Ходос с «дачным багажом» направились к мосту.

Александр слышал шаги очередной смены караульных по каменистому ущелью. На переезде мелькнули и быстро растаяли силуэты. Очередная смена шла на мост. Через несколько минут солдаты протопали в обратном направлении. Вапельник отлично видел их. Значит, с этой позиции можно задержать врага.

После смены часовых прошло около двадцати томительных минут. Но вот послышался долгожданный сигнал — крик совы. И снова потянулись минуты ожидания.

«Заложили пироксилиновые шашки под пролеты, — мысленно отметил Александр. — Снаряжают запалы... Поджигают шнур».

Пора... Но почему никто не возвращается?

Вапельник прочно закрепил вожжи на сучке придорожного дерева и сделал несколько шагов в сторону моста. Отсюда поле обзора расширялось. Он заметил осве-

щенный квадрат. Значит, дверь в караульное помещение открыта. На фоне красноватого света промелькнуло несколько фигур. Обнаружили? Впрочем, не похоже. Пока все тихо.

Преодолевая боль в колене, Александр стал взбираться по откосу, поближе к караульному помещению. О себе он не думал. Следовало любой ценой задержать охрану, дать товарищам возможность сделать свое дело.

Щебень осыпался под его ногами. Он цеплялся пальцами за невидимые в темноте выступы скалы и полз, полз вверх.

Вот и верхний срез насыпи. Прежде чем подняться на него, Вапельник на мгновение притих, сиюсь разобрать в обстановке. Мимо прошумели тяжелые шаги. Солдаты шли не к мосту. По обрывкам фраз Александр догадался, что они собрались в поселок.

В этот миг слух уловил вскрик совы.

Стараясь не шуметь, Вапельник сполз вниз. Сердце тревожно стучало. Такого он не испытывал даже на фронте. Впрочем, там все обстояло иначе.

Где-то в тишине подкрадываются к мосту товарищи. Все ли у них благополучно?

Между тем трое смельчаков осторожно ползли вдоль насыпи. Ходос и Зимин переставляли перед собой тяжелые корзины. Каждый метр опасного пути казался непомерно длинным. В локти и колени впивались острые камешки. Гравий и сухая трава предательски шуршали при каждом движении.

Тищенко полз впереди. Он подкрался к самым рельсам, приник к прохладным, пахнущим мазутом шпалам. Часовой прошагал совсем рядом. На короткое мгновение его тень заслонила мерцающее звездами небо. Степан прислушался. Когда момент показался наиболее подходящим, он порывистым движением перевалился через рельс и пополз по шпалам. Вот часовой скрылся за выступом скалы. Теперь нельзя терять ни секунды... Тищенко сделал несколько неслышных прыжков и прижался к влажному, шероховатому известняку. Видимо, уловив шум, часовой повернулся и присел, всматриваясь в непроглядную темноту. Тищенко упруго бросил вперед свое сильное мускулистое тело. Глухо ударились о гравий отлетевшая в сторону винтовка, звякнула каска, и снова все стихло.

В это время скрипнула дверь караульного помещения. Сноп света полоснул по рельсам. Несколько человек вышло наружу.

Ошеломленные появлением солдат, Зимин и Ходос вжались в насыпь. Но солдаты проследовали в противоположную от моста сторону.

— Пронесло, — еле слышно шепнул Зимин.

В тот же миг снова послышался короткий вскрик совы.

— Тищенко звет, — подтолкнул напарника Ходос. — Пошли.

Смельчаки, пригнувшись, поспешили по откосу к мосту.

— Может, поднимаемся наверх и пойдем по шпалам? — еле переводя дыхание шепнул Ходос. — Там легче.

— Ерунду порешь, — оборвал его Зимин. — Будем видны, как на ладони.

С трудом добрались до мостового упора.

— Что вы там возитесь? — Послышался недовольный голос Степана Тищенко. — Давайте гостинцы.

Он вытащил наверх корзины, помог взобраться друзьям.

Через несколько минут смертоносный груз был установлен под бетонный выступ опорной стенки. Степан с помощью Зимина быстро разматал запальный шнур.

— Закуривай, — тронул Ходоса за плечо Степан Тищенко. — Быстрей.

Он накрыл юношу курткой и тот, убедившись, что свет не пробьется наружу, быстро прикурил от спички и тут же передал папиросу Степану. Тот сделал затяжку и спокойно осведомился:

— Какие куришь?

— Стамболи, — удивленно ответил Ходос. — А что?

— Помогают от зубной боли, — рассмеялся Тищенко, прикладывая тлеющий конец к косому срезу бикфордова шнура. — А у кого и голова больная — помощь от этого курева двойная.

Разожженный огоньком папиросы пороховой светлячок на короткий миг осветил его крепкие руки с узловатыми пальцами и тут же скрылся в глубине шнура, побежал к мосту.

— Ну, теперь ходу, — распорядился Тищенко.

Подрывники устремились вниз.

Вапельник уже вывел рысака из укрытия. Все молча забрались в экипаж.

Отдохнувший рысак взял с места.

— Ну как?

— Кажется, порядок! — тихо ответил Зимин. — Когда немцы вышли из караулки, думали, что конец, испортят, гады, всю обедню... К счастью, обошлось.

Александр ни словом не обмолвился о своем опасении за исход предстоящей операции, дружески похлопал Зимины по плечу.

В это время сзади поднялась ослепительно белая вспышка, и тут же раздался оглушительный грохот взрыва.

— Дело сделано, — все еще тяжело дыша, подвел итог Тищенко, — не скоро теперь отправятся на фронт германские эшелоны.

— С часовым повозился? — спросил Вапельник.

— Дюжий попался, чертяка, — стирая пот, ответил Степан. — Отъелся на крымских харчах... Чуть из рук не вырвался.

— От такого бугая вырвешься, — обнимая товарища, рассмеялся Ходос. — Меня из-под моста одной рукой вытащил.

— Так в тебе и весу, как в том зайце, — отмахнулся Тищенко.

Вапельник слушал товарищей и думал о только что одержанной победе, которая равна выигрышу крупного сражения на фронте. Ведь благодаря взрыву моста не только задержана отправка германских войск на север, но и ликвидирована попытка сорвать забастовку железнодорожников.

Покачиваясь на козлах фаэтона, он с благодарностью вспоминал Николая Пожарова. Это он рекомендовал Вапельнику Степана Тищенко.

— Добрый казак, — говорил Пожаров — Можешь на него положиться.

Позднее Александр узнал, что председатель городского комитета партии не для красного словца назвал Степана казаком. Он действительно происходил из казацкого рода войска кубанско-черноморского, хотя вырос в Крыму.

Его отец, Пантелей Тищенко, почти десять лет провел на царской службе. Молодой казак был лихим наездником, но когда пришло время отбывать воинскую по-

винность, родители не могли наскрести денег на строевого коня. Пришлось идти в пехоту. К концу службы он стал фельдфебелем. Дело было в Крыму. Тут Пантелей и женился на Агафье, дочери отставного севастопольского боцмана Корнеева. Трое их сыновей — Григорий, Иван и Степан — разделили участь отца. Когда началась война, они были призваны в пехоту, стали пластунами — по принадлежности к казачеству. А пластуны, как известно, всегда были там, где больше всего требуются ловкость, сила и отвага — в разведке. Из троих братьев уцелел только младший. С румынского фронта в родной Севастополь он вернулся с георгиевскими крестами и твердой верой, что только большевики дадут народу мир и свободу. Вместе с Пожаровым он ходил в атаки на курултаевцев под Бахчисараем. С отрядом моряков и рабочих Морзавода сдерживал натиск германцев и гайдамаков под Альмой, а когда настала пора оставить Севастополь, пришел к Пожарову и чистосердечно признался, что не может бросить стариков.

— Отец совсем плох — не выдюжит без меня в такое время.

— Что ж, — подумав, ответил Пожаров. — Без дела и тут сидеть не будешь. Оставайся. Товарищи найдут тебя, когда понадобится.

— Пусть не сомневаются, не подведу, — пообещал Степан.

И не подвел.

Раздумья Александра прервал толчок в плечо.

— В город ночью лучше не въезжать, — слышался голос Степана. — Давай повернем направо. Знаю, где укрыться.

— Дело говоришь, — согласился Вапельник, натягивая вожжи.

Жеребец выгнул шею и, играя, повел поджарым крупом.

— Ишь, стервец, не хочет направо, — впервые за всю дорогу заговорил Ходос. — Домой захотелось.

— К черту в зубы, — поддержал его Зимин. — Потерпит.

Как-то сразу стало легче. Напряжение исчезло, и все облегченно вздохнули: опасность миновала, задание партии выполнено.

Погони не было. Никем не замеченные, диверсанты

доехали до деревни, где у Степана Тищенко оказались друзья и сослуживцы по румынскому фронту.

«Одна задача выполнена, — думал Александр, помогая распрягать взмыленного жеребца. — Теперь нужно основательно заняться «палестинским» батальоном. Если удастся поднять его с помощью спартаковцев, за ним встанут против войны и другие подразделения.»

Спать не пришлось. Тем не менее передышка, сделанная в селе, прибавила сил. На рассвете экипаж кружным путем въехал на окраину Севастополя и затерялся на его улицах.

Через полтора-два часа к Вапельнику постучался Вольфганг Краузе.

— У меня мало времени, — еле переводя дыхание от быстрой ходьбы, выпалил он. — С трудом отпросился у фельдфебеля навестить земляков в артиллерийском дивизионе.

— Есть какие-нибудь новости? — поинтересовался Александр.

— Важные... Ночью наш батальон начал грузиться в эшелон, а утром дали отбой. Офицеры говорят, что были учения. А писари из штаба рассказывают, будто русские партизаны взорвали мост.

— Вот как, — удивился Александр. — Партизан поймали?

— Нет. Говорят, там был сильный отряд большевиков-матросов.

— Матросы? Так они же ушли с эскадрой в Новороссийск, — возразил Александр. — Там потопили корабли и сошли на берег.

— А команды дредноута «Воля» и крейсера «Троян», которые вернулись в Севастополь? — настаивал на своем Вольфганг.

---

* Ввиду нависшей угрозы захвата Черноморского флота в Новороссийске германскими войсками Советское правительство отдало приказ об уничтожении боевых кораблей. На рейде Новороссийска было затоплено три четверти всего тоннажа флота. Экипажи затопленных кораблей героически сражались против оккупантов и белогвардейцев на суше.

Эсерам, меньшевикам, украинским буржуазным националистам и реакционному офицерству ложью и клеветой удалось склонить команды линкора «Воля», вспомогательного крейсера «Император Троян» и шести миноносцев к возвращению в Севастополь. В ночь с 17 на 18 июня эти корабли вышли из Новороссийска. А через несколько дней они стояли на Севастопольском рейде под германским флагом.

— Сейчас на этих кораблях немецкие экипажи, — напомнил Вапельник. — Русских матросов ваше командование «захватило в плен» и отправило на работу в Германию.

— Многим удалось бежать.

Александр не стал опровергать слухи о бежавших матросах.

— Солдаты сильно огорчены, что не состоялась отправка на фронт? — спросил он.

— Представь, даже довольны, — улыбнулся Краузе. — И больше всех — я.

Он дружески хлопнул Вапельника по плечу и, переходя на деловой тон, сообщил:

— В батальоне многие готовились перейти линию фронта. Теперь такая возможность будет и у остальных. Я пришел к тебе за воззванием «Союза Спартака» и обращением украинских коммунистов. Есть еще?

— Немного есть, — ответил Александр. — Сейчас принесу.

Он на некоторое время оставил гостя одного. Из хитро замаскированного тайника в кладовой извлек пачку листовок и передал Краузе.

— Поделись с земляками из артиллерийского дивизиона, — попросил он.

— Там уже работает ячейка друзей, — сказал Вольфганг. — Артиллеристы тоже рвутся домой. Эта война всем осточертела.

Сообщение заинтересовало Вапельника. Значит, революционное брожение нарастало не только в батальоне, где служил Вольфганг Краузе. Агитационная работа, которую из дня в день вели Александр Вапельник, Фриц Леппен и другие севастопольские подпольщики, начинала сказываться на настроениях всего гарнизона.

Через несколько дней подпольщики получили новое подтверждение действенности своей работы. Этим подтверждением стал большой летучий митинг германских солдат и матросов на Историческом бульваре 15 июля.

Зачинщиками его оказались комендоры и машинисты дредноута «Гебен», с которыми Фриц Леппен познакомился совсем недавно. В этот день он шел на условленную встречу с ними, как всегда за несколько минут до прихода катера с «Гебена». Моряки издали увидели

худощавого рослого Фрица и, прыгнув на причал, бросились к нему с дружескими рукопожатиями.

— А где обещанное? — отводя Фрица в сторону, спросил машинист Курт Зеллингер.

— Держи, — Леппен передал матросу сверток с листовками и тут же предупредил:

— Пока спрячь подальше, потом раздашь. Старайся быть осмотрительнее.

Но Зеллингер поступил по-своему. Он сделал вид, что случайно нашел сверток на скамье возле пристани, и листовки тут же пошли по рукам. Вскоре к матросам присоединились гуляющие на бульваре солдаты. Собралась толпа человек в двести. Все оживленно обсуждали прочитанное.

— Правильно сказано: сначала нашими руками даймлеры задушат революцию русских рабочих, а потом обрушатся на нас, — говорил приятель Зеллингера комендор Пауль Нокс.

— Ничего не поделаешь, — обреченно ответил ему кто-то.

На садовую скамейку вскочил рыжий солдат из егерской дивизии.

— Как так «ничего не поделаешь»? — возмутился он, и его зычный голос перекрыл шум толпы. — Нас же — сила. Неужели мы не сможем заставить командование вернуть нас домой? Нужно только, чтобы все разом потребовали прекращения войны.

Рядом с солдатом на скамью поднялся матрос-резервист Цукерманн. В его руках была листовка с воззванием Коммунистической партии (большевиков) Украины.

— Нам говорят, что армия кайзера пришла на Украину навести законный порядок, — начал он. — Мы с вами знаем, какой это порядок. Это грабеж наших братьев — рабочих и крестьян. Вы знаете, кому идет награбленное и кому не терпится навести такой порядок, когда на Украине и в России снова будут капиталисты и помещики?

— Знаем, — послышался голос, — нашим даймлерам, нашим банкирам!

— Верно. А теперь послушайте, что предлагают нам украинские рабочие и крестьяне.

Цукерманн развернул листовку и прочитал заголовок воззвания.

«К солдатам германской и австро-венгерской армий».

Толпа утихла. Пожилой матрос окинул взглядом возбужденные, сосредоточенные лица собравшихся и продолжал:

«Мы, рабочие и крестьяне Украины, предлагаем вам, солдатам германской и австро-венгерской армий, мир. Предлагаем окончить войну на следующих условиях:

Прекратите защищать помещиков.

Не содействуйте тому, чтобы земля вместе с живым и мертвым инвентарем, которая при Советской власти перешла к нам, вновь попала в руки прежних узурпаторов.

Не защищайте больше фабрикантов и банкиров.

Не заставляйте рабочих вооруженной силой исполнять волю капиталистов; не грабьте у рабочих фабрики и банки для имущего класса.

Не разоружайте рабочих и крестьян.

Не отнимайте насильно хлеб у крестьян.

Не поддавайтесь на постыдную роль палачей...»

На этих словах Цукерманна перебили. К нему сквозь толпу протискивалось несколько унтер-офицеров в форме артиллеристов.

— Я тебе покажу, мерзавец, как бунтовать, — расталкивая солдат и матросов, выкрикнул рыжий унтер.

Его дюжие спутники устремились к читающему листовку матросу. Но пробиться им не удалось. Крепкие кулаки комендоров и машинистов «Гебена» охладили пыл ретивых служак. Не поскупились на тумачи и солдаты. Унтера с побитыми физиономиями и помятыми боками еле вырвались из толпы и пустились наутек. Их подгоняли озорные посвисты и град камней.

— Давай, матрос, читай дальше, — слышались голоса.

Цукерманн снова поднялся над толпой.

— С этими барабанными шкурами разделались неплохо, — кивнул в сторону унтеров матрос. — Так же надо поступать и с теми, кому они служат.

— Подожди, дойдет и до них очередь, — ответил из толпы солдат в измятом мундире.

— Вот что предлагают нам украинские рабочие и крестьяне, — продолжал спартаковец, снова развернув листовку:

«Если вы исполните эти условия, то мы обязуемся ничего против вас не предпринимать и не делать вам никакого зла...»

Голос чтеца плыл над притихшей толпой, будоражил сердца людей, одетых в военную форму.

«Итак, мы спрашиваем: хотите ли вы заключить с нами мир? Если нет, то мы будем продолжать бороться до последнего вздоха...»

Лучше пасть в бою, чем постыдно подчиниться — такова наша непоколебимая воля.

Теперь настала ваша очередь — отвечайте».

— Подписано Центральным Комитетом Коммунистической партии Украины, — закончив чтение, сообщил Цукерманн. — Что мы ответим на это обращение?

— Долой войну!

— Довольно быть палачами!

— Домой!

Толпа бушевала.

Рядом с Цукерманном на импровизированную трибуну взгромоздился Пауль Нокс.

— Матросы «Гебена» не хотят продолжать холопскую службу. Мы будем бороться за возвращение на родину, чтобы схватить за горло акул, которые торгуют нашей кровью.

Закончить речь Ноксу не удалось. Со стороны артиллерийских казарм показались отряды патрулей. Митинг быстро рассеялся.

Патрули сделали для острастки несколько выстрелов в воздух, но преследовать матросов и солдат, численно превосходивших их, не решились. Зато в казармах и на дредноуте участников митинга ждало строгое расследование. Были опрошены все, кто отлучался в этот день. Но, как выяснилось, никто из опрошенных не был в районе Исторического бульвара. Командованию оставалось лишь принять меры к тому, чтобы на будущее усилить наблюдение за подчиненными.

Сделали выводы для себя и севастопольские подпольщики. Вапельник воспринял этот митинг как первый сигнал назревающего революционного подъема в оккупационных войсках. И хотя говорят, что первая ласточка не делает весны, он знал, что за первой последуют другие.

Шел 1918 год... Знойными выдались июль и август. На селе полным ходом велась уборка обильного урожая. Особенно хорошо уродились фрукты и виноград. Но в Севастополе по-прежнему не хватало продовольствия. Германские власти не обременяли себя заботами о местных жителях. В городе не было не только хлеба, но даже пресной воды. За ней ходили к старым колодцам и в балки, по которым вода протекала вместе с нечистотами.

Для водоснабжения войск оккупанты пустили ингерманскую водокачку. Линии же городского водопровода бездействовали.

В Севастополе вспыхнула эпидемия дизентерии. Вслед за ней участились случаи заболевания холерой.

Забастовка рабочих Морского завода и железнодорожников продолжалась. Германское командование сулило бастующим и хлеб, и свежую воду, если они согласятся приступить к работе. Но интервентам так и не удалось завербовать штрейкбрехеров.

Сопrotивление севастопольцев оккупационному режиму становилось все более организованным и упорным. Даже после восстановления взорванного моста оккупанты не сразу отправили поезда из Севастополя. Оказалось, что в депо нет исправных паровозов. Потребовалось немало времени, чтобы отремонтировать несколько локомотивов. Лишь 26 июля со станции вышел первый поезд. Его повела на Джанкой смешанная бригада, в которую входили русские кондуктора с представленной к ним охраной. На паровозе находились германские солдаты.

Командование оккупантов вновь обратилось к железнодорожникам с предложением «прекратить саботаж». В листовках, расклеенных на станции, германские власти сообщали, что забастовка рассматривается ими как выступление против оккупационных войск и поэтому бастующие будут подвергнуты самым строгим наказаниям.

Одну такую листовку Тищенко сорвал с забора и принес Вапельнику. На палевой оберточной бумаге афишным шрифтом был отпечатан устрашающий текст. Самыми крупными буквами с листовки кричали слова:

«Несчастия и лишения ждут вас, железнодорожники, если вы не приступите к службе немедленно. Есть еще время, одумайтесь!»

— Ишь ты, — иронически усмехнулся Александр. — Видать, здорово прикрутило этих господ, раз они издают такие дикие вопли.

— Это еще что! — хлопнул рукой по боковому карману Тищенко. — Есть кое-что почище.

Он извлек несколько измятых газет.

— Начинается политика не только кнута, но и пряника, — сказал он, передавая газеты Вапельнику. — Похоже, что генерал Кош и полковник Ашауэр скоро и вовсе выть начнут.

Вапельник развернул «Южные ведомости», прочитал:

«Симферополь, 28 июля».

— Вот она, приманка, — ткнул Тищенко пальцем в подчеркнутый абзац. — Так и написано: «Германские власти из Севастополя предложили сообщить местным железнодорожникам о том, что им будет уплачено жалование за май, июнь и июль с тем, чтобы рабочие стали на работу на участке от Севастополя до Сиваша».

Вапельник с явной заинтересованностью стал просматривать газеты. «Крым» опубликовал извещение о том, что приступившим к работе будет обеспечена охрана со стороны германских войск. Они получают повышенный продовольственный паек. Посулы и угрозы сыпались как из рога изобилия.

Попытка интервентов дезорганизовать и расколоть ряды бастующих побудила Вапельника и его единомышленников выпустить новую листовку, раскрывающую антинародный характер этих происков.

Подпольный горком партии сосредоточил внимание на работе среди железнодорожников, разъясняя им всенное и политическое значение происходящей борьбы. Днем и ночью в маленьком домике на Базарной улице печатались листовки. У Вапельника их получал член стачечного комитета, рабочий депо большевик Андрей Мазур. Через своих товарищей он распространял большевистские воззвания не только в Севастополе, но и на других крымских станциях — в Симферополе, Джанкое, Владиславке.

Между тем командование интервентов свирепело. Забастовка железнодорожников приводила немцев в

ярость. Военная полиция фон Аппеля и русская полиция, сформированная по приказу оккупационных властей полковником Марковым, убедившись в тщетности приманки, устроили «охоту» на железнодорожников по всем правилам жандармско-полицейского искусства. Но ее результаты не оправдали их надежд. Машинисты, кондуктора, путейцы прятались, как могли, от полицейского глаза.

Не обходилось и без курьезов. Об одном из них 31 июля сообщали «Южные ведомости». В заметке говорилось:

«На почве принуждения железнодорожников к работе произошел следующий курьезный случай. 28 июля были арестованы... пекарь Татаринцев и сапожник Васильчиков, которые под конвоем были отведены на вокзал и посажены на паровоз с приказанием вести его.

Их уверения, что они никогда паровозом не управляли, не помогли. Не помогли также предъявленные рабочими членские карточки своих союзов. От них настойчиво требовали под угрозой применения оружия приведения паровоза в движение. Только явившемуся дежурному по депо удалось убедить власти в непричастности Татаринцева и Васильчикова к железнодорожному миру, и оба задержанных были отпущены».

Во время облав в руки полиции попадали и лица, имеющие прямое отношение к «железнодорожному миру». 3 августа на станции Симферополь было задержано около ста человек, среди которых оказалось двадцать путейцев и рабочих депо. Задержанные железнодорожники категорически отказались стать на работу. Их заключили в арестное помещение при железнодорожной комендатуре.

Несмотря ни на что забастовка продолжалась. Этому в значительной мере способствовало воззвание Центрального Комитета Компартии Украины «К украинским железнодорожникам», доставленное в Севастополь тайной почтой. Подпольщики, не медля, распространили его.

К этому времени Вапельник уже имел друзей среди наборщиков и печатников типографии эсеровской газетенки «Вольный Юг». Работающий там бывший матрос Черноморского флота Савва Судитов тайком от владельца типографии Соломона Гольдштейна сумел набрать и отпечатать на «американке» несколько со-

экземпляров воззвания. Вскоре на станционных постройках и на улицах города появились новые листовки.

Германские власти запретили проводить в городе митинги и собрания. Но есть ли предел народной смекалке и изобретательности? Рабочие под разными предложениями собирались на частных квартирах, в кофейнях, а иногда и в клубе имени Плеханова. Сюда шли и агитаторы подпольного горкома партии, чтобы поговорить с железнодорожниками, обсудить воззвание Центрального Комитета Коммунистической партии Украины, поддержать боевой дух бастующих.

Военный полицмейстер фон Аппель и начальник полицейского округа полковник Марков не давали своим подчиненным покоя ни днем, ни ночью, требуя выловить агитаторов. На станции вывесили приказ, в котором говорилось, что агитаторы, призывающие к забастовке, будут казнены. Но грозный приказ военного полицмейстера в первую же ночь оказался заклеенным листовками с призывом усилить борьбу против оккупантов.

Железнодорожники держались стойко.

Не менее важные события назревали и в оккупационных войсках. Для непосвященного севастопольский гарнизон ничего необычного не представлял. Солдаты несли гарнизонную службу, соблюдали все атрибуты воинской дисциплины, не дерзили офицерам, четко выполняли все приказы и распоряжения. На параде, устроенном полковником Ашауэром в честь прибывших в Севастополь гравнокомандующего германскими армиями на Украине фельдмаршала Эйхгорна и имперского посла в Киеве барона фон Муллина, солдаты 217-й егерской дивизии, моряки дредноута «Гебен», крейсера «Бреслау» и экипажи субмарин показали неплохую строевую выучку, действовали слаженно и умело, дружно кричали: «Хох! Хох! Хох!», чем привели в восторг высокопоставленных гостей. На парадном обеде в управлении военного губернатора престарелый фельдмаршал произнес растрогавшую всех речь о беспримерном послушании германского солдата. Он сердечно поблагодарил военного губернатора, а в его лице всех командиров частей за поддержание высокой воинской дисциплины в полках и на кораблях в трудное для фатерлянда время, когда враждебные державы на западе разворачивают наступательные операции, а на растянутых коммуникациях Восточного фронта из-за непрекращающейся

ся забастовки железнодорожников так нелегко маневрировать войсками и приходится держать крупные гарнизоны.

— Вы проявляете высокое искусство в управлении вверенными вам войсками, — говорил Эйхгорн. — Севастопольский гарнизон обрадовал меня хорошей выучкой и дисциплиной.

Из Севастополя фельдмаршал отбыл в Ялту. Полковник Ашауэр с удовольствием записал в своем дневнике, что «войска произвели хорошее впечатление на Эйхгорна».

Но это внешнее благополучие было обманчивым.

Не успели высохнуть чернила в дневнике военного губернатора, как стали поступать донесения о митингах солдат и матросов, о появлении большевистских листовок в казармах и на кораблях.

Полковник решил принять самые строгие меры, чтобы пресечь революционное брожение в гарнизоне.

В ночь с 16 на 17 июля в казармах флотского экипажа, где жили матросы-резервисты, была объявлена тревога и весь личный состав с вещами выведен на плац. Сюда же в сопровождении взвода полицейских прибыли унтер-офицеры артиллерийского дивизиона, с которыми так непочтительно обошлись участники митинга на Историческом бульваре. Пока полицейские перетряхивали личные вещи матросов и обшаривали казармы, унтера, словно ищейки, рыскали вдоль строя. Фридрих Цукерманн, видя их приближение, перебрался во вторую шеренгу, но и тут спрятаться не удалось. Распоряжавшийся осмотром капитан Клодт — коротконогий толстяк с тараканьими усами — скомандовал:

— Первая шеренга, пять шагов вперед, шагом марш!

Цукерманн снова оказался на виду. Он был слишком приметен, чтобы остаться неузнанным, но старался ничем не выдать своего волнения. Когда подошли унтера, он встретил их таким же безразличным взглядом, как и другие матросы. Ищейки, переговариваясь между собой, прошли еще несколько шагов, остановились, снова вернулись назад, к Цукерманну.

— Этот читал листовку на бульваре, — словно дулом револьвера, ткнул пальцем в грудь матроса один из унтер-офицеров.

— Это недоразумение, — с независимым видом ответил Цукерманн. — Я не видел никаких листовок.

— Молчать! — рявкнул коротконогий Клодт и, поднявшись на цыпочки, залепил резервисту пощечину. — В полиции заговоришь по-иному.

По шеренгам прошел ропот негодования. Достаточно было маленькой искры, чтобы произошел взрыв, и Клодт каким-то шестым чувством угадал это.

— Друзья мои, — обратился он к матросам. — В наши ряды проник вражеский агент, которого опознали доблестные артиллеристы. Пусть вас не смущает это ночное построение... Так нужно для родины. А сейчас спокойно расходитесь по казармам. Я верю: вы достойные сыны Германии.

Матросы молча выслушали гауптмана и, понутив головы, разошлись с плаца. В казармах им пришлось стать свидетелями ареста еще двух товарищей. Полицейские обнаружили у них под постелями листовки с воззванием «Союза Спартака» и несколько экземпляров «Факела». От этих матросов могла потянуться нить к Паулю Шварцу и другим членам подпольной ячейки друзей. Шварц и Рихтер провели бессонную ночь, ломая головы над тем, как спасти организацию от провала. Наутро они пошли в порт, так и не придя ни к какому решению.

Леппен, как обычно, встретил матросов у проходной. Те знаками дали понять, что есть важные новости. Он битый час толкался у ворот, поджидая спартаковцев, по встревоженным лицам которых нетрудно было понять, что новости будут не из приятных.

Рихтер ведал инструментальным хозяйством, и ему раньше Шварца удалось выйти к проходной под предлогом сдачи на склад какого-то инвентаря. Не скрывая волнения, он рассказал подпольщику о ночном построении и арестах, поделился своими опасениями. Вскоре из проходной вышел и Пауль Шварц, сказавшийся мастеру больным. Он не был намерен возвращаться в казарму и просил подыскать ему временное убежище.

— Не сегодня, так завтра дойдет очередь и до меня. Тогда все, — сказал Пауль. — На свободе же я еще смогу принести пользу нашему делу.

Леппен колебался. Но мог ли он отказать спартаковцу!

— Хорошо, — пообещал он. — Побудешь пока у меня.

Он отвел спартаковца на свою квартиру, а сам отправился на розыски Вапельника.

— Плохи дела, — услышав сообщение Леппена, по-мрачнел тот. — Цукерманн — отличный агитатор, жаль терять таких людей. Надо выручать. Не узнал, куда отвели арестованных?

— Рихтер уверяет, что все трое на гауптвахте при комендатуре Северной стороны.

— На гауптвахте? — оживился Вапельник. — Это упрощает дело. Там в карауле солдаты из егерской дивизии. Нужно сегодня же встретиться с Гюнтером и Бауэром.

— А как быть со Шварцем?

— Поместим пока в пустующую квартиру одного моего знакомого. Вполне укромное место. Позднее, может быть, удастся переправить этого товарища через линию фронта.

Так и сделали. Переодетого в штатское Пауля Шварца Александр Ходос проводил на свою старую холостяцкую квартиру, а Вапельник отправился выяснять обстановку.

Подпольщики не ошиблись. Гауптвахту поочередно охраняли штурмовики из Вильно, солдаты батальона, в котором служили спартаковцы Гюнтер и Бауэр, и фронтовики, прибывшие с Ближнего Востока.

Рассудительный Отто Гюнтер внимательно выслушал Вапельника и тут же подвел итог:

— Ребятам грозит расстрел за подстрекательство к бунту в военное время.

— В таком случае организуйте побег, — предложил Александр.

Отто отрицательно покачал головой.

— За побег военных преступников военно-полевому суду будет предан весь караул. Нужно что-то другое. Но что?

— Освободить на законном основании, — с хитринкой в голосе подсказал молчавший до этого Курт.

Отто недоумевающе посмотрел на приятеля.

— По распоряжению господина военного коменданта, — спокойно продолжал тот. — Караул подчиняется только двоим — ему и держурному офицеру.

— Но ведь у коменданта не две головы на плечах, — возразил Гюнтер. — Он никогда не решится отпустить арестованных, числящихся за военной полицией.

— Ты прав, — согласился Бауэр. — У коменданта действительно не две головы, и для спасения одной он

даст любое распоряжение. Нужно только как следует поговорить с ним....

Курт предложил смелый и во многом рискованный план: захватить коменданта, одинаково ненавистного и солдатам и местному населению, заставить его подписать распоряжение об освобождении арестованных матросов.

Вапельник и Гюнтер задумались. Оба понимали, как велик риск.

Друзья тщательно обсудили план предстоящего пленения коменданта. О захвате его в комендатуре не могло быть и речи. Дежурный офицер, писаря и часовые в любую минуту могли поднять тревогу. Нечего думать и о том, чтобы взять его на дому. Майор Мунк предусмотрительно поселился на втором этаже над комендатурой. Оставался единственный вариант — брать на улице.

— Легко сказать, — покачал головой Гюнтер. — Для этого надо знать, когда и по каким улицам он ходит.

— Вот об этом-то мы узнаем раньше самого коменданта, — оживился Вапельник. В его глазах засветились озорные огоньки. — Даже вышлем за ним экипаж.

На лицах собеседников отразилось недоумение. Но Александр тут же рассеял его, ознакомив всех со своим планом.

...Вечером в кабинете коменданта раздался телефонный звонок.

— Комендант Северной стороны майор Мунк слушает.

— Герр майор, начальник гарнизона в двадцать один час проводит срочное совещание старших офицеров. За вами выслан экипаж, — послышалось в трубке. — Передал дежурный писарь штаба...

Фамилии комендант не расслышал. Чертыхнувшись про себя, он аккуратно прикрыл дверцу сейфа, дважды повернул ключ и, отдав какое-то распоряжение дежурному офицеру, вышел к воротам. На правой стороне улицы уже стоял фэзтон. На козлах сидел солдат.

— Герр майор, за вами, — доложил он.

Майор не спеша закурил, натянул перчатки и направился к фэзтону. «Свинья этот Розенкранц, — мысленно ругнул Мунк адъютанта командира дивизии. — Мог бы прислать и автомобиль».

Он пружинистым движением вскинул свое тело на сиденье и тут же оказался в могучих объятиях Бауэра. Лошадь рванула с места, и резиновые шины мягко зашуршали по мостовой.

— Все в порядке, — услышал Мунк голос еще одного седока, которого он вначале не заметил. Майор почувствовал прикосновение металла к левому боку.

— Ради вашей безопасности рекомендую сидеть тихо, — продолжал сосед. — Надеюсь, вы уверены в достоинствах вашего пистолета?

Для ошеломленного майора это предупреждение было лишним.

Ехали по неосвещенным улицам.

— Кто вы? — немного придя в себя, спросил он. — Куда вы меня везете?

— По телефону вам сообщили достаточно ясно — на срочное совещание. Немного терпения, герр майор.

— С вашего позволения, — обратился к трясущемуся от страха офицеру седок с пистолетом, — мы выполним одну пустяковую формальность.

Он навалился плечом на Мунка, и тот почувствовал на лице плотную ткань повязки.

— Зачем завязали глаза? — скорее с перепугу, чем от негодования, запротестовал майор. — Я буду жаловаться.

В ответ — ни слова.

— Что меня ожидает? — взмолился комендант.

— Это будет зависеть от вашего поведения на совещании, — спокойно ответил ему Гюнтер.

Фаэтон все катил и катил по безлюдным улицам. Изредка его сильно встряхивало, рессоры тихо поскрипывали. Мунк догадался, что дорога пошла по окраинным улицам.

Наконец, остановились.

...Совещание состоялось в подвале полуразрушенного дома. Оно было обставлено не так торжественно и чинно, как у начальника гарнизона, но и проходило не так нудно. Подпольщики без лишних слов предложили коменданту выбор: или дать распоряжение об освобождении арестованных матросов, или... Майор понимал, как ограничены возможности этого «или», и, попросив у сопровождавших его солдат полевую сумку, дрожащей рукой набросал на служебном бланке записку начальнику караула.

— Позор! — возмущенно воскликнул Гюнтер, прочитав написанное. — Комендант пишет в таком жалком пресительном тоне. А почерк! Моя бабушка более твердым почерком писала свое завещание.

Мунк пугливо съежился. Вспомнил, что не успел оставить завещания и теперь, чего доброго, алчные родственники растащат по кусочку, по ниточке, с невероятным трудом накопленное добро. При одной мысли о такой возможности смерть казалась во много раз ужасней.

— Виноват, — тихо прошептал он. — Вы сказали завещание...

— Распоряжение, — перебил его статный солдат, — не путайте. Вот вам новый бланк и пишите. Представьте, что вы у себя в кабинете.

— И совсем не хотите умирать, — добавил кто-то за его спиной.

Комендант заново написал распоряжение.

— Вот, — протянул он листок. — Теперь так? От меня больше ничего не требуется?

— Пока нет. Вы останетесь заложником. Если через два часа наш товарищ не вернется с известием, что матросы свободны, вас расстреляют.

— Но ваш... уполномоченный не знает ночного пропуска, — заволновался майор.

— Вы его сообщите, — последовал ответ.

Мунк, едва владея собой, вывел на клочке бумаги слова пропуска и отзыва и в изнеможении прислонился к холодной шершавой стене.

— О, майн гот... Майн гот, — беззвучно шептал он. — Что будет со мной и моей семьей... Я не переживу этого позора.

Но он явно стремился пережить все.

Огарок сальной свечи тускло освещал мрачный подвал. Сбоку, совсем рядом, стоял невидимый в темноте человек. Его лица Мунк разглядеть не мог. Впрочем, он и не силился сделать это. Майора словно гипнотизировал чуть поблескивающий во мраке ствол револьвера, который бесстрастно и тупо смотрел мертвым зрачком отверстия в самое лицо.

Время, казалось, застыло.

С мокрой стены размеренно падали тяжелые капли, чем-то напоминая тиканье часового механизма. Кап, кап, кап... С каждой каплей приближалось нечто роковое. Что? Жизнь или смерть?

Наконец на лестнице послышались приглушенные голоса, шум шагов.

Посланный с запиской к начальнику караула Курт Бауэр возвратился с известием, что арестованные на свободе.

Выпроводив Мунка, Вапельник от души поблагодарил Отто Гюнтера и Курта Бауэра. Спартаковцы на деле доказали, что на них можно положиться.

Еще до рассвета всех освобожденных и Пауля Шварца подпольщики отправили в деревню к друзьям Степана Тищенко. Снабженные фиктивными документами, они перешли линию фронта и стали активными бойцами одной из интернациональных частей Красной Армии.

Немецкое командование неистовствовало. В полках и на кораблях гарнизона фельдфебели читали солдатам и матросам грозные приказы Ашауэра о предании бежавших матросов военно-полевому суду как дезертиров и изменников. Изменником фатерлянда объявлялся и майор Мунк.

Но нижние чины, видимо, не разделяли негодования своих начальников. Многие искали удобного случая, чтобы последовать примеру беглецов и покончить с ненавистной военной службой.

Дезертирство германских солдат вскоре приняло такие размеры, что высшее командование было вынуждено вывести часть войск из Севастополя и отправить на Кавказский фронт. Командиром сводного полка, отбывающего на фронт, генерал Кош назначил полковника Ашауэра, не оправдавшего надежд на посту военного губернатора.

Ашауэр был огорчен, но своей печали не доверил даже дневнику. «Раз уж так случилось, мы поплывем к заветной цели, как аргонавты за золотым руном», — бодро писал он.

Но еще до отплытия начались не предвиденные командованием события.

Снова, как и в начале июля, весть о предстоящей отправке войск Вапельнику принес Вольфганг Краузе. Он заверил Александра, что палестинский батальон не выступит на фронт даже в том случае, если против него обрушится вся тяжелая артиллерия «Гебена».

— Сейчас уже не одна третья рота, а все подразделения пойдут за спартаковцами, — сказал Краузе. — Солдаты открыто читают и обсуждают ваши листовки.

Весь батальон похож на пороховой погреб. Нужна только небольшая искра — и вспыхнет восстание.

— Когда предполагается отправка? — уточнил Вапельник.

— По всей вероятности 14 августа, после окончания разгрузки прибывших транспортов.

— Времени маловато, — прикинул Александр. — И все-таки постараюсь организовать поддержку в других частях. Там тоже есть смелые спартаковцы. Действуйте решительно и без колебаний. Думаю, что артиллерия дредноута вам не мешает. Пушки сами не стреляют, а комендоры не только читали, но и поддерживают воззвание «Союза Спартака», понимают свой интернациональный долг.

Краузе внимательно выслушал Вапельника и решительно поднялся.

— Поддержат нас или нет, но мы решили твердо: батальон не пойдет на фронт. Ячейка друзей постановила: лучше погибнуть, чем сражаться против братьев по классу.

Поднялся и Вапельник.

— Вы будете застрельщиками, — произнес он. — Первым всегда труднее. Но если бы не было первых, не было бы и нашей революции. Я верю, что за вашим батальоном пойдут другие. Это восстание приблизит революцию в Германии. Ради этого стоит идти на риск и даже на жертвы.

Он протянул руку Вольфгангу.

— Желаю тебе и твоим друзьям успеха и победы! До встречи.

— Будет ли она? — сурово сдвинув густые белесые брови, задумчиво спросил Вольфганг. — Я знаю, на что иду.

Краузе круто повернулся.

— Прощай, геноссе! — неожиданно дрогнувшим голосом сказал он и шагнул на улицу.

— Прощай, друг, — тихо ответил Вапельник, чувствуя, как подступает к горлу тугой комок. Но он быстро взял себя в руки.

С помощью Леппена ему удалось встретиться и переговорить с руководителями спартаковцев егерской дивизии и интернационалистами из отряда матросов-резервистов. Труднее всего оказалось повидаться с Куртом Зеллингером и Паулем Ноксом, без которых не-

мыслимо было склонить экипаж «Гебена» на поддержку восстания солдат-пехотинцев.

На небольшом ялике Леппен несколько раз пытался подойти к борту дредноута, но бдительные вахтенные заставляли его держаться на внушительном расстоянии. Да и мало вероятности было увидеть нужных ему матросов на палубе огромного корабля. Зато комендор Нокс с высоты артиллерийской башни сумел разглядеть лодочника.

— Видимо, случилось что-то, — сообщил он Зеллингеру. — Из простого любопытства Фриц не стал бы так рисковать.

Леппен вернулся на берег и отправился на пристань. «Может, удастся встретить знакомых среди матросов, получивших увольнение на берег», — подумал он. И не ошибся. Когда к причальной стенке подвалил катер с дредноута, на пристань одним из первых прыгнул Зеллингер.

— Приветствую тебя, дружище, — пожимая Леппену руку, проговорил он. — Нокс видел тебя в лодке возле корабля и сразу подумал, что это неспроста. У меня же на сегодня увольнительная. Он велел разыскать тебя.

— Как говорится, на ловца и зверь бежит, — ответил Леппен. — Возле корабля я действительно не зря крутился. Есть важное и спешное дело.

Он увлек Курта на Таможенную улицу.

— Зайдем в кафе, — бросил он. — О серьезных делах на ходу не разговаривают.

Вапельник еще в окно увидел долговязого Фрица с матросом и встретил гостей у входа.

— Пройдемте в другой зал, — пригласил он. — Там, кажется, прохладнее.

Зеллингер с любопытством разглядывал хозяина кафе. Зная Леппена, он понимал, что «важное и спешное дело» не может быть не связано с антивоенной агитацией. Значит, и это кафе тоже имеет к ней какое-то отношение.

— Будем говорить в открытую, — предложил Вапельник. — По рассказам товарищей я знаю тебя как мужественного человека и спартаковца. Знаю о работе, которую вы с Ноксом ведете среди матросов. Потому и верю вам. У нас с вами одна общая цель — добиться прекращения несправедливой войны, не дать импе-

риалистам задушить революцию. Сейчас настала пора действовать смелее и решительнее. От слов нужно переходить к делу.

Вапельник рассказал Зеллингеру о положении на фронтах, о грабительском Брестском договоре, о революционных настроениях солдат германской армии и назревающей революции в самой Германии.

— Не исключена возможность, что завтра против войны выступят пехотные подразделения в Севастополе, — продолжал Вапельник. — Германский пролетариат и рабочий класс России будут благодарны матросам «Гебена», если вы поддержите это выступление.

— Что мы должны сделать? — спросил машинист.

— Прежде всего, чтобы ваше командование не могло воспользоваться артиллерией для расстрела солдат. Нужно поднять экипаж в поддержку тех требований, которые предъявят пехотинцы своим командирам.

— В чем заключаются их требования?

— Прекращение войны, отправка войск на родину, справедливый мир с Россией и Украиной.

— Под этими требованиями подпишутся все матросы, — заверил Зеллингер.

— Этого мало, — произнес Вапельник. — Нужно драться за эти требования, драться организованно, не допуская колебаний.

— Большинство матросов готово и к этому, — ответил машинист. — Митинг на Историческом бульваре не прошел бесследно. Ты бы послушал, о чем говорят наши машинисты, комендоры, рулевые, боцманская команда и сигнальщики! Уверен, если пехотинцы начнут, матросы не останутся в стороне.

— Ну, желаю успеха, — напутствовал спартаковца Вапельник, когда были обсуждены и уточнены все возможные варианты плана совместных действий моряков и пехотных подразделений. — Ждите сигнала из Брестских казарм.

— Будь уверен, моряки не подведут, — пожал ему руку Зеллингер. — Вслед за солдатами предъявим свои требования командованию и мы.

...Вольфганг Краузе не ошибся. Утром 14 августа в казармах объявили приказ об отправке на восток. Батальону, в котором находился Краузе, предстояло грузиться на транспорт первым. В десять часов поступила команда приготовиться к построению на плацу. Но тут

произошла заминка. Как ни свирепствовали фельдфебели, солдаты не спешили выполнять команду.

Дежурный офицер, ни о чем не подозревая, ворвался в казарму и в порыве служебного рвения бранью и криками стал подгонять солдат. Те переходили с одного места на другое и иронически наблюдали за неистовствующим лейтенантом. Офицер почувствовал неладное. На него глядели враждебные, полные ненависти глаза. Дежурный осекся на полуслове и опрометью бросился в штаб.

— Разобрать оружие, — слышался в наступившей тишине голос Краузе.

Десятки уст подхватили эту команду, и солдаты, еще минуту назад безучастно пропускавшие мимо ушей распоряжения фельдфебелей и офицера, без колебания направились к пирамидам. К приходу командира и других офицеров батальон построился при оружии, но без вещей. Группа унтер-офицеров и фельдфебелей робко жались в сторонке.

— Что здесь происходит? — еле сдерживая раздражение, спросил майор.

Из строя вышел Краузе.

— Герр майор, — чеканя слова, громко доложил он. — Солдаты батальона поручили мне выразить их волю. Мы требуем прекращения войны и отправки на родину. Не хотим быть слепым орудием в руках империалистов.

— Это... Это — бунт! — вскричал побледневший майор и выхватил парабеллум.

Его примеру последовали остальные офицеры, но увидев перед собой вскинутые наизготовку винтовки, стушевались.

— Мы требуем мира, — громко, чтобы слышал весь батальон, ответил Краузе. — Это законное требование.

— Молчать! — рявкнул вконец потерявший самообладание командир батальона. — Вы — красные свиньи, а не солдаты. А ты, изменник, сегодня же будешь болтаться на веревке.

— В таком случае нам не о чем разговаривать, — с достоинством отчеканил Краузе. — Пусть придет командир полка.

Командир полка прибыл в распоряжение батальона в сопровождении броневых автомобилей. Плац уже запол-

нили солдаты поднятого по тревоге батальона виленских штурмовиков.

Полковник оказался хитрее и дальновидней командира батальона. Он заискивающе обратился к солдатам:

— Друзья! Дети мои! Что вы наделали? Одумайтесь, пока не поздно. Вы идете против присяги, против всей армии. Вас жалкая горстка, и всех вас ждет смертная казнь. Будьте же благоразумны и подчинитесь приказу. Берите ваши вещи и выходите на плац. Наказание будут подвергнуты лишь зачинщики.

— Отправьте нас домой!

— Долой войну!

— Не позволим торговать нашей кровью, — послышалось в ответ.

Но нашлись и малодушные. По одному, по двое они стали покидать строй. Краузе до боли закусил побелевшие губы. «Благоразумных» трусов оказалось больше, чем он ожидал. Лишь третья рота, верная клятве, стояла непоколебимо.

«А как в других батальонах? Неужели не будет никакой поддержки?» — думал Краузе.

Но другие батальоны молчали. Приказ о погрузке был отдан одновременно, и спартаковцы не смогли изменить заранее разработанный план совместных действий.

На глазах Краузе батальон разделился на два лагеря. В казарме началась сутолока. Воспользовавшись ею, группа унтеров бросилась к Краузе. Товарищам с трудом удалось прикрыть своего вожака. Полковник Ашауэр приказал виленским штурмовикам занять казарму, но третья рота оттеснила их.

Раздались первые выстрелы. Штурмовики отступили, и плац мгновенно опустел. Перед казармой остались лишь бронеавтомобили.

Замешательство виленцев позволило восставшим занять оборону, забаррикадировать окна и двери. Друзья Краузе расставили пулеметы.

— Теперь пусть сунутся, — вставляя ленту с патронами, бросил один из пулеметчиков.

— Нам бы продержаться два-три часа, — подбадривал солдат Вольфганг. — Вслед за нами поднимется весь полк. Поддержат и матросы.

Но его надеждам не суждено было осуществиться. Брестские казармы оказались окруженными плотным

кольцом войск, а в подразделениях, готовящихся к отправке на восток, командиры поставили к оружию охрану из унтер-офицеров. Несбыточной оказалась и надежда на матросов «Гебена» — к этому времени корабль находился далеко от Севастополя.

Через несколько минут после первой атаки штурмовиков полковник Ашауэр из башни броневедомобиля вновь обратился к солдатам с призывом прекратить сопротивление.

— Даю пять минут на размышление.

В ответ — молчание.

Когда истекли назначенные пять минут, штурмовики под прикрытием броневедомобилей атаковали казарму по всем правилам военного искусства. В окна полетели гранаты.

— Держитесь, товарищи! — ведя по наступающим огонь из пулемета, призывал Краузе.

Его зычный голос разносился по огромной казарме, ободряя солдат, которые защищали каждое окно, каждую дверь.

Но слишком неравными оказались силы. Две сотни солдат не могли противостоять натиску превосходящего врага, пушкам и броневедомобилам. Нечего было думать и о том, чтобы вырваться из окружения. Виленские штурмовики блокировали казарму и прорвались к центральному входу, Краузе с горсткой солдат бросился защищать двери, но, не добежав, упал, настигнутый пулей.

— Все, конец, — шептал он. — И все-таки мы были первыми. Первым всегда трудней, но должен же кто-то быть первым...

Вскоре штурмовикам удалось ворваться в казарму. Разгоряченные боем остзейские немцы, среди которых было немало кулаков (гроссбауэров), зверски расправлялись с мятежниками. В живых осталась лишь небольшая группа восставших солдат. Их предали военно-полевому суду.

Солдатский бунт, охвативший целый батальон, не на шутку встревожил германский генералитет. По приказу Коша на всех улицах и перекрестках были установлены орудия и пулеметы. Появились усиленные патрули с броневедомобилами. Штаб гарнизона и другие учреждения оккупантов опоясались линиями окопов и заграждений из колючей проволоки. Германское коман-

дование готовилось к круговой обороне... от своих же солдат.

Скоро севастопольским подпольщикам стали известны подробности событий и на германском дредноуте. Накануне восстания егерского батальона спартаковцы «Гебена» провели в кубриках тайные митинги. Матросы единодушно одобрили требования о немедленном мире и возвращении домой и выразили готовность поддерживать восстание пехотинцев. В машинном отделении вахтенному механику удалось подслушать разговор матросов, и он доложил о нем командиру. Ночью офицеры и боцманы арестовали более шестидесяти матросов. Курт Зеллингер и Пауль Нокс после короткого допроса были расстреляны. Остальные попали в береговую тюрьму.

На рассвете корабль снялся с якоря и взял курс в открытое море.

...Подпольщики тяжело переживали неудачу восстания и гибель друзей-спартаковцев. Вапельнику, близко знавшему Вольфганга Краузе, было вдвойне трудно докладывать городскому комитету о случившемся.

Весть о герсической гибели солдат-интернационалистов члены подпольного горкома встретили с большим волнением. Первым нарушил тягостное молчание Михаил Котнер.

— По условиям конспирации я ни разу не встречался ни с Вольфгангом Краузе, ни с его однополчанами. Теперь жалею, что не мог познакомиться с ними. Это настоящие буревестники германской революции. И погибли они как герои.

Председатель горкома партии перевел дыхание, и голос его зазвучал громко — сурово и необычно торжественно:

— Восстание, которое поднял германский коммунист Краузе, подавлено. Но это не поражение, а начало нашей победы, свидетельство распада армии империалистов. Это восстание поможет германским солдатам и матросам понять, в чьих интересах льется их кровь, и укажет путь к прекращению кровопролития, приблизит конец войны.

— Краузе и мертвый пугает германских генералов, — поддержал Котнера Ржанников. — Видели, как они прячутся от своих солдат за броневиками, пушками и колючей проволокой? Боятся, значит. Да и с дредноутом

тоже показательно: не зря он дал чesu с Севастопольского рейда.

Он перевел дыхание. Строго, изучающе взглянул на присутствующих.

— Большевиcтская правда — сильнее пушек и дредноутов, — продолжал Ржанников. — Этот «Гебен» раньше не боялся ни Черноморского флота, ни крепостной артиллерии. А большевиcтская агитация заставила молчать его орудийные башни. Теперь нужно усилить агитацию среди германских солдат и матросов. Для нашей организации в нынешних условиях это главное оружие.

Подпольщики умели смотреть вперед. Германскому командованию не удалось скрыть от своих солдат и матросов правду о мятеже батальона в Брестских казармах. «Беспроволочный солдатский телеграф» разносил известия быстрее, чем предполагало начальство. Более подробные сведения о восстании спартаковцев солдаты узнавали из листовок подпольного горкома партии.

Матрос-резервист Рихтер, солдаты Бауэр, Гюнтер и другие регулярно навещали кафе на Таможенной, информировали о настроениях «нижних чинов». Из кафе они уносили пачки прокламаций и воззваний. Листовки будоражили умы солдат и матросов. Несмотря на введенные строгости и усиленную слежку, они все чаще заявляли командованию о своем недовольстве войной, нередко открыто собирались на митинги.

— Лучше тюрьма, чем война против рабочих и крестьян, — говорили солдаты.

Во второй половине августа немецкое командование и военная полиция дважды применяли оружие при разгроме митингов. Военно-полевой суд работал с полной нагрузкой. За короткое время по его приговорам было расстреляно более тридцати солдат и матросов за распространение революционных идей или, как писали судебские чины, «за подстрекательство к бунту».

— Погодите, придет время, сочтемся с вами за кровь товарищей, — сжимая кулаки, грозили солдаты офицерам.

Для некоторых офицеров, отличавшихся особенным зверством, это время наступило скоро: в августе и сентябре участились случаи террора против командного состава. 21 августа «пропал без вести» новый военный комендант Северной стороны. Вслед за ним канул в без-

вестие комендант города. Полицмейстеру фон Аппелю лишь чудом удалось вышрпнуть из пучины Северной бухты, куда его бросили «неизвестные лица» в форме матросов императорского флота. Выплывшего на берег полицмейстера подобрали проходившие патрули. Он был доставлен в госпиталь с проломленным черепом и свернутой челюстью.

Боясь мести солдат, многие офицеры стали появляться в городе в штатской одежде.

В первых числах сентября в Севастополь для наведения порядка в войсках прибыл генерал Гофман — высокомерный чопорный пруссак. Он приказал как можно шире применять старые испытанные средства: строевые учения, ночные тревоги, длительные походы по горным дорогам под палящим солнцем.

— Муштра — лучший способ проветрить солдатские мозги, засоренные большевистской агитацией, — пыжась от собственного величия, говорил он в кругу старших офицеров. — Старая прусская школа тем и знаменита, что не давала солдатам времени на раздумья. Поэтому немцы всегда были безукоризненными солдатами.

Одни офицеры безоговорочно соглашались с генеральским сслдафонством, другие пытались возражать, заявляя, что в нынешних условиях опасно применять старые приемы. Но генерал упрямо стоял на своем, в корне пресекал «демагогию».

— Здесь приказываю я и только я, — подчеркивал он. — Ясно?

Но и поклоннику прусской школы не удалось выполнить возложенную на него миссию. Бесцельная муштра и суровая дисциплина лишь озлобляли солдат. Случаи дезертирства участились. Многие сумели перейти линию фронта и вступили в Красную Армию. Большую помощь в этом им оказывала федерация интернациональных групп при ЦК РКП(б).

ГЛАВА ВОСЬМАЯ ПЕРЕД БУРЕЙ

Жандармский полковник Марков всю старался выслужиться перед оккупантами. С его благословения полицейские и повылезавшие из всех закоулков охвостья бывшей царской сыскной службы проводили так назы-

ваемую регистрацию мужского населения. Всех подозрительных тут же отправляли в тюрьму. До слуха обитателей кварталов, расположенных по соседству с этим мрачным зданием, по ночам доносились выстрелы. В предрассветную пору многие видели сквозь щели в ставнях, как из тюремных ворот одна за другой выкачивали покрытые дерюгами подводы. Это подручные Маркова вывозили трупы расстрелянных.

То и дело приоткрывалась калитка. За ней исчезали все новые и новые партии задержанных полицией севастопольцев. Они входили сюда, не ведая, что выход один — на телеге, покрытой окровавленной дерюгой.

Распустила свои щупальца полицейская осведомительная сеть. Шли опросы населения, стряпались доносы. Список «неблагонадежных» непрерывно рос.

В этом списке оказался и Михаил Котнер — один из трех братьев, участвующих в работе большевистской подпольной организации.

Фронтовой сослуживец Бориса Полякова, работавший в канцелярии полицейского участка, однажды словно ненароком проговорился о том, что некоторым общим знакомым грозит арест. Но подпольщики не предполагали, что это случится так скоро, и не сумели воспользоваться предупреждением. Вдобавок ко всему Михаил Котнер в это время снова слег, сраженный недугом.

Подпольщики рассчитывали при первых признаках улучшения здоровья председателя горкома вывезти его в одну из ближайших деревень. Однако случилось иное. Ночью в дом № 20 по Артиллерийской улице вломились непрошенные гости. Они подняли Михаила с постели. Ни мольбы матери, ни приступ удушья тяжело больного их не остановили. Руководитель большевистского подполья был брошен в сырой, переполненный арестованными подвал старой почты на Екатерининской улице, где находился центральный полицейский участок. Здесь в ожидании допроса уже сидело десятка полтора портовых рабочих и железнодорожников, арестованных «до выяснения». Это казалось обнадеживающим признаком, и Михаил на какое-то время успокоился: «Значит, не провал. Видимо, попал по подозрению». Больше всего он боялся потерять сознание и проговориться в бреду.

Видя тяжелое состояние соседа, два пожилых железнодорожника перенесли его поближе к зарешеченному

окну, подложили под голову собранную на полу охапку грязной соломы.

— Держись, соколик, — хлопотал над Михаилом бородатый кондуктор. — У тебя, вижу, жар начинается, этак и очокуриться можно.

Михаил с благодарностью пожал руку кондуктору.

— А вас за что взяли? — еле слышно спросил он.

— Да кто ж его знает, — с философским спокойствием ответил железнодорожник. — Может, прознали, что во время забастовки от других не отстал.

— А остальные за что сидят?

— Так же и остальные: кто за непочтение к начальству, а некоторых взяли за то, что в красногвардейских отрядах курултаевцев били. Да ты не волнуйся, сынок. Еще поглядишь на ясное солнышко. Радуйся, что не в городскую тюрьму попал. Там, рассказывают, полковник Марков со своими дружками на арестантах стрельбе обучается.

— Откуда такая тигра объявилась? — спросил, ни к кому не обращаясь, сутулый старик, молчаливо сидящий в темном углу.

— Ты о Маркове, что ли? — обернулся к нему кондуктор. — Этот душегубец при царе сгромадную власть имел — целую губернию в руках держал. Революция у него и власть отобрала и все его поместья народу отдала. Поперек горла стали ему рабочие и крестьянские Советы, вот он и переметнулся на немецкую сторону, а теперь над нашим братом лютует, злость свою тешит.

Михаил слушал и, стиснув зубы, ждал вызова к следователю. Он надеялся по характеру допроса узнать причину ареста. То же самое волновало и его единомышленников. Об аресте председателя подпольного горкома партии первым узнал живший неподалеку Борис Поляков. Он тотчас известил Вапельника. Утром подпольщики собрались на квартире Ржанникова, чтобы обсудить создавшееся положение и подумать о том, как выручить своего руководителя.

Ржанников, Зимин, Вапельник и другие терялись в догадках, строя различные предположения о причинах ареста Котнера. Мысль о предательстве отвергли сразу: руководителя подполья знал лишь узкий круг проверенных людей. Не могло быть и речи о нарушении Михаилом требований конспирации. В этом случае были бы

арестованы его братья и другие товарищи, с которыми он общался.

— Скорее всего полиция пронюхала о его работе в горкоме партии до прихода немцев. Он ведь был комиссаром красногвардейского отряда,—предположил Ржанников.

Это мнение разделял и Вапельник.

Было ясно, что спасти Михаила можно лишь, действуя решительно, без промедления. Прежде всего следовало узнать его местонахождение и выяснить, в чем он обвиняется.

Борис Поляков через того же полицейского, который предупредил о готовящемся аресте, узнал, где содержится Котнер, и даже сумел передать узнику записку от матери, небольшой сверток с едой и необходимыми ему лекарствами.

— Разгромить полицейский участок и освободить арестованных! — загорелся Зимин, услышав принесенные Поляковым известия. — Сегодня же ночью устроим такой тарарам, что небу жарко станет.

Зими́на поддержал Павлов — начальник штаба подпольного батальона, созданного при союзе бывших солдат-фронтовиков.

Вапельник решительно воспротивился.

— Час решающего выступления еще не настал, и мы не имеем права раскрывать наши карты, вводить в действие ударные силы. Батальон нужно беречь, как свой глаз. Михаил, если бы он участвовал в нашем совете, сказал бы то же самое. Мы еще не пробовали другие пути... Может быть, организовать побег?

На следующий день Михаил передал матери записку. Он благодарил за передачу и сообщал, что арестован по подозрению в большевизме. Слова «по подозрению» он подчеркнул. «Был дважды на допросах,—писал Котнер. — Следователь старался выяснить, что я знаю о подпольной большевистской организации, но что я мог ответить, когда более полугода пролежал больной и лишь несколько раз выходил подышать свежим воздухом. Мой вид вполне подтвердил эти слова. Так что спокойно жди моего возвращения. Если сможешь, передай в участок справку, что у меня открытый тэбэц».

Раньше матери записку прочитали подпольщики.

— Это меняет положение, — согласился Зимин. — А с полицейскими мы еще посчитаемся.

Записка подсказала Вапельнику мысль об освобождении Котнера легальным путем.

Не откладывая дела в долгий ящик, Александр отправился в редакцию «Прибоя», к Батману. Тот приветливо встретил молодого предпринимателя, долго и подробно расспрашивал о житье-бытье.

— С вашей помощью удалось неплохо наладить дело, — поблагодарил Вапельник. — Нынешний год хоть и трудный для нашего брата, но концы с концами все-таки свожу.

— У меня, милостивый государь, легкая рука, — самодовольно изрек Батман.

— Мне ли не знать об этом, — ответил Александр. — Потому и пришел к вам. Просьба есть. Может, и не совсем по адресу обращаюсь, но сами знаете, кроме вас, у меня во всем городе нет ни одного влиятельного знакомого.

Батман приосанился.

— Рад буду помочь, если в моих силах.

— Думаю, что для вас это легче легкого, — польстил Вапельник. — Понимаете, друга моего арестовали вчерашней ночью. Вместе в школе учились. Мать ко мне прибежала — вся в слезах. Говорит, прямо с постели подняли.

— Ну, милостивый государь, это нелегкое дело, — сразу отодвинулся Батман. — За большевиков заступаться не в моих правилах.

— Да какой он большевик? Как приехал с Галицийского фронта больной, так и не поправился. За все время, может, всего три-четыре раза на город посмотрел — все время в постели лежит. Открытая форма туберкулеза. Мать даже справки на всякий случай прислала.

— Вон как, — задумчиво потеревил бородку Батман. — Как говорится, лес рубят — щепки летят.

— Да не щепка он, а заслуженный георгиевский кавалер, — продолжал импровизировать Вапельник. — Ему уход нужен, лечение.

— Так что же я должен сделать?

— Вы ведь знакомы с городским головой господином Новицким, — не то спрашивая, не то утверждая, произнес Александр. — Как глава городского управления он может дать приказ, чтобы освободили невинно арестованного.

— Хорошо, попробую, — пообещал Батман и тут же позвонил по телефону.

Спросив председателя, не может ли он принять его «по весьма спешному и важному делу», журналист начал одеваться.

— Подождите меня здесь, — уже на ходу обронил он. Вапельник остался в редакции.

Батман вернулся примерно через час.

— Дело вашего приятеля действительно сомнительное, — едва переступив порог, сообщил он. — Есть сведения, что он сочувственно относился к большевикам. Но все это основано на слухах. Никаких прямых улик против него нет. Однако, сами понимаете, городской голова не всесилен. Единственное, чего он смог добиться, чтобы вашего школьного товарища перевели в камеру посуше. Вопрос об освобождении может решить лишь представитель Крымского правительства по Севастополю господин Рыбарский. Никому другому полиция полковника Маркова не подчиняется. Господин Рыбарский вернется из Симферополя лишь завтра и только тогда сможет вмешаться в судьбу вашего приятеля. Это в высшей мере гуманный и приличный человек.

Поблагодарив Батмана, Вапельник отправился домой, а на следующий день снова навестил журналиста. Тот встретил его радостным известием:

— Ваш друг сегодня же будет на свободе. Только что звонили от господина Рыбарского и сообщили, что полиции дано нужное распоряжение.

Было очевидно, что, несмотря на освобождение «за неимением улик», полиция не выпустит Котнера из-под своего наблюдения. Поэтому подпольщики решили отправить его из Севастополя. Но это решение отпало само по себе: арест, сырой подвал и волнения привели к обострению болезни. Михаил уже не мог подняться с постели.

Руководство городской партийной организацией перешло к Ивану Ржанникову, к которому тянулись нити от всех подпольных ячеек, и Михаилу Алому как представителю оргбюро областкома партии.

В интересах конспирации решили сменить также явки. Самой ненадежной из них считалась квартира на Артиллерийской улице. После ареста Михаила его братья поняли, что оставаться в ней опасно, и решили укрыться у знакомых на окраине города.

Матвей уже ушел, а младший почему-то замешкался. Он прощался с матерью, когда раздался осторожный стук в дверь. Мать вышла в прихожую и впустила в квартиру молодого человека.

— Мне сказали, что у вас сдается комната.

— Вы ошиблись, — последовал ответ.

Вошедший смутился. Видимо, он ожидал услышать другую фразу. Однако младший Котнер не знал пароля. Опасаясь провокации, он с подозрением глядел на нежданного гостя.

Сообразив, что перед ним не тот человек, которого он надеялся встретить, посетитель спросил:

— Могу ли я видеть Михаила?

— Его нет, — ответил юноша.

— Но Михаил мне очень нужен. Когда он придет?

— Трудно сказать, — пожал плечами юноша. — Когда в квартиру среди ночи врываются вооруженные люди и уводят человека с собой, они не дают расписки о его возвращении.

— Значит, он арестован? — Молодой человек засуетился, стал оглядываться по сторонам, словно опасаясь засады. — В таком случае разрешите откланяться.

Он попятился к двери.

Едва странный посетитель ретировался, Котнер младший стремглав выбежал на улицу, на ходу вскочил в трамвай и направился на Таможенную. Проехав на одну остановку дальше, он сошел и через глухой переулоч добрался до кафе.

Вапельник внимательно выслушал юношу.

— Повтори, как он сказал? — попросил Вапельник. — Вспомни самую первую фразу.

— Мне сказали, что у вас сдается комната, — повторил Лева.

Вапельник неопределенно покачал головой.

— Правильно я поступил? — поинтересовался Лева.

— Совершенно правильно, — успокоил его Александр. — Но на всякий случай дома не появляйся.

— Понятно, — ответил юноша и тотчас же вышел из кафе.

«Если это провокатор, — думал Вапельник, — то откуда ему известен пароль? Если же это действительно связной из Одессы, то обязательно должен появиться на запасной явке. Но у кого?»

Он целый день не отлучался из дому, ожидая связ-

ного. Наконец, вечером в кафе вошел молодой человек в широкой вельветовой куртке. Александр встретил его за стойкой.

— Мне сказали, что у вас сдается комната, — проговорил посетитель.

— Вы приезжий? — после минутного колебания задал вопрос хозяин кафе.

— Да, я художник, и мне нужно много света, — ответил парень в вельветовой куртке.

— Пройдите в соседнюю комнату, — шепнул Вапельник. — Дверь налево.

Посетитель прошел в малый зал. Через минуту туда заглянул и Вапельник.

— Ну, рассказывай, от кого и с чем пожаловал, — обратился он к связному.

— От Карпа я, из Одессы.

— Это какой же Карп — с родинкой на подбородке? Парень опешил.

— Нет у него никакой родинки.

Вапельник улыбнулся: юноша говорил правду. Но он продолжал прощупывать связного, пока окончательно не убедился, что он действительно послан Одесским губкомом.

Александр поймал себя на мысли, что завидует этому простоватому и несколько робкому юноше. Да, именно завидует. Всего лишь несколько дней тому назад он мог видеть Таню, наверное, даже разговаривал с ней, слышал ее голос.

Впрочем, он тут же отогнал эту мысль. Ему не терпелось узнать, что привез этот неопытный связной, надевавший столько ошибок.

Свой багаж одессит доставил в кафе. В нем оказалось пять пачек листовок на немецком языке и газеты «Ди Факел». Но самым ценным подарком для севастопольских подпольщиков было несколько сентябрьских номеров «Правды» с материалами о событиях в Севастополе.

«Правду» читали коллективно, на квартире Ржанникова.

«В конце августа здесь, среди германских войск, усиленно распространялась революционная немецкая литература, — читал Вапельник. — Два митинга-летучки немецких матросов и солдат были разогнаны немецкими властями, часть собравшихся была арестована. За

вторую половину августа в городе расстреляно более тридцати немецких матросов и солдат за распространение революционных идей»*.

— Бач як, — резюмировал Кривохижа. — Москва, вона про всэ знае.

— Вот еще о Севастополе, — радостно прогворил Овсянников. — Слушайте: «Товарищ, прибывший из Севастополя, сообщает следующее о революционном брожении среди немецких матросов и солдат...»

— Постой, а кто же этот товарищ? — остановил Овсянникова Алый. — Не иначе, как Моршин. Значит, добрался до Москвы наш посланец**.

Овсянников продолжал читать:

«После перехода севастопольских коммунистов на нелегальное положение в организацию вошло много старых работников. Избран был революционный комитет и установлена связь с ЦК коммунистов Украины...»***

Все оглянулись на Скрыпника—это он первым встретился с руководителями Украинского ЦК.

Овсянников читал далее:

«Организация начала работу как среди местного пролетариата, так и среди австро-германских войск и матросов. Хотя и с большим риском, но центр Украинской партийной организации снабжает организацию литературой, и эта литература распространяется среди рабочих и солдат. Устная агитация ведется людьми опытными и знающими немецкий язык.

Революционная литература проникает на дредноут «Гебен», в казармы, полицейские участки. Немецкие солдаты находят ее лежащей на оружиях, поднимают, жадно читают поодиночке или группами, забираясь в закоулки»****.

— Ото ж що вирно, то вирно,—прервал чтеца Мусий

---

* «Правда» от 10 сентября 1918 г., № 193.

** Рабочий севастопольского Морзавода Моршин (Русин) был направлен в Москву для связи с ЦК РКП(б)У. Позднее участвовал в работе II съезда Компартии Украины, проходившего 17—22 октября 1918 г., в составе крымской делегации и выступил с речью о работе севастопольской подпольной партийной организации, о положении в Крыму.

*** В соответствии с решением ЦК РКП(б) Крымская партийная организация летом 1918 г. была передана в состав Компартии Украины на правах областной.

**** «Правда» от 11 сентября 1918 г., № 194.

Кривохижа. — Недарма наша газета «Правдой» звется. Все як е, так и надруковано.

В корреспонденции говорилось о митингах возле Исторического бульвара, о волнениях немецких матросов на «Гебене», о сходках за городом, о восстании батальона в Брестских казармах и о других событиях, являющихся результатом деятельности подпольной большевистской организации.

Сознание того, что о их делах знает вся страна, вся партия, наполняло сердца подпольщиков чувством радости и гордости.

— Владимир Ильич наверное тоже читал эти сообщения, — заметил Ржанников, — Значит, и он знает о нашей организации.

— Оце дуже добре, — просиял Кривохижа.

— Теперь нужно усилить натиск на врага, — сказал Вапельник, — чтобы к Ильичу доходили только добрые вести о наших делах.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В ОДЕССЕ

Скрипнула калитка.

Александр остановился, прислушался. В глубине темной улицы отчетливо зазвучали тяжелые шаги. Они быстро приближались. Укрывшись в подворотне, Александр дождался, пока ночной прохожий миновал его убежище. В этот поздний час по улицам обычно расхаживали только патрули и сыщики. Встреча с ними не сулила ничего хорошего, и Вапельник держался очень осторожно. К тому же при нем был небольшой чемоданчик со свежеоттиснутыми листовками, который он нес из подпольной «скоропечатни».

Попасться с личным, да еще в такое время, было бы невероятно глупо. Ведь завтра он должен отправиться по заданию подпольного горкома партии в Одессу. Поручений Александр получил немало. Прежде всего необходимо встретиться с руководителями одесского подполья, доложить о положении в Севастополе, передать разведывательную информацию, сообщить адреса новых явочных квартир, получить инструкции и директивы о дальнейшей работе, и, наконец, просто побыть среди товарищей по борьбе, обменяться с ними опытом.

И, конечно же, он думал о предстоящей встрече с Таней.

— Твоя миссия облегчается тем, что поездка носит легальный характер,—заметил в конце разговора Ржанников. — И остановиться есть где. Ведь у тебя в Одессе официальная невеста.

— У меня? — растерянно переспросил Вапельник, забыв в этот миг, что речь идет не о его чувствах к Тане, а о той версии, с которой девушка в свое время посетила Севастополь.

— Конечно же, — вывел его из замешательства Иван Каллистратович. — Забыл разве о связной из Одессы? Теперь эту версию можно использовать вторично.

— Верно, — покраснел Вапельник, — я как-то не подумал.

Озабоченные десятками дел и вопросов, подпольщики не заметили замешательства товарища. Да и не до того было сейчас. Быть может, потому и сам Александр стыдился признаться. В такое время и вдруг — сентиментальность... Впрочем, признаваться-то не в чем.

Наконец он добрался до Таможенной.

Мать не спала. Полина Александровна уже знала, что сын едет в Одессу, и готовила все необходимое в дорогу. Правда, она истолковала эту поездку по-своему:

— Что ж, так вот и будете ездить?.. То она к тебе, то ты к ней. Сколько времени прошло после ее отъезда? Другая бы хоть письма писала.

— А может, ей не до этого сейчас, — возразил Александр.

— Оно и видно, что не до этого. Одно слово — Одесса. А девушки и в Севастополе есть. Вот хотя бы Галя... Чем не невеста?

— Дались тебе эти невесты, — укоризненно сказал сын. — Понимаешь, не такое сейчас время, чтобы о них думать.

— Человек, Саша, всегда должен думать о своем счастье.

— Счастье, мама, по-разному понимают. Для одних оно вроде тихой заводи: были бы уют да сытость. А мне другого счастья хочется — чтобы для всех.

— Мудрено говоришь,—скорбно вздохнула мать.— Не Христос ты, чтобы всех осчастливить. Неровен час — опять споткнешься, как тогда, в двенадцатом году. Я ведь не слепая — вижу, что опять тайными делами занимаешься.

— Вот и хорошо, что видишь,—ответил Александр.— Придет время, люди за эти дела спасибо скажут. И тебе тоже — за то, что нам помогаешь.

— Обо мне говорить нечего, — ворчала мать. — Ты лучше свою голову побереги да о себе подумай.

— О себе, говоришь?—прижал ее теплую шершавую ладонь к своей щеке Александр. — Эх, мама, мама! Ты ведь тоже не очень думаешь о своем спокойствии.

— Много ты знаешь!

— Много, мамочка, — голос Александра дрогнул. Он немного помолчал и потом добавил: — Ты что хочешь, чтобы я отошел от своих друзей?

— Господь с тобой! — неподдельно ужаснулась старушка. — В нашем роду никогда мерзавцев не было... Нет, Сашок, лучше честная смерть, чем подлая жизнь.

— Вот видишь, — обнял ее за плечи сын, — а ты говоришь, мало о тебе знаю.

Они долго беседовали в этот вечер. Мать нет-нет да и старалась повернуть разговор на старую тему. Видно, давненько заметила она расположение Гали к ее сыну. Но Александр всякий раз уходил от разговора. Он хорошо знал эту миловидную девушку, дочь рано овдовевшего корабельного мастера с соседней, Петропавловской улицы. Александр нередко встречал Галю в читальне плехановского клуба. В последнее время она стала частой гостьей его сестер. Раза два они беседовали. Александру хотелось узнать ее мнение о войне, о забастовках. Но такие темы не входили в круг Галиных интересов.

— Скорей бы уж кончились все эти революции и забастовки, — откровенно скучая, отвечала она. — Так хочется пожить спокойно... Вы бы лучше про Францию рассказали. Правда ли, что француженки очень элегантны?

— Француженки? Они разные, — пытался он отделаться общей фразой, но не удержался: — Самых элегантных и милых я видел в июне 1917 года. За ними шел весь Париж.

— Ой, как интересно, — поудобнее усаживаясь рядом с Дорой, загорелась Галя. — Расскажите.

— Тогда была всеобщая парижская забастовка, — пояснил Александр. — Начали ее девушки — шляпницы и белошвейки.

Галина разочарованно вздохнула:

— Фу, и там политика... Это не для меня. Жанны д'Арк хороши в романах, но не для семьи. Нормальная женщина должна заботиться о доме, о детях и муже.

Да, Галя была слишком «нормальной», и это определило отношение к ней Александра. А вот Таня... Она не сказала бы так о героине французского народа. Она человек другого склада.

Хлопоты с получением пропуска в Одессу заняли немного времени. Передвижения по торговым делам на всей территории, подведомственной австро-германскому командованию, разрешались беспрепятственно.

Вапельник взял билет на грузо-пассажирский пароход «Петр Великий».

И вот он в пути. Снова знакомо набегают на борт белопенные волны. Стаи черноморских чаек облетают палубу, кружатся за кормой в надежде получить подачку от скушающих пассажиров. «Так же вертится вокруг интервентов разное людское отребье, надеясь, что и ему что-то перепадет», — подумал Вапельник и тотчас устыдился. Можно ли сравнивать благородных чистых чаек с этими подлыми лудишками! Показалось, что он обидел доверчивых птиц.

А «Петр Великий» продолжал разбивать закругленные носом морские буруны.

Вот и Одесса.

Вапельник узнавал и не узнавал еще недавно веселый и жизнерадостный город. Он жил как-то пугливо и настороженно. На всегда оживленных Дерибасовской, Ришельевской, Пушкинской и Маразлиевской улицах — всюду, где успел побывать Вапельник, он видел австрийских и германских солдат, чубатых гайдамаков в необъятно широких синих шароварах и серых смушковых шапках. Солнечная Одесса, казалось, превратилась в мрачную солдатскую казарму. Только Молдаванка и Пересыпь жили по-прежнему весело и независимо, словно бросая вызов иноземным захватчикам и наглым гайдамакам.

Тани дома не оказалось. Александра встретили ее мать и брат — тот самый иронический весельчак, что приезжал в Севастополь.

Мать — ласковая и приветливая Елена Кондратьевна, — о которой ему так много рассказывала Таня, тут же захлопотала:

— Вы, Александр Ильич, пока отдохните с дороги,

а я тем временем займусь обедом,—проговорила она.— Лешенька расскажет вам за Одессу и за все наши новости.

Лешенька с готовностью взялся выполнять поручение матери.

— Как вам понравилась нынешняя Одесса? — спросил он и, не дожидаясь ответа, тут же дал характеристику: — Слияла наша Одесса под австрийским сапогом, как говорит влюбленный в свой город знаменитый одессит Леша. Нет былого шика. Но, слово одессита, австриякам и германцам недолго топтать Дерибасовскую.

— Есть какие-нибудь слухи? — уточнил Вапельник.

— В наше время от слухов здоров не будешь, как говорит Леша. Нужно знать только об фактах.

— А какими фактами располагает Леша? — переходя на его тон, спросил Вапельник. — И, кстати, кто он, этот славный парень, на авторитет которого ты ссылаешься?

Веселый одессит смешно выпятил грудь, картинно поднял подбородок.

— Славный парень Леша — это я, — неподражаемо величественным жестом он ткнул себя пальцем в тощий живот и тут же рассмеялся. — Такая уж манера у одеситов. Как говорят, сам за себя не скажешь, другие не похвалят.

Но Леша умел быть и серьезным. Он подробно и толково обрисовал Александру обстановку в Одессе и соседних с нею городах, рассказал о волнениях в австрийских войсках. По его словам выходило, что германские и австрийские солдаты нынче уже не те, что полгода назад. Железнодорожная забастовка и восстания, которые вспыхивают по всей Украине, показали солдатам, что они воюют не против «бандитов-узурпаторов», как им говорило командование о большевиках, а против рабочих и крестьян.

— Их уже не купишь за полону, — говорил Алексей. — Сами начинают размышлять. Как же дескать так: офицеры убеждают, что они освобождают украинский народ от большевиков, а этот самый народ вместо благодарности берется за оружие? Значит, не такая это свобода, которой ему хочется. Была тут у нас седьмая венгерская кирасирская дивизия. Солдаты как на подбор, вроде российской лейб-гвардии — усахи! Пока

стояли в Одессе, поняли, как их надули, и решили, что против Советов воевать им не с руки. Не все, конечно, думали об этом — офицеры мыслили наоборот. Но солдаты им сказали: «Давайте разойдемся по-хорошему. Вы оставайтесь здесь, а мы поедem домой. Нам свою революцию нужно делать». Целая дивизия так заявила. Туго пришлось начальству, но ничего не поделаешь — командир приказал грузиться в эшелоны. Офицеры пустились было на хитрость: когда эшелоны были готовы к отправке, начали запирать вагоны и вылавливать зачинщиков. Но солдаты быстро разгадали их замысел и заштопали офицеров. Пардон, арестовали. И сами дали сигнал к отправлению. Кое-кого из начальства тут же расстреляли, а некоторых выбросили из вагонов после, около Раздельной.

Алексей не просто рассказывал, а сопоставлял, анализировал факты, и Александр с уважением подумал, что Леша действительно славный и толковый парень. Его рассуждения были не лишены проницательности.

— Пусть даже не все солдаты поняли обман, — говорил Алексей. — После «победного» марша в марте и апреле, когда они прошли всю Украину и заняли Крым, у многих появилась опьяняющая вера в непобедимость. А теперь пришла пора одуматься. Они все больше убеждаются, что Украина — это западня, где каждый город, каждое село, каждый хутор грозят им гибелью, где каждый рабочий и селянин ждут лишь удобного случая, чтобы расквитаться с иноземцами. Оккупанты бессильны перед народным гневом. Сегодня они расправятся с восстанием в одном селе, завтра десятки и сотни оккупантов ответят за это в другом месте.

По всему чувствовалось, что Алексей приобрел крепкую политическую подготовку. Этот балагур и весельчак мыслил глубоко и точно.

Между тем Леша продолжал:

— Недавно был у нас товарищ из центра. Рассказывал, что в Австрии и Германии тоже происходят забастовки и восстания. Германские и австрийские правители надеялись украинским хлебом заткнуть рот своим рабочим, а забастовка железнодорожников и сопротивление селян сорвали их расчеты. Хлебный Брестский мир превратился в войну против украинского народа. Германия и Австро-Венгрия держат на восточном фронте

пятьдесят дивизий. А тем временем на западе у них из-за нехватки войск поражение за поражением. Дорого обходится им украинский хлеб!

Увлеченный разговором, Александр не видел, как вошла Таня. Она тихонько подкралась сзади и закрыла ему глаза прохладными ладонями.

— Таня! — догадался он. — Здравствуй! Не ждала?

Девушка, не стесняясь присутствия брата, решительно поднялась на цыпочки и крепко поцеловала Александра в губы.

— Давно жду тебя, — шепнула она. — Знала, что ты приедешь.

— Сестренка, не смущай гостя, — подал голос Алексей. — Видишь, как ему неловко целоваться при посторонних.

— А ты не мешай, — одернула брата Татьяна. — Посторонние тут не нужны.

— И то верно, — согласился Алексей. — Третий лишний. Цените мое благородство.

Он церемонно поклонился и вышел.

Александр порывисто обнял девушку.

— Что случилось, почему не приезжала в Севастополь?

— У меня сейчас другое направление, — словно оправдываясь, ответила Таня. — За мной закреплены Николаев и Херсон. Страшно много работы. Людей не хватает, и все время приходится ездить. Если бы не это наше несчастье, я и сегодня была бы где-нибудь в дороге.

— Какое несчастье? — насторожился Александр.

— Ты разве не знаешь? — удивилась Таня. — У нас провал за провалом. Арестованы почти все члены областного комитета. Должны были ехать в Москву на съезд, но в поезде их задержали. Уцелели только Ян Гамарник да еще несколько товарищей, которые выехали на два дня раньше.

Вапельник был потрясен. Он понимал, что провал в одесской организации — это тяжелый удар и по севастопольскому подполью, для которого Одесса была опорой, главным связующим звеном с Центральным Комитетом.

— Карп тоже арестован? — глухим от волнения голосом спросил он.

— Дядя Яков на свободе, — сообщила Таня. — Он

будет рад тебе. Найдешь его в союзе швейников. Это на углу Александровского проспекта и Троицкой улицы. Там есть и другие товарищи, которые знали тебя еще в эмиграции.

Видя, как тяжело переживает Александр весъ о провале, Таня поспешила перевести разговор на другую тему. Расспрашивала о матери и сестренках, о Севастополе, о том, как досхал. Но ствлечь его от мрачных мыслей не могла.

Наконец, Александру удалось взять себя в руки. Постоянное напряжение, трудная игра с противником приучили Вапельника не давать воли своим чувствам. И эта минутная слабость была вызвана не его неумением владеть собой, а скорее всего тем, что за долгое время сн оказался рядом с человеком, перед которым можно быть самим собой, не опасаться, что его поведение могут превратно истолковать.

Александр вспомнил о подарках, переданных домашними Тане.

— Они тебя считают уже своей, — неловко сказал он. — А как ты?

Таня покраснела.

— Не будем загадывать. Кончится война, тогда подумаем.

Иного ответа он и не ожидал. Но все же спросил:

— Может, поедешь со мной в Севастополь? Будем вместе приближать освобождение Украины и Крыма.

— Мы и так вместе, — ответила девушка. — Расстояние не мешает нашей дружбе. Здесь я нужнее, особенно сейчас. Если уеду с тобой, товарищи расценят это как дезертирство.

Их разговор прервал приход матери.

— Прошу к столу, — пригласила она. — Разговорами сыт не будешь. Доченька, зови же гостей.

Таня, улыбаясь, потянула Александра за руку на кухню, служившую и столовой.

— А где же остальные домочадцы? — спросил Александр у матери.

— Леша куда-то по своим делам отправился, отец в рейсе. Он у нас моряк, в Николаев ушел, а с ним и младшая дочка увязалась — родственников навесить. Знала бы, что вы будете, ни за что бы не поехала. Таня о вас столько хорошего рассказывала.

Таня метнула на мать укоризненный взгляд и густо покраснела.

— Разве плохо о своих знакомых домашним рассказывать? — успокоила ее мать и, обращаясь к Александру, сказала: — Еще до вашего отъезда в Севастополь у нас дома про вас разговор был. Как вы против немца во Франции воевали и самый главный французский орден заслужили.

— Мама, — взмолилась Таня, — поговорили бы о чем-нибудь другом. Саша невесть что обо мне подумает.

А Саша был счастлив. Ему хотелось расцеловать словоохотливую Елену Кондратьевну за то, что она приоткрыла Танину душу, в которой, оказывается, есть место и для него.

Пообедали.

Вапельник отправился по своим делам. Он без особого труда нашел большой серый дом на Александровском проспекте, где находилась известная всем одесским щеголихам фирма дамских нарядов «Пале Рояль». В задних комнатах этого сверкающего витринами здания помещался профсоюз швейников или, как его называли, союз «Иглы».

Первым, кого он увидел в союзе, был его старый товарищ по Парижу Филипп Болкун. Филипп сначала недоверчиво оглядел вошедшего. Потом сдвинул очки на лоб, присмотрелся и кинулся навстречу.

— Сашок, дружище? Ты ли это? Каким ветром и откуда? — сжимая приятеля в объятиях, громыхал он своим великолепным певческим басом.

Удивился и Вапельник:

— А ты как оказался в Одессе? Ты же собирався на свою Подолию, в Проскуров?

— Там и был, пока германская варта не заинтересовалась моей персоной, — рассказывал Филипп. — Пришлось бежать. Теперь вот председательствую над всеми портными Одессы.

Ничто так сильно не роднит людей, как долгая жизнь на чужбине, и встреча Вапельника с Болкуном была самой сердечной.

— Яков, а Яков, — приоткрыв спрятанную за драпировкой дверь, позвал Филипп. — Дывысь сюды, який крымский хрукт до нас залетив.

В комнату заглянул Яков Карп. Увидев Александра, он обрадовался не менее Болкуна.

— Молодчина, что приехал, — похвалил он. — Где остановился?

Вапельник не сразу нашелся, что ответить.

— Все ясно. — улыбнулся Карп. — Если у Тани — еще раз молодчина. И она, и вся их семья — верные люди. Ее отца знаю еще с первой революции. Человек без фальши, настоящий рабочий класс. Да ты не удивляйся, — подмигнул он, заметив смущение на лице Александра. — В амурных делах конспирацию сохранить трудно. Татьяна хоть и хороший конспиратор, но женская струнка ее подвела — часто спрашивает о тебе. Вот я и догадался что к чему. Вник?

Вапельник не нашелся, что ответить. Видя его замешательство, Яков Карп повел разговор о другом. От него Александр узнал подробности провала. Оказывается, в организацию пробрался провокатор. Он знал время отъезда подпольщиков на съезд и выдал их. После этого австро-германская контрразведка совершила налет на табачную фабрику Попова, где хранились знамена, часть тиража газеты «Коммунист» и воззвания подпольного областного комитета партии к рабочим. В ночь с 15 на 16 октября ей удалось обнаружить подпольную типографию на Гаванной улице. За короткое время в городе были арестованы десятки коммунистов. Из всего состава подпольного областного комитета на свободе остались лишь четыре человека. Двое в период провала находились в отъезде, а Карпа и Федорко провокатор в лицо не знал.

— Как же теперь быть? — спросил Вапельник. — После такого разгрома нелегко снова стать на ноги.

— Да, трудно... И все же мы не считаем это разгромом, — вскричал Карп. — Организация, правда, ослабла, но работа продолжается. Есть горком, партийные комитеты в районах. Есть полиграфическая техника. Скоро снова пустим типографию. Впредь будем осторожнее, чтобы никакому провокатору не удалось нанести удар в спину.

Карп сообщил Вапельнику, что Центральный Комитет Компартии Украины знает обстановку в Крыму и особенно доволен работой севастопольских коммунистов. Вопрос о Крымской партийной организации специально обсуждался на четвертом Пленуме ЦК, который поручил Одесскому областному комитету объехать Крым, помочь собрать там конференцию и оказать вся-

ческое содействие крымским товарищам, в том числе и деньгами.

Вапельник усомнился:

— Кто же будет выполнять это решение? Для такого дела нужны сильные и опытные организаторы. Все-таки придется пока рассчитывать на собственные силы. На Одессу надейся, — горько пошутил он, — а сам не плошай.

— Будут и организаторы, — убежденно сказал Карп. — Центральный Комитет не забывает о своих решениях. Думаю, что после съезда в Одессу и Крым прибудет крепкое подкрепление.

Карп и Болкун дотошно расспрашивали Вапельника о работе Севастопольского подпольного горкома, о настроениях германских солдат, о спартаковцах.

— Ячейки друзей — это отлично придумано, — одобрил Яков Карп. — О такой форме интернациональной работы нужно доложить центру. Федерация иностранных коммунистических групп при ЦК тоже ухватится за эту идею.

Но друзья по эмиграции и подполью не только хвалили Вапельника. Ему основательно досталось за излишнюю удаль и молодечество. Они настоятельно советовали отказаться от участия в таких операциях, как захват военного коменданта и диверсия на мосту.

— Это ненужный риск, ложное геройство, — выговаривал ему Карп. — Для диверсий у горкома найдутся другие люди. У тебя же есть конкретное задание — пропаганда и разведка. В подполье необходимо четкое разделение обязанностей. Без этого немыслима никакая конспирация.

— Так это же только на первых порах, — оправдывался Вапельник. — Сейчас у нас есть и диверсионно-подрывные группы и боевые отряды. С комендантом же получился экспромт. По-моему, вполне удачный.

— Этот экспромт пахнет авантюризмом, — рассердился Карп. — Ты не рядовой боевик, а руководитель. В твоих руках целая организация, и ты не имеешь права подвергать ее риску. Кто будет руководить ячейками друзей, если контрразведка нападет на твой след?

— Все ясно, — поднял руки Вапельник. — Только не по мне это — стоять в стороне, когда другие рискуют жизнью.

— Вот ты и позаботься, чтобы риска было меньше,

а эффект работы — выше. Для того ты и поставлен, — прервал его Карп.

К сверкающему витринами дому на углу Александровского проспекта и Троицкой улицы то и дело подкатывали нарядные экипажи и авто. В салоны «Пале Рояля» вместе со своими дамами по-хозяйски входили офицеры кайзеровских, императорских, королевских и гетманских войск. Закройщики с почтением измеряли размеры бюстов и талий любвеобильных модниц — друг чужеземных чинов и их гетманских приспешников, учтиво вручали готовые заказы. А в это время в тесной задней комнатке подпольщики обсуждали планы дальнейшей работы, уточняли адреса и явки, думали о том, как эффективнее бороться против захватчиков.

— Главное для тебя, — еще раз напомнил Карп, — политическая пропаганда среди германских солдат и матросов. Четвертый пленум ЦК в своих решениях не случайно подчеркнул, что работа среди войск австро-германской армии является одной из важнейших задач партийных организаций. Чем быстрее мы завоюем влияние в оккупационных войсках, тем скорее вылетят с Украины германские и австро-венгерские империалисты. Согласен с этим?

— На том стою, — ответил Вапельник. — Можете сообщить в ЦК, что большевики Севастополя выполняют решение пленума.

Разошлись, когда стало вечереть и в салонах «Пале Рояля» зажглись яркие огни.

— Ну, в путь добрый, — напутствовал Вапельника Яков Карп. — Завтра утром сходишь по этому адресу на Пересыпь, — он протянул Вапельнику тугую трубочку скатанной бумаги, — и получишь литературу.

— Желаю успеха, — пробасил Филипп. — Смотри только не связывайся с комендантами. Немецкие солдаты сами побьют их.

— Встретимся в освобожденном Севастополе, — обнимая друзей, выразил надежду Александр. — Спасибо за добрые советы и поддержку.

Чтобы не привлекать внимания, из «Пале Рояля» выходили поодиночке. Вапельник сразу же отправился на Пересыпь и вскоре снова был с Татьяной, поджидавшей его на крыльце.

Пароход, на котором возвращался из Одессы Александр Вапельник, медленно, словно с опаской подходил к Севастопольскому рейду. У входа в бухту он развернулся. Впереди засветились огни вечернего города.

Пассажиры толпились на палубе, любуясь открывающейся панорамой бухты, подернутой пеленой первых сумерок, городом, огни которого, казалось, сливались с мириадами небесных звезд.

— Да-а-а, совсем захудал порт, — ни к кому не адресуясь, задумчиво произнес пожилой пассажир в фуражке моряка торгового флота. — Нет ничего более грустного, чем опустевшая гавань и безжизненные причалы.

— Ничего не поделаешь — война, — отозвался Александр.

Моряк грустно склонил голову. Потом обернулся к Вапельнику, видимо, намереваясь что-то ответить, но не успел. Над городом и бухтами поднялась ослепительная вспышка, и через мгновение раздались гулкие раскаты.

Пожилой моряк снял фуражку и суеверно перекрестился:

— Господи, спаси и помилуй... Гром при ясном небе — не к добру.

— На гром не похоже, — усомнился Александр. — Скорее взрыв.

— Может, и взрыв, — согласился моряк. — Помню, в Порт-Артуре вот так же...

Окончание фразы заглушили новые мощные раскаты.

— Похоже, на Южной дамбе, — определил моряк. — Там склады боеприпасов. Высадили их, стало быть, на воздух.

— Какие склады? Кто высадил? — слышались голоса любопытных.

— Военные склады, известно какие: снаряды, патроны, взрывчатка, — объяснял моряк. — А кто высадил...

Он не договорил. По палубе перекатывались волны испуганных голосов. Кто-то приказывал разойтись по каютам.

— Господа! Спокойствие! — нервно выкрикивал помощник капитана срывающимся голосом. — До выяснения обстановки вход в бухту закрыт. Надо терпеливо ждать. Прошу очистить палубу.

Александр выбрался из толпы и прошел в каюту. Он мог почти точно ответить на волновавший всех вопрос. Незадолго до отъезда в Одессу он сам из рук в руки передал Зимину и Тищенко восемь пудов пироксилиновых шашек из тайника на Базарной улице. Друзья, с которыми он рвал Инкерманский мост, по поручению горкома партии сформировали диверсионно-подрывной отряд. Стало быть, это их рук дело. Подпольщики словно салютовали вернувшемуся из Одессы товарищу по борьбе.

Вапельник не ошибся. Когда паника немного улеглась и пароход причалил к стенке, он без труда определил по большому стечению полицейских, что взрыв произошел не по воле интервентов. Это же подтвердил и зашедший утром Борис Поляков. Взрыв на Южной дамбе организовали подрывники отряда Зимина.

— Это третий фейерверк за неделю, — сообщил он. — Хлопцы Зимина устроили сначала хороший тарарам на станции, а когда немцы кое-как залатали прорехи, взялись за Камышловский тоннель. Там, правда, вышла осечка. То ли поспешили ребята, то ли на взрывчатку поскупились, но тоннель уцелел. На другой день через него снова пошли поезда.

Вапельник доложил подпольному горкому о результатах поездки и с головой ушел в работу по подготовке пропагандистских материалов для ячеек друзей.

В кафе снова зачастили солдаты и матросы-спартаковцы. Первым навестил Вапельника матрос-резервист Рихтер. Он был задумчив и мрачен.

— Ходят слухи о поражении Германии на Западном фронте, — глухо проговорил он.

Вапельник пытливо посмотрел на матроса.

— Ты будешь очень огорчен, если узнаешь, что это правда?

— Пожалуй, да. На то у меня есть причины.

— В таком случае могу выразить глубочайшее соболезнование, — ответил Вапельник. — Еще в августе англо-французские войска нанесли удар армии кайзера

в Амьенской операции*, а в конце сентября перешли в наступление по всему фронту.

— Это точно? — переспросил Рихтер. — Откуда тебе известно?

— Я только что из Одессы. Туда сообщения доходят быстрее.

— От нас это скрыли, — совсем помрачнел Рихтер.

— Теперь ты знаешь правду. Что намерен делать?

— Правду должны знать все мои товарищи. Мы будем требовать немедленной отправки домой, а там разберемся, кто и ради чего обманывает солдат и матросов.

— Если бы не поражение, ты не додумался бы до этого? — спросил Вапельник.

Рихтер горько улыбнулся.

— Меня в самом деле огорчает поражение Германии на западе, — ответил он. — Кто в барыше от этой победы? Английский или французский пролетариат? Черта с два. Выигрыш достанется империалистам, а расплачиваться будет германский рабочий. Понимаешь теперь мою мысль?

— Эх ты, германский рабочий, — дружески укорил Вапельник. — О чем же ты думал раньше, когда твои социал-демократические вожди голосовали за войну и отказались поддержать ленинский лозунг поражения своих правительств и превращения империалистической войны в гражданскую?

— Наша беда в том, что у нас не было такой партии, как ваша, и такого вождя, как Ленин. Зато теперь мы вернемся домой настоящими большевиками.

Беседа с Рихтером подтвердила вывод Вапельника о политическом прозрении рядового германского рабочего, которого насильно одели в матросскую форму. Он уже не сомневался: этот матрос не даст империалистам обмануть себя и по возвращении на родину станет в первые ряды борцов за революционное переустройство Германии.

По-прежнему заходили к Вапельнику старые друзья — Гюнтер и Бауэр, Цукерманн и другие спартаковцы. Из кафе они уходили с пачками свежих листовок, которые рассказывали солдатам и матросам правду о

---

* В сражении у г. Амьен на севере Франции англо-французские войска 8—13 августа 1918 г. нанесли крупное поражение германской армии.

поражении Германии на Западном фронте, о выходе из войны ее союзников—Болгарии, Турции и Австро-Венгрии, о революционном движении измученных войной германских рабочих. И в каждой листовке был призыв решительнее бороться за прекращение войны и возвращение домой, повернуть оружие против своих, германских империалистов.

Изо дня в день настойчиво вели пропагандистскую работу среди германских солдат Фриц Леппен, Александр Ходос, Борис Поляков, Лев Котнер, Андрей Мазур и другие подпольщики. Ржанников и Алый требовали от партийных ячеек использовать каждую возможность, чтобы организовать братание русских рабочих и германских солдат. В сложившейся обстановке это была разумная и, пожалуй, единственно верная тактика.

Но так думали не все. В среде подпольщиков все настойчивее раздавались призывы к немедленному вооруженному восстанию. Удачные диверсии на железной дороге и на Южной дамбе еще более подогрели воинственные настроения. Начальник штаба подпольного батальона Павлов, командир диверсионно-подрывного отряда Зимин и другие открыто возмущались тактикой «говорильни и ожидания», требовали от гэркома «переходить к делу».

— Я тебя знаю как решительного человека, — зайдя как-то в кафе, обратился Зимин к Вапельнику. — Может, тебе удастся расшевелить наших комитетчиков, едят их мухи. Солдаты-фронтовики и матросы готовы хоть сегодня ударить по германцу. Сразу выставим до двух тысяч штыков. Ты попробуй потолкуй об этом с Алым и Ржанниковым.

— И не подумую, — охладил Александр воинственный пыл друга. — В геройство бывших солдат и моряков верю, но сейчас не время подставлять их под удар.

— И ты туда же, — разочарованно махнул рукой Зимин. — Признаться, я о тебе лучше думал, едят ты мухи.

— Садись, Аника-воин, — указал на стул Александр, — давай прикинем, как будет лучше.

— Это другой разговор, — обрадовался Зимин. — Если восстание, то, конечно, не на тяп-ляп готовить. Нужно обмозговать, как следует, едят ты мухи.

— Да подожди ты со свсим восстанием, — остановил его Вапельник. — Давай разберемся в обстановке.

Ты знаешь, почему восстал батальон в Брестских казармах?

Зимин вопросительно уставился на собеседника.

— А за что арестованы шестьдесят матросов с «Гебена» и почему он ушел из Севастополя, знаешь?

— Чего не знаю, того не знаю.

— Тогда послушай. Они распространяли наши листовки, нашу «говорильню», как ты считаешь. Матросы наслушались этой «говорильни» и решили поддержать своих товарищей в Брестских казармах. Тогда командование убрало дредноут из Севастополя. Что могли сделать твои винтовки против его двенадцатидюймовок? А маленькие листовки заставили орудия молчать.

— Ишь ты, как ловко подвел, едят ты мухи, — уже с видимым интересом произнес Зимин.

— Это еще не все, — продолжал Вапельник. — Немецкий экипаж на русском линкоре «Воля» отказался вести корабль из Севастополя в Турцию. Немецкие солдаты хватают и бросают в бухту самых ненавистных офицеров, открыто собираются на митинги, обсуждают воззвания нашего ЦК и вождей германских рабочих, требуют отправки домой.

— К чему ты это рассказываешь? — вскипел Зимин.

— К тому, что незачем сейчас поднимать восстание. Германские солдаты и матросы скоро сами уйдут с Украины и, стало быть, из Крыма. Понял теперь?

— Вроде ясней стало, — признался подрывник. — Тогда скажи, для чего мы взрывали железную дорогу и дамбу?

— Немецкое командование вывозит из Крыма все, что есть ценного. Слышал, как царскую яхту «Алмаз» ограбили? Даже деревянную обшивку содрали. Мы должны помешать грабежу. Склады, кстати, тоже взорвали, чтобы нашим врагам не достались, которые метят занять место германцев.

Но беседы со сторонниками вооруженного восстания далеко не всегда оканчивались так мирно, как с Зиминим. Среди подпольщиков было немало товарищей, в представлении которых революционная, классовая борьба ассоциировалась с баррикадными боями. Члены подпольного горкома с трудом сдерживали их порыв. Сознавалось ложное и двусмысленное положение: горком партии, призванный руководить борьбой против окку-

пантов, вынужден удерживать массы от вооруженной борьбы.

— Вот в какой переплет попали, — сокрушался Ржанников. — И обижаться не на кого. Полгода уже в оккупации, злости у всех через край.

Оставалось настойчиво и терпеливо разъяснять товарищам преждевременность вооруженного выступления, одергивать наиболее рьяных сторонников крайних мер, всячески пропагандировать идею братания рабочих с немецкими солдатами и матросами.

В это сложное и трудное время на помощь Севастопольскому горкому партии пришел Центральный Комитет Коммунистической партии Украины. Одесские подпольщики не ошиблись, уверяя Вапельника, что сразу после съезда Центральный Комитет направит в Одесу и Крым опытных партийных организаторов.

В начале ноября в Севастополь прибыл представитель ЦК Гамарник.

— Товарищ Ян, — представил Гамарника приехавший с ним связной горкома Овсянников.

От него же севастопольцы узнали, что Гамарник лично знаком с Владимиром Ильичем Лениным.

О товарище Яне Вапельник много слышал от одесситов. Он знал, что в 1917 году Гамарник возглавлял Киевский комитет РСДРП(б), был членом первого Киевского ревкома, позднее организовал большевистское подполье в Киеве и Харькове, входил в состав оргбюро по подготовке первого съезда Компартии Украины, а после съезда руководил Одесским губкомом партии. Его помощь и направляющую руку постоянно ощущали и севастопольские подпольщики. Но встречаться с ним Александру не приходилось.

Товарищ Ян почему-то представлялся Вапельнику пожилым и многоопытным человеком. Может быть, потому, что одесситы, рассказывая о нем, любовно называли его «наш Борода». А он оказался даже немного моложе Александра. Ян был чуть выше среднего роста, с хорошей спортивной выправкой. Запоминалось его выразительное лицо с массивным высоким лбом, прямым носом и строго очерченным ртом. Его проникающий взгляд как бы прошупывал собеседника. Густые, слегка выующиеся волосы он зачесывал назад, а небольшая рыжеватая бородка делала Гамарника похожим на ученого или инженера.

— Наконец-то познакомились лично, — дружелюбно улыбаясь Вapельнику, подал руку товарищ Ян. — В Одессе я регулярно читал ваши отчеты и сводки, по мере возможности старался помогать вам литературой и деньгами.

— Я тоже рад знакомству, — от души сказал Александр. — За помощь большое спасибо. Если бы не поддержка Одессы, трудно бы нам пришлось.

— Благодарить не за что. Борьба за освобождение Украины и Крыма — дело всей партии, — ответил Гамарник. — А вот вас нужно похвалить за создание ячеек друзей и за разведывательные материалы. То, что сделано вами, — больше, чем выигрыш крупного сражения на фронте.

Товарищ Ян долго и подробно расспрашивал Вapельника о спартаковцах и положении в городе, об отношении рабочих к солдатам и матросам немецкого гарнизона.

— Мне говорили, что у вас тут возникли разногласия по вопросу о вооруженном восстании и агитационной работе среди германских войск, — озабоченно сказал Гамарник. — Такие разногласия были и на втором съезде Компартии Украины. Некоторые делегаты считали, что нужно ограничиться партизанской борьбой и массовым террором против всех оккупантов. Съезд осудил эту линию. Большинство делегатов высказалось за то, чтобы наряду с развертыванием повстанческого движения расширять контакты с революционно настроенными немецкими солдатами, усиливать большевистскую агитацию среди них. Очень важно, чтобы ненависть к иноземным оккупантам не ослепляла классового самосознания, а была обращена против общего врага — германского империализма. Нужно в деталях разъяснить это всем севастопольским коммунистам, всем сознательным рабочим.

— Разъясняем, но не до всех доходит, — ответил Александр.

Он рассказал о беседах с Зиминим и членами правления союза бывших фронтовиков. Слишком много несчастий и страданий принесли народу оккупанты. В глазах населения все они — грабители и насильники. Поэтому трудно удержать рабочих, особенно бывших фронтовиков, от вооруженной борьбы.

— Трудно, но необходимо. Об этом поговорим на

собрании актива подпольщиков. Может, прямо у вас и проведем? Как вы на это смотрите?

— Можно, конечно, и в кафе, — ответил Александр. — Но есть на примете другое место, более удобное для такого собрания — сапожная мастерская на углу Большой Морской и Малоофицерского спуска. Хозяин ее — наш человек.

— Рискованно, — заметил Овсянников. — Ведь это же в ста пятидесяти метрах от полицейского участка.

— Ничего страшного, — успокоил его Гамарник. — Полиции и в голову не придет искать подпольщиков у себя под носом.

— Один одесский философ по этому поводу сказал бы, — улыбнулся Вапельник, вспомнив Лешу, — что от грабителей ценности спрятали в старом валенке у порога.

— Вот именно, — раскатисто засмеялся Ян. — По всей видимости, подбирая это помещение, вы руководствовались философией своего одессита?

— Точно, — откликнулся Вапельник. — Мы с Ржанниковым так и решили, что это помещение для собраний похоже на висячую керосиновую лампу: вокруг светло, а под лампой темный круг.

— Ну, коли так, спорить не приходится, — согласился связной горкома.

— Кафе пригодится для других дел, — со значением проговорил Гамарник. — Кто знает, сколько еще времени предстоит работать в подполье? Надо беречь конспиративные квартиры.

На том и порешили.

Собрание актива Севастопольской подпольной организации большевиков состоялось на третий день после приезда уполномоченного ЦК. В мастерской сапожника Спиро собрались все члены горкома, руководители партийных ячеек союза бывших фронтовиков, порта, железнодорожников, связистов, Балаклавы, Татарской, Цыганской и Бартеневской слободок, профсоюза «Иглы» — всего около тридцати человек.

В целях охраны тайного собрания по Большой Морской и Малоофицерскому спуску группами по два-три человека «прогуливались» дозорные — боевики диверсионно-подрывного отряда Зимина и подпольного батальона. При необходимости они должны были блокировать полицейский участок и подходы к сапожной

мастерской. Особенно тщательно охранялся двор, из которого на улицу вели два выхода. В случае опасности участники собрания могли выйти через него в безопасное место.

Повестку дня собрания объявил Иван Ржанников: «О втором съезде Коммунистической партии Украины, наших задачах и нашей тактике». Он представил докладчика — члена ЦК товарища Яна.

Гамарник передал большевикам Севастополя привет и горячую благодарность Центрального Комитета за их героическую, самоотверженную борьбу против оккупантов и внутренней контрреволюции, поздравил всех с первой годовщиной Великого Октября.

— Центральный Комитет Коммунистической партии Украины, частицей которой является и партийная организация Крыма, знает о героических делах севастопольских подпольщиков, — говорил товарищ Ян. — На втором съезде ваш делегат Моршин рассказал, в каких трудных условиях вы восстанавливали свою организацию, как много сделали, чтобы сплотить севастопольских рабочих, ослабить вражеский тыл и разложить его войска. Партия и народ никогда не забудут о вашем подвиге.

Гамарник обстоятельно рассказал о работе съезда и его решениях, об указаниях Владимира Ильича Ленина коммунистам оккупированных областей, о политике партии по отношению к Брестскому миру. Говорил он просто и убедительно.

— Международная обстановка за последние месяцы сильно усложнилась, — разъяснял он. — Германия не сегодня-завтра заключит мир с государствами Антанты. Англо-французский империализм уже считает себя владыкой мира и исподтишка готовится нанести удар по международной революции, по Советской республике. Это значит, что нам необходимо быть готовыми к отражению нашествия нового врага, более сильного и коварного. Для того, чтобы сконцентрировать все силы на борьбу с интервенцией Антанты, мы вынуждены поддерживать мир с Германией на основе Брестского договора. Обидно, тяжело, но иного выхода нет. Правительство кайзера Вильгельма сейчас ищет возможности вступить в сговор с Англией и Францией для совместной интервенции против Советской России и Украины. Мы не можем допустить этого, Владимир Ильич

Ленин в письме Объединенному заседанию ВЦИК 3 октября указывал, что в сложившейся обстановке «...Советская власть не подумает помогать немецким империалистам попытками нарушить Брестский мир, взорвать его в такой момент, когда внутренние антиимпериалистические силы Германии начинают кипеть и бурлить»*. Он подчеркивал, что в интересах русской и международной революции надо делать все возможное для ускорения революционного взрыва в Германии. Ленин решительно осудил тактику немедленной «революционной войны», попытки всеобщего восстания в оккупированных районах. Он высказался так: «Было бы, конечно, «приятнее», если бы мы простой войной могли свергнуть и Вильгельма и Вильсона. Но это бредни. Свергнуть их внешней войной мы не можем. А двинуть вперед их *внутреннее* разложение мы можем**».

Гамарник окинул участников собрания внимательным, изучающим взглядом.

— Мне рассказывали, что среди севастопольских большевиков тоже есть товарищи, настаивающие на немедленном вооруженном восстании. Я понимаю их настроение и не осуждаю. Это у них от незнания сложившейся международной обстановки.

Он на какое-то мгновение задумался, словно собираясь с мыслями, еще раз пытливо оглядел подпольщиков и продолжал:

— 22 октября вместе с другими делегатами съезда мне посчастливилось слушать доклад Ильича на объединенном заседании ВЦИК. Он очень хорошо определил, какой тактики нужно придерживаться сейчас в оккупированных областях. «Я для примера возьму Украину, — говорил Ленин. — Подумайте о положении ее, подумайте, как быть при теперешнем положении рабочим и сознательным коммунистам. С одной стороны, они видят возмущение против немецких империалистов, против страшного грабежа Украины, с другой — видят, что часть германских войск, и большая часть, может быть, ушла. У них, может быть, является мысль дать выражение накопившим ненависти и злобе и сейчас же, не считаясь ни с чем, напасть на германских империалистов. А другие говорят: мы — интернациона-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 98.

** Там же, стр. 109.

листы, мы должны смотреть с точки зрения и России и Германии... сознательные украинские коммунисты говорят себе: мы должны быть очень осторожны; может быть, завтра от нас потребуется напряжение всех сил и потребуется поставить все на карту ради борьбы против империализма и германских войск. Может быть, будет так завтра, но не сегодня...»*

Гамарник рассказал о том, что Ильич обратил внимание на необходимость всеми силами и средствами содействовать быстрейшему созреванию и развязыванию революции в Германии, призвал развернуть работу по привлечению германских солдат на сторону революции, которая не только освободит нашу страну от грабительского Брестского договора, но и разрешит сотни других международных вопросов.

— Мы должны идти нога в ногу с немецкой революцией и смотреть, чтобы наше вмешательство не помешало ее развитию, — закончил товарищ Ян свою речь.

Даже сторонникам немедленного вооруженного восстания стало ясно, что не следует забегать вперед, торпиться с выступлением. Надо всемерно способствовать развитию германской революции, согласовывать свои действия с политикой Советской России. Эти ленинские указания коммунистам Украины и других оккупированных немцами областей стали программой действий и для севастопольских подпольщиков.

Из Севастополя по маршруту, заранее определенному в ЦК, Ян Гамарник отправился в Симферополь. Здесь была вторая по численности (после Севастопольской) подпольная большевистская организация. К тому же из губернского центра он мог успешнее поддерживать связь с партийными организациями Керчи, Феодосии, Евпатории и других городов, вести подготовительную работу к созыву съезда крымских большевиков. Вместе с товарищем Яном в Симферополь выехали член бюро обкома партии Михаил Алый и Александр Вапельник.

От товарищей, приезжавших к нему за оружием и взрывчаткой, Александр знал, что Симферопольскому подпольному горкому также удалось связаться со спартакотами. Через сочувствующего большевикам пе-

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 120—121.

чатника Леонарда Ленцнера, немца по национальности, они отпечатали и распространили среди немецких солдат несколько листовок. Вапельник решил договориться с симферопольцами, чтобы они посылали листовки и в его адрес. Кроме того, он рассчитывал встретиться с автомехаником Браумгартеном и познакомить его с симферопольскими подпольщиками.

Поездка оказалась удачной. Симферопольцы обещали регулярно высылать в Севастополь часть тиража своих листовок и получаемой из Москвы литературы. В свою очередь Вапельник дал слово, что севастопольцы поделятся с товарищами взрывчаткой и оружием.

— При одном условии, — оговорился он, — чтобы пироксилин, который мы вам выделим, не лежал в тайниках, а использовался по назначению. Кстати, как вы распорядились взрывчаткой, которую получил у нас железнодорожник Яков Черный?

— Для начала один эшелон с военными грузами уже взлетел на воздух.

— В таком случае взрывчатка будет, — заверил Вапельник.

Удалось ему разыскать и Браумгартена, который тут же раздобыл увольнительную.

— Мой шеф покладистым стал, — весело смеялся автомеханик, показывая увольнительную. — А еще месяц назад был грозен, как фараон. Чувствует, подлец, что близится развязка.

Вапельник и Браумгартен провели вместе почти полдня. Чтобы не привлекать к себе внимания, они посидели в небольшой кофейне недалеко от Салгира, потом проехали по городским улицам на трамвае, побывали на вокзале.

— Как дела в Севастополе, как поживают мои земляки Курт и Отто, что предпринимают спартаковцы, чтобы добиться возвращения солдат домой? — засыпал Александра вопросами Браумгартен.

Вапельник передал ему приветы от друзей, рассказал о последних событиях в Севастополе, о росте революционных настроений среди солдат и матросов.

— Здесь тоже существуют группы спартаковцев, — сказал Браумгартен. — Они, как и севастопольские, не сидят сложа руки. Есть тут один фольксдойч, который обеспечивает нас революционной литературой и листовками.

— Как зовут этого товарища? — поинтересовался Вапельник. — Не тот ли это человек, который нам нужен?

— Леонард Ленцнер.

— Конечно, он, — оживился Александр. — Я специально узнал его адрес, чтобы свести с тобой.

— Он сам умеет заводить знакомства, — преговорил Браумгартен. — Великолепный агитатор. Мне приходилось встречаться и с другими русскими большевиками. Настоящие революционеры! Я даже завидую русским рабочим, что у них есть такая боевая партия. Нам бы такую!

— А как настроены солдаты?

Браумгартен задумался:

— Здесь труднее вести революционную пропаганду. Может, потому, что в гарнизоне много воинских частей, где преобладают солдаты из восточнопрусских земель. Большинство из них — крестьяне, причем немало зажиточных. У них в голове еще крепко сидит: «Германия превыше всего». Но сейчас и они начинают понимать бессмысленность войны, с нетерпением ждут мира и отправки домой. О рабочих говорить не приходится. Они не только ждут демобилизации, но и горят желанием поскорее дать по шапке «обожаемому» кайзеру и всем гогенцеллернам. Как говорят русские, нет худа без добра: за время оккупации солдаты разобрались, с чего начинать революцию.

Из Симферополя Вапельник возвращался утренним поездом.

На перроне встретился с Батманом.

— О! — приветствовал тот Вапельника. — Вот она, доля журналиста и коммерсанта! Встречаемся чаще в пути, чем в родном городе. Мне давно хотелось пожурить вас: почему не заходите?

— Справедливо, — изображая на лице радушие, ответил Александр. — Сами знаете, своих забот достаточно, да и вас отрывать от дела пустяжными разговорами не решаюсь.

— Зря, зря, милостивый государь, — укорил его меньшевистский борзописец. — Наоборот, меня крайне интересуют встречи с вами. Порой просто необходимо знать мнение деловых кругов по поводу наших слишком бурных событий. Газета ведь питается только фактами.

— Вы так думаете? — вопросительно взглянул на

собеседника Вапельник. — Мне кажется, некоторые нынешние факты вряд ли целесообразно обнародовать.

— Как знать, — пожал плечами Батман. — Многие факты радуют.

Он тут же успел рассказать, что в эти дни в Симферополе заседал съезд городских и земских деятелей с участием членов Российского Учредительного собрания, представителей партий меньшевиков и эсеров. Он, Батман, представлял на съезде свою газету.

— Я еще не читал газет, — как мог естественней, пожалел Вапельник. — Какие же вопросы обсуждал этот представительный форум?

— Как же так, батенька мой! Можно ли в наше время отставать от жизни?! Вы ведь, наверное, знаете, что Германия на грани краха и в Крым не сегодня-завтра войдут войска держав Согласия. Это в корне меняет политическую обстановку. Вокруг союзников сплотятся все силы законного правопорядка и сметут узурпаторов-большевиков.

Объявили посадку.

В вагоне Батман порывлся в своем объемистом портфеле и извлек какую-то бумажку.

— Вот послушайте. Это воззвание к населению опубликовали державы Согласия: «Весь нездоровый элемент России — большевики и их приспешники объявляются вне закона, лица, скрывающие большевиков, подлежат полевому суду. Ныне мы не признаем никаких организаций в России, кроме организаций, борющихся с большевиками; добровольческой и казачьей армии и армии Учредительного собрания...» Это ж прекрасно, милостивый государь! Именно от нас, с юга, начнется великое очищение России. Вы только представьте себе, как это будет выглядеть в историческом аспекте! В анналах истории на века сохраняется память о том, как воины Москвы освободили Крым, а теперь из благодатного солнечного Крыма двинутся полки на освобождение белокаменной. Это грандиозно, величественно!

Вапельник искоса поглядывал на разошедшегося собеседника. «Продажная и подлая тварь, — думал он. — Полгода назад распинался в верноподданнических чувствах перед немцами, а теперь заранее становится на задние лапки перед новыми завоевателями». Но вслух сказал:

— Об этом и на съезде шла речь?

— Съезд, милостивый государь, дело большой политики. Сами понимаете, что в новых условиях генерал Сулькевич и его правительство изжили себя. Необходима новая власть — более авторитетная и приемлемая как для демократических кругов, так и для союзников.

— Так что же решил съезд? — поинтересовался Вапельник.

— Генерал Кош не возражает против отзыва Сулеймана Сулькевича с поста премьер-министра, — доверительно сообщил Батман. — В скором времени будет создано Краевое правительство во главе с Соломоном Крымом. В состав этого правительства намечены Набоков, Винавер, Богданов, Никонов, генерал Бутчик и Бсбровский.

«Вполне приемлемое для «демократических кругов» правительство, — отметил про себя Вапельник, — три царских сенатора, два члена ЦК партии кадетов, генерал, эсер... Против такого кабинета министров не возражал бы и сам Николай Романов».

Он поддерживал разговор с Батманом, стараясь узнать от этого болтуна, любящего щегольнуть своей осведомленностью, как можно больше подробностей о съезде. Когда поезд прибыл в Севастополь, Вапельник знал гораздо больше, чем могли сообщить местные газеты. Он вежливо распрощался с попутчиком и вышел из вагона. На привокзальной площади мальчишки — разносчики газет бойко выкрикивали сенсационные заголовки опубликованных сообщений: «Революция в Германии!». «Свержение кайзера Вильгельма!», «Капитуляция германских войск на Западном фронте!» — слышалось в разных концах площади.

Вапельник купил несколько газет. Они не сообщали подробностей, но известие о революции в Германии не вызывало сомнений. Сначала восстали моряки и докеры Киля, а затем восставший флот захватил все германские гавани Северного и Балтийского морей. 9 ноября восстание охватило Берлин. Во всех крупных городах Южной Германии началась всеобщая забастовка. Кайзер Вильгельм II отрекся от престола, а канцлер принц Баденский подал в отставку. 11 ноября в Компьене в вагоне французского главнокомандующего маршала Фоша между союзным и германским командованием подписано соглашение о перемирии. Германские генералы безоговорочно капитулировали на условиях, про-

диктованных победителями. Между строк Вапельник увидел, что победители не особенно стеснялись. Французские, английские и американские империалисты не упустили возможности поживиться за счет поверженного противника.

Он лишь на несколько минут зашел в кафе, наскоро позавтракал и отправился к Леппену. Фриц как раз выходил из дому и куда-то спешил.

— На Приморский, — бросил он на ходу. — Спартакovsky готовят там митинг.

Вапельник и Леппен еще издали увидели огромную толпу солдат и матросов. От пристани и из примыкающих улиц подходили все новые и новые группы пехотинцев, артиллеристов, моряков. В центре Приморского бульвара возвышалась импровизированная трибуна — две составленные рядом садовые скамейки.

Вапельник видел, как поднялись на эту трибуну Гюнтер, Бауэр и Рихтер.

— Друзья! — обратился к солдатам Бауэр. Толпа сразу притихла, казалось даже, что слышно, как падают с деревьев осенние листья. Бауэр обвел собравшихся радостным взглядом и снова, еще громче, повторил: — Друзья! Товарищи! В наших сердцах сегодня большая радость. В Германии — революция! Кайзер Вильгельм свергнут! Это победа. Поздравляю вас, товарищи солдаты и матросы!

Последние слова утонули в радостном гуле голосов.

Слышали эти возгласы и офицеры в гостинице Киста, в штабе и управлении военного губернатора. Но теперь это меньше всего тревожило солдат. Пусть слушают. Кончилось время тупого повиновения.

— Товарищи! — продолжал Бауэр, дождавшись тишины. — Нас привезли сюда, чтобы нашими руками задушить первое в мире рабоче-крестьянское государство. Нас хотели превратить в палачей и душителей свободы. Но мы протягиваем братскую руку нашим русским и украинским товарищам. Мы вернемся в Германию, чтобы делать свою, германскую рабочую революцию.

Бауэра сменил матрос-спартаковец с линкора «Воля».

— Впереди еще большая борьба, — с рассудительной озабоченностью многоопытного человека начал он, — офицеры будут всячески мешать нашему возвращению на родину. Поэтому нужно сейчас же создавать

в батальонах, полках и на кораблях солдатские и матросские комитеты. Мы должны взять власть в свои руки. А офицеров, если будут мешать, за борт. Хватит, откомандовались!

Все одобрительно встретили предложение Рихтера, выступившего после матроса. Рихтер призывал немедленно идти к комендатуре и потребовать освобождения из гарнизонной тюрьмы осужденных за отказ воевать против Красной Армии.

Митинг переместился к гостинице Киста, и перепуганный комендант без промедления отдал распоряжение освободить всех арестованных.

В тот же день митинги и собрания проходили во всех частях и на кораблях, в порту и на городских улицах. Севастопольский гарнизон бурлил. Германские солдаты и матросы демонстративно не отдавали честь офицерам, а на собрании делегатов в морском собрании, куда нижние чины еще несколько дней тому назад не смели входить, обсуждался вопрос о лишении офицеров погон и уравнивании их по содержанию с солдатами. Участники делегатского собрания направили генералу Кошу требование немедленно начать эвакуацию войск. Что касается высшего командования, солдаты и матросы не возражали против того, чтобы генералы остались в Крыму.

В городе началось братание германских солдат и матросов с русскими рабочими.

В порту Александр с любопытством наблюдал, как пожилой моряк пытался объяснить с группой мастеровых.

— Ди большефики зинд гуте керле, — говорил он. — Их бин аух большефик.

— О чем он толкует? — обратился к Вапельнику один из рабочих.

Александр перевел:

— Большевики — хорошие ребята. Я тоже большевик.

В подтверждение своих слов матрос показал ладони с тугими буграми мозолей.

— Вполне подходящие руки, рабочие, — согласился стоявший ближе к нему старый мастеровой. — С такими руками тебе как раз по пути с большевиками.

Вапельник перевел. Матрос радостно заулыбался.

Но, увидев на переводчике модное парижское пальто, на всякий случай предупредил:

— Всем буржуям тоже скоро капут.

— Данке, геноссе, — вежливо приподняв шляпу, поблагодарил Александр и удалился.

А матрос еще долго стоял с растерянным видом, так и не поняв, за что же благодарил его этот человек. по одежде никак не похожий на рабочего.

Немецкие солдаты-спартаковцы рвались на родину, чтобы принять участие в революционных битвах с собственной буржуазией.

Но прошло еще несколько томительных недель, прежде чем началась эвакуация оккупационных германских войск из Севастополя.

А на горизонте уже маячили корабли под флагами держав Антанты. Это был новый враг — более грозный и опасный.

Эта победа, которую мы одержали, вынудив убраться английские и французские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств.

В. И. Ленин.

Полн. собр. соч., т. 39, стр. 391.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВНУКИ КОММУНАРОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ СПЕКТАКЛЬ МАРИОНЕТОК

Вечерело... Косые лучи закатного солнца красноватыми отблесками отражались на трепещущей ряби сева-стопольских бухт. Зловеще-огненные сполохи пробегали по мачтам и остывшим трубам кораблей — жалких остатков еще недавно могучих эскадр Черноморского флота Российской империи, робко лепившихся к причалам.

Даже не верилось, что над Севастополем может вдруг повиснуть такой пустынный, беззвучный и тоскливый вечер.

Где-то глухо отбили склянки. Скрипнул, потревоженный накатом волны, ржавый корпус старой морской баржи, и снова все стихло.

Александр невольно сравнил это вечернее безмолвие с тревожной тишиной перед бурей. Тягостная тишина спустилась на город, заволокла его окрестности, придавила стены древних рavelинов и приземистые домишки на Корабельной стороне.

На внешнем рейде появились неясные очертания каких-то двух судов. Почти сливаясь со свинцово-серой громадой тяжелого неба, они казались совершенно черными.

Александр с трудом рассмотрел силуэты кораблей. Срезанные носы, орудийные башни, низкие надстрой-

ки... В них было что-то похожее на подкрадывающихся хищников.

Сумерки сгущались.

Вот уже не стало видно силуэтов судов. Лишь отдаленно мерцали едва заметные бортовые огни. Но вскоре и они померкли во влажной завесе накатившегося на берег и море тумана.

Вапельник поднял воротник, хотя и не ощущал холода, и медленно зашагал по непривычно безлюдной улице.

Следовало посоветоваться с товарищами, как организовать борьбу с новым, уже заявившим о себе врагом.

В ночь с 24 на 25 ноября подпольщики собрались на экстренное совещание. Всех тревожило появление союзной эскадры, о предстоящем приходе которой в Черное море знали и тем не менее надеялись, что она минует Севастополь.

На следующий день военно-морская армада Антанты в составе более двадцати вымпелов вошла в бухту. Боевые корабли грозно выстроились в длинную линию и направили на город жерла тяжелых морских пушек. Эта армада, по замыслу французских и английских генштабистов, одним своим видом должна была устроить рабочих и крестьян революционной России.

Порывистый ветер развеивал на гафелях корабельных мачт государственные флаги держав Согласия. Преобладали трехцветные: из синих, белых и красных полотнищ — флаги Франции. Бывшая союзница России прислала в Севастополь два дредноута, новейшие крейсера и быстроходные миноносцы. На двух тяжелых крейсерах и трех миноносцах реяли юнион-флаги Великобритании с отчетливо видными двойными косыми крестами в углу у фалрепа. То там, то здесь мелькали флаги Италии и Греции, а на одном из щеголеватых юрких миноносцев со стремительными обводами корпуса полоскался звездно-полосатый флаг Северо-Американских Соединенных Штатов.

— Все флаги в гости будут к нам, — буравя плечом собравшуюся на Приморском бульваре толпу, не без сарказма декламировал расторопный гимназист в форменной фуражке.

Это был Анатолий Вапельник. За ним продирались его товарищи. Со словами: «Прочти и передай соседу», — они направо и налево раздавали отпечатанную

на гектографе газету «Крымский коммунист» и листовки.

Ребята действовали в открытую. Знали, что им некого бояться в этой толпе, большинство которой составляли рабочие порта, железнодорожники и ремесленники. Шпики, еще недавно состоявшие на услужении военной полиции фон Аппеля, до поры до времени прятались в потаенных местах. Боясь расплаты за бывшее рвение, отсиживались в тени и чины полиции полковника Маркова.

Анатолий и его друзья прислушивались к разговорам.

— Незванный гость — хуже татарина, — басил пожилой мастеровой с прокуренными усами.

— Погоди, придет время, турнем этих «гостей», — зло процедил сквозь зубы рослый железнодорожник. — Нам не впервой иноземцев бить.

Он развернул газету и толкнул соседа:

— Вот послушай, о чем коммунисты пишут: «Российская революция, вихрь которой грозит снести все старые устои, зажгла пламя, и его искры разносятся по всему миру. Поэтому «черный интернационал» направил все свои силы на революционную Россию. Так вооружайтесь, рабочие и крестьяне! Вспомните, где брали оружие питерские и московские рабочие, готовясь к беспощадной борьбе с «черным интернационалом».

— Поистине «черный интернационал», — теребя желтые от табака усы, резюмировал мастеровой. — Наша революция всему мировому капиталу, как кость поперек горла. Верно написано: надо вооружаться. Другого пути нет.

Собеседников плотным кольцом окружили люди.

— Выходит, что Антанта стоит за старые буржуазские порядки? — дернул усатого рабочего за рукав промасленной поддевки кряжистый моряк в лихо сдвинутой на затылок «капитанке».

— А ты как считаешь? — вопросом на вопрос ответил рабочий. — Думаешь, английские лорды-морды о тебе позаботились?

— О чем я думаю, тебе, отец, не обязательно знать. Одно скажу: пусть эти гады не ждут пощады.

— Что ж, в одиночку будешь их бить?

— Думаешь, испугаюсь?

— Тогда держись, Антанта, — беззлобно подкузь-

мил матроса мастерской, и его усы встопорщились от смеха. Но он тут же посерьезнел и произнес сурово: — Ты эту дурь выбей из головы. На такого врага нужно сообща навалиться, весь рабочий класс подняться должен.

— Уж не Канторович ли с Михайловым будут поднимать? — съязвил в свою очередь матрос. — Хватит! Наслушался этих краснобаев. Говорить-то они мастаки, а как до дела дошло, первыми переметнулись к Соломону Крыму.

— Так то Канторович и Михайлов. Это же меньшевистское отродье. А есть еще большевики-коммунисты. Те самые, что вот эту газету печатают. На них держи курс.

— Где же их найти, этих самых большевиков-коммунистов? — полюбопытствовал матрос и весь подался вперед, ожидая ответа.

— Если б знал, дал бы тебе адресок, — ответил мастерской. Его глаза, спрятанные под кустистыми бровями, светились доброй хитринкой. — Ты, сынок, пока не спеши. Придет время — сами объявятся.

Газеты и листовки переходили из рук в руки. То тут, то там возникали беседы, споры, обсуждения. Призывы газеты «Крымский коммунист» и воззвания севастопольских большевиков о сплочении сил для борьбы против интервентов находили в сердцах севастопольцев горячий отклик.

А у причала Графской пристани, поживаясь на ветру, сгрудились те, кто радовался приходу в Севастополь флота держав Согласия. Они ждали катер с флагманского корабля французской эскадры, чтобы нанести визит командованию.

Кого только не было на знаменитом адмиральском причале! Позднее газеты писали, что встречать союзников съехался весь Крым. По мнению кадетской, меньшевистской и эсеровской прессы, «весь Крым» представляли местные лидеры их партий: бывший царский сенатор кадет Соломон Крым, министр внешних сношений Краевого правительства сенатор Винавер, лидер крымских сионистов доктор Пасманик, краевой контролер меньшевик Бобровский, а также заводчики, хлебо-торговцы, крупные спекулянты и банкиры во главе с миллионером Рябушинским, генералы, тайные советники, члены Государственной думы. Здесь же толпилось

превеликое множество богато разодетых дам в замысловатых шляпках с вуалетками.

В стороне от «мирян» сбилось в кучу православное духовенство в парчовых ризах. Выделялся осанистый крымский епископ Вениамин с высоким клобуком на голове и массивным золотым крестом на груди. К нему и подошел отиравшийся на пристани репортер меньшевистского «Прибоя» Батман.

Он изнывал от желания попасть на флагманский корабль союзников. Чтобы втереться в состав делегации, хитрец решил использовать свое знакомство с Вапельником.

Батман чинно поклонился Вениамину и многозначительно шепнул:

— Ваше преосвященство, есть блестящая возможность преподнести нашим союзникам приятный сюрприз.

— Внемлю, но не разумею, о каком сюрпризе речь, — ответил Вениамин.

— Знает ли ваше преосвященство, что в Севастополе проживает кавалер французского ордена Почетного легиона?

— Ну и что? — неопределенно отвечивал церковнослужитель.

— Орден Почетного легиона — высшая награда Франции, — жарко дыша в волосатое ухо епископа, зашептал репортер. — Кавалерам этого ордена воздаются самые высокие почести. Представляете, какая будет сенсация, если в составе делегации окажется такой человек к тому же наш соотечественник?

— Теперь уразумел, сын мой, — заинтересовался отец Вениамин. — Кто же он?

— Коммерсант. Уверяю вас, французское командование сумеет по достоинству оценить столь примечательный факт. Я же берусь доставить героя сюда.

— Над этим стоит подумать, — потеревил свою веникообразную бороду епископ. — А он приличен, благовоспитан?

— За это ручаюсь. Господин Вапельник — мой хороший знакомый. Он несколько лет жил во Франции, общался с представителями высшего света. А орден ему вручал сам министр-президент Клемансо.

— Вот как? — обрадовался епископ. — Ты, сын мой, обожди, пока я переговорю с премьер-министром.

Подобрав рясу, тучный епископ поспешил к главе правительства.

Вернулся он сияющий и довольный.

— Велено немедленно доставить сюда вашего протеже.

Пронырливый газетчик тут же умчался на Таможенную.

Так неожиданно-негаданно Александр Вапельник оказался в составе высокопоставленной делегации, которой предстояло приветствовать союзников «от имени населения Крыма и всего государства Российского».

Вапельника Батман застал в кафе. Александр только что вернулся с Хрулевского спуска, где вместе с Ходосом и его новым помощником Гриценко-Войчаком сортировал и распределял по тайникам купленное у немецких солдат оружие,

— Милостивый государь, — с порога обратился к нему неожиданный посетитель. — У вас открылась редчайшая перспектива извлечь пользу из своего неопцененного ордена.

Вапельник непонимающе уставился на вошедшего.

— Ах, да! — спохватился Батман. — Вы еще ничего не знаете. Так слушайте, милостивый государь: в Севастополь прибыла эскадра держав Согласия. Быстро надевайте свой орден! Как говорят одесситы, настало время подумать за свой отсутствующий капитал.

— Простите, — возразил Александр. — Свой орден я приобрел не на одесском рынке.

— Вот именно, милостивый государь, — прервал его Батман. — Вы включены в состав правительственной делегации для приветствия союзного командования.

Александр в конце концов понял, о чем идет речь. Открывающаяся в связи с этим перспектива побывать на флагманском корабле врага показалась заманчивой. Ничем не выдавая своих мыслей, он для виду покуражился. Потом прикрепил к лацкану пиджака орден Почетного легиона и вслед за Батманом отправился на Графскую пристань.

Члены делегации встретили его настороженно. Слово не замечая косых взглядов, Вапельник держался с достоинством. Он учтиво поклонился министрам, смиренно попросил благословения у его преосвященства.

Тот, в свою очередь, представил Вапельника главе правительства. Короткая беседа с премьер-министром, который сердечно пожал кавалеру ордена Почетного легиона руку, расположила к нему всех собравшихся на пристани.

Соломон Крым лично представил Вапельника своему окружению. Обезоруживающая радушная улыбка «верного сына отечества», как охарактеризовал его любитель щегольнуть фразой «глава правительства», хороший французский язык Вапельника, модный редингот и отлично гармонировавшая с ним серая шляпа, произвели на всех, особенно на дам, самое благоприятное впечатление.

— В вас можно предположить типичного парижского вивера и фешенебля, — видимо, желая сказать приятное, обратилась к Александру молодящаяся супруга министра юстиции мадам Набокова. — О, Париж! Ему отданы лучшие годы моей жизни.

Вапельник с трудом подавил ироническую улыбку.

— Увы, я не принадлежу к племени прожигателей жизни и парижских щеголей, — ответил он как можно учтивее. — Париж знал меня как художника-модельера дамских нарядов. По моим моделям шили платья самые очаровательные парижанки. А они, смею вас уверить, знают толк в модах.

— Вы тщеславны, Александр Ильич, — укорила его супруга председателя краевой продовольственной управы миловидная госпожа Стевен. — Хотя, глядя на ваш костюм, можно поверить, что вы действительно кудесник мод...

Она вдруг засуетилась, стараясь протиснуться вперед.

К причальной стенке подходил катер.

Вапельника подхватил под руку отец Вениамин. Бесцеремонно раздвигая массивным животом генералов, статских советников и финансовых тузов, он вслед за Крымом и Винавером прошествовал на трап. Для всех места на катере не хватило, и многие «представители российской общественности» остались на пристани в ожидании второго рейса. Батман же ухитрился пробраться на трап вслед за его преосвященством и Вапельником.

Когда французский катер с разношерстной делегацией отвалил от причальной стенки, духовой оркестр

на берегу грянул «Марсельезу» Руже де Лилия — гимн французской республики. Как и рассчитывал организатор церемонии министр Винавер, музыка доносилась на флагманский корабль союзников. Французы также решили не ударить лицом в грязь. Едва умолк оркестр на берегу, капельмейстер на борту «Жана Барта» взмахнул палочкой. Но... произошел конфуз. Французский оркестр в игриво ускоренном темпе исполнял «Боже, царя храни».

— Что это? — словно от зубной боли скривился ошеломленный премьер «демократического» правительства. — Разве они не знают, что Россия вот уже девятнадцать месяцев живет без царя? Скандал! Ужасный политический скандал! Неужели они не понимают?

— Ваше превосходительство, напрасно волнуетесь, — успокоил его Винавер. — Свергнув монархию, Россия еще не обрела другого государственного гимна. И надо понять французов. Должны же они ответить на «Марсельезу».

— Могли бы придумать что-нибудь поумнее, — сердито поджал губы премьер. — Куда делись их пресловутая находчивость и остроумие?

Катер тем временем заходил с подветренной стороны к парадному трапу, под гигантскую серо-стальную стену правого борта могучего дредноута.

— При виде этой красоты и мощи невольно превращаешься из славянофила в поклонника запада, — с благоговением разглядывая военный корабль, изрек министр-контролер Бобровский. — Вот уж поистине сила цивилизации.

— Сила и благородство, — отозвался министр юстиции. — Вы приглядитесь к матросам. Какие одухотворенные, мужественные лица. Вот кто несет освобождение России.

Прибытие союзников в Крым воспринималось «поборниками демократии» как новая эра в истории России, поворотный пункт в борьбе с большевиками. «Вот они, союзники, здесь. Теперь — скорое наступление, блистательные победы над большевиками. Через два-три месяца, самое позднее к весне, все кончится. А там... Что будет «там», каждый представлял по-своему. Одним виделся Земский собор, коронация нового царя, другим — Учредительное собрание и выборы президен-

та, третьим было все равно — хоть царь, хоть президент, лишь бы поскорее избавиться от большевиков. Самое главное — надежды, надежды...

— Вив ля Франс!

— Виват! — раздались восторженные голоса дам, когда катер ошвартовался у борта дредноута.

Приняв рапорт начальника почетного караула, крымский премьер широким жестом пригласил свиту на борт корабля.

Вапельник поднимался на палубу вслед за его преосвященством. Идти по трапу с негнущейся ногой оказалось трудно. Преодолев несколько шатких ступеней, он расстегнул редингот, и французы увидели в петлице гостя сверкавший на солнце крест высшего ордена своей республики. По команде вышколенного начальника караула матросы в берегах с красными помпонами вновь сделали «на караул». Идущий впереди отец Вениамин принял приветствие на свой счет и осенил матросов золотым крестом (не беда, что иноверцы!). Александр же, мгновенно уловив суть происходящего, слегка притронулся пальцами к полям шляпы и вслед за владыкой прошел в кают-компанию.

Гостей принимал командующий эскадрой адмирал Амэт — высокий, чопорный старик в безукоризненном парадном мундире. Тут же присутствовали английский адмирал Кельтон, командующий сухопутным десантом полковник Рюйэ, офицеры американского, итальянского и греческого флотов.

За столы рассаживались по чинам и званиям. Вапельник терпеливо ждал, когда дойдет очередь до гостей рангом пониже. Но к нему подлетел щеголеватый адъютант и пригласил занять кресло вблизи адмирала, напротив министра внешних сношений.

— Мосье, мне бы очень хотелось иметь вашу визитную карточку, — снова обратился адъютант к Вапельнику, когда тот уселся.

Вапельник извинился. Визитной карточки у него не оказалось. Пришлось написать свое имя и фамилию на листке из записной книжки. Этот листок адъютант тут же передал адмиралу.

Официальные представители союзной эскадры и краевого правительства ранним утром уже встречались для деловых переговоров. Этот же, организованный Амэтом прием был чисто дипломатической затеей,

игрой «на публику». Рекой лилось шампанское, произносились парадные, ничего не значащие речи.

Как и полагается организатору и хозяину дипломатического приема, адмирал Амэт первый бокал поднял за «великую союзную державу», в территориальные воды которой вошла эскадра под его флагом.

— Мы пришли сюда, в черноморские воды, чтобы выполнить свой союзнический долг, — продолжал адмирал. — Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела России. Нас привела сюда любовь к терзаемому войной несчастному русскому народу, стремление помочь в наведении законного правопорядка, ликвидировать разгул анархии. — Адмирал пожевал губами, подыскивая нужные слова, и обратился к премьер-министру: — Ваше превосходительство! Нас очень растрогало, что вместе с вами на наш флагманский корабль пожаловал и почетный гражданин моего отечества, кавалер высшего французского ордена Почетного легиона мосье э-э...

— Александр Ильич Вапельник, — быстро подсказал находчивый адъютант.

— Вот именно, — как ни в чем не бывало продолжал адмирал, — Александр Ильич Вапельник. Это символично, ваше превосходительство! В этом факте синтезированы великий союз и боевая дружба наших стран. Мосье Вапельник является национальным героем Франции, а наши доблестные солдаты и матросы, надеюсь, станут героями России. Мы поможем русскому народу избавиться от ужасов анархии и большевизма. Мы были вместе в битвах против Германии и не покидаем друзей в борьбе против другого общего врага. Поэтому первый бокал я предлагаю поднять за нашу верность союзническому долгу, за нерасторжимый союз наших стран.

Зазвенел хрусталь. Басы и баритоны мужчин, контральто женской части свиты новоиспеченного крымского премьера Соломона Крыма покрыли этот хрустальный звон ликующими возгласами: «Вив ля Франс!».

Когда улегся шум, адмирал вновь овладел вниманием участников приема:

— Уважаемые дамы и господа! Краевое правительство Крыма преподнесло нам прекрасный сюрприз, доставив радость встречи с героем Франции, кавалером ордена Почетного легиона э-э-э...

— Мосье Вапельником, — снова подсказал адъютант.

— Да, да, мосье Вапельником... Мы отдаем должное тем, кто подготовил этот сюрприз. У нас есть лишь одна возможность отметить такое знаменательное событие. Сейчас вы услышите традиционный салют наций.

Адъютант неслышно выскользнул из кают-компания, видимо для того, чтобы передать, кому следует, распоряжение. Вскоре над притихшей бухтой зазвучали гулкие раскаты артиллерийского салюта.

Соломон Крым и его свита старательно отсчитывали залпы: «Восемнадцать... Деятнадцать.... Двадцать... Двадцать один...».

— Все, — произнес министр внешних сношений. — Международный ритуал приветствия выполнен в точности!

Но тут прозвучал еще один залп.

— Мосье Вапельник, — это в вашу честь, — поклонился адмирал почетному гостю.

«Дамы и господа» встретили сообщение командующего горячими рукоплесканиями. Вапельник также был вынужден принять участие в разыгрываемом фарсе. С бокалом в руке он обратился к адмиралу:

— Ваше превосходительство! Я польщен оказанной мне честью. И смею вас заверить, это еще более укрепляет мою решимость сделать все, что в моих силах, для борьбы против общего врага русского и французского народов!

— Bravo, мосье Вапельник. Иного ответа от кавалера ордена Почетного легиона я и не ожидал, — ответил адмирал и притронулся своим бокалом к бокалу Александра.

— Брависсимо, Александр Ильич, — восторженно простонала миловидная супруга престарелого главы краевой продовольственной управы. — Вот это настоящий ответ воина и мужчины.

Соломон Крым, давно уже наслышанный о любвеобильной мадам Стевенше, метнул в ее сторону косою взгляд и предложил поднять бокалы за союзников.

— Ваше превосходительство! Ваш спич растрогал наши сердца. Еще более растрогал нас салют в честь великой русской нации, утопающей ныне в крови и хамстве, с нетерпением ждущей вашей помощи. Как глава

правительства крымского края, я безмерно счастлив видеть в наших территориальных водах ваши дредноуты и крейсера, которые помогут установить мир и согласие, утвердить законный порядок в нашей стране. Я приветствую в вашем лице великую и прекрасную Францию, пославшую свои корабли и десант, чтобы спасти от поругания и бесчестия древнюю святую Русь. Благодарные россияне никогда не забудут великодушия и благородства своих истинных друзей.

Голос премьера дрогнул. Он на мгновение умолк, но тут же преодолел спазм и продолжал на высокой ноте:

— Ваше превосходительство! Мы только что были свидетелями волнующей и трогательной церемонии чествования нашего соотечественника и героя Франции за его подвиги, совершенные им в составе дружественной нам французской армии. Россия также не останется в долгу. Освободителям нашей страны будут возданы самые высокие почести. Ваш союзнический подвиг войдет в историю, будет воспет в веках, станет достойным примером для многих и многих поколений. Мы же молим вас быть беспощадными к врагам нашей поруганной родины и поднимаем бокалы за ваше мужество, храбрость и скорую победу!

Соломон Крым осушил бокал и, тщательно отерев белоснежной салфеткой мокрые губы, под восторженные возгласы свиты троекратно облобызал сначала французского, затем английского адмирала.

Вапельник с любопытством слушал его речь и дивился ловкости, с какой этот феодосийский помещик выдал союзникам вексель на высшие почести и награды за удушение революции.

Представители союзного командования делали вид, что их взволновал ответный тост главы крымского правительства. Но не ради сомнительных посулов премьера никем не признанного правительства привели они в Севастополь могучие военные корабли с многочисленным десантом сухопутных войск, снятых с Салоникского фронта. Посылая в Россию флот и войска, французский министр-президент Клемансо, английский премьер-министр Ллойд Джордж и американский президент Вудро Вильсон думали прежде всего о том, чтобы искры российского революционного пожара не упали на их крыши. В то же время правительства держав Согласия лелеяли другие, далеко идущие планы. Слушая эфе-

мерные посулы Соломона Крыма, адмирал Амэт думал о вещах более реальных, о том, что в результате подавления Советской власти к Франции отойдут Украина, Крым и Бессарабия со всей их металлургией, угольными шахтами и плодородными землями, с огромными ресурсами даровой рабочей силы*.

«Это мудро и справедливо, — мысленно отмечал адмирал Амэт. — Сотни миллионов франков вложены в русские предприятия банками моей страны. Все эти «южно-русские синдикаты», «Брянское» и другие общества хотя и носят русские названия, но их настоящим хозяином всегда был и будет франк».

О секретном англо-французском соглашении знал и адмирал Кельтон. По этому соглашению Англии причислялись такие лакомые куски, как Кавказ, северные районы России и Урал. И респектабельный английский джентльмен в адмиральском мундире прикидывал, как с наибольшей выгодой поместить свой капитал в нефтепромыслы Кавказа, не остаться обделенным при разработке горных богатств Урала и архангельского леса.

Кельтон понимал, что и сам прием, и произносимые здесь торжественные речи — всего-навсего ширма для грандиозного по своим масштабам торга чужой страной, но ему не приходила в голову мысль о том, что вооруженное вмешательство в дела чужой страны является международным разбоем.

Кельтон считал себя менее дипломатом, чем адмирал Амэт, и за все время не произнес ни одного слова, если не считать комплиментов дамам. По его понятиям, язык дипломата — всего лишь средство скрывать инстинктивную цель разговора, и ему доставляло удовольствие наблюдать за французским коллегой, в совершенстве владеющим таким языком. Кельтона восхищало, с каким пафосом тот говорил о союзническом долге, о невмешательстве во внутренние дела России, о любви к терзаемому смутой несчастному русскому народу, хотя (адмирал знал об этом из вполне достоверных источников) в сейфе Амэта хранилась запись недавней речи главнокомандующего союзными войсками на Востоке генерала Франше д'Эспере, который утверждал:

«Русские — варвары и негодяи. Из-за них мы ввя-

---

* Имеется в виду секретное соглашение от 23 декабря 1917 г. о разделе России.

зались в эту войну, но они же изменили нам и предали нас, так что мы должны были выдержать натиск всей германской коалиции. Я вас прошу не стесняться с русскими. С этими варварами надо поступать решительно, и поэтому чуть-что — расстреливать их. Ответственность я беру на себя».

У Кельтона была такая же инструкция, но он предпочитал, чтобы о целях «освободительной» миссии изъяснялись и лгали другие. Молчал он еще и потому, что именно в это время по его приказу матросы королевского флота под командованием специально назначенных офицеров поднимали юнион-флаги на стоящих в бухте кораблях русского Черноморского флота. Пока французский адмирал произносил речь, английские томми* захватили линкор «Воля» и шесть миноносцев. Посмеиваясь в душе над нерасторопным Амэтом, Кельтон мысленно представлял, какой фурор произведет в Адмиралтействе его реляция о трофейных кораблях.

Свое, затаенное, было на уме у каждого из участников приема. Соломон Крым, Владимир Набоков и вся свита премьера краевого правительства не скрывали ликования по поводу скорой победы над большевиками и бунтующей чернью. Их радовало и опьяняло сознание того, что к ним вновь вернутся былые чины и звания, привилегии и поместья. Новоявленным же конкистадорам** виделись объемистые пакеты акций новых металлургических, угольных и железнодорожных компаний, виллы на Южном берегу Крыма, внушительные счета в банках, чековые книжки, которыми будет вознаграждено их усердие в борьбе против Советов.

Каждого из присутствующих в кают-компании волновали свои заветные желания. Тем не менее внешне они старались не выдавать своих чувств и старательно подыгрывали друг другу. Снова и снова наполнялись хрустальные бокалы, взрывались, отбрасывая в потолок пробки, бутылки шампанского лучших французских фирм, звучали заздравные тосты.

Пировали марионетки, а за ширмой оставались режиссеры этого спектакля: Клемансо, Ллойд Джордж и Вильсон.

---

* Собирательное имя английских военных моряков.

** Так именовались испанские и португальские завоеватели, прославившиеся на американском континенте неслыханной жестокостью, истреблявшие и порабощавшие коренное население.

Горячительные напитки быстро делали свое дело. В многоголосом и разноязычном застолье скоро образовались островки-группировки. Крым и Набоков с адмиралами Амэтом и Кельтоном хотя и оставались в центре этого архипелага, но уже не могли управлять столом.

Вапельник видел, что при всем, хотя и мнимом, единстве взглядов среди участников приема определились яркие индивидуальности. Правда, это скорее можно было отнести за счет разности в мере потребления коньяков и шампанского. Менее других сдерживали свои страсти сидящие слева от Александра отец Вениамин и его католический коллега со сбитым набок носом профессионального боксера.

— Да будет мир на земле,—вливая в себя очередную порцию коньяка, в который раз повторял французский священнослужитель.

— И в человецех благоволение,—опрокидывая в свою объемистую пасть фужер, до краев наполненный крепкой жидкостью, по-русски вторил ему епископ.

— Еретикам — огонь и смерть, — провозгласил француз.

— Истину глаголешь, отче, — соглашался с ним отец Вениамин. — А по сему — причастимся грешным зельем.

Он залпом опрокинул очередной фужер и доверительно продолжал:

— Зелье это хоть и зело крепкое, но для причастия сойдет.

Проглотив закуску, епископ пустился в пространные рассуждения:

— Теперь мы общему делу служим. Вот я, скажем, православный, а ты — католик. А сложи вместе: кто мы? Истинные христиане... И основы причастия у нас, отче, общие. Коли так, то идти нам вместе на супостата рода человеческого. Пусть на земле воцарятся мир да любовь.

— Пуф, пуф! — раздувая свои и без того пухлые щеки, произнес в ответ католический священник. Выставленным вперед указательным пальцем правой руки он словно револьвером уже разил воображаемого супостата.

Епископ сыто икнул.

— Вот видишь, и ты теперь по-русски заговорил...

Жизнь, она заставит. Дай я тебя благословлю на ратный подвиг. Нет, погоди — лучше поцелую. Тьфу, черт! — выругался он, наступив ногой на подол рясы.

Несмотря на различия в догматах веры и языка, святые отцы до такой степени «поняли» друг друга, что пришлось вызывать вестовых. Матросы, посмеиваясь, подхватили священнослужителей под руки и проводили в каюту аббата.

Вапельник воспользовался случаем и вышел из-за стола. Он вежливо поблагодарил щеголеватого адъютанта, предложившего ему каюту для отдыха.

— Я чувствую себя отлично. Просто хочется немного побыть на свежем воздухе.

— Понимаю вас, — козырнул офицер и, подозревая палубного матроса, поручил гостя его попечению.

Матрос оказался хмурым и неприветливым.

— У вас какие-нибудь неприятности или нездоровится? — участливо спросил его Александр.

— О здоровье меня в каждом письме спрашивают жена и мать, — буркнул тот. — Мне было бы приятнее разговаривать с ними.

— Вы давно не были дома? — делая вид, что не замечает его отчужденности, продолжал Вапельник.

— Два года, — неохотно, но несколько мягче ответил матрос. — Во Франции мой призывной класс уже демобилизовался, а наша эскадра, видите ли, должна помочь России избавиться от большевиков.

— Вы знаете, кто такие большевики? — спросил Вапельник.

— Я в политике не разбираюсь, откуда же знать, — уклонился матрос от ответа. — О них говорят по-разному, попробуй разберись.

— Вы не пробовали разобраться?

Матрос нахмурился:

— Вы же не кюре. Почему я должен исповедоваться перед вами?

— Под Верденом французские солдаты не боялись ходить со мной в разведку и доверяли секреты, о которых не расскажешь и священнику.

— Вы были во Франции?

— Был.

— Эмиграция?

Вапельник рассмеялся:

— Друг мой, насколько я вижу, вы тоже не аббат. Мы с вами даже не познакомились. Меня зовут Александром, а вас?

— Селестен.

— Вот что, Селестен, мне не хочется возвращаться в кают-компанию. Становится прохладно, проводите меня в какой-нибудь кубрик. А я приглашаю вас посетить мое кафе. Когда будете на берегу, вы легко найдете угол Таможенной и Екатерининской.

— Хорошо, мосье, — принял предложение Селестен. — Но куда же мы направимся сейчас? Самые веселые на нашем корабле ребята в боцманской команде. Пойдемте в их кубрик.

— С удовольствием.

В душном и тесном кубрике боцманской команды находилось больше десятка свободных от вахты матросов. Они о чем-то спорили, но при виде вошедших умолкли.

Матросы выжидательно и не очень дружелюбно смотрели на штатского гостя. Для них он был представителем чужого и непонятного мира, может, даже одним из виновников отсрочки их демобилизации.

В душе понимая этих людей, Александр приветливо поздоровался.

— Селестен сказал, что у вас самая дружная и веселая команда. Как же не навестить таких людей и не услышать настоящий голос моей второй родины.

— Вашей родины? — удивился высокий матрос в замызанной робе. — Чудеса!

Александр присел на рундук и похлопал рукой по своей вытянутой ноге.

— Она помнит о Франции лучше меня, я чуть не лишился этой ноги на французской земле.

— На войне или из-за несчастного случая? — с интересом спросил тот же матрос.

— Друг мой, какой несчастный случай сравнится с войной, — ответил Вапельник. — Это память о Вердене.

— Позвольте, — вступил в беседу моряк с тонким интеллигентным лицом, который до этого, как казалось Александру, вовсе не проявлял любопытства к происходящему, — не вы ли тот самый герой Вердена, в

честь которого истрачено столько снарядов на торжественный салют?

— Ты хотел бы выпустить эти снаряды по русскому побережью? — слышался из темного угла грубый голос.

— К чему спор, друзья, — поспешил смягчить напряженность Александр. — Я, право, не хотел, чтобы в мою честь салютовали орудия эскадры. Поверьте, моей вины здесь нет.

— Но вы — настоящий герой, — не скрывая восхищения, подошел к Вапельнику худощавый молодой матрос. — Мы, французы, знаем, кого награждают орденом Почетного легиона. Расскажите, будьте добры, о Вердене.

Матросы тесно сгрудились вокруг гостя, разглядывая орден.

— Как вы оказались в нашей стране?

— В каких войсках воевали?

— Правда ли, что Верден полностью разрушен немецкой артиллерией?

— Кто вручал вам орден?

Вопросы следовали один за другим. Александр едва успевал отвечать. Моряки внимательно слушали русского волонтера. Но в самый разгар беседы прибежал вестовой и доложил, что гости собираются у парадного трапа. Катер доставит их на берег.

— Встретимся — доскажу, — пообещал Вапельник. — Селестен знает мой адрес: угол Таможенной и Екатерининской. Я, так сказать, местный буржуа — владелец кафе. Между прочим, кафе пользуется доброй репутацией. Если зайдете — не пожалеете. А пока до свидания.

Матросы провожали гостя совсем не так, как встретили. Пожимая ему на прощанье руку, они называли свои имена:

— Анри Гитье.

— Фредерик Дюкро.

— Пьер Тондю.

— Жан Тийон.

— Бери.

Разумеется, Александр не успел запомнить и половины этих имен. Но он был уверен, что еще встретится с матросами. И не ошибся.

Время словно остановилось.

Севастопольцы настороженно ожидали того дня, когда на берег сойдут войска с судов эскадры держав Согласия. Иные тешили себя надеждой, что в одно прекрасное утро не увидят в бухте иностранных кораблей. Новоявленные политические деятели и озадаченные неясностью обстановки заводчики, миллионеры, статские советники с нетерпением поглядывали на застывшие в отдалении серые громады крейсеров и миноносцев: «Когда же начнется высадка?»

Но шел день за днем и все так же молчаливо стояли в бухте стальные громады боевых кораблей, и это усиливало напряжение.

— Чого воны чекають? — в который раз задавал друзьям один и тот же вопрос Мусий Кривохижа.

— Скорей бы высаживались, по крайней мере мы знали бы, что делать, — соглашались с ним подпольщики.

Но корабли стояли немо и зловеще-загадочно.

При встрече со всезнающим Батманом Вапельник вроде невзначай полюбопытствовал:

— Когда же, наконец, достопочтенные союзники сойдут на берег?

— Видите ли, милостивый государь, — многозначительно изрек репортер, — в данном случае мы имеем дело с обстоятельствами, входящими в сферу высших соображений.

Он долго и путано разглагольствовал о политике союзников, но из его многословных тирад Вапельник понял лишь то, что Батман сам ничего не смыслит в происходящем.

Чтобы объяснить заминку с высадкой сухопутного десанта, союзное командование распространило слух, что оно якобы стремится избежать столкновения своих сухопутных войск с германским гарнизоном, эвакуация которого задерживается из-за нехватки транспорта. На самом же деле у Амэта и Кельтона имелись другие, более серьезные причины воздерживаться от высадки. Они имели реальную возможность ускорить эвакуацию германских войск. Но... в этом не было заинтересовано краевое правительство. Соломон Крым и

его министр внешних сношений Винавер слезно просили союзных адмиралов оставить немецкие гарнизоны на полуострове до прибытия с Кавказа обещанных генералом Деникиным войск «добровольческой» армии.

— Разумеется, мы не настаиваем на дальнейшем пребывании германских войск на территории края, — говорил Амэту Соломон Крым. — Но хотелось бы знать, могут ли союзные войска обеспечить поддержание порядка своими силами?

Не получив сколько-нибудь вразумительного ответа, он заискивающим тоном добавил:

— Понимаете ситуацию: низшие слои населения находятся под влиянием большевиков и не поддерживают правительство. Представьте себе, к каким последствиям может привести новый бунт черни...

Соломон Крым не скрывал, что «самое демократическое» правительство может управлять краем лишь с помощью штыков. И безразлично, кому принадлежат эти штыки — немцам, англичанам, французам или белой армии Деникина. Лишь бы были направлены против рабочих и крестьян. Однако силы сухопутного десанта союзников были слишком малы, чтобы занять весь Крым. Волей-неволей приходилось ждать подхода новых транспортов с войсками и прибытия «добровольческой» армии. А пока суд да дело, почему не использовать для поддержания порядка немецкие гарнизоны? В борьбе с большевиками все средства хороши.

Лишь 1 декабря с флагманского английского дредноута высадился первый десантный отряд.

Рослые матросы в бескозырках, на ленточках которых ярко поблескивали буквы «Н.М.С.»*, строем направлялись к железнодорожной станции. Здесь их уже поджидали представители германской комендатуры. По приказу офицеров немецкие егеря сдали, а английские матросы приняли караул. Станция, депо и мастерские перешли под «покровительство» британского флага.

Через несколько дней на берег высадилось новое подразделение английской морской пехоты. Англичане заняли штаб крепости и выставили караулы у складов военного порта.

---

* «Н.М.С. (His Majesty's Servis) — на службе его величества.

Лишь после этого началась эвакуация германского гарнизона.

Севастопольские подпольщики в эти дни не теряли времени даром. С помощью спартаковцев они приобрели немало оружия и пероксилина. Сотни револьверов, винтовок, гранат и несколько пулеметов Александр Вапельник и его помощники передали подпольному батальону союза бывших фронтовиков и трем боевым отрядам железнодорожников. Подрывной отряд моряков под командованием Зимина получил более десятка ящиков пероксилиновых шашек. Часть оружия забазировали в тайниках, о которых знали лишь Ходос и Вапельник.

Опыт убедил сева­стопольских подпольщиков, что листовки, рассказывающие правду об интервенции, действуют куда сильнее, чем хитроумно подложенная бомба на вражеской коммуникации. Поэтому, не откладывая на завтра, они заблаговременно приступили к подготовке печатного пропагандистского материала. В этом деле первым помощником Вапельника стал Борис Поляков. Тексты листовок вместе с Александром писал Михаил Алый, а Борис передавал их в типографию Бруна, где печаталась газета «Вольный юг». У Саввы Судитова и наборщиков Ивана Смолякова и Анастаса Пассаса под реалами давно лежали набранные тайком от заведующего типографией Соломона Гольдштейна гранки с текстами на французском и английском языках. Но отпечатать их не удавалось из-за отсутствия бумаги.

— Бумага есть только у Камшала, — вздыхал Савва Судитов, — но попробуй возьми ее.

Камшал — хозяин единственного в городе писчебумажного склада — враждебно относился к большевикам, и обращаться к нему было рискованно.

— Так мы подведем под удар всю организацию. Нужно искать другие возможности. Печатные формы пока припречь, а мы постараемся найти бумагу, — советовал Поляков.

— Только не медлите, иначе придется ссыпать набор, — предупредил Савва. — Сам понимаешь, если Гольдштейн наткнется на эти листовки, ни мне, ни моим товарищам несдобровать.

О разговоре с наборщиком Поляков рассказал Вапельнику.

— Нервничает Савва. Да и немудрено: сидит с нашими листовками, как на пороховой бочке. Но и к Камшалу обращаться нельзя — донесет.

Александр задумался. Дело с бумагой принимало скверный оборот. Он закурил и, словно позабыв о Борисе, рассеянно наблюдал за голубоватыми кольцами дыма. Поляков обиделся: «Нашел время забавляться пустяками». Но вот Александр смял недокуренную папиросу и с неожиданным озорством толкнул Полякова в бок.

— Ты подал блестящую идею! Камшал даст бумагу. Борис недоумевающе уставился на приятеля.

— Слушай, — и Вапельник рассказал о только что возникшем плане.

...В полдень к массивным воротам писчебумажного склада Камшала подъехала подвода с немецким солдатом-возницею. Сидящий рядом с ним ефрейтор уверенно прошел в контору.

— Гутен таг! — приветствовал он хозяина.

— Здравствуйте, чем могу служить? — приподнялся в угодливом поклоне старый торгаш.

— Немецки командований нужен папир для штаб, — изложил причину своего визита ефрейтор. — Зибен, э-э-э, как это по-русски, восемь кип папир... Наличный плата.

Купец недоверчиво посмотрел на посетителя. Оплата наличными? Это что-то новое. До сих пор германцы опустошали склады бесплатно.

— Получайт деньги и давайт расписку, — не оставляя Камшалу времени на раздумья, продолжал ефрейтор. — Я не могу подождать.

— Такого количества бумаги у меня нет, — пересчитывая деньги, заерзал в кресле старик. — Могу отпустить только пять кип.

— Мне приказано получайт зибен кип, — отдельно повторил ефрейтор. — Я будет вынужден делайт маленькие обыск.

— Господи, зачем же обыск? — заюлил хозяин склада. — Берите с богом, сколько приказано. А расписочка вот, все честь по чести.

— Данке, герр коммерсант, — козырнул ефрейтор и в сопровождении купца вышел во двор.

Камшал показал ездовому, куда подъехать, и побежал открывать склад.

Вскоре подвода, нагруженная отличной бумагой, выехала за ворота. На Нахимовском проспекте ее встретили двое штатских.

Подвода свернула в переулок и через несколько минут уже следовала по направлению к типографии. Только на кипах бумаги вместо немцев сидели Борис Поляков и Савва Судитов. Немцы же, как ни в чем не бывало, вышли на проспект и, не торопясь, зашагали к Графской пристани.

Это была последняя услуга, которую оказали сева-стопольским подпольщикам спартаковцы Бауэр и Гюнтер. На следующее утро они пришли к Вапельнику прощаться.

Как выяснилось, возвращаться в фатерлянд соби-рался лишь Курт Бауэр. У Отто Гюнтера были другие намерения. Друзья возбужденно спорили, и Александр не сразу понял, в чем дело.

— Расскажите толком, что случилось? — усадив их за столик в «малом зале», спросил Вапельник.

— Понимаешь, этот рурский углекоп решил остаться в России, — дал волю своему негодованию Бауэр. — Он спит и видит себя бойцом интернационального батальона. А о том не думает, что революционные бойцы нужны и германскому пролетариату.

— Ты не кипяпись, — прервал его Гюнтер. — Ге-носсе Александр поддержит не тебя, а меня. Ты так и не понял, в чем долг настоящего интернационалиста-спартаковца. Судьба мировой революции решается в России, и я останусь здесь, чтобы защищать ее от им-периалистов. Скажи, Александр, кто из нас прав?

Вапельник ответил не сразу. Он встал из-за стола и крепко обнял своих верных соратников.

— Трудный вопрос задали вы, друзья. Мне вообще не хочется расставаться с вами. Но где бы вы ни находились — в Германии или в России, я верю, что мы все-гда будем в одном строю, как побратимы.

— Побратимы? — в один голос переспросили Гюнтер и Бауэр. — Как это по-немецки?

— Видите ли, — развел руками Вапельник, — это славянское слово... От слова брат — самый родной человек по крови.

— И по мыслям, — подхватил Гюнтер.

— Вот именно, — обрадовался пониманию Алек-сандр, — и по мыслям, по убеждениям.

— Хорошее слово, — задумчиво произнес Бауэр. — Навсегда запомню.

Помолчали.

— Жаль, но расставаться надо, — прервал паузу Вапельник. — Курт, по-моему, прав. В России вы прошли школу классовой борьбы. Кто же лучше вас передаст германским рабочим опыт российских братьев?

Гюнтер отвернулся и стал слишком уж сосредоточенно раскуривать трубку.

— Ты и теперь не согласен со мной? — тронул его за плечо Бауэр.

— С тобой? — вспыхнул шахтер. — А что ты за пророк, чтобы тебя слушаться? Если я возвращаюсь в Рур, это не значит, что меня переубедили. Я — интернационалист и сам знаю, где мое место.

— Тогда все в порядке, — весело заключил Бауэр. — Я так и думал, что у тебя светлая голова... Но пора прощаться.

— Может, немного задержитесь? — предложил Александр. — У меня есть молодое вино и ваш любимый сыр-качкажук.

— По такому случаю задержимся хоть на час, — довольно потирая руки, ответил Отто.

— Мы должны явиться в часть к одиннадцати часам, — уточнил Курт.

— Тогда не будем терять времени, — решил Александр.

Он отправился к буфету и через минуту вернулся с графином. Вслед за ним Соня внесла тарелку слоистого сыра и бокалы.

— За наше побратимство! — разлив вино, поднял бокал Александр.

— За победу мировой революции! — откликнулся Гюнтер.

— За верность пролетарскому интернационализму! — поддержал Бауэр.

Солдаты поднялись.

— Данке, геноссе, — натягивая фуражку на свою начинающую лысеть голову, протянул руку Гюнтер.

— До свиданья, дорогой друг и побратим, — ответил Александр.

Гюнтер долго не отпускал его руку. Потом порывистым движением притянул к себе и по-медвежьи стиснул в могучих объятиях.

— Держись, геноссе, — обнял Александра и Курт Бауэр. — Опасная у тебя работа, но очень нужная. Желаю успеха. А на нас можешь положиться — из России уезжаем с просветленными мозгами.

— Счастливого пути, — напутствовал их Вапельник. — Помните Севастополь.

Соратники по подпольной борьбе еще раз обнялись. Солдаты вышли из кафе. Не успели они скрыться из виду, как появились новые посетители.

— Саша, тебя спрашивают немецкие матросы, — сообщила младшая сестра. — Говорят, непременно нужно встретиться с тобой. Одного зовут Куртом... Курт Рихтер, — вспомнила она.

Александр снова попал в дружеские объятия.

— Сегодня уезжаем, — невесело поведал Курт. — Вот зашли попрощаться.

С Куртом были трое незнакомых матросов.

— Это земляки Пауля Шварца и Фридриха Цукерманна, — перехватив взгляд Вапельника, представил их Рихтер. — Нынешней ночью они привели в исполнение приговор ячейки друзей и отправили к праотцам капитана Клодта.

Один из матросов, на полголовы возвышавшийся над остальными, положил на стол перед Александром небольшой сверток.

— Возьми на память. Здесь револьвер Клодта и с полсотни патронов.

Вапельник взял сверток, машинально перекинул с ладони на ладонь.

— Может, пригодится самому? Без оружия трудно защищать революцию.

— Оружие найдется, — заверил матрос. — Да и не для моих рук эта игрушка.

Он широко улыбнулся и показал Вапельнику свою крупную, с добрую лопату величиной, ладонь.

— Для таких лап нужно что-нибудь поувесистей.

Матросы спешили на пристань и недолго задержались в кафе. Их часть уже грузилась на один из пароходов Российского общества. Но и короткой беседы с этими смелыми и сильными духом людьми было достаточно, чтобы Александр понял, как изменились они за прошедшие полгода, пока находились в Севастополе. Прощаясь с друзьями, Вапельник верил, что они уже не свернут с революционного пути. Но что, какие судьбы

ожидают этих замечательных людей? Доведется ли еще встретиться с ними?

Александр долго сидел в глубокой задумчивости. Поразмыслить было над чем. Ведь эвакуация германских войск вовсе не означала конца борьбы. Наоборот, схватка с врагом переходила в новый, более трудный этап. Следовало организовать работу в новых условиях, найти новых помощников.

Его положение облегчалось тем, что одесские товарищи заблаговременно снабдили севастопольское подполье информацией о новоявленных «защитниках России», переправили в ящике со сливочным маслом хорошую пишущую машинку. В ближайшие дни предполагалось наладить регулярную доставку посылок с прокламациями и газетами на языках стран-оккупантов. К тому же и у подпольщиков Севастополя появилась уверенность в своих силах.

Подпольный горком партии уверенно и умело руководил всеми звеньями сложной цепи глубоко законспирированных партийных ячеек, боевых групп и отрядов. И тем не менее Вапельник остро ощущал отсутствие Леппена. Жаль, что его нет в Севастополе. Может, не стоило его отпускать в Москву? Но в глубине души все же понимал, что ошибки никакой нет и что в Москве Леппен принесет больше пользы.

Отгнав назойливые мысли, Вапельник поднялся. Его ждали неотложные дела, и он не мог сидеть сложа руки. Сказав матери, что, возможно, задержится у друзей, он вышел из дому. Со дня на день должен был прибыть связной из Одессы, и следовало выяснить, когда ожидается пароход.

— Ничего определенного сказать не могу, — развел руками портовый чиновник. — По слухам, все ропитовские суда заняты военными перевозками. На одни грузятся германские войска, другие ушли в Новороссийск за «добровольцами».

Из порта Вапельник направился в союз металлистов в надежде встретить кого-нибудь из подпольщиков. Надо было о многом переговорить. Скорое появление в Крыму белогвардейцев требовало коренной перестройки подпольной деятельности. Если среди солдат иностранных армий приходилось постоянно сталкиваться с обманутыми, одетыми в солдатские шинели и матросские робы людьми, то теперь предстояло встретиться

с озверевшим офицерем, с убежденными врагами Советской власти.

Слово «добровольцы» приводило Вапельника в недоумение. Пусть в стане врагов находятся офицеры царской армии, сынки помещиков и богатеев. Это понятно. Но сколько их? Основную массу любой армии всегда составляют простые люди. Что побудило их встать под знамена контрреволюции? И так ли это? Скорее всего их заставили силой... Тогда агитационная и пропагандистская работа должна строиться иначе, чем предполагалось. Трудности этой работы Александра не пугали. «Ты, говорят, прирожденный агитатор», — пришли на ум слова Таниного брата, оброненные как бы невзначай.

Вспомнив Лешу, Александр подумал, что неплохо бы увидеть его в роли ожидаемого связного. Под подкладкой канотье у него наверняка окажется письмецо от Тани... Но мечтать не время. Александр мысленно упрекнул себя в сентиментальности и ускорил шаг. Хотелось скорее повидаться с товарищами, наметить план действий на ближайшее будущее.

Это был период, когда часть войск деникинской «добровольческой» армии под командованием генерал-лейтенанта барона де-Бодэ и генерал-майора Корвин-Круковского переправлялась с Северного Кавказа в Крым. Воспользовавшись приглашением правительства Соломона Крыма, Деникин направил на полуостров офицерские отряды. Этот альянс казался взаимовыгодным: генерал тешил себя надеждой пополнить потрепанное на Кубани войско крымскими жителями, а Соломон Крым с помощью деникинских штыков рассчитывал упрочить шаткое положение своего правительства.

Кривохижа и Ржанников, которых Вапельник нашел в союзе металлистов, с суровыми лицами выслушали сообщение о предполагаемом прибытии деникинских войск.

— Треба зибраты в кулак уси наши силы и не пускаты цю погань у Севастополь, — решительно высказался Мусий, по привычке теребя ус.

— Одни они не рискнули бы сунуться к нам — за ними английские и французские дредноуты, — охладил Ржанников воинственный пыл друга. — Эти, с позволения сказать, добровольцы будут высаживаться на

берег под прикрытием пушек эскадры Антанты. Свои силы мы должны беречь, чтобы ударить по врагу с тыла, когда Красная Армия выйдет на подступы к Крыму. Помнишь, о чем говорил товарищ Ян?

Вапельник целиком разделял мнение Ржанникова.

Пришел Михаил Алый. Он также согласился, что вооруженное выступление в данный момент по меньшей мере бессмысленно.

— Мы можем лишь задержать высадку белогвардейцев, — сказал Алый, — предотвратить же ее не хватит сил. Выход один — продолжать борьбу в условиях подполья, наносить удары по врагу партизанскими методами, широко вести агитацию и пропаганду во вражеских войсках и среди населения.

С этими доводами согласился даже темпераментный, бурлящий воинственной энергией усач Кривохижа.

В таком плане была сформулирована и директива подпольного горкома партийным ячейкам.

Между тем пароходы с десантными отрядами белой армии уже находились на подходе к Керчи, Ялте и Феодосии. В Севастополе они появились ночью. Наутро началась разгрузка.

Чтобы установить численность белогвардейского войска и его вооружение, Вапельник почти полдня провел на пристани. В этом не было никакого риска. В толпе любопытствующих на него никто не обращал внимания. В составе десанта, как выяснилось, оказались не только офицеры-добровольцы, но и кубанские казаки, и польские legionеры — загорелые, крепкие люди в грязном, засаленном и разномастном обмундировании.

Городская знать и духовенство устроили «добровольцам» пышную встречу — с хоругвями, оркестром и речами.

Александр насчитал около шестисот десантников. Кроме винтовок и пулеметов, отряд имел несколько трехдюймовых орудий. Рассчитывая пополнить свои ряды за счет мобилизации крымского населения, белогвардейцы привезли также большое количество винтовок и пулеметов, о чем нетрудно было догадаться наблюдателю, знающему стандартную упаковку оружия.

На причале росли и росли штабеля ящиков с боеприпасами и тюков с военным снаряжением.

В тот же день офицерский отряд отправился в Симферополь, оставив лишь небольшую команду для

охраны и погрузки в железнодорожные вагоны вооружения и имущества. Командир отряда надеялся, что начальник команды без труда найдет в городе грузчиков. Но случилось непредвиденное. Вместо того, чтобы заниматься погрузкой, рабочие обезоружили офицеров и стали крушить кувалдами артиллерийские орудия, разбивать ящики с винтовками и патронами, снимать и выбрасывать пулеметные замки. В одном из штабелей грузчики обнаружили и тут же переломали более шестисот сабель. Лишь прибытие английского караула помешало рабочим полностью уничтожить вражеские припасы.

Тех, кого удалось захватить на месте, жестоко избили и под усиленным конвоем препроводили в тюрьму. Большинство же грузчиков при появлении английских солдат словно ветром сдуло. Попытки разыскать участников этого инцидента не дали результатов. Арестованные отвечали односложно. Выходило так, что они не знают, кто работал на злополучной погрузке — мало ли нынче в Севастополе пришлого люду... А сами они пострадали безвинно. Кабы участвовали в содеянном, то тоже убежали бы.

Этот стихийный разгром был первым откликом севастопольских рабочих на призыв большевиков к беспощадной борьбе против интервентов и белогвардейцев. Но он не обрадовал, а скорее обеспокоил членов подпольного горкома.

— Волна стихийных выступлений не принесет успеха, — озабоченно и строго говорил Алый. — Так мы растеряем лучшие силы. Следует действовать умней и осмотрительней. А арестованных грузчиков во что бы то ни стало надо освободить.

Его поняли все.

Между тем события разворачивались своим чередом.

Одновременно с прибытием первых отрядов деникинской белой армии началась высадка сухопутного десанта с французской эскадры. Под звуки оркестра по трапу сбежали десятка три солдат. С винтовками наизготовку они развернулись в цепь и быстро очистили причал от праздношатающихся зевак. Вслед за солдатами на пристань сошла группа офицеров в эполетах и расшитых золотом малиновых фуражках. Некоторые были в шинелях-рединготах с развевающимися пелеринами. Казалось, стоит налететь хорошему порыву ветра, и

они, как бабочки, поднимутся в воздух. После всех, картинно придерживая эфес длинной сабли, бьющей по сапогам, на трап ступил надменный и прямой, как телеграфный столб, полковник Рюйэ — новый комендант города и командующий сухопутными войсками союзников, наделенный правами дивизионного генерала. Офицеры лихо отсалютовали полковнику и, выслушав его последние наставления, подали своим подразделениям сигналы к высадке.

И вот загрохотали сходни, неудержимым потоком ринулись на причал истосковавшиеся по твердой земле солдаты. Взвод за взводом, рота за ротой.

Это было пестрое — разноязычное и разноплеменное войско. Кроме французов, в составе десанта находились зуавы в ярких красных тюрбанах, мавры в белых бурнуссах, сенегальские стрелки, на черных лицах которых сверкали только белки не то удивленных, не то задумчивых глаз.

Со стороны все это сильно смахивало на массовку в провинциальном любительском театре. Незадачливые постановщики спектакля не сумели раздобыть необходимого реквизита, и поэтому лишенные претензий актеры вырядились кто во что горазд. Никого не волновало смешение стилей и эпох. Важнее всего — наделать побольше шума и гама.

И разношерстная вооруженная лавина бушевала. Слышались гортанные команды, лязг металла. Казалось, вот-вот задернется занавес и все исчезнет. Но странная сцена была не опереточным фарсом. Она существовала реально, несмотря на всю свою парадоксальную нелепость.

Последними высадились на берег две греческие роты. Это тоже вызвало удивление: откуда взялись греки во французском десанте?

На палубах транспортов и на берегу гремела медь военных оркестров. Однако бодрые браурные мелодии вовсе не гармонировали с внешним видом солдатской массы. На большинстве лиц лежала печать тоски и озабоченности. Солдаты автоматически выполняли команды. В их рядах не слышалось ни возгласов, ни шуток, ни пения — всего, что свойственно французскому солдату. Участники десанта, казалось чувствовали, что высадка в Севастополе не сулит ничего хорошего.

Офицеры по указанию квартирмейстеров тут же

уводили подразделения в отведенные для них казармы, не допуская общения солдат с местным населением. При всем старании, с огромным риском для себя, ребята с Артиллерийской улицы сумели вручить десантникам всего несколько листовок. Зато на катера, которые то и дело причаливали к Графской пристани, им удалось забросить более полусотни экземпляров. Матросы, видимо, заметили, кто подбрасывает листовки. Каждый раз, швартуясь у причала, они, если поблизости не оказывалось офицеров, искали глазами подростков и, отчаянно жестикулируя, кричали:

— Русс! Э, русс! Мерси боку, камарад! (Большое спасибо, товарищ!) Пролетарьят, Коммуна, viva!

— Кажется, попали по адресу, — рассказывая об этом, радовался Борис Поляков.

— Ребята запомнили матросов, сумеют узнать при встрече? — поинтересовался Александр.

— Узнают, — уверенно ответил Борис. — Катеров не так уж много, команды на них маленькие — каждый матрос на виду.

— Ты приглядишься к ним. Может, и впрямь, стоящие люди.

По оценке Вапельника, численность десанта не превышала трех тысяч человек. Столько же насчитал и Поляков.

— Если постараться, все это опереточное воинство можно удержать в Севастополе, ни один солдат не попадет на фронт, — заявил он.

В ответ на вопросительный взгляд Александра он пояснил:

— Нашим боевикам нужно почаще тревожить французские и английские караулы и штабы, взрывать склады, выводить из строя железную дорогу. Тогда «спасители России» увязнут в гарнизонной службе.

— Мысль дельная, — одобрил Вапельник. — Об этом стоит поговорить в горкоме. А к тому времени, когда придут новые войска, у нас будет немало друзей среди находящихся в Севастополе иностранных солдат и матросов.

Над бухтой гремела, не умолкая, медная разногласица многочисленных оркестров.

— Словно на гулянье прибыли, — иронически усмехнулся Поляков.

Его слов Александр не расслышал. В сумбуре воин-

ственных маршей он уловил мягкую и чуть-чуть грустную мелодию. Она то заглушалась медным ревом, то вдруг возникала в паузах музыкальных тактов и плыла, плыла над бухтой, будоража мысль. Это был популярный солдатский вальс, который запомнился Александру с первых дней вступления Франции в войну. Тогда он звал французов к защите республики, будил их патриотические чувства. Теперь же он вдохновлял солдат на разбой, на преступление.

Поздним вечером Александр вернулся в кафе.

Мелодия все звучала и звучала в его ушах. Он еще не знал, да и не мог знать, что вскоре снова услышит ее, но уже при других обстоятельствах. И слова на мелодию этого вальса будут иные...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПОРУЧЕНИЕ ПОЛКОВНИКА РЮЙЭ

Тяжелое пасмурное небо придавило бухты, опустилось на рейд. Море стало серым и тоскливым и, словно обрываясь за полукольцом Константиновского равелина, сливалось с таким же мутным, как волны, небом.

Свинцово-серые тучи нескончаемой чередой плывут и плывут над притихшим, настороженно-молчаливым Севастополем. Порой они опускаются так низко, что кажется вот-вот заденут купол панорамы.

Полковник французского генерального штаба Рюйэ был бы рад, если бы эти тучи могли снести не только купол, но и всю панораму: полотно Франца Рубо напоминало о событиях, не очень украшающих историю французской армии. Еще в высшей военной школе, руководимой маршалом Фошем, Рюйэ слышался об этой эпопее. Говорили разное. Одни обвиняли неудачливых французских военачальников, другие приписывали свое поражение военной мудрости командования противника. Но всякий раз оставалось что-то недосказанное. Оно относилось к причинам стойкости этих русских. Откуда она? Где ее корни? Вот и сейчас командующий сухопутным десантом союзников размышлял о загадочной русской душе. Его беспокоило положение в городе. Накануне высадки союзного десанта на железнодорожной станции был разгромлен эшелон с вооружением для «добровольческой» армии. Вслед за этим

произошло нападение на английский военный патруль, через день забастовали грузчики железнодорожной станции и порта. По мнению Рюйэ, они вели себя довольно странно: соглашались грузить лишь то, что не могло предназначаться для военных целей, хотя плата за военные отправки была намного выше.

15 и 16 декабря на железнодорожной станции не вышел на работу ни один грузчик. Прибывающие с Кубани отряды офицеров-добровольцев своими силами втаскивали в вагоны снаряжение и имущество.

Обстоятельства вынудили полковника издать приказ о том, что недружелюбные действия против «добровольческой» армии будут рассматриваться союзным командованием как проявление враждебности по отношению к войскам держав Согласия и караться по всей строгости законов военного времени. Сотни экземпляров этого приказа были расклеены по городу для устрашения враждебных элементов. Но те не успокоились. Утром стало известно о новой диверсии на Инкерманском мосту и попытке взорвать воинский эшелон. Поезд сошел с рельсов у самого входа в тоннель.

Вечером сильному ружейному обстрелу подвергся штаб самого командующего десантом. Стрельба велась из сада, расположенного напротив штаба. Матросы с броненосца «Демократия», охранявшие штаб, тут же выкатили пулемет и расстреляли несколько лент, однако ни убитых, ни раненых на месте происшествия не обнаружили.

Рюйэ отлично понимал, что в городе действуют враждебные державам Согласия силы, но несмотря на принятые меры, ни ему, ни аккредитованном при нем контрразведчикам не удалось установить, какая организация ими руководит. Полковник чувствовал себя как в осажденной крепости, с той лишь разницей, что не видел перед собой вражеских войск, ничего не знал о их численности и организации. Поневоле придешь в уныние.

А тут еще эта грозная шифровка из Константинополя...

Главнокомандующий союзными войсками на Востоке генерал Франше д'Эспере требовал ликвидировать нездоровые настроения среди нижних чинов десанта, возникшие в связи с экспедицией в Россию, принять меры по поддержанию дисциплины в войсках, пресечь деятельность местных политических организаций, нело-

яльно относящихся к державам Соглашения, не допускать общения солдат и матросов с большевистски настроенными рабочими.

«Принять меры... Пресечь... Не допускать...» — мысленно повторял полковник. Казарменная прямолинейность главкома раздражала его.

«В городе три с половиной тысячи солдат: французы, англичане, сенегальцы, греки... На рейде — новейшие дредноуты и крейсера с многочисленными командами, более десятка миноносцев, военные транспорты... Попробуй изолируй такую массу людей от влияния местного политического климата! Солдат не загонишь за колючую проволоку и не закроешь в казармах. У них оружие, и они должны воевать! Матросам тоже не запретишь высадку на берег — над Черным морем еще с 1905 года витает дух «Потемкина». Нет, мой генерал, в таких делах нужно действовать тоньше, политичнее», — размышлял Рюйэ.

Полковник ошибался, упрекая главкома в казарменной прямолинейности. Франше д'Эспере был дальновиднее многих высокопоставленных политиков Третьей республики. Генерал, которому правительство поручило разгром пролетарской революции, в загадочной России чувствовал силу и не верил в успех возложенной на него миссии. Еще в начале ноября, отвечая на телеграмму Клемансо, он писал:

«Я не располагаю достаточным количеством людей для интервенции в обширную и холодную Россию, в особенности в зимнее время. В крайнем случае я мог бы занять Одессу и соседние с ней порты, но должен заявить, что мои солдаты, не возражающие против пребывания на Востоке, вряд ли согласятся участвовать в военных операциях, имеющих целью оккупацию России и Украины. Интервенция в Россию могла бы иметь своим результатом ряд самых серьезных и неблагоприятных для Франции инцидентов».

Клемансо не посчитался с его доводами. Интервенция стала свершившимся фактом, и Франше д'Эспере внешне смирился с этим. Никто из его подчиненных даже не подозревал, какими заботами живет главком. Он, как всегда, энергично распоряжался в штабе, часами просиживал над оперативной картой, а сам думал об одном: как сделать, чтобы солдаты и матросы в ре-

зультате неудавшейся интервенции не вернулись во Францию большевиками?

Не знал о тревогах своего шефа и полковник Рюйэ. Он видел лишь написанное в шифровке и думал о том, как трудно выполнить такой приказ. В «Принципах войны» — любимом учебнике полковника, тщательно проштудированном в высшей военной школе, о подобных ситуациях не было и речи. Оставалось действовать по-своему, в зависимости от обстановки. И самое главное — как можно осторожнее и умнее.

Еще вчера он надеялся на легкий успех, рассчитывал обнаружить враждебные организации с помощью задержанных на станции грузчиков. Однако короткое сообщение из тюрьмы оборвало тонкую нить надежды. Девять арестованных грузчиков бежали, оставив вывороченную решетку и тяжелый саперный лом с клеймом германской армии.

По докладам офицеров и сводкам контрразведки Рюйэ хорошо знал о настроениях солдат и матросов. За четыре года войны они устали от военной службы и истосковались по семейному очагу. Еще недавно большинство из них жило надеждой на скорую демобилизацию, а вместо этого их послали в Россию. Если уж говорить откровенно, сам министр-президент не сумел бы убедительно объяснить, по какому праву Франция должна вмешиваться во внутренние дела страны, которая ничем ей не угрожает. Но это — дело правительства. Он же обязан обеспечить боеспособность войск, выполнить приказ ставки главнокомандующего.

«Крутые меры могут привести к озлоблению солдат и матросов, — рассуждал полковник. — Не считаться с этим нельзя. Им нет никакого дела до соглашения Пуанкаре с Ллойд Джорджем. С этой взрывчатой массой нужно обращаться осторожнее».

Полковник встал из-за стола и прошелся по просторному кабинету, еще недавно принадлежавшему командующему Черноморским флотом.

«Для борьбы с большевистской агитацией и поддержания боевого духа войск целесообразнее не арестные меры, а контрпропаганда, — размышлял он. — Большевистской аргументации нужно противопоставить свои, более убедительные аргументы. Но где они, эти аргументы?»

Меряя пол кабинета своими длинными негнушимися

ногами в блестящих ботфортах, полковник вспомнил о живущем в Севастополе волонтере французской армии. Мысль его сразу обрела более четкую направленность: «Вот кто поможет парализовать большевистскую пропаганду».

Комендант притронулся к кнопке электрического звонка, и тотчас в кабинете появился адъютант — высокий молодой офицер с безукоризненным пробором и такими же, как у шефа, щеголеватыми, нафабранными усиками.

— Разыщите и доставьте ко мне содержателя кафе на углу Таможенной и Екатерининской улиц, — коротко бросил Рюйэ.

— Прикажете взять конвой? — деловито уточнил адъютант.

— Постарайтесь держаться с этим кабатчиком учтиво, — словно не слыша вопроса, добавил полковник. — Ясно?

Адъютант понимающе кивнул. Он хорошо знал привычки своего шефа и решил, что содержатель кафе нужен полковнику для обеспечения комфорта на вечер.

Через час он доложил:

— Мосье Вапельник — в приемной.

— Зовите!

Александр, опираясь на тяжелую инкрустированную трость, дойдя до середины кабинета, снял шляпу.

— Александр Вапельник, — сдержанно, с достоинством представился он. — Коммерсант.

Рюйэ поднялся из-за стола и шагнул навстречу.

— Зачем этот официальный тон? — запротестовал он. — Мы ведь уже знакомы. Я хорошо знаю, в чью честь прогремел залп «Жана Барта» после салюта наций.

Полковник широким жестом пригласил гостя в кресло.

— Рад, весьма рад видеть у себя национального героя великой Франции.

Сам полковник удобно устроился в кресле напротив, пристально разглядывая своего визави.

— Весьма польщен, — на чистейшем парижском диалекте ответил Вапельник. — Чем могу служить?

— О! Мон дье! (О! Мой бог!) Вы говорите по-французски, как истый парижанин.

— Да, я несколько лет жил в Париже и искренне люблю этот город.

— Вдали от родины вдвойне приятно слышать похвалу городу моей юности. Тем более от вас, иностранца.

— Будь я во Франции, я не считал бы себя иностранцем, — возразил Вапельник. — Господин президент не только вручил мне этот орден, но и удостоил чести поздравить меня с присвоением высокого титула почетного гражданина республики.

Полковник покосился на орденскую ленточку в петлице элегантного костюма гостя.

— Полагаю, что в наших солдатских казармах и на кораблях вы сможете воочию убедиться, что воины Франции умеют чествовать кавалеров ордена Почетного легиона и почетных граждан своей республики.

Вапельник сдержанно улыбнулся.

— Нон, нон! Сэт эмпосибль. (Нет, нет! Это невозможно.) Я сугубо штатский человек, и, разумеется, у меня нет надобности встречаться с военными за стенами моего кафе.

— Понимаю вас, — глубокомысленно кивнул полковник. — Но такая надобность есть у нас.

На лице Вапельника отразилось недоумение.

— Да, да... Я не оговорился, — после короткой паузы продолжал полковник. — Прошу вас не отказать в просьбе посетить корабли эскадры и наши сухопутные подразделения.

— Для чего? — пожал плечами Александр.

— Сейчас постараюсь объяснить. — Рюйэ дотронулся до колена гостя своей выхоленной ладонью, как бы подчеркивая этим жестом полное доверие. — Скажите, что побудило вас вступить во французскую армию и сражаться против бошей?

Вопрос озадачил Вапельника.

— Какое это имеет значение сейчас? — чтобы выгадать время, спросил он. — В составе Иностранного легиона во Франции воевали тысячи русских волонтеров. Смею вас заверить, среди них не было трусов.

— Знаю. Кроме волонтеров, на полях Франции против нашего общего врага храбро сражались также солдаты русского экспедиционного корпуса, — уточнил полковник. — Они пришли на помощь республике в трудную для нее минуту. Теперь же наш общий враг здесь. Настала наша пора помочь России, выполнить свой союзнический долг.

— Простите, — склонил голову Вапельник. — Своей

роли в этих событиях я совершенно не могу представить.

Полковник не спешил с ответом. Прежде, чем сказать что-либо, он тщательно взвешивал каждое слово.

— Вы можете значительно облегчить нашу задачу, — наконец более определенно заговорил Рюйэ. — Должен поставить вас в известность, что командование опасается проникновения в войска разлагающей большевистской пропаганды. К сожалению, не у всех солдат и матросов достаточно светлые головы, чтобы противостоять ее влиянию. Мы будем чрезвычайно благодарны, если вы поможете вразумить нестойких и внушить им мысль о том, какой помощи ждет от них несчастная Россия.

— Конечно, конечно, — поддакнул все еще недоумевающий Вапельник. — Однако вряд ли я способен выполнить роль этого самого вразумителя. Посудите сами: кто из солдат или матросов поверит коммерсанту, пусть даже маленькому? Нужен человек их круга, например, кто-либо из уважаемых в Севастополе рабочих. Есть тут такие старички...

— Изволите шутить, — скрывая раздражение, прервал его полковник. — Кроме вредных речей, от этих старичков ничего не добьешься.

Рюйэ прошелся по кабинету, остановился подле Александра.

— Вы плохо знаете своих соотечественников. Побывав в Париже, вы, друг мой, так и остались наивным и доверчивым французом.

— Французы не только доверчивы и наивны, — вежливо возразил Вапельник.

— Вполне согласен, — не дослушал его Рюйэ. — Я имею в виду средних французов, так сказать, идеальных.

— Таких, какими вы хотели бы их видеть, — вставил Александр.

— Вот именно! И они должны стать такими. Кавалер ордена Почетного легиона может найти путь к сердцам воинов.

— Разве это так необходимо? — исподволь уточнял обстановку Вапельник. — Неужели так пошатнулась дисциплина в ваших войсках? Я ведь знаю французков. Они умеют быть дисциплинированными солдатами и, когда нужно сражаться, обходятся без уговоров.

— Так было во Франции, мосье Вапельник. Здесь же другая обстановка. Вы недооцениваете большевиков. Они умеют разлагать даже самые боеспособные и дисциплинированные войска. Печальное тому свидетельство — полный развал дисциплины в германской оккупационной армии. Говорят, германские солдаты уехали из России большевиками. Большевистская агитация действует на нижних чинов, как яд. Хочется надеяться, что ваши беседы станут противоядием. Поймите, мосье Вапельник, если большевики подорвут боевую мощь наших войск, России уже никто не поможет.

В глубине души Вапельник обрадовался предложению полковника. Оно открывало перед ним превосходную возможность тесного общения с вражескими солдатами и матросами. Но так вот, сразу, соглашаться не следовало. Он с озабоченным видом обратился к коменданту:

— Может быть, вы и правы, господин полковник. Я плохо разбираюсь в политических делах, но и у меня сердце обливается кровью при виде этой братоубийственной войны в России. Дорого бы я дал, чтобы наконец-то установился законный порядок в нашей многострадальной стране.

— Вот видите, оказывается, мы хорошо понимаем друг друга, — поспешил с выводом Рюйэ.

— Но, позвольте, господин полковник, я хочу закончить свою мысль. Все, что вы говорили, видимо, правда. Однако не пойму, почему именно меня вы избрали в качестве этого, как вы изволили выразиться, противоядия. Говорят, что я был неплохим модельером, когда потребовалось — стал солдатом. Но, извините, оратором никогда не был, и, боюсь, Цицерон из меня не получит. Мне гораздо ближе коммерция, хотя и в этом, если говорить откровенно, тоже еще не сумел добиться больших успехов.

— В коммерческих делах можете рассчитывать на мою помощь, — многозначительно пообещал полковник. — А что касается ваших встреч и бесед с нижними чинами, то тут цицероновское красноречие от вас и не потребуется. С солдатами и матросами нужно говорить проще. Самое главное, постарайтесь их убедить, что большевики — враги порядка, подкупленные немцами, что только искоренение большевизма может спасти от развала союзницу Франции Россию.

— Откровенно говоря, не знаю, что у меня получится, — пожал плечами Вапельник. — Я ведь не силен в делах такого рода.

— Не беспокойтесь, — утешил его Рюйэ. — Поверьте, опыт придет. А сейчас разрешите предложить вам чашку кофе.

Он позвонил. Тотчас появился ординарец с кофейником на серебряном подносе. Казалось, он только и ждал сигнала, чтобы мгновенно выполнить желание своего хозяина.

— Настоящий мокко, — похвастался Рюйэ.

— Не откажусь, а от настоящего мокко — тем более, — сказал Вапельник. — Со дня моего возвращения из Франции, признаться, не пил этого чудесного арабийского напитка.

— В таком случае буду рад поделиться с вами своими запасами, — расплылся в улыбке Рюйэ и, словно ненароком, во второй раз спросил: — Кстати, как вы все-таки оказались во Франции?

Александр понимал, что рано или поздно об этом говорить придется. Но теперь было легче, так как прояснилась цель беседы.

— Я ведь потомственный портной. Франция же — признанная законодательница мод. Где, как не в Париже, учиться настоящему мастерству? Вот я и отправился в дальние странствия. Думал, поработаю год-полтора под руководством опытных мастеров, потом вернусь домой и открою салон мод. Да так и прикипел сердцем к прекрасному Парижу.

— Может, к какой-нибудь юной парижанке? — игриво уточнил Рюйэ.

Вапельник сделал над собой усилие и опустил глаза, словно подтверждая пошленькую догадку Рюйэ. Тому же казалось, что он разгадал затаенные мысли своего наивного собеседника. «Вот она, открытая славянская душа: все мысли и чувства можно прочитать на лице».

Александр между тем продолжал «исповедь»:

— Модельная фирма «Женни», где я работал, пользуется хорошей репутацией в Париже. Мне посчастливилось создать несколько удачных фасонов женского платья и выдвинуться в число ведущих модельеров фирмы. Естественно, такой успех льстил моему самолюбию. Поэтому-то я и задержался в Париже.

За кофе предавались воспоминаниям. Оказывается,

полковник в подробностях знал историю Иностранного легиона, был наслышан о его боях с немцами в департаменте Мёз, где волонтеры показали чудеса храбрости и покрыли славой свои знамена, о Вердене, где Вапельнику довелось участвовать в отражении многочисленных немецких атак.

Бошам так и не удалось взять этот маленький городок на северо-востоке Франции. Многих друзей потерял там Александр. Да и сам лишь чудом остался в живых.

— В качестве кого воевали вы под Верденом? — поинтересовался Рюйэ.

— Был начальником разведкоманды. Вот и память о последней вылазке во вражеский лагерь. — Вапельник похлопал ладонью по искалеченному колену правой ноги. — Мы захватили тогда штабного офицера с картами и оперативными документами. Благодаря этому удалось установить детали замысла очередного штурма Вердена, и командование устроило бошам «теплую» встречу. Только мне уже не довелось участвовать в сражении — лежал в госпитале.

Рюйэ слушал с видимым интересом.

— Как же вам удалось вернуться к своим с простреленной ногой? — участливо осведомился он.

— Все произошло в ничейной зоне. Когда мы ползли к своим, боши заметили нас. Трех убили, меня и еще двух волонтеров ранили. Остальные сумели дотащить «языка» к своим окопам. А меня на рассвете подобрала санитары.

— А потом?

— Что бывает потом? Полгода госпиталя. Вот этот орден... Севастополь. Получил небольшое наследство и собирался открыть салон, да вижу — не время. Может быть, потом, когда установится порядок... Пока что пробавляюсь небольшим кафе, где хозяйничает мать с сестрами.

— У вас все впереди, — бодро проговорил Рюйэ. — Большевики долго не продержатся. Скоро высадутся новые дивизии союзных войск. Тогда развернется грандиозное наступление. Думаю, что скоро вы сможете вернуться к любимому делу. Будет и у вас свое предприятие не хуже парижских «Галери Лафайет» или «Женни». Постарайтесь только хорошо выполнить поручение нашего командования, и мы окажем вам самую щедрую поддержку.

Вапельник поблагодарил коменданта и заверил, что постарается найти путь к сердцам солдат и матросов.

Проводив гостя, полковник несколько раз прошелся по кабинету, подытоживая свои впечатления. Он остался доволен Вапельником: сдержан, не глуп, в совершенстве владеет французским языком. Высший французский орден и ранение, полученное в боях за Францию, помогут ему завоевать расположение нижних чинов.

«Наше дело — позаботиться, как и о чем он будет разговаривать с солдатами и матросами», — думал полковник, продолжая вышагивать по кабинету.

Возле зеркала Рюйэ остановился. Даже занятый самыми важными делами, он не забывал посмотреть, хорошо ли сидит на нем мундир, достаточно ли надежно прикрыта продолговатая лысина на темени. Привычным движением поправил щегольские усики и улыбнулся собственному отражению в зеркале: «С такой внешностью можно одерживать не только военные победы... А соблазнительных объектов здесь предостаточно. Из обеих русских столиц слетелись в Севастополь перепуганные революциями и гражданской войной светские львицы...»

Безумье в бабьи страсти
Запутывать себя!
Солдат, коль хочешь счастья,
Люби всегда шутя, —

беспощадно фальшивя, напевал полковник фривольную солдатскую песенку. Он был доволен, что нашел ключ к решению задачи, поставленной главнокомандующим. «Такие, как Вапельник, помогут сделать то, чего не добьешься никакими крутыми мерами, — думал он, подписывая оставленные адъютантом бумаги. — Что касается политических организаций, нелояльно относящихся к державам Согласия, то ими займется контрразведка. Надо только правильно ее сориентировать».

Вапельник также остался доволен беседой с Рюйэ. Полковник признал, что союзное командование не уверено в своих солдатах и матросах и не без основания опасается большевистской агитации. Вспоминая подробности разговора, Александр подтрунивал над собой. Неожиданный вызов к коменданту встревожил его не на шутку. Учтивость и предупредительность приехавшего за ним офицера не могли рассеять возникшей

тревоги. Всю дорогу от кафе до штаба командующего флотом его одолевали сомнения: не лучше ли было воспользоваться запасным выходом и укрыться на тайной квартире? Больших усилий стоило удержаться от этого искушения. Он терялся в догадках.

У Вапельника были причины остерегаться встреч с французской полицией. Это он организовал забастовку работниц фирмы «Женни» весной 1917 года. Забастовка разрослась, как снежный ком, и за несколько дней охватила не только весь Париж, но и его пригороды.

В то время Вапельник и не предполагал, что окажется в центре больших политических событий. На гребень волны его вынесло случайное стечение обстоятельств.

Во время войны владельцы мастерских стали отпускать работниц по субботам на полдня раньше. Швей теряли часть заработка, тогда как на счету было каждое су. Однажды в «Ротонде» Александр рассказал об этом Якову Карпу.

— Предложи мастерицам обратиться к хозяевам фирмы с требованием установить рабочую неделю по английскому образцу — сокращенный рабочий день в субботу с полной оплатой, — посоветовал тот.

Вапельник воспользовался советом своего соотечественника. Работницы горячо поддержали его предложение и направили делегацию к директору-распорядителю. Тот связался с хозяевами предприятия и к концу дня сообщил, что фирма не может удовлетворить требование об английской рабочей неделе. Это послужило сигналом к забастовке. Через Якова Карпа, состоявшего членом правления профсоюза дамских портных, о забастовке узнали работницы универсального магазина и швейной фирмы «Галери Лафайет» и многих других предприятий. К бастующим присоединились швей более мелких мастерских и салонов. Из «Галери Лафайет» и мастерских фирмы «Женни» делегации разошлись по всему Парижу. И отовсюду на улицы французской столицы выходили тысячи женщин. Они шли, взявшись за руки и мешая уличному движению. В их ряды становились и солдаты — мужья, братья, женихи, приехавшие на побывку с фронта или выписанные из госпиталей. Движение городского транспорта оказалось парализованным.

Флегматичные ажаны — парижские полицейские —

вначале добродушно посмеивались над участницами необычной забастовки, а когда спохватились, было уже поздно. Разгонять демонстрацию они не решились. Попробуй тронь хоть одну из громкоголосых зачинщиц, на ее защиту встанут тысячи фронтовиков.

Забастовка приняла широкий размах. Она могла вызвать нежелательный резонанс в действующей армии, и кабинету министров пришлось собраться на экстренное заседание. Правительство поспешило издать закон о введении английской рабочей недели для женщин и обратиться к работницам с призывом прекратить забастовку. Козлом отпущения оказался министр внутренних дел Жан Луи Мальви, еще недавно иронизировавший по поводу организованного движения «темперamentных белощеek». Ему предложили подать в отставку. Через некоторое время бывший министр предстал перед судом по обвинению в «попустительстве» антимилиитаристской пропаганде. Судьи припомнили ему и забастовку в столице. За эти «прегрешения» бывшего министра приговорили к изгнанию на пять лет.

«Не осведомлен ли полковник Рюйэ о моей роли в этой забастовке? — размышлял Вапельник, поднимаясь вслед за адъютантом в кабинет командующего. — Если так — дело дрань».

Беседа с полковником рассеяла все опасения.

...Опираясь на трость, Александр не спеша направился к пассажирской пристани Российского общества пароходства и торговли. Он словно не замечал дождя, хотя его модный редингот давно промок до последней нитки. Вапельник все еще находился под впечатлением беседы с французским комендантом.

«У этой лисы в полковничьем мундире — острый нюх, — пришел он к выводу. — Не зря допытывался, почему я оказался во Франции и вступил волонтером в Иностранный легион. Уж он-то знает, что это за воинство, и о том, как оказались в нем эмигранты из России».

На пристани Вапельника встретил знакомый кладовщик пакгауза.

— Что ж это вы так задержались? Два часа, как пришел пароход из Одессы. Мы уже отчаялись ждать его, а он тут как тут. К слову сказать, готовыте магарыч. На ваше имя получена партия груза. Семь мест.

— Семь, говорите? — переспросил Александр. — Счастливое число.

Для него это число действительно было счастливым, так как означало, что с пароходом прибыл связной.

— Прикажете вызвать извозчика? — услужливо осведомился кладовщик.

— Да, пожалуйста... И, если вас не затруднит, отправьте груз в кафе, — сказал Александр и пожал руку чиновнику. Тот с удовольствием почувствовал в ладони хрустящую кредитку.

Вапельник направился домой. Очень хотелось, чтобы связным оказался одессит Леша. А вдруг сама Татьяна?

Он торопливо прошел через зал в свою комнату и в радостном волнении остановился у порога. В кресле у окна сидела... Таня. Она порывисто поднялась ему навстречу.

— Я так рвалась к тебе, — шепнула девушка, прижимаясь щекой к плечу Александра.

Соня и Дора, щебетавшие с гостьей до прихода брата, потихоньку вышли из комнаты. Александр заметил это лишь когда скрипнула закрывавшаяся за ними дверь.

Он видел только Таню. Немного утомленную, с воспаленными от недосыпания глазами. Она что-то говорила, но он не слышал. Смотрел и смотрел на ее губы, на выбившийся из-под гребня соломенный завиток.

— Родная, милая...

Танины губы что-то шепнули, приблизились. Теперь они заслонили все. Александр ощутил их палящий жар.

Они молчали. Долго ли? Об этом не думали. Время отсчитывалось не секундами, а учащенным ритмом сердец. Два сердца бились рядом.

Не заметили, как стемнело за окнами, как зажглись на улице фонари.

— Мне так много нужно тебе рассказать, — повторяла девушка. — Увидела тебя — и совсем позабыла о деле.

— Как в Одессе, все ли в порядке? — пришел ей на помощь Александр.

— В областке новые люди. Я знаю не всех — конспирация строжайшая. Перед отъездом в Севастополь меня напутствовали твои старые друзья-парижане Карп, Болкун и Деготь.

— Деготь? — воскликнул Вапельник. — Владимир Александрович?

— Да, кажется, так называл его дядя Яков. Он еще просил передать тебе, что при обкоме создана Иностранная коллегия для агитации в войсках интервентов. По рекомендации Дегтя и Карпа тебя тоже включили в ее состав. Будешь представлять коллессию в Крыму.

Владимир Деготь... Это имя снова напомнило Александру Париж и кафе «Ротонда», где часто собирались политэмигранты из России. Александр был возбужден, и это не укрылось от Тани.

— Что с тобой? — спросила она.

— Танюша, милая, ты представить себе не можешь, как я рад. Коллегия для работы среди солдат Антанты — это же здорово! Но больше всего радуется, что во главе коллессии стоит такой человек, как Деготь.

— Ты давно его знаешь?

— С двенадцатого года. Он учился в партийной школе Лонжюмо, у самого Владимира Ильича. До этого побывал в тюрьме и енисейской ссылке. Если в областкоме и коллессии все такие, как Деготь, за Одессу можно не волноваться.

Александр не заметил, как у него вырвалось это типичное для одесситов выражение, и Таня рассмеялась.

— Ты сомневаешься? — Вапельник метнул в ее сторону укоризненный взгляд. — Я верю, что теперь наша борьба развернется еще шире. Деготь — человек с размахом.

— В этом не сомневаюсь, — ответила она. — Я только заметила, что ты стал говорить, как заправский одессит: «За Одессу можно не волноваться».

Александр улыбнулся:

— Сказывается облагораживающее влияние твоего брата. Как он там, жив-здоров?

— Леша велел передать тебе поклон. Он у нас хоть и с причудами парень, но в людях разбирается. О тебе он самого высокого мнения.

— За это спасибо, — полушутя ответил Вапельник. — Постараюсь оправдать его доверие.

— Да, — спохватилась Татьяна, — тебе отправлено семь тюков с товарами. Получил?

— Скоро должны привезти из пакгауза. Литература?

— В трех тюках — пакеты с листовками и газетами.

Адреса отправителя и грузополучателя на них написаны синими чернилами. Я не видела, какие листовки и газеты посланы тебе, но знаю, что областком получил из Москвы большую партию литературы на французском и английском языках.

Передав инструкции и новые адреса для связи, Таня обессиленно откинулась на спинку дивана.

— Устала? — участливо спросил Александр.

— Ничего, отдохну, — беззаботно тряхнула она головой. — Трудно было попасть на пароход, а дорогой белогвардейские «добровольцы» приставали... Хорошо хоть, нашелся один добрый штабс-капитан, взял под свое покровительство.

— Ну и ну, — погрозил пальцем Вапельник. — Как тебе удалось заслужить его расположение?

— Очень просто, — ответила девушка. — Слезы помогли. Билеты на пароход выдавались только деникинским «добровольцам» и тем, кто заранее получил разрешение комендатуры. У меня никакого разрешения не оказалось. Сколько раз подходила к кассе, и все безрезультатно. Как тут не расплакаться. Пожилой офицер в очереди увидел, что я реву, и подошел: «Что с вами? Кто вас обидел?» — Пришлось сочинить легенду, будто в поисках родителей я с трудом перешла линию фронта, а старики, оказывается, вот уже два месяца как уехали в Крым. Теперь не могу купить билет, чтобы поехать к ним... Штабс-капитан сжалился, взял на себя хлопоты о билете. «У меня, — говорит, — в Москве тоже осталась дочь-невеста. Может, и она так же вот разыскивает меня». Билет он добыл. А на пароходе — новая беда. За всю жизнь не слыхала столько похабщины, как от пьяных «добровольцев». Еле вырвалась от них — и на палубу. Там, к счастью, встретила штабс-капитана. Он до самого Севастополя не отходил от меня. Распрощались уже в порту. Он поехал в Симферополь, а я осталась «наводить справки» здесь.

— Ишь ты, — задумчиво произнес Александр. — Видать, добрый человек. Этот недолго задержится среди «добровольцев».

Но Таня уже не слышала. У нее слипались глаза.

— Подожди минутку, — попросил Александр. — Сейчас пришло Соню, она приготовит тебе постель. А я займусь грузами.

Он вышел в зал. В это время к кафе подъехала под-

вода. Бородатый возница спросил, куда сложить доставленный багаж.

— Амбар во дворе, — сообщил грузополучатель и позвал брата: — Толик, возьми ключ и открой ворота.

Через несколько минут разгруженная подвода прогрохотала по булыжной мостовой. Выждав время, Вапельник отправился осматривать полученный товар.

Как и говорила Таня, адреса грузополучателя и отправителя на трех тюках были написаны синими чернилами. За них в первую очередь и принялся Вапельник. Распоров толстую джутовую мешковину, он стал выкладывать на пол пакеты и свертки.

В одном из них — с пометкой «салфетки» — оказалось несколько пачек листовок. Перебирая их, Александр читал названия: «К французским солдатам», «Союзники и Россия», «На чьей ты стороне: рабочих и крестьян или капиталистов?»

Его внимание привлекла подпись под обращением «К французским солдатам»: «Жак Садуль, бывший капитан французской армии». Вапельник с интересом прочитал обращение от начала до конца. Автор взволнованно писал о величии пролетарской революции в России, с болью и гневом говорил о планах французских, английских и американских империалистов.

«Вооруженное вмешательство союзных бандитов и их вассалов в дела рабоче-крестьянской России ни в коей мере не может быть войной французского народа с русским. Это война буржуазии против пролетариата, эксплуататоров против эксплуатируемых, — разъяснял Садуль и, обращаясь к солдатам, призывал: — Ни одного шага по русской земле против русского народа! Ни одного выстрела против революции!».

Жак Садуль звал французских солдат последовать его примеру, рассказывал о себе. В сентябре 1917 года французское правительство направило его в Петроград для работы в военной миссии. Революционная действительность помогла ему увидеть, что только Советская власть, большевики дали настоящую, а не мнимую, как во Франции, свободу трудящимся. Он понял, что его место в рядах пролетарской армии, и порвал со своим правительством, вступил добровольцем в Красную Армию, стал коммунистом.

Александр с волнением и радостью читал обращение мужественного интернационалиста. Потом принялся за

листовку-обращение к солдатам Антанты «Зачем вы пришли на Украину?». Напечатанная на французском, английском, румынском, итальянском, сербском и русском языках, она предупреждала солдат, что трудящиеся Советской страны будут до последней капли крови сражаться за свою свободу и независимость, так же, как «боролись когда-то за свою свободу американские крестьяне против английских наемников, как боролись во время своей революции французы против королей всей Европы».

— Вот это да! — вырвалось у Вапельника.

«Заявите своим генералам, что вы не хотите стать палачами своих братьев — крестьян и рабочих России», — призывала листовка.

Но самым дорогим подарком оказался сверток с надписью «клеенка». Одесские подпольщики вложили в него около сотни экземпляров газеты «Третий Интернационал»*. Небольшая по формату — всего три колонки, — эта газета пропагандировала идеи интернационализма, рассказывала о достижениях Советской страны, о советских людях — строителях нового общества.

Александр поразился удивительной ясности и впечатляющей простоте опубликованного в газете «Письма во Францию».

«Хотелось бы, чтобы вы могли видеть товарищей, которые находятся во главе правительства и его учреждений, как они работают и как голодают, и при этом их мужество не уменьшается ни на иоту, — сообщала французским читателям автор письма Инесса Арманд. — Только русский пролетариат может оказывать сопротивление в такой долгой, такой упорной, такой страшной, такой дьявольской борьбе. И задача всех других пролетариев — помочь ему в выполнении его революционного долга.»

Читая эти строки, Александр все более и более убеждался, что в его руках — пропагандистский материал огромной силы. Он был от души благодарен друзьям-одесситам за этот подарок и верил, что солдаты Ан-

---

* «3-me Internationale» — орган французской коммунистической группы, созданной в Москве в августе 1918 г. и входившей в состав Федерации иностранных коммунистических групп при ЦК РКП(б). Одним из инициаторов ее создания была француженка Жанна-Мари Лябурб.

танты не останутся глухими к призывам интернационалистов. Главное теперь — донести эти призывы до их сознания.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ДВОЙНАЯ ИГРА

Не по-южному суровым и холодным выдался в Крыму декабрь 1918 года. Старожилы уверяли, что такая зима случается раз в двадцать, а то и двадцать пять лет. Притихли и обезлюдели улицы Севастополя. Лишь ветер, пронзительный и острый, высвистывал разбойные мелодии на площадях и проспектах. Изредка, поеживаясь от холода, по улицам проходили французские и английские патрули или группы матросов, дождавшиеся своей очереди побывать на берегу. Эти стремились поскорее спрятаться под крышей какого-нибудь питейного заведения.

В один из таких холодных дней Александр Вапельник заглянул в кофейню, принадлежавшую греку Анастасу Ставраки. Эта кофейня на «ситцевой»* стороне Нахимовского проспекта носила громкое название «Эрзерум». Особенно охотно посещали ее спекулянты, которых за время немецкой оккупации, а еще более с приходом интервентов Антанты, немало расплодилось в городе. Здесь покупалось и продавалось все: сахарин, мастика (турецкая водка), кокаин, золото, товары, разворовываемые из складов порта и интендантства, табачные изделия фабрик Стамболи и Месаксуди, иностранная валюта, ценные бумаги. В залах «Эрзерума» с утра до позднего вечера толпился самый разнообразный люд, и севастопольские подпольщики не случайно облюбовали кофейню как удобное место для конспиративных встреч.

Вапельник не без основания предполагал, что солдаты и матросы также не обойдут стороной эту кофейню, и шел туда в надежде познакомиться с ними.

---

* «Ситцевой» называлась левая сторона Нахимовского проспекта (если идти от Большой Морской). До 1917 г. оставался в силе приказ по Севастопольскому гарнизону, запрещающий нижним чинам проходить по правой стороне Нахимовского проспекта, которая предназначалась для господ офицеров и «чистой публики». В отличие от «ситцевой», эта сторона именовалась «бархатной».

Он уселся за свободный столик и заказал кофе. К нему тотчас же подсел длиннолицый хлыщ с набриолиненным пробором и в мешковатом — явно с чужого плеча — коричневом костюме в белую полоску.

— Имею предложить партию ниток, три штуки шерсти, дамские украшения и другой товар из лучших домов столицы Российской империи, — закинув нога на ногу и сцепив на коленях украшенные множеством колец длинные тонкие пальцы, скороговоркой выпалил он.

— Не интересуюсь, — сухо ответил Александр.

— Есть фунты стерлингов, доллары на золото и драгоценности, — проходя мимо столика, шепнул щеголеватый молодой человек во фраке и накрахмаленной манишке.

— Много? — остановил его Вапельник, не устояв перед искушением разыграть валютчика.

— Сколько возьмете?

— На первый случай — миллион.

Человек во фраке побледнел.

— Сколько вы изволили сказать?

— Миллион.

— Простите, не располагаю.

Валютчик, почувствовав свое ничтожество в сравнении с этим китом, ворочающим миллионами, моментально ретировался.

В кафе шумной теплой ввалилась ватага матросов в бескозырках с красными помпонами. Потирая уши, они торопливо рассаживались за столики. Свободных мест для всех не хватило, и три матроса подсади к Александру. На ленточках их бескозырок он прочел название корабля. Все они были с дредноута «Демократия».

Видимо, продолжая недавно прерванный разговор, матросы в ожидании официанта обменивались репликами. Присутствие Александра их не смущало — они говорили на своем языке.

— Пусть покарает меня бог, если нас не обманывают, — потирая пламенеющие от мороза уши, говорил товарищам матрос с тонкими чертами лица и длинным, с высокой горбинкой носом.

— Мне тоже думается, что тут не все чисто, — разглаживая скатерть, поддержал его матрос с густыми, сросшимися над переносьем черными бровями и синим шрамом на лбу. — Разве русские угрожают Франции? По какому праву мы находимся на их земле?

— Спроси ответа у тигра Клемансо, — с явной иронией посоветовал матрос с родинкой на щеке. — Что касается меня, то я давно понял: мне эта война не нужна.

— О ля-ля, что я слышу, — покачал головой матрос со сросшимися бровями. — Наш Фернан заявляет о своем нейтралитете.

Собеседники рассмеялись.

Отхлебывая маленькими глотками кофе, Вапельник приглядывался к матросам.

Вначале ему хотелось лишь послушать их беседу, не выдавая того, что понимает французскую речь. Но веселые парни вполне откровенно высказывали свои мысли, и Александр рискнул вступить в беседу. Он оставил чашку с кофе и пристально взглянул на чернобрового француза.

— Невольно я стал свидетелем вашей беседы. Откровенно говоря, меня смущает высказанная вами точка зрения.

— Мосье знает французский язык? — удивился матрос.

— Представьте себе.

— Что же вас смущает?

— Мне показалось, что вы осуждаете политику своего правительства, — уклончиво ответил Вапельник. — Для военных моряков это небезопасно.

— Мы ничего подобного не говорили, — вмешался в разговор матрос с родинкой на щеке.

— Вот именно, — поддержал его сосед. — Если вам, мосье, что-либо показалось, то можете катиться ко всем...

— Чертям, — дружески подмигнув, подсказал Александр. — Но ведь не я, а вы подсели к моему столу, и мне бы хотелось сначала допить свой кофе.

Французы смутились. Вапельник же, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Вы, насколько я понял, удивлены тем, что я знаю французский язык? Охотно удовлетворю ваше любопытство. Я был волонтером в вашей армии, и, сами понимаете, без французского языка мне было бы трудно выполнять приказы своих командиров.

Матросы безмолвно смотрели на неожиданного собеседника.

— Вы давно из Франции? — наконец прервал затя-

нувшуюся паузу чернобровый моряк с синим шрамом на лбу.

— Скоро год, как выписался из госпиталя и возвратился домой.

— Все ясно, — успокоенно произнес тот, кого называли Фернаном. — Раз воевал во Франции, значит, понимаешь, о чем мы говорим. Свой человек.

— А если нет? — выжидательно уставился на него Вапельник.

— Не триви, — махнул рукой матрос. — У меня на своих морской нюх.

— Нюх дело хорошее, — заметил Александр. — Только к нему надо еще соображение иметь... Вот ты не понимаешь, для чего тебя прислали в Россию. Так ведь?

Матрос кивнул.

— Вас убеждают, что вы пришли сюда, чтобы помочь русскому народу установить в стране мир и государственный порядок. Верно?

— Да, это слова нашего адмирала, — подтвердил Фернан.

— А ваш адмирал не объяснил, кого он считает народом: рабочих и крестьян или капиталистов и помещиков? Миллионы эксплуатируемых или кучку эксплуататоров? Слушай, что скажу на этот счет я. Вас прислали в Россию, чтобы вы помогли эксплуататорам снова надеть рабские цепи на трудящихся. Но офицеры никогда не скажут вам об этом, потому что правда глаза колет... Не скажут они вам и о том, что интервенцию организовали банкиры и капиталисты, которые еще недавно владели в России металлургическими заводами, угольными шахтами и железными дорогами. Теперь все это перешло в руки народа, а ваши де вандели и прочие толстосумы лишились процентов с капиталов, вложенных в русскую промышленность.

— Черт возьми! — возбужденно воскликнул Фернан. — В этих словах сама правда.

— Выходит, нас прислали сюда таскать из огня каштаны для господина Ротшильда и парижских богачей? — уточнил матрос со сросшимися бровями.

— А заодно и для их российских сообщников, — добавил Вапельник.

— Подавятся они этими каштанами, — зло отрезал горбоносый матрос.

— Ты собираешься предъявить им ультиматум? — сострил Фернан. — Смотри не рискуй в одиночку — глазом не успеешь моргнуть, как очутишься в дубовом бушлате*. Министр-президент, говорят, очень скуп на помилования.

— Я вижу, вы отчаянные ребята, — снова овладел разговором Александр. — Чтобы вы не были одиночками, когда надумаете предъявить ультиматум правительству, дайте вашим товарищам почитать вот эту газету и листовки. Только смотрите в оба и не забывайте об осторожности.

— Можешь на нас положиться, — пообещал Фернан, украдкой поглядывая на листовку, которую Александр ловко вложил в меню. Его внимание привлек заголовок: «Зачем вы пришли на Украину?»

Чернобровый тоже заглядывал через плечо товарища в меню.

«Цель союзнической интервенции в России — уничтожить социалистическую республику в России и восстановить царство капиталистов и помещиков, — беззвучно шевеля губами, читал Фернан. — Вы, конечно, не можете иметь представления о громадных изменениях, имевших место в России. Мы уничтожили капитализм и помещичье землевладение. Земля принадлежит народу. То же сделано с заводами, шахтами, железными дорогами... Мы строим новое общество, в котором плоды труда пойдут тем, кто работает... Товарищи, если бы рабочие Англии или Америки совершили революцию, стали бы вы их подавлять? Вы бы этого не сделали. Вы были бы на стороне своего собственного класса. Мы — тоже рабочие, мы принадлежим к тому же классу, что и вы. Будете ли вы теперь бороться против нас?»

Александр наблюдал за Фернаном. Тот, закончив читать, долго рассматривал подписи: «Ленин, Чичерин».

— Ну, что скажешь? — притронулся к его руке Вапельник.

— Дело яснее ясного... Наше правительство ведет политику обмана, но оно просчитается. Придет время, когда и о нас сложат такую же песню, как о солдатах семнадцатого полка.

«Привет, привет вам, солдаты семнадцатого!», — вспомнил начальные слова Александр. Во Франции ему

---

* В гробу (морской жаргон).

довелось слышать эту песню. Она имела свою историю. В 1907 году восстали крестьяне-виноградари провинции Лангедок. На подавление восстания правительство направило 17-й пехотный полк, но солдаты отказались стрелять в своих братьев. Тогда народ и сложил эту песню. Ее пела вся трудовая Франция.

— Для того чтобы французские солдаты и матросы отказались стрелять в русских рабочих и крестьян, им нужно рассказать, кто и как их обманывает, — тихо сказал Вапельник. — Вас трое и у каждого есть друзья. Расскажите матросам правду, познакомьте их с обращением Ленина и Чичерина, и тогда за вами пойдет вся команда. Больше того... Вы можете создать из надежных людей группу друзей русской революции. Тогда вы станете силой и сумеете по-настоящему помочь своим русским братьям по классу.

Матросы понимающе смотрели на Вапельника.

— Твой совет не забудем, — сказал за всех Луи.

Фернан почему-то усмехнулся и, встретив взгляд Александра, объяснил:

— Я вспомнил парижские газеты. Они изображают большевиков разбойниками, не иначе, как с ножом в оскаленных зубах. Пустомели! Они не соображают, что у большевиков есть оружие страшнее ножа. Это оружие — правда. Мы сделаем все, чтобы эту правду узнали наши матросы.

— Скажите, вы большевик? — вдруг задал Вапельнику вопрос Луи.

Александр на мгновение растерялся. Что ответить этому простодушному парню? Но выручил Фернан.

— Не задавай неумных вопросов, — оборвал он товарища. — По-моему, и так все ясно. Главное, что он помог нам узнать правду.

— Спасибо, камарады, — поблагодарил новых знакомых Вапельник. Он подозвал официанта и расплатился. Но матросы упросили Александра посидеть с ними еще.

Вапельник не жалел, что остался. Беседа помогла подпольщику сблизиться с матросами, узнать о настроениях команды, о корабельной жизни. Все это могло пригодиться.

— Скажи, камарад, — спросил его Луи, видя, что Вапельник поглядывает на часы, — где и когда мы можем встретиться снова?

— Договоримся так: я постараюсь сообщить вам на корабль о времени и месте нашей новой встречи. Как вас найти там?

— Держи связь через меня. Я почти всегда нахожусь в радиорубке, — ответил Фернан.

— Договорились. Ну, а теперь мне пора. До встречи! Вапельник уходил из кафе с уверенностью, что рисковал не зря. В лице Фернана Лёза, Луи Семара и Марселя Лефевра он несомненно обрел надежных товарищей.

В своем кафе Александр также застал французских моряков. Лица многих из них показались знакомыми. Он не ошибся. Это были свободные от вахты матросы боцманской команды «Жана Барта».

— Бонжур, мосье Вапельник, — поднялся ему на встречу один из посетителей. — Идите к нам. Мы пришли продолжить разговор.

— Селестен? — обрадовался Александр. — Рад тебя видеть. Молодец, что не забыл адрес.

Он долго тряс руку матроса, а тот с торжествующим видом оглядывался на товарищей, словно говорил: «Видите, какой у меня друг».

Александр по очереди пожимал тянущиеся к нему руки, пытаясь вспомнить имена матросов.

-- Пьер Тондю? Не ошибаюсь?

— Совершенно верно, — улыбнулся богатырь с крутыми плечами.

— А вы — Жан Тийон, — назвал Александр другого матроса.

— Анри Гитье, — нисколько не обидясь, поправил тот. — Тийон вон где — рядом с Бери, а справа от него Фредерик Дюкро.

Один из матросов неожиданно для Вапельника представился на русском языке:

— Рад познакомиться. Меня зовут Жоржем, фамилия — Лейс. Моя мать русская, и я хорошо знаю ваш язык. Служу переводчиком при штабе командующего эскадрой.

Через минуту Александр перезнакомился со всеми. Гости сдвинули столы, наперебой предлагая хозяину место возле себя.

— Ждем продолжения вашего рассказа о службе в Иностранном легионе, — напомнил Гитье. — Помните ваше обещание?

— Как же, конечно помню, — отозвался Александр. — Только предупреждаю, рассказчик из меня не ахти какой. Чтобы вы не скучали, заварю для вас кофе по своему рецепту. Не возражаете?

Возражений, разумеется, не последовало, и Александр получил благовидную возможность отлучиться. В своей комнате он пошептался с Анатолием, передал ему небольшой сверток и лишь после этого прошел на кухню.

— Все в порядке, — бодро сказал он, возвращаясь к матросам. — Через несколько минут принесут кофейники, а я пока расскажу несколько эпизодов из своей солдатской жизни.

Устроившись у окна, Вапельник начал:

— Иностранный легион, как известно, никогда не был привилегированным формированием французской армии. Мы всегда оказывались у маршала Жоффра под рукой, когда требовалось заткнуть пробитую немцами брешь в нашей обороне или совершить прорыв... Из тех, кто начинал воевать в четырнадцатом году, уцелели немногие. Но пока я оставался в строю, меня никогда не преследовало такое чувство страха, как в госпитале.

— Сильно болела нога? — участливо спросил Беро.

— Рана, понятно, давала о себе знать, — ответил Александр. — Но в первые дни я редко приходил в сознание, а когда миновал кризис, понемногу притерпелся... Страшнее всего было то, что стал понимать бессмысленность своего участия в этой войне.

— Считаешь, что не стоило защищать Францию? — спросил Селестен.

— Это слишком сложно, чтобы ответить «нет» или «да», — вздохнул Вапельник. — К тому же я очень люблю Францию. Дело в другом. В госпитале много времени для раздумий. Знаете, когда думаешь, начинаешь видеть мир гораздо шире, нежели из окопа. Все началось с того, что товарищи по палате рассказали мне, как французские генералы «подарили» немцам Бриэ, где находятся самые крупные угольные шахты и рудники. Французская армия отступила оттуда без единого выстрела. Мы были на фронте и не знали об этом, а Франция бушевала, требовала ответа, как могло произойти, что армия даже не пыталась оборонять район, дающий сырье для военной промышленности? Если уж возникла необходимость отступить, почему не разруши-

ли шахты и металлургические предприятия? Говорят, что один летчик все-таки сбросил на Бриэ несколько бомб. Его отдали под суд. Оказывается, в самой Франции, даже среди высшего командования, нашлись люди, заинтересованные в том, чтобы шахты и заводы достались неприятелю целыми и невредимыми.

— Не может быть, — катая тяжелые желваки на скулах, возмутился Тийон.

— Мне тоже казалось, что такое немыслимо. Но потом выяснилось, что этот вопрос разбирался в парламенте. Генерал, который сдал Бриэ, сообщил, что приказ о сдаче был заготовлен генштабом еще в мирное время и вручен ему в конверте с надписью: «Вскрыть при угрозе наступления германской армии». После такого признания прижатое к стенке правительство сочло необходимым объясниться с общественностью.

— Неужели есть какое-нибудь оправдание предательству? — не унимался Тийон. — Дураку ясно, что немцы стреляли в нас из оружия, сделанного из нашего же металла на наших заводах.

— Все-таки любопытно, как объяснило правительство сдачу Бриэ? — подал голос более уравновешенный Беро.

— Все объяснялось просто, — спокойно пояснил Вапельник. — Шахтами и рудниками Бриэ владели не только французские, но и германские акционеры. «Денежные мешки» нашли способ договориться с министрами о недопущении разрушений на территории бассейна. Народу же правительство заявило, что оно руководствовалось сугубо экономическими соображениями. Мол, если бы французы разрушили шахты и рудники, поставлявшие сырье для германской армии, то немцы разрушили бы предприятия, необходимые для французской армии. О том, что из германского оружия, выкованного в Бриэ, убиты сотни тысяч, а может, миллионы французских и русских солдат, правительство скромно умолчало.

— Выходит, двойная бухгалтерия: армии — **потери**, акционерам — **прибыль**, — прокомментировал Селестен.

— Мне эта бухгалтерия показалась страшнее всех фронтовых ужасов, — резюмировал Александр. — До сих пор меня преследуют кошмарные видения. Как наяву вижу изуродованные тела погибших друзей-легионеров, слышу дьявольский хохот германских и фран-

цузских пушечных королей, получающих проценты за каждого убитого солдата.

— Я тоже кое-что знаю об этой двойной бухгалтерии, — включился в беседу Фредерик Дюкро. — Цензура вымарывает из наших писем все, что касается политики, а матросы, вернувшиеся из отпусков, рассказывают, что Германия всю войну получала из французских колоний свинец и другие металлы. Владельцы рудников, говорят, имели бешеные доходы.

— Германские фирмы, в свою очередь, через посредников продавали Франции колючую проволоку, — добавил Тондю.

— Словом, взаимовыгодный товарообмен, — подхватил Беро. — А разменной монетой служили наши головы.

Пока продолжался этот разговор, сестры Александра расставили чашки и принесли кофейники. И хотя ароматный напиток был из настоящего «мокко», запасами которого полковник Рюйэ поделился с хозяином кафе, матросы долго не притрагивались к кофе, думая каждый о своем. Лишь после настойчивого приглашения они наполнили чашки и отведали бодрящего напитка, отдавая дань уважения мастерству кофевара.

В это время в кафе появилась веселая ватага раскрасневшихся от мороза юношей и девушек. Матросы недовольно зашикали на новых посетителей.

Ребята — многих из них Александр знал в лицо — купили три бутылки виноградного сока и, как заправские кавалеры, угостили своих дам. Вскоре они ушли, «забыв» на стуле небольшой сверток. Возле вешалки молодые люди задержались. Никто, кроме хозяина кафе, не заметил, как ловко опускали они свернутые треугольниками листки в карманы матросских шинелей. «Это уже лишнее, — мысленно отметил Вапельник. — При случае надо отчитать ребят, чтобы не переигрывали».

Ходос, а это он привел в кафе ребят и девчат из недавно организованного Союза рабочей молодежи, действовал точно по инструкции, переданной ему братом Александра Вапельника. Мысль же опустить по листовке в карманы матросских шинелей пришла ему позднее, когда проходили мимо вешалки. Как бы то ни было, а свою задачу он выполнил хорошо. Оставалось ждать, когда матросы заметят «забытый» сверток.

Все произошло просто и естественно. Убирая со стола стаканы и бутылки, мать увидела пачку бумаг.

— Это ваша? — положив пачку на стол, спросила она.

— Нон, нон! — отрицательно покачал головой Бери. Но, увидев французский текст, прикусил язык.

— Оставьте, пожалуйста, мадам, — попросил Жорж Лейс. — Это, по всей видимости, французские газеты.

Прибрав со стола, мать ушла за стойку, а матросы с жадным любопытством накинудись на газету и листовки. В газете «Третий Интернационал» Фредерик Дюкро увидел обращение «К трудящимся Франции».

— Читай вслух, — потребовали матросы.

К счастью, в кафе чужих не было. Вапельник вышел из-за стола, на всякий случай закрыл входную дверь и, проводив мать, стал за стойку.

«Алчные капиталисты Антанты стремятся послать своих солдат к самому сердцу России, чтобы уничтожить русскую революцию, — доносился до него голос Фредерика. — Надо, чтобы крестьяне и рабочие Франции отказались быть убийцами своих братьев — крестьян и рабочих России».

Вслух читали и воззвание Жака Садуля.

Матросы горячо обсуждали прочитанное. Когда Александр подошел к столу справиться, не подать ли еще кофе, навстречу поднялся Селестен.

— Мосье, — торжественно произнес он, — на корабле вы посоветовали: если я пойму, кто такие большевики, не рассказывать об этом даже священнику. Вы хотели мне добра. Поэтому вам первому скажу: я давно понял, кто такие большевики. Это такие же рабочие, как я, Жорж, Пьер и другие мои товарищи. Мы не станем воевать против своих братьев.

— А что думает Пьер? — спросил Александр молчаливо грызущего мундштук Тондю.

— Русская революция напоминает мне Парижскую коммуну, — коротко бросил тот. — А я внук коммунара.

Анри Гитье снова и снова пробегал глазами колонки «Третьего Интернационала». Взгляд его остановился на небольшой заметке, перепечатанной из буржуазной газеты «Эко де Пари»:

«Союзники заявили о своем твердом намерении не вмешиваться во внутренние дела России. Абсурдное заявление! Мы идем в Россию, чтобы сломить власть

большевиков, — громко прочитал он, делая нажим на последней фразе. — Хотя этого или нет, но это означает вмешательство во внутренние дела России. Утверждать обратное, значит хотеть перейти море по суху».

— Видите, как изолгались наши правители, — в сердцах бросил Гитье. — Даже буржуазные газеты ловят их на вранье.

— С какой стати мы должны уничтожить власть большевиков? — спросил Тийон. — Русские рабочие и крестьяне свергли царя, установили свою власть, выбрали свое правительство. Даю голову на отсечение, что их правительство хуже нашего не будет.

— Если кого и надо пустить на слом, так это наше правительство, чтобы не торговало кровью, — рубанул ладонью по воздуху Селестен, словно перед ним и впрямь было ненавистное правительство.

— Я бы охотно взялся за это дело, — пробасил Тондю, не вынимая изгрызенного мундштука из угла рта.

— Дойдет и до этого, — выпалил Бери. — Русские показали хороший пример.

Вапельник внимательно прислушивался к беседе. После реплик Селестена и Бери он остановил собеседников:

— Друзья, по-моему, вы ведете себя неосторожно. Если о вашем разговоре узнает командование, всем не миновать суда.

— А от кого оно узнает? — поднялся гигант Тондю.

— Не от меня, конечно, — словно вскользь заметил Александр. — Но, сами понимаете, лишний шум не помогает делу. Поэтому старайтесь быть осмотрительнее, особенно, если вздумаете познакомить еще кого-нибудь с газетой и этими листовками.

— Мосье Александр, можешь о нас не беспокоиться, — встал из-за стола Селестен. — Мы хотим и в дальнейшем бывать у тебя в гостях.

— Очень рад.

Посидев еще несколько минут, матросы начали одеваться. Обнаружили они листовки или нет, сказать трудно. Во всяком случае ни один даже вида не подал, что у него в кармане что-то лишнее.

Распрощались.

К Татьяне Александр пришел веселый и довольный.

— Ты сегодня светишься, будто именинник, — заметила она.

— У меня день больших удач. На двух крупных кораблях французской эскадры удалось подобрать нужных людей.

— Я по-хорошему завидую тебе, Саша, — перебирая пальцами густые черные волосы Александра, в которых кое-где появились серебристые нити, сказала Таня. — Ты ведь что называется на самой передней линии борьбы.

— А ты? — заметив грустные нотки в ее голосе, спросил Александр. — Разве ты, Танюша, не на передовой? Ты рискуешь жизнью, чтобы поддерживать связь с партийными организациями, доставляешь документы, за которые любая контрразведка отдала бы десятки своих лучших агентов, и еще считаешь, что стоишь в стороне от борьбы!

— Хочется большего.

— Понимаю. Но у нас есть дисциплина, и мы должны соизмерять свои желания с задачами, которые перед нами ставит партия.

— Я, Саша, не собираюсь нарушать партийную дисциплину. Но, пойми, так хочется быть с тобой рядом... Всегда.

— Танюша, — привлек к себе девушку Александр. — Помнится, ты еще недавно говорила о том, что пока не кончена борьба, все личное остается на последнем плане.

— Могу повторить это и сейчас, — вытирая покрасневшие глаза, ответила девушка. — Но хочется хоть чуть-чуть, самую малость, помечтать.

— Мне тоже, — дрогнувшим голосом сказал Александр. — Мы для того и боремся, чтобы осуществились самые светлые мечты.

Долго сидели молча. Таня кончиками пальцев перебирала его волосы, и он ощущал эти легкие, еле уловимые прикосновения как удары тока. От хрупкой ласковой девушки, казалось, исходит огромной силы энергия. Она волнует, наполняет сердце неизъяснимой радостью и какой-то спокойной, непередаваемой словами грустью. Хотелось сказать ей что-то очень теплое и душевное. Но такое, чтобы оно не было истертым, обыденным. Для Тани нужны слова необычные, как сами их отношения, которые не умещаются в привычные понятия.

Забрезжил рассвет.

— Ты меня понимаешь? — спросил Александр, словно девушка все это время слушала его мысли.

— Да, родной, понимаю, — в тон ему ответила Таня. — Мне так трудно расставаться с тобой... Только прошу, не считай меня суеверной, но мне сегодня боязно оставлять тебя одного. Сама не знаю почему, но предчувствую какую-то беду.

— Не надо, милая.

— Вот видишь, — Таня украдкой смахнула набежавшую слезинку, — ты не понимаешь меня.

— Понимаю, очень понимаю и очень люблю.

Последнее слово вырвалось само собой и уже не показалось Александру банальным. Видимо, в зависимости от обстоятельств даже самые знакомые слова могут приобрести новое звучание.

— Я почему-то думаю, что настало время, когда все мы выходим на исходные позиции. Так, кажется, принято говорить у военных, — шептала девушка. — Вот ты готовишь восстание в Севастополе... Другие тоже делают свое дело. Потом наступит последний, самый важный штурм. А потом... Потом мы всегда будем вместе. Да?

— Да, Танюша, да.

...Утром Таня уехала в Одессу.

Получить для нее пропуск и билет на пароход удалось без хлопот. Распоряжение полковника Рюйэ оказывать содействие невесте коммерсанта Вапельника действовало магически. Записку с этим распоряжением Александр получил через адъютанта, пригласившего его для уточнения времени встречи с экипажем линкора «Демократия».

— Как только провожу невесту, сразу же могу отправиться на корабль, — заверил он офицера.

— Тогда будьте готовы к шестнадцати часам, — попросил адъютант. — Катер с линкора будет ждать у Графской пристани.

— Хорошо, к этому времени постараюсь освободиться. Только, где обещанные полковником материалы для выступления?

— Вот, пожалуйста, — протянул адъютант несколько машинописных листов. — К сожалению, полковник занят с министром внешних сношений Краевого правительства и не сможет лично присутствовать на вашей беседе с матросами. Но командир линкора осведомлен и поможет вам сориентироваться в обстановке.

На том и договорились.

К шестнадцати часам Вапельник был на пристани. Точно в назначенное время подошел катер, и brave лейтенант пригласил кавалера ордена Почетного легиона пожаловать на борт.

Катер тут же отвалил от причала, круто развернулся, разведя волну, и направился к серо-стальной громаде корабля — новинке французского флота. Справа и слева по борту оставались французские, греческие и итальянские крейсера, миноносцы, транспорты. Они казались детскими игрушками в сравнении с машиной-дредноутом, ощерившимся на город жерлами орудий.

Подготовленные в штабе Рюйэ тезисы и план беседы по-иезуитски тонко учитывали психологию солдат и матросов. Вапельнику вменялось в обязанность рассказать о совместной борьбе французского и русского народов против Германии, о русских волонтерах и экспедиционном корпусе, которые бок-о-бок с французами сражались против общего врага на полях Франции, о своем участии в боях под Верденом и убедить слушателей, что теперь войска Антанты выполняют союзнический долг перед русским народом, помогают ему в борьбе с анархией за справедливость и законный порядок. Об истинных целях интервентов в шпаргалке ничего не говорилось, зато вся она пестрела словами: «честь, цивилизация, долг, справедливость, человечность...»

«Знакомый мотив, — усмехнулся Вапельник, закончив чтение. — Полковник может не сомневаться, я в точности повторю все, что здесь написано. Добавлю от себя лишь кое-какие факты».

У трапа его встретил вахтенный офицер. Он четко откозырял почетному гостю и проводил в кают-компанию. Капитан 1 ранга — коротконогий толстяк с крупным мясистым носом на квадратном лице — приветствовал его как старого знакомого:

— Мы уже встречались с вами у адмирала Амэта. Теперь вы на корабле, который ни в чем не уступает «Жану Барту».

— Великолепный корабль, — согласился Вапельник.

— Волонтер французской армии и кавалер ордена Почетного легиона мосье Александр Вапельник, — представил офицерам русского гостя командир корабля.

Александр поклонился.

— Мне известно о вашей миссии, — тут же приступил к деловому разговору тучный, коротконогий каперанг, потирая жесткий седой ежик на голове. — Только прошу учесть, что корабль строился не для парламентских дебатов. Просторных залов у нас нет.

— Догадываюсь, — снисходительно оценил шутку командира Вапельник.

— Сколько времени займет ваша лекция?

— Никаких лекций, — развел руками гость. — Мне поручено побеседовать с матросами, не выходя за рамки, определенные соответствующим планом. Он детально разработан в штабе командующего сухопутным десантом.

— Тем лучше, тем лучше, — приглаживая макушку, расплылся в улыбке командир корабля. — От себя добавлю, что буду вам весьма признателен, если вы напомним матросам о престиже французского флота. Его место там, где нужно облегчить страдания. Именно этот тезис был главным в моей лекции, с которой я выступал перед матросами, когда наша эскадра входила в воды Черного моря.

«Как помогают страждущим французские колонизаторы, известно всему миру. Но Россия — это вам не Алжир или Индокитай», — подумал Вапельник и сказал:

— Ваш тезис исключительно разумен. В меру своих скромных возможностей постараюсь им руководствоваться.

Коротконогий просиял.

— Вы умница, голубчик. На лету ухватили мою мысль, которую, увы, не всегда понимают даже некоторые офицеры, — он с победоносным видом оглянулся вокруг, словно ища инакомыслящих. — Нам, однако, пора. Команда в сборе.

Учтиво пропустив вперед гостя, командир корабля вышел из кают-компаний.

— Только, пожалуйста, не пугайтесь нашей тесноты, — снова попросил он.

— Мне все равно, — ответил Вапельник. — Лишь бы матросы не остались безучастными к моему выступлению.

— Как можно! — воскликнул командир. — Правда, не забывайте о французском темпераменте и о том, что матросы немного устали за четыре года войны.

При появлении командира, сопровождающего человека в штатском, матросы встали.

— Вольно, садитесь! — неожиданным при его комплекции густым громоподобным голосом, скомандовал коротконогий. Он прошел к накрытому чистой скатертью столу и, оглядев присутствующих, представил гостя: — Матросы, с вами будет говорить русский волонтер французской армии, кавалер ордена Почетного легиона мосье Александр Вапельник. С приходом эскадры в Севастополь кое у кого в мозгах перепутались кнопки. Некоторые не понимают целей и задач нашей великой миссии. Мосье Вапельник объяснит все, что надо. Прошу выслушать его внимательно.

«Солдафон, — подумал Вапельник. — После такого вступления ни один оратор не добьется успеха. Хотя... смотря что считать успехом. Все зависит от того, какие задачи ставит перед собой оратор».

— Друзья! — начал он, чувствуя на себе взгляды сотен глаз. Одни светились любопытством, в других сквозила ирония, в третьих читалось откровенное презрение. — Друзья, — повторил Александр, — я не знаю, что имел в виду командир, говоря о перепутанных кнопках. Меня пригласили рассказать о совместных боях французских и русских воинов против Германии. В составе Иностранного легиона я воевал в департаменте Мёз, защищал Верден. Если вам интересно, могу кое-что рассказать.

Послышались голоса:

— Интересно!

— Пожалуйста!

— Просим!

— Тогда наберитесь терпения, — выждав наступления тишины, продолжал Александр. — О Вердене я могу говорить бесконечно. Когда надоест, скажите.

Матросам, как видно, понравилось такое начало. Это Вапельник угадал по их лицам.

Чутко оценивая обстановку, Вапельник невозмутимо продолжал:

— Под Верденом мне посчастливилось видеть настоящих героев. Они знали, за что сражаются, а любовь к Франции давала им силы совершать беспримерные подвиги. Французские солдаты и русские волонтеры не жалели своих жизней, чтобы остановить врага. Германская армия потеряла у стен Вердена почти шесть-

сот тысяч солдат и офицеров, но так и не смогла овладеть городом.

Александр не говорил о характере войны и о том, какие цели преследовали в ней правительства воюющих государств. Обстановка для этого была слишком неподходящей. Он сделал лишь один совершенно бесспорный вывод: капитуляция Германии явилась следствием совместных героических усилий воинов России и Франции.

Заглянув для формы в полковничью шпалгалку (это заметили и матросы и офицеры), Вапельник добавил:

— Поражение Германии не означает, что у наших народов не осталось общих врагов. Это они, враги русского, французского и других народов, виноваты в том, что вы все еще не получили демобилизационных документов и находитесь в России... Правильно я говорю?— словно ища поддержки, обратился он к командиру корабля.

Не ожидавший вопроса, капитан 1 ранга поперхнулся и, прочистив горло, поспешно изрек:

— Что верно, то верно.

По лицу Александра скользнула чуть заметная лукавая усмешка.

— Знаете ли вы, что происходит в России? — окинув взглядом матросскую массу, спросил Вапельник и, выдержав паузу, пояснил: — Революция расколола русский народ на два лагеря. Вам, вероятно, рассказывали, а это известно и из газет, что низшие сословия России свергли государя-императора, отобрали у богатых владельцев их фабрики, заводы и банки, поделили помещичью землю... Как это называется?

По рядам матросов прошел шумок. До переднего стола долетали лишь отдельные фразы, но и по ним Александр безошибочно определил, что достиг цели.

— Поздно вато за монарха взялись, — переговаривались моряки. — У нас эта рухлядь давно на свалке.

— А кто это «низшие сословия»? — спрашивал у соседа молодой матрос, судя по замызганной обгорелой робе, из кочегаров.

— Ты к ним не относишься, ты у нас известный аристократ, — пошутил сосед. — А вот я и все остальные матросы — из низших сословий.

Александр, искоса поглядывая на командира, терпеливо ждал, когда уляжется шум.

— Прекратить разговоры! — рявкнул коротконогий и, обращаясь к Вапельнику, предложил: — Прошу вас, мосье, продолжайте.

Александр снова заговорил:

— В России нарушены вековые государственные устои. Власть перешла к выборным Советам.

Снова зашелестели матросские ряды.

— Да здравствует демократия! — раздался из задних рядов приглушенный, по-видимому, измененный голос.

Вапельник повернулся к командиру.

— Что происходит на вашем корабле?

Тот и сам не понимал, в чем дело. Но он не хотел, чтобы у гостя осталось нехорошее впечатление. Неровен час, еще доложит начальству. Он сделал неуклюжую попытку свести инцидент к шутке:

— Вы не забыли, мосье, как называется корабль, на котором находитесь?

Вапельник улыбнулся.

— Благодарю матросов за столь темпераментное напоминание.

Он снова выждал, пока утихнет шум, и, то и дело поглядывая в шпаргалку, стал «развивать» тезисы, предложенные штабом командующего сухопутным десантом.

Наблюдая за матросами, Александр видел: факты, которые он доводил до их сведения, вызывали реакцию противоположную той, на какую рассчитывал полковник Рюйэ. Когда беседа подходила к концу, он с полной уверенностью мог сказать, что у матросов есть свое представление о долге, чести и справедливости. И совсем не то, которое стремились им внушить организаторы интервенции. Это чувствовалось и по вопросам, задаваемым матросами.

— Скажите, мосье, кто просил помощи у держав Согласия, народ или аристократы? — поднялся невысокий матрос, когда командир объявил, что можно задавать вопросы.

От других моряков он отличался широкими скулами, узким разрезом глаз и иссиня-черными волосами. «Из Аннама или Кохинхины, — предположил Вапельник. Это было его открытием — на берегу он не встречал моряков из индокитайских колоний Франции. — Надо принять к сведению».

Александр видел, как насторожились и подались вперед моряки, ожидая ответа на «каверзный» вопрос. Как много мог бы он рассказать о том, кто организовал интервенцию, и о тех фиговых листках, которыми французские и английские дипломаты прикрывают планы своих правительств. Но, увы! Он не мог говорить об этом здесь.

— Видите ли, — умышленно замялся Александр, — я не посвящен в секреты дипломатии и не знаю, кто вел переговоры. По-моему, дело совсем не в этом. Ваш командир мог бы рассказать, как горячо приветствовали приход союзников представители краевого правительства Крыма.

— Да, это была трогательная встреча, — вставил капитан 1 ранга и, обращаясь к широкоскулому матросу, добавил: — А тебе, Тхе Зуанг, не советую задавать провокационные вопросы.

Грубый окрик не испугал матроса.

— Я хочу знать правду, — твердо заявил он.

— Правда в том, что ты должен выполнять приказы, — оборвал его командир.

Бестактность офицера вызвала у матросов ропот возмущения. «Рот затыкает... Для него если азиат — значит, не человек», — уловил Александр.

Капитан 1 ранга побагровел, готовый разразиться бранью. Лишь присутствие гостя заставило его сдерживать рвущийся наружу гнев. Он постучал костяшками пальцев по крышке стола, требуя тишины, и оглядел зал:

— Еще есть вопросы?

— Есть, — послышался знакомый голос Фернана Лёза. — Скажите, мосье, как относятся большевики к собственности французских банков на русской земле?

С задних рядов послышался смехок:

— Наш Фернан тоже, оказывается, акционер. Плакали, дружок, твои денежки... Одна радость, что вместе с тобой обанкротится и Ротшильд.

Фернан обернулся и шутливо погрозил задним рядам кулаком:

— Я серьезно спрашиваю, а вы зубоскалите.

— Все предприятия, принадлежащие иностранному капиталу, Советы объявили государственной собственностью, — ответил Вапельник.

И снова в задних рядах послышались шутки в адрес Фернана. А он с самым серьезным видом произнес:

— Вот теперь понятно, с какой целью я нахожусь в России. Жалко, что рядом со мной нет других акционеров.

Капитан 1 ранга нахмурился. Такой поворот разговора пришелся ему не по душе. Он уже собирался предложить гостю «закругляться», когда поднялся матрос — совсем еще юноша, с еле приметными усами.

— Разрешите узнать, — смущаясь и краснея, спросил он, — а в Севастополе есть большевики?

— Вряд ли, — ответил Александр. — Ходят слухи, что когда началось наступление немцев, многие большевики ушли в партизанские отряды и Красную Армию. Остальные накануне занятия города германскими войсками отправились на военных кораблях в Новороссийск, увели с собой всю Черноморскую эскадру. Лишь линкор «Воля» и несколько миноносцев ушли от большевиков. Но в Севастополе они попали в руки немцев.

— Выходит, не большевики помогали Германии, а царские адмиралы, — послышался голос Марселя Лёфевра. — Почему же нам твердят, что большевики — германские шпионы?

— Я говорю только то, что знаю, — развел руками Александр.

Два часа беседы с матросами, потребовавшей огромного напряжения, утомили Вапельника. Он все чаще и чаще прикладывал платок к разгоряченному лбу, а вопросам, казалось, не будет конца. Но он стойко выдержал испытание. Лишь после того, когда командир корабля от имени команды выразил ему горячую благодарность «за весьма и весьма интересную, поучительную лекцию», Александр в изнеможении опустился в кресло.

— Теперь прошу ко мне в каюту, — предложил капитан 1 ранга. — Будьте моим гостем.

Командир корабля не испытывал к русскому особого благорасположения. Но ему во что бы то ни стало хотелось выведать, какое впечатление осталось у того после беседы с матросами. Старый служака, он знал, что самая незначительная мелочь может оказаться губительной для карьеры. «Этот фендрик при случае может наметнуть адмиралу Амэту или Рюйэ, что команда «Демократии» не одобряет вмешательства во внутренние дела России и симпатизирует большевикам. А такое

впечатление у него могло сложиться. Ох уж этот Тхе Зуанг! Да и Фернан Лёз тоже подлил масла в огонь. Радист, оказывается, знает больше, чем следует... В общем, надо прощупать этого волонтера, о чем он будет докладывать полковнику Рюйэ».

Командир предупредительно распахнул перед Вапельником дверь в свою уютную, по-домашнему обжитую каюту и приказал вестовому:

— Бутылку бургундского, коньяк, закуски!

Гость в это время с видом знатока осматривал мебель и отделку каюты.

— Ну-с, как вы находите мой корабль? — обратился капитан к Вапельнику, усадив его на мягкий диван.

— Я уже имел честь заметить: чудо, как хорош, — ответил Александр. — Настоящая морская крепость.

— В мире не так уж много кораблей, которые могут соперничать с «Демократией» в мощи артиллерийского огня и скорости хода, — горделиво произнес каперанг и, как бы между прочим, спросил: — А какого мнения вы об экипаже?

— Что можно сказать после первой встречи? Лучшая характеристика военному моряку — его поведение в боевой обстановке.

— Корабль участвовал во многих сражениях, — прихвастнул капитан 1 ранга. — И я доволен своими матросами.

— Мне они тоже понравились.

— Их поведение во время беседы вас не смутило?

— Отчего же? Они вели себя как истые французы — пытливый, любознательный и немного иронический народ.

Капитан 1 ранга успокоился: гость не станет охавать перед начальством его корабль.

— Вы правы, — бодро изрек он. — Это дети истинной Франции, мой дорогой друг.

Александр едва не рассмеялся. Каперанг так произнес конец фразы, что невольно вспомнилось другое. Слова «дорогой друг» (шер ами) на Руси известны с давних времен. Вапельник мысленно представил себе, как эти слова произносили битые вояки из остатков наполеоновских полчищ, выпрашивая у крестьян съестное. Острые на язык крестьяне тут же переиначили их на свой лад, и пошло, распространилось по земле русской едкое словцо — шаромыжник. Оно как нельзя лучше

прилипает к тем, кто пытается промышлять на чужой счет, плутовать и обманывать. «Вот они, новоявленные шаромыжники, — подумал Вапельник о своем собеседнике и о тех, кто послал его на корабль в надежде сделать своим подручным. — Быть и вам битыми». Но, сохраняя на лице вежливую улыбку, проговорил:

— Искренне рад быть вам полезным.

Потом спросил, понравилась ли командиру корабля беседа, не надо ли посоветовать полковнику Рюйэ внести поправки и уточнения в разработанные им тезисы и план?

— Вы выступали мастерски, — похвалил капитан 1 ранга. — Я напишу вам самый восторженный отзыв. Ничего другого Вапельнику не требовалось.

Было уже около десяти вечера, когда командир корабля наконец отпустил гостя. В сопровождении вахтенного офицера Александр еще раз прошелся по палубе. Побывал он и в радиорубке. Когда лейтенант отлучился, чтобы распорядиться о катере, Вапельник попросил Фернана Лёза при очередном увольнении на берег посетить кафе.

— Есть разговор и кое-какие новости, — сообщил он.

— Буду завтра вечером, — ответил радист.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«ОДЕССКИЙ ВАЛЬС»

Утром Вапельник рассказывал полковнику Рюйэ о беседе на дребноуте.

— Тяжкое бремя взвалили вы на меня. Легче десять раз сходить в атаку, чем один раз выступить перед матросами.

Полковник нахмурился. Он с нетерпением ожидал результатов вчерашней встречи Вапельника с матросами и в глубине души опасался провала своего замысла.

— Командир корабля не дал никакого отзыва о вашем выступлении? — с плохо скрытой тревогой осведомился он.

— Как не дал? Просил сказать, что очень благодарен вам за заботу о поддержании боевого духа моряков и передал письмо. Кстати, где оно?

Вапельник пошарил в карманах.

— Куда же я его дел? Такой продолговатый голубой

конверт. — Потом, вспомнив, хлопнул себя по лбу. — Ф-фу, черт... Сунул на ходу в пальто и забыл. Прошу извинить, сейчас принесу.

Сопровождаемый настороженным взглядом полковника, он вышел в приемную.

Адъютант с кем-то темпераментно спорил по телефону. Он даже не обернулся, зная, что посетитель надолго задержится у шефа. Между тем, Вапельник подошел к вешалке, снял пальто и, на мгновение заслонив рабочий столик, оторвал от лежащей на нем книжки несколько подписанных бланков пропусков. Тотчас они оказались за подкладкой пальто. Александр направился к двери кабинета, на ходу доставая из бокового кармана конверт с отзывом командира корабля.

Хитрость удалась. Хотя риск был и велик, но другой возможности снабдить пропусками подпольщиков Вапельник не видел. «Выругают за легкомыслие и неосторожность, — решил он, — но дело сделано».

— Вот, пожалуйста, — возвратясь, подал он полковнику письмо.

Рюйэ поспешно вскрыл конверт и принялся читать. Вапельник видел, как разгладились морщины на его лице. «Значит, доволен. Что ж, тем лучше», — оценил он обстановку.

— Вы слишком скромничаете, мосье Вапельник, — дочитав до конца, заметил Рюйэ. — Капитан 1 ранга в восторге от вашего выступления. Он сообщает, что беседа помогла оздоровить настроение в экипаже, а кое-кому поставить на место перепутанные кнопки.

— Это, как я заметил, излюбленное выражение командира дредноута.

— Больше вы не заметили ничего?

— Простите, я вас не понял, — вопросительно взглянул на полковника Вапельник.

— Я имею в виду ваше впечатление о настроениях матросов. Свежий глаз всегда видит больше.

— Боюсь, тут я окажусь не на высоте. Сказывается привычка судить о людях по тому, что они сами говорят о себе. А ведь мысли не прочтешь.

— Святая наивность! — воскликнул полковник. — Мысли надо уметь читать. Это — наша профессия.

— Вы хотели сказать — ваша. Я же слишком далек от таких сложных вещей.

— И тем не менее, — настаивал полковник, — вы,

вероятно, все же обратили внимание на поведение команды.

— Могу сказать лишь то, что многие матросы имеют весьма превратное представление о русских делах. В остальном — все они милые веселые простаки.

— Вы изволили сказать о превратном представлении, — с расстановкой произнес Рюйэ. — Пожалуй, так оно и есть.

Он придвинул к Вапельнику полированную, черного дерева коробку с сигарами.

— Прошу.

Закурили.

— Вам я могу сказать, — доверительным тоном вновь заговорил полковник. — В самой Франции есть немало противников нашего похода в Россию, а некоторые депутаты парламента, вроде социалиста Кашена, призывают признать Советы как законную государственную власть, то есть смириться с большевиками. Будь моя воля, я бы разделался с этими парламентскими говорунами.

Продолжая откровенничать, Рюйэ рассказал о своих дальнейших планах борьбы с большевистской пропагандой, о том, что в ближайшее время с помощью краевого правительства интервенты начнут выпускать для солдат и матросов бюллетень «Русские новости». Из Одессы его друг генерал д'Ансельм будет регулярно высылать часть тиража газеты «Франс».

— Вот это — размах! — приняв к сведению сообщение полковника, насколько смог артистичнее произнес Вапельник. — Не то что беседа какого-то волонтера.

— Не умаляйте своей роли, — поспешил вставить полковник. — Живой разговор скорее доходит до сердца и разума. Вам предстоит еще немало выступлений. На очереди — сто семьдесят пятый пехотный полк. Желательно, чтобы вы побывали во всех его подразделениях.

— Что делать? — вздохнул Вапельник. — Как говорят русские, взялся за гуж — не говори, что не дюж.

— Вот и отлично! Поговорка характеризует вас как человека долга.

Продолжая сохранять непринужденность, Александр сосредоточенно ловил момент, когда можно сделать попытку перевести разговор на другую тему. Инструкция подпольного горкома обязывала его более осмотрительно вести эту двойную игру. Татьяна также переда-

ла совет одесских товарищей — не играть в бескорыстного «патриота страждущего отечества». Вапельник и сам отлично понимал, что люди, с которыми его свела судьба, далеки от бескорыстия и верят только в чистоган. Среди них «своим» может оказаться лишь делец, преследующий во всем собственную выгоду. Для них патриотизм, долг, бескорыстие — всего-навсего ничего не значащие понятия, за которыми скрыто все то же пресловутое шаромыжничество.

Сочтя момент подходящим, Александр решил действовать.

— Долг обязывает нас идти на любые жертвы, — высокопарно произнес он, поудобней усаживаясь в кресле. — Но, посудите сами, могу ли я в такое трудное время забросить свои дела?

— Простите, — понял его с полуслова Рюйэ, — я, по правде говоря, совершенно упустил из виду, что вы уже не военный и что у вас есть деловые заботы.

— Вот именно, — печально промолвил Вапельник. — В наше трудное время снабжение кафе требует постоянных отлучек и поездок с целью раздобыть хоть что-нибудь. И увя, не всегда это удастся.

— Не тревожьтесь. Вы имеете дело с солидной фирмой, — ободряюще прервал собеседника Рюйэ. — Немедленно дам соответствующее распоряжение интенданту. В чем вы нуждаетесь? В моих складах найдете все необходимое вашему заведению.

— Смею ли вас тревожить? — делая вид, что безмерно обрадован щедростью Рюйэ, воскликнул Вапельник. — Моему кафе нужно совсем немного.

Он достал записную книжку, давая понять, что разговор пришелся не к слову, а заранее продуман.

— У меня тут все записано. Больше, чем нужно, не запрашу.

— Обо всем поставьте в известность моего адъютанта, — отодвинул ст себя записную книжку полковник. — Он обеспечит вас всем необходимым.

— Тогда я спокоен. Премного благодарен.

Все последующие дни у Вапельника были расписаны по часам.

В казармах флотского экипажа, где размещался прибывший из Салоник пехотный полк, его встречали настороженно. Однако умение вести беседу, заставляя людей думать, мало-помалу располагали слушателей к

русскому гостю. К тому же солдаты почти три года находились вдали от родины. Они с жадным вниманием слушали рассказы волонтера о Франции. Если поблизости не оказывалось командиров, разговор неизбежно сводился к одному: когда же домой?

Вапельник приглядывался к солдатам, стараясь найти и запомнить тех, на кого можно положиться. Он незаметно для слушателей подводил беседы к самым наиболее важным вопросам, но отвечал на них уклончиво, предоставляя солдатам думать самим. Впрочем, многие ответы солдаты находили в листовках, которые все чаще и чаще стали появляться в казармах.

— Где же правда? — спросили как-то Вапельника в пулеметной роте. — Офицеры твердят, что слово «большевик» происходит от немецкого «боши», что большевики — это германские шпионы. А нам попалась прокламация, где говорится, что все это вранье. Большевизм, оказывается, означает власть рабочих и крестьян. Большевики — это люди, которые борются против капитала, за создание социалистического общества. Кому же верить? Конечно, вы сумеете сохранить в тайне, что мы прочли прокламацию?

— Разумеется, — ответил Александр. — Что же касается ваших сомнений, то тут я, пожалуй, плохой советчик. Вот почему-то вспомнилась старая восточная притча, которая, может быть, подскажет вам, кому верить.

— Расскажите, — послышались голоса.

Александр начал:

— Как-то спросили у одного мудреца: «Скажи, учитель, какое расстояние между правдой и ложью?». Мудрец положил ладонь между глазом и ухом и ответил: «Всего лишь ширина ладони». Поняли его не все. «Ты глумишься над нами и оскорбляешь правду!» — вскричали спрашивающие. «Я сказал истину, или пусть меня покарает аллах, — ответил мудрец. — Правда — это то, что вы видите. А то, о чем слышите, лишь тогда становится правдой, когда вы сами проверите это».

Пулеметчики переглянулись. Притча заставила их задуматься.

— Мудрец прав, — рассуждал вслух солдат с орлиным профилем наполеоновского маршала Мюрата. — Чтобы не остаться в дураках, я последую совету этого правоверного.

— Ты не одинок, Фрашолe, — поддержал его пулеметчик с нашивками за ранения. — У меня такое же намерение.

Вапельник мог поздравить себя с удачей. Именно этого он и хотел добиться.

В тот же день случай снова свел Александра с пулеметчиком, похожим на Мюрата. Солдат отпросился навестить служившего при штабе земляка и догнал бывшего волонтера недалеко от трамвайной остановки.

— Нам не по пути? — замедлив шаг, спросил он. — Мне на Екатерининскую, но я плохо ориентируюсь в вашем городе.

— Считай, что тебе повезло, — пошутил Вапельник. — Я тоже топаю в ту сторону.

Шли, обмениваясь ничего не значащими фразами, пока Александр не обмолвился, что работал в Париже модельером в фирме «Женни».

— Так ведь я тоже парижанин и тоже портной! — обрадованно воскликнул Фрашолe. — И фирму твою знаю. Вся парижская знать в ее клиентуре.

Выяснилось, что оба состояли в одном и том же профсоюзе. Вспомнили общих знакомых. Когда подошли к штабу, Фрашолe ни за что не хотел отпустить собрата по профессии.

— Зайдем к моему земляку, — тянул он Александрa за рукав. — Капрал Ле Гофф не меньше меня обрадуется встрече с тобой.

— Вы лучше приходите в кафе, — пригласил Вапельник. — Там обстановка более располагает к дружескому разговору.

— Верно, — согласился Фрашолe. — Придем сейчас же. Вспомним доброе мирное время, Париж, друзей.

Менее чем через полчаса Антуан Фрашолe входил в кафе вместе с невысоким, крепким в кости капралом.

— Привет земляку и коллеге, — не дожидаясь, когда пулеметчик представит его, подал руку капрал. — Так вот ты какой, знаменитый мастер и герой Франции.

Капрал держался непринужденно. В нем угадывался бесшабашный весельчак и заводила.

— Хорошее у тебя заведение, — осмотрев кафе, похвалил он. — Все как на корабле. Но почему ты ударился в коммерцию? Твоим рукам цены нет, а ты занимаешься черт знает чем. Я бы на твоём месте давно открыл хороший салон.

— Для кого? — остановил его вопросом Александр. — Не видишь разве, что у нас происходит?

— Что бы ни происходило, у такого мастера, как ты, всегда найдутся заказчицы.

— Заказчицы, может, и найдутся: перелицовывать старые кринолины. Но это не для меня. Вот кончится война, тогда снова займусь своим делом.

— Смотри, тебе виднее, — согласился капрал. — Может, действительно теперь не время думать о модном салоне. В стране-то сущий бедлам.

— Не «бедлам», а гражданская война, — поправил его Антуан Фрашол. Но тут же спохватился и с тревогой оглянулся на Александра, словно вопрошая, можно ли при нем говорить откровенно? Тот сделал вид, что разговор друзей его не касается.

— Ты как всегда преувеличиваешь, Антуан. В России анархия, а это пострашней гражданской войны. Иначе наше правительство не стало бы посылать сюда свои войска.

— Блажен, кто верует, — рассмеялся Фрашол. — У вас в штабной команде все такие?

Он снова покосился на Вапельника.

— Пусть только этот разговор останется между нами. Я полагаю, что в России произошла революция, и свергнутые классы пытаются вернуть свою власть. Это и есть гражданская война. Нас же пригнали сюда, чтобы мы помогли капиталу подавить революцию, отобрать у пролетариата завоеванную свободу. Ты ведь знаешь историю... Разве не так была подавлена Парижская коммуна? Тогда палач Адольф Тьер расправился с рабочими при помощи прусских наемников. Теперь французская армия пришла на помощь российскому Тьеру — Деникину.

— Тоже сравнил! — возразил капрал. — Не иначе как начитался тех листовок, из-за которых солдаты штабной команды каждое утро как угорелые бегают по городу. Не успеют соскоблить одни, как появляются другие.

— Кроме листовок, есть еще и глаза, чтобы видеть, — запальчиво продолжал Фрашол. — Послушай, какую притчу рассказал в нашей роте мосье Александр.

Он пересказал приятелю слышанное, но со своими комментариями.

— Антуан многое добавил от себя, — уточнил Ва-

пельник. — Солдаты спрашивали, как отличить правду от лжи, вот я и вспомнил эту притчу.

— Мне она тоже по душе, — заметил капрал. — только не пойму, какое отношение имеет эта притча к нашему спору.

— А ты подумай, — настаивал Антуан. — Что тебе едабливают в башку офицеры? В России, мол, развал, анархия. Так ведь?

— Но это известно и без офицеров.

— От кого известно? Из газет? А кому они принадлежат? Таким же капиталистам, как и российские, у которых большевики отобрали богатства.

— Выходит, всюду только ложь и обман? — растерянно произнес обескураженный Ле Гофф.

— Не всюду, — похлопал его по плечу пулеметчик. — Ты сделай, как советовал мудрец, и увидишь правду, поймешь, что не русскому народу помогают союзники, а российскому капиталу. Народ, на помощь которому мы пришли, создал Красную Армию и с оружием отбивается от нашей помощи. Пойми, вся нация идет за большевиками. Деникину верны только офицеры. Что касается мобилизованных, то они ждут случая, чтобы улизнуть домой или повернуть оружие против командиров.

Ле Гофф молча катал по столу хлебный мякиш.

— Черт те что делается, — вздохнул он наконец. — Никому нельзя верить. Прав восточный мудрец: пока сам не проверишь, правды не узнаешь.

Антуан улыбнулся и заговорщически подмигнул Вапельнику:

— Во, видал, какие мыслительные способности у моего друга Мориса? Так всегда. До всего любит дойти своим умом.

— Прости меня, — ответил Вапельник, — я не очень внимательно прислушиваюсь к вашему спору и не знаю, до чего вы договорились. Да и вообще не люблю за столом разговоров о политике. Расскажите лучше, что пишут из Франции, как налаживается послевоенная жизнь.

Два обстоятельства побудили его перевести разговор на другую тему: во-первых, ему стало ясно, что Фрашолле вполне подготовлен к тому, чтобы привлечь его к работе, к Ле Гоффу же еще следовало присмотреться. Во-вторых, этого требовали и соображения конспирации.

Условия подполья вынуждали к осторожности. Чем черт не шутит, вдруг и среди солдат окажутся тайные осведомители контрразведки или провокаторы.

Основания для тревоги у Вапельника были. Ему доверяли, и он знал, что командование лихорадочно изобретает методы обнаружения каналов, по которым листовки и газеты проникают в солдатские казармы и матросские кубрики. Командир полка даже недвусмысленно предложил Вапельнику оказать помощь в выявлении «разносчиков большевистской заразы».

— У меня в сейфе скопилось несколько десятков листовок, — поведал он. — Вот и сегодня один благонадежный солдат из второго батальона принес несколько штук. Представьте, их читают... А подписывает эти листовки сам Ленин. Боюсь, как бы мне не растерять солдат. Начитаются, а потом, сами знаете, что может произойти.

Вапельнику ничего не оставалось, как дать обещание поговорить с солдатами по поводу листовок.

Вспоминая это, он смотрел на Фрашолу. Порывистый, резкий в суждениях, пулеметчик внушал доверие. Нет, такой не может быть провокатором. С ним следует поговорить.

Когда друзья собрались уходить, Вапельник вызвался пройти с ними. Ле Гофф остался в штабе на Екатерининской улице, и Александр воспользовался этим.

— Насколько я понял, ты против войны с пролетариатом России. Это так? — спросил Вапельник.

Антуан остановился.

— Я, кажется, зря спорил с Морисом в твоём присутствии, — с тревогой сказал он. — Дернула же меня нелегкая! Знал ведь, что ты вхож и к командиру полка и к самому командующему.

— Ты что всполошился? Я по-дружески спрашиваю, не для доноса, — успокоил его Александр. — В ищейки не гожусь, хотя меня и просили взять на себя эту неблагоприятную роль.

— Тогда зачем задаешь такие вопросы?

— Потому что вижу в тебе единомышленника.

— Ты? Во мне?

— Чему удивляешься? Так же, как и ты, я считаю, что французские рабочие и крестьяне не должны помогать капиталу в борьбе против российского пролетариата.

та. Но для этого надо заниматься не спорами в кафе, а действовать.

— Каким образом? — вырвалось у Фрашолле.

— Об этом еще поговорим. Пока вот тебе несколько номеров газеты «Третий Интернационал». В них найдешь ответы на многие вопросы. Только помни, среди солдат есть доносчики. Не попади впросак. Ваш полковой командир землю роет, чтобы узнать, кто приносит в казармы газеты и прокламации.

— От пулеметчиков не дожидается предательства, — заверил Фрашолле. — Не одну листовку прочитали вслух, и никто, кроме солдат, не знает об этом.

— Вот таких людей и собирай вокруг себя, помоги им узнать правду о пролетарской революции в России. Ты умеешь неплохо делать это. С Ле Гоффом говорил как заправский агитатор.

— Морис хоть и тугодум, но хороший парень, — сказал Антуан. — На него можно положиться.

— Поживем — увидим, — неопределенно ответил Вапельник и, поглядев на часы, спохватился: — Ого, твоё время на исходе, как бы не опоздал.

Расстались. На следующий день встретились вновь. Антуан появился в кафе с множеством новых вопросов.

Его визиты стали повторяться почти ежедневно.

Вскоре Вапельник привлек к работе и Мориса Ле Гоффа. Помог этому... «Одесский вальс». Его текст принес Александру Фернан Лёз.

— Посмотри, какую песню отстукал из Одессы мой товарищ по радиошколе. Говорит, записал у какого-то сапера в одесском кабачке.

Александр вначале отмахнулся. Мало ли, какие песни поют по кабачкам французские солдаты.

— Не до песен сейчас. Когда гремит оружие, музы молчат.

— И все-таки почитай, — настаивал радист. — Потом спасибо скажешь.

Чтобы не обидеть матроса, Александр пробежал глазами первое восьмистишие и припев.

— Обыкновенные солдатские стишки, навеянные тоской по дому, — высказал он Фернану свое мнение.

— Ты читай до конца, — упорствовал тот, потом с досадой махнул рукой и взял у Вапельника лист с текстом песни. — Вот, послушай... Хотя нет, дай гитару, я лучше спою.

Александр сходил наверх за гитарой и уткнулся в бумаги, которые разбирал перед приходом Фернана. Матрос взял несколько аккордов, подтянул струны и, вот уже зазвучала мелодия популярного во Франции вальса военных лет.

Вначале Фернан напевал вполголоса, и Александр плохо разбирал слова. Но голос певца креп, набирал силу. Песня рассказывала о ласковом и тихом вечере, когда кончилась война, и солдаты тешили себя мечтой «увидеть Францию родную, скорей отправиться домой». Никто не думал, что нагрянет новая беда — злая сила, которая вместо Франции погонит их в Россию.

В песне слышалась запоздалая горечь:

И злоба овладела нами,
И каждый бодрость потерял,
Но — хоть махали кулаками —
Никто с оружием не восстал.

Припев был полон грусти:

Снова вечера час,
Но надежда от нас
Отлетела.
И мечта, что в сердца
Билась нам без конца,
Догорела.
Мы судьбу, озверев,
Кляли жарко, и гнев
Встал волною.
Гнев на жадных дельцов —
Подлой бойни творцов
И разбоя.

Александр с удивлением вслушивался в слова песни. В ней говорилось, что теперь солдаты поняли, в какое братоубийственное дело бросили их «жрецы барыша», что они не только не пойдут в бой против большевиков, но братски подадут им руки.

Песня звучала как предвестие грозы, которая разразится над теми, кто торгует солдатами и наживается на их горьких муках. Она предупреждала «творцов» подлой бойни и разбоя о близкой расплате, час которой будет жарок, и вселяла в сердца солдат надежду на скорое возвращение домой и желанное освобождение.

— Ну, что скажешь о песне? — спросил Фернан, когда отзвучал последний аккорд. — Какой афоризм вспомнишь теперь?

— Музы могут заставить оружие не греметь, — пере-

фразировал Александр известное изречение. — Надо сделать так, чтобы все солдаты знали и пели эту песню.

— Это не по моей части, — поднял руки Фернан. — Передай ее тем, кто печатает газету и листовки.

Всю ночь Александр провел в своей «скоропечатне» на Базарной улице. Он сумел отпечатать более ста листовок с текстом песни. Из них десятка три утром удалось переправить на корабли, а остаток тиража помощники Вапельника из Союза рабочей молодежи роздали гуляющим в городе по случаю воскресенья солдатам.

Прошло всего несколько дней, и Александр вновь слышал эту песню. Он зашел в клуб железнодорожников, будучи уверенным, что встретит французских солдат. Еще в гардеробной он слышал мелодию популярного французского вальса и приглушенные расстоянием слова знакомой песни. Вапельник поспешил в зал и не поверил своим глазам. У старого рояля на низенькой импровизированной сцене стоял капрал Ле Гофф. Одной рукой он опирался на крышку рояля, а другой рубил воздух, отбивая такт. В зале в вихре вальса кружились пары, и капрал властвовал над ними.

— О чем он поет? — обратился к Вапельнику старик-железнодорожник, прижимаясь со своим стулом поближе к стене. — У меня внучка вон танцует, не ровен час, играют что-нибудь охальное.

— Не тревожься, дед, песня самая что ни на есть подходящая, — успокоил его Александр. — Слушай, буду переводить.

Капрал чистым и звонким голосом, легко беря высокие ноты, пел:

С офицерней осатанелой
Французских бросили солдат
В братоубийственное дело...
Ведь большевик солдату брат.

Старик недоверчиво покосился на соседа. А тот уже переводил припев, который подхватили и другие солдаты, стоявшие возле сцены:

Вы жрецы барыша,
Чья наживой душа
Отравилась!
Нас угодно ль сменить
И самим послужить,
Ваша милость?
А солдат на войне

Нахлебался вполне
Горькой муки.
Нет — мы в бой не пойдем,
Братски мы подаем
Братьям руки.

— Гляди-ко, — дивился дед, — хоть и басурмане, а тоже, выходит, знают душевные слова.

Капрал, увидев сидящего в зале Александра, пел, не сводя с него глаз:

Потерпим же беду, ребята,
Свободы час не за горой,
И помолчим — близка расплата,
Мы скоро двинемся домой.
Да, час расчета будет жарок,
Мы в этот час припомним все,
Мы привезем с собой подарок
Пуанкаре и Клемансо.

Припев снова подхватили десятки голосов:

Этот скромный припев,
Наше мщенье и гнев, —
Мы с охотой
Вам споем, господа,
Всем, кто жил без труда
Нашим потом.
Мы каштаны не раз
Добывали для вас
И отчасти
Лишь оплатим должок
Вам, забивши их в срок
В ваши пасти!*

Кроме солдат, да, может, некоторых гимназистов, вряд ли кто знал французский, но певцу аплодировали все. И громче всех старик-железнодорожник.

— Их начальство не того, не заарестует за такую песню? — покачал он головой. — Начальство-то оно того, не очень уважает правду.

— Не знаю, что и сказать, дедушка, — ответил озабоченный Александр. — Зря они смелость свою со сцены показывают.

Он поднялся и вышел в гардеробную, рассчитывая перехватить Мориса. Но тот, видимо, опасаясь патрулей, ушел со своими друзьями через запасной выход.

---

* Перевод Бориса Лавренева.

Встреча состоялась через день. Морис сам пришел к Вапельнику.

— Скажи только, откуда в твоём репертуаре такая песня? — осведомился Александр. — Помнится, ты ее раньше не пел.

— Ты что, с луны свалился? — удивился тот. — Да этот вальс весь гарнизон знает.

— Пусть даже вся французская армия. Тебе же не рекомендую устраивать подобные публичные выступления. Есть дела поважнее... Вот почитай воззвание капитана Жака Садуля. Там об этом хорошо сказано. Дам тебе несколько экземпляров и для твоих товарищей. И еще газету «Третий Интернационал». Когда прочитаешь, поговорим подробнее.

Капрал широко раскрытыми глазами смотрел на хозяина кафе.

— Боишься? — не понял его взгляда Александр.

— Ты же видел, какой я пугливый, — обиделся Ле Гофф. — Я вспомнил наш первый разговор. Теперь кое-что понимаю. Скажу одно: капрал Ле Гофф не подкачет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ШПИКИ ИДУТ ПО СЛЕДУ

Что ни день, то новые и новые помощники появлялись у Александра Вапельника. Многих из них он даже не знал в лицо. Обзаведясь надежными посредниками, он направлял деятельность групп и ячеек друзей русской революции через связных, инструктировал руководителей, обеспечивал их литературой.

С каждой оказией из Одессы прибывали посылки с газетами и листовками. Их не хватало, и Александр просиживал ночи напролет в «скоропечатне», размножая наиболее важные документы. Вовсю работала и подпольная типография Саввы Судитова.

С одним из связных Таня передала записку: «Саша, родной, я так волнуюсь. Будь осторожен».

Александр улыбнулся. Стоит ли переживать и чего-то пугаться, когда все идет так хорошо? Работа среди иностранных моряков и солдат налажена. Он пользуется доверием командования... Нет, беспокоиться не следует. Французской контрразведке и военной полиции

подпольная организация севастопольских большевиков оказалась не по зубам. Это отлично понимал и полковник Рюйэ, который поручил «использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для подавления нежелательных державам Согласия организаций».

Меньшевистская, кадетская и эсеровская печать с тревогой сообщали читателям о «злодеяниях» большевистских агентов. В «Вольном юге» и «Прибое» одновременно появилась заметка об обстреле неизвестными лицами штаба главнокомандующего. То ли она была написана одной рукой, то ли ее продиктовали газетчикам в штабе союзных войск, но в обеих газетах заметки выглядели близнецами.

Вапелъник с интересом прочел информацию в «Вольном юге» о событиях на крейсере «Надежда». Уж кто-кто, а он знал, каких усилий стоило связаться с командой этого корабля, передать на него литературу.

В корреспонденции говорилось:

«Вследствие агитации среди экипажа болгарского крейсера «Надежда», матросы потребовали немедленной отправки их на родину. Командир корабля, снесшись по этому вопросу с английским командованием, заявил, что по приказанию английского командования матросы должны остаться на местах. Во время объяснения матросов с командиром, последний был убит. После этого союзное командование решило отправить крейсер в Варну»*.

---

* Восстание на болгарском крейсере «Надежда» — одно из первых революционных выступлений иностранных моряков в России.

Крейсер прибыл в Севастополь на ремонт в сентябре 1918 г. в период немецкой оккупации. Ремонтировали его русские рабочие. От них моряки узнали о В. И. Ленине, правду о пролетарской революции. Вскоре до них дошла весть и о революции в Болгарии, о вторжении в их страну иностранных интервентов. Когда англо-французская эскадра прибыла в Севастополь, командир корабля приказал поднять вместо болгарского английский флаг. Это и послужило причиной восстания. Руководство кораблем перешло в руки революционного комитета во главе с португез-юнкером Спасом Спасовым. Комитет установил связь с подпольной большевистской организацией Севастополя. В ночь на 15 декабря моряки намеревались покинуть крейсер, чтобы уйти в горы, к партизанам. Но предатели помешали осуществлению этого плана. Между матросами и офицерами произошла кровопролитная схватка. Командующий английской эскадрой направил на корабль отряд военной полиции. Матросы, пытавшиеся оставить крейсер, были арестованы и переданы в руки болгарских военных властей.

Газетные сообщения о враждебных акциях в отношении оккупантов и их прихлебателей следовали одно за другим:

«На пост городской дружины, охранявшей тюрьму, было произведено со стороны задней стены тюремной ограды нападение нескольких лиц, вооруженных винтовками». («Прибой»).

«Обстрелян поезд с боевыми припасами для добровольцев, отправляемый в Симферополь. Задержать стрелявших не удалось...» («Вольный юг»).

«В городе расклеены большевистские прокламации, призывающие рабочих Крыма к вооруженной борьбе против союзников и добровольцев». («Вольный юг»).

«В городе в большом количестве распространяются газеты и прокламации на французском языке, обращенные к французским солдатам. Подписаны они «Партия коммунистов-большевиков Крыма и Украины». («Южные ведомости»).

О том же сообщали «Таврический голос», «Крымская речь» и выходящая на русском и французском языках газета «Возрождение России», издание которой на деньги махровых монархистов предпринял бывший царский посол в Константинополе Чарыков.

Но в прессу, разумеется, проникало далеко не все. Репортеры легальных газет хотя и поддерживали тесный контакт с Освагом (осведомительным бюро «добровольческой» армии), узнавали лишь то, чего нельзя скрыть. А для «внутреннего осведомления» у белогвардейцев были другие сообщения:

«Деятельность большевиков принимает все большие размеры... В Севастополе выступления против чинов добровольческой армии и союзников принимают все более определенные формы. Ежедневно обстреливаются патрули и здания военных учреждений добровольческой армии. Большевики работают все интенсивнее, готовясь к вооруженному выступлению. Население продолжает вооружаться, получая оружие через рабочие дружины. Настроение их крайне большевистское...

Вообще большевистская агитация, против которой не принимаются никакие меры, создает такие условия, при которых вся агитационная работа в пользу добровольческой армии становится не-

возможна...» (Из донесения исполняющего обязанности начальника Освага штабс-капитана Пацановского).

«Совет профсоюзов в Севастополе вынес резолюцию протеста против объявленной правительством мобилизации с зачислением в добармию». («Из рапорта полковника Туган-Барановского — «за начштаба» Крымско-Азовской армии»).

«Мобилизация проходит крайне вяло. Подлежащие мобилизации делают все, чтобы ее избежать... В Симферополе из 1037 человек, подлежащих мобилизации, с большим трудом мобилизовано 150 человек. В Севастополе в первый день мобилизации пришел на призывной пункт всего 31 человек, и то явились только те, которые надеялись, что их по состоянию здоровья в армию не мобилизуют. Так и получилось: 25 человек оказались негодными». (Из сводки контрразведки).

«Общее положение остается напряженным. Из Севастополя сообщают о ведущейся среди французских команд большевистской агитации. Агитаторы, несмотря на приказы, не задерживаются. Правительство для борьбы с этой агитацией выпускает бюллетени на английском и французском языках». (Из рапорта деникинского генерал-лейтенанта Пархомова).

Кроме бюллетеней на французском и английском языках, краевое правительство использовало и другие, более действенные, с его точки зрения, средства для борьбы с большевиками. Громогласно объявивший себя «самым демократическим премьером самого демократического правительства» Соломон Крым образовал при себе «особое совещание» с функциями тайной полиции. Вслед за этим было принято специальное постановление «О наказании лиц, враждебно относящихся к союзным войскам». По этому постановлению любой гражданин, заподозренный в «недоброжелательности» к интервентам, предавался военно-полевому суду. В то же время министр внутренних дел издал приказ об уголовной ответственности лиц, призывающих к ниспровержению «законной власти».

Опорой краевого правительства, его агентами и папачами стали белогвардейцы. В борьбе против большевиков они не гнушались ничем. В конце декабря на ра-

бочих обрушились полавальные обыски и облавы, массовые аресты, изуверские пытки, безсудные расстрелы и казни. Расправу над силой, оказавшейся не по зубам французской контрразведке, взяла на себя контрразведка денкинской.

В телеграмме белогвардейского Освага 31 декабря 1918 года сообщалось:

«Среди офицеров местного гарнизона добармии замечаются две группы: одна группа стоит на точке зрения беспощадного истребления большевиков, отвергая в деле истребления всякие проволочки, как, например, хотя бы военно-полевой суд, причем сумма преступлений каждого отдельного лица, обвиняемого в большевизме, не имеет никакого значения, так как в этом случае рассуждения ясны: если он (пойманный большевик) не совершил особых преступлений, то мог бы совершить. Другая группа, не отвергая необходимости искоренения настоящего большевизма, в каком бы виде он ни проявлялся, придерживается того положения, при котором скоропалительные и потому ошибочные и неразумные действия не имели бы места. Офицеры этой группы стоят за то, чтобы в каждом отдельном случае обвинения в большевизме выслушивали не только обвинители, но и защита, и только взвесив все «за» и «против», выносили тот или иной приговор».

Между тем эсеровские и меньшевистские газетенки продолжали всю трубить о борьбе с большевизмом. Из них самый непосвященный читатель узнавал о методах этой борьбы, применяемых белогвардейским офицером. Так, «Вольный юг», захлебываясь от восторга, уведомлял, что агенты контрразведки «отвели рабочего Ивана Голубовича к воротам угольного склада и расстреляли его за то, что он распространял на вокзале большевистские прокламации».

«Прибой» извещал, что «на расстоянии 4—5 шагов при попытке к бегству расстрелян добровольцами арестованный матрос Николай Ящук».

Подобными сообщениями «демократические» органы печати запугивали обывателей.

Подпольные партийные ячейки продолжали свое дело. На место убитых приходили десятки других. Большевистская организация Севастополя росла и наносила

ощутимые удары по врагу. Ржанникову, Назукину, Алому и Вапельнику удалось не только сохранить, но и укрепить подпольные партийные ячейки. Прудников—делопроизводитель полиции полковника Маркова, который в свое время сообщил о предстоящем аресте Котнера,—по настоянию горкома перешел на службу в деникинскую контрразведку. Его информация давала подпольщикам возможность вовремя выводить партийные ячейки из-под удара.

Но, к сожалению, Прудников знал не все.

...Шел к концу пятый день нового, 1919 года, канун крещенья. Вечером Вапельник должен был докладывать подпольному горкому партии о деятельности созданной им «французской секции». Готовясь к отчету, он старался вспомнить все основное. За несколько недель сделано немало. В 175-м полку, на двух дредноутах, крейсере «Жюстис» и двух вспомогательных судах созданы хорошо законспирированные ячейки друзей революции. В казармах и на кораблях распространено более десяти тысяч экземпляров большевистских изданий. Многие солдаты и матросы открыто сочувствуют Советской власти и есть реальная возможность помешать союзному командованию использовать их в боях против наступающей с севера Красной Армии.

Занятый своими мыслями, Вапельник вышел из кафе, совершенно не думая о возможной опасности. На этот раз подпольщики договорились встретиться на квартире железнодорожника Андрея Мазура. Александр, не торопясь, дошел до трамвайной остановки. Он уже поставил ногу на ступеньку передней площадки вагона, как внезапно почувствовал чей-то сверлящий спину, цепкий взгляд.

Вапельник не раз убеждался в способности людей ощущать, когда на них смотрят слишком пристально. И на этот раз его преследовала мысль, что взгляд, устремленный ему в спину, был не случайным. Чтобы рассеять опасения, он решил проехать по кольцу. Если за ним на самом деле установлена слежка, филера нетрудно будет приметить среди постоянно обновляющейся толпы пассажиров.

Александр внимательно приглядывался к попутчикам и к концу маршрута удостоверился, что среди них не осталось ни одного, севшего одновременно с ним на Екатерининской. И все-таки он не решался идти к Ма-

зуру. Проехав еще две-три остановки, вышел из вагона и направился в гастрономический магазин. Через несколько минут он вновь сел в трамвай и доехал до тихой малолюдной улочки. Пройдя метров двести, выбрал удобный случай, споткнулся и выронил трость. Наклоняясь за ней, Александр мгновенно глянул из-под руки назад. Шедший за ним человек сбился с ноги и затоптался нерешительно на месте, словно собираясь повернуть обратно. Сомнений не оставалось. За Вапельником тянулся «хвост». Но почему же он не обнаружил слежки в трамвае? Видимо, шпики контрразведки «передавали» наблюдение за ним по этапам. Этот прием подпольщик уже знал. Знал он и то, что «передача» ведется лишь в особых случаях, когда филеры готовятся наглухо захлопнуть ловушку. Теперь они уже не выпустят его.

Мысль работала с лихорадочной быстротой. О том, чтобы идти на заседание горкома, не могло быть и речи — не хватало еще навести филеров на след товарищей. А шпики, по всей вероятности, только и рассчитывали на это. Потому они и не арестовывали его, хотя могли взять и дома, и на улице. Им хотелось большего — одним махом накрыть всю организацию.

Стало быть, сейчас самое главное сбить контрразведчиков со следа. Но как они приняхались? Александр терялся в догадках. Вспомнилось, как несколько дней назад Иван Ржанников посоветовал остерегаться Войчака.

— В чем дело? — удивился Александр.

— Видишь ли, — уклончиво ответил Иван, — прямых улик у нас нет. Однако ходят слухи, что Войчак пристрастился к кокаину. Михаил Алый несколько раз встречал его в кафе «Эрзерум» с завзятыми наркоманами. Видели его и в обществе медицинской сестры из белогвардейского госпиталя. Это вызывает тревогу. Сейчас белогвардейская контрразведка обрастает щупальцами, а такие, как Войчак, для нее находка.

— Не через край ли хватаешь? — усомнился Вапельник. — Войчак причастен к нашему подпольному арсеналу. Парень он вроде надежный.

— И все-таки следует его проверить, — неопределенно произнес Ржанников. — Предупреди Ходоса и Полякова, чтобы временно воздержались от поручений Войчаку.

«Может, Войчак и навел ищейку на след? — снова и снова спрашивал себя Вапельник. — Допустим, не он,

тогда кто? Если провокатору удалось пробраться в горком, контрразведка не стала бы устраивать такую слежку». Значит, врагам известно немногое. Поэтому они и рыщут по следу. О заседании знают лишь Ржанников, Алий, Назукин да хозяин квартиры.

На душе стало легче.

Если Войчак предал, то под угрозой лишь он, Поляков и Ходос. Следовательно, надо самому принимать решение, оторваться от преследования, предупредить товарищей. Легче всего пристрелить филера и уйти через какой-нибудь проходной двор. Благо, он прихватил с собой пистолет — подарок немецкого матроса-спартаковца. Но что это даст? Враги наверняка выследили его, знают о конспиративном помещении, в котором находится «скоропечатня». Ее никак нельзя оставлять контрразведчикам.

Чувствуя за спиной цепкий взгляд преследователя, Вапельник свернул в боковую улочку и зашагал по направлению к рынку.

Наступило удивительное спокойствие, свойственное человеку, который сумел принять окончательное решение и перестал терзаться неведением. Вапельник больше не считал себя преследуемым. Пусть филер думает, что он крадется за жертвой — сам попадет в западню.

Возле Народного дома Вапельник еще раз оглянулся и спокойно открыл калитку. Сквозь щель в воротах он бидел, как заметался шпик. Показалось, что он узнал преследователя в лицо. Тот был поразительно похож на неприятного попутчика, с которым он ехал из Феодосии в Севастополь.

«Но ведь ребята рассказывали, что отправили его на корм рыбам, — мелькнула мысль. — Выходит, выплыл... Верно сказано, что дерьмо не тонет».

Шпик нерешительно топтался на противоположной стороне улицы.

Александр действовал хладнокровно и расчетливо. Чутье подсказывало ему, что филер уже не уйдет от флигеля. Выбирая это помещение, Вапельник руководствовался правилом: «Наступая, знай, куда отступать». Расположение флигеля давало возможность подготовить тайный запасной выход на боковую улицу. Его Вапельник сделал заблаговременно, пробив лаз в стене и прилегающей к флигелю глухой каменной ограде. В случае необходимости достаточно было отодвинуть старое

кресло, вынуть два блока камня-ракушечника, пробить штукатурку — и выход готов. Теперь такая необходимость настала.

Прежде чем воспользоваться тайным ходом, Александр занялся парадным. Он сложил у двери несколько немецких мин, пироксилиновых шашек и накинул на дверную ручку шнур от заранее подготовленного взрывного устройства. Теперь каждому, кто решился бы проникнуть в «скоропечатню» следовало заблаговременно позаботиться о завещании.

Вапельник несколько раз прошелся по комнате, чтобы шпик по мельканию тени в щелястых ставнях мог убедиться в его присутствии.

Между тем человечек со сморщенным, словно выжатый лимон, лицом продолжал пристально следить за дверью и окнами флигеля. Он, видимо, изрядно продрог, пока не догадался послать с прохожим записку к ближайшему полицейскому, чтобы вызвать подкрепление. Когда прибыл отряд офицеров, и старший наряда сообщил, что Вапельника «приказано брать немедленно», шпик первым бросился к двери.

На стук ответа не последовало. Тогда он забарабанил настойчивее. Дверные филенки сотрясались от ударов, с них сыпалась сухая замазка и крошки отслоившейся краски. Но обитатель флигеля не отзывался.

— Дрожит хромой, — определил шпик и подозвал дюжих помощников. — Высаживайте дверь.

Удары каблуков и прикладов гулко отдавались в притихшем переулке. Их Вапельник слышал, находясь уже далеко от места событий. Дверь трескуче стонала, но не поддавалась. Это на несколько секунд продлило преследователям жизнь.

Наконец запор не выдержал. Дверь распахнулась настеж и тотчас раздался огромной силы взрыв. Домик рухнул. Уцелела лишь наружная стена, примыкавшая к ограде. После раскопок, проведенных той же ночью, контрразведчики обнаружили запасной выход из флигеля. Как отмечалось в протоколе осмотра места происшествия, «среди обследованных трупов останков искомого лица (Александра Вапельника — «Хромого») не установлено».

Вапельник же, оставив «скоропечатню» на попечение назойливого шпики, укрылся у знакомого сапожника на Одесской улице. Хозяин квартиры — немногословный

сутуловатый старик — по его просьбе побывал у Полякова, а тот в свою очередь предупредил о случившемся остальных подпольщиков.

...Глубокой ночью Александр Вапельник и Борис Поляков вышли из Севастополя в сторону Бельбека. В богатом татарском ауле, расположенном вблизи шоссе, они наняли подводу до Евпатории.

В пути почти не разговаривали. Каждый мысленно перебирал события последних дней. Хотелось разобраться, осмыслить, почему произошел провал. Тревожила судьба оставшихся в Севастополе товарищей. Прежде, чем прийти на Одесскую, Борис побывал на Хрулевском спуске. Там полный разгром. Он сам видел казаков, грузивших на подводы винтовки, револьверы, ящики с пироксилином и патронами — все, что раздобыли подпольщики из оружейного склада. Ходоса он не видел и, что с ним, не знал. Уцелевшим от провала товарищам Ржанников велел перейти на безопасные квартиры, а Вапельнику и Полякову — оставить Севастополь. Судя по всему, провал задел лишь тех, кого знал Степан Войчак.

— Но Ходос, что с Ходосом? — спрашивал то и дело Вапельник, трясаясь на скрипучей подводе.

Он не мог смириться с мыслью, что не сумел уберечь помощника.

— Ходос находчивый парень, — еле слышно ответил Борис Поляков. — Я думаю, ему удалось ускользнуть.

— Если бы удалось... Этому парню цены нет. Придет время, мы еще посчитаемся с контрразведчиками и за Ходоса, и за всех наших товарищей. Получит по заслугам и предатель Войчак*.

Но о самом главном, самом больном Александр не промолвил ни слова. Товарищи обещали ему позаботиться о семье. Удалось ли им? Ведь в контрразведке то-

---

* Вскоре после освобождения Крыма от интервентов Севастопольская ЧК арестовала Войчака-Гриценко по обвинению в предательстве. Но свидетелей, могущих подтвердить его вину, в Севастополе в то время не оказалось. Одни погибли, другие находились на фронтах. Из ЧК дело было передано в партийный суд, который вынес решение: «Ввиду отсутствия фактов, подтверждающих провокаторство Войчака-Гриценко, дело прекратить». Однако позднее, после разгрома Врангеля, по требованию участников подполья предатель был арестован вновь. Показания свидетелей и обнаруженные документы помогли установить его виновность. Ревтрибунал приговорил Войчака-Гриценко к расстрелу.

же сидят не дураки. Там-то уж наверняка в первую очередь додумались до того, чтобы обложить кафе на Таможенной. Белогвардейцы ни за что не оставят его семью в покое.

«Мама, прости. Прости, если можешь, за все неприятности и беды, доставленные мной».

Он знал, что мать не осуждает его. Доведись ему заново начать трудный и полный тревог путь подпольщика, она снова, не задумываясь, благословила бы его на борьбу с теми, кто несет людям слезы и горе.

Александр вспоминал мать... Вот она совсем молодая — милая, хорошая мама. Вот он заметил на ее лице первую морщинку; искренне поразился, увидев как-то серебристую прядь... Всегда она оставалась для него самым умным советчиком. Казалось, что ее душевная сила вливается в него, наполняет его сердце уверенностью, решимостью стойко переносить все невзгоды.

Эту силу материнской любви и веры он постоянно чувствовал, находясь вдали от родины. Она помогала ему в трудную пору подполья. И хотя мать чаще всего молчала, Александр каким-то внутренним слухом улавливал ее мысли, которые ободряли, не позволяли ни на мгновение заколебаться.

Близкие, родные люди — они научились понимать друг друга. Мать всегда была с ним рядом... Но где она теперь, милая, добрая мама?

...Телега тряслась по ухабистой дороге. Александр молчал и думал, как бы заново оценивая каждый шаг в своей жизни.

О том, как сложилась судьба его семьи после провала, Александр узнал лишь спустя две недели, уже в Одессе. И узнал от человека, которого считал погибшим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В КАТАКОМБАХ КУЯЛЬНИКА

Евпаторийские подпольщики помогли Александру устроиться пассажиром на небольшую шхуну, принадлежащую какому-то хлеботорговцу. Шхуна шла в Одессу.

Следовало спешить. Контрразведка могла спохватиться и начать поиски. О том, чтобы изменить внешность, как делали не раз товарищи Вапельника по борьбе, не могло быть и речи.

— Уж больно ты приметный, — с сожалением заметил Борис Поляков, провожая девятого января Александра на шуну.

— Ты прав, — согласился тот и с плохо скрываемым раздражением постучал тростью по ботинку. — Еще несколько дней тому назад искалеченная нога была превосходным мандатом для общения с французскими интервентами, а теперь...

— Стала, как говорят полицейские, особой приметой, — закончил за него Борис. — Жаль, черт побери!

— Выше нос! — стараясь казаться бодрым, ответил Вапельник. — В Одессе тоже найдется дело.

— Это так, — согласился Поляков. — И все же расставаться не хочется.

Вапельник снял с себя редингот — предмет зависти севастопольских щеголей — и, не говоря ни слова, протянул его Борису.

— Ты что? — не понял тот.

— Обменяемся. Примет убавится.

— Ясно.

Поляков сбросил свое изрядно потертое пальто и примерил обновку.

— В самый раз, — удовлетворенно проговорил он.

— Как на тебя шили. Вот только твой треух не того... не гармонирует. Бери заодно и шляпу.

— Ну, что скажешь? — напялив шляпу, спросил Борис.

Вапельник прищурился, словно оценивая внешний вид друга и, видимо, вспомнив о чем-то, усмехнулся.

— Думаешь, не по Сеньке шапка? — перехватил его взгляд Борис.

— Нет, отчего же... Вид вполне буржуйский. Симкабакалейщик при виде тебя лопнул бы от зависти.

Борис в недоумении поднял брови, но, вспомнив первую встречу с Александром в Севастополе, неудержимо рассмеялся.

— Выходит, помнишь. Тогда я, знаешь, в самом деле подумал, что ты к буржуйскому сословию переметнулся.

— Маскарад получился отменный, — задумчиво сказал Вапельник. — Жаль, что пришлось так скоро сменить вывеску.

— Ничего не напишешь, — вздохнул Борис. — Но главное все же сделано. Теперь на французских кораблях и в гарнизоне есть надежные люди. Ячейки друзей

продолжат твое дело. Да и горком не оставит их без внимания... Посмотришь, ЦК тоже пришлет подкрепление. Овсянников за тем и поехал в Харьков.

В домик рыбака, где сидели в ожидании посыльного со шхуны севастопольские подпольщики, вошел молодой моряк в звенящем, как железо, плаще. Его бронзовое от загара и ветра лицо казалось бесстрастным и грубоватым.

— Который тут пассажир? — сиплым голосом спросил он. — Велено быть на товсь. Через час сываемся с якоря.

— Ну что ж, пора прощаться, — поднялся Александр. — Увидимся ли?

— Ясное дело, увидимся, — убежденно отозвался Борис. — Давай присядем перед дорогой. Хоть и старый обычай, но, говорят, помогает.

Они присели на широкую колченогую лавку.

— Теперь пора, — выпрямился Вапельник.

— Счастливого пути!

Подпольщики стиснули друг друга в объятиях и укладкой вытерли повлажневшие глаза.

— Не забывай тут моих, — дрогнувшим голосом попросил Александр. — Матери скажи, если разыщешь, что со мной все в порядке.

— Езжай со спокойной душой. Ржанников — парень, что надо, сумеет помочь ей, да и я не за тридевять земель. Пережду, пока прояснится обстановка, и снова махну в Севастополь.

Под впечатлением этого разговора Александр находился всю дорогу. Думал о матери, о сестренках, о своих товарищах по подполью.

Утлое суденышко раскачивалось на волнах. Тяжелые удары разбушевавшейся стихии яростно обрушивались на палубу. Вода пенящимися струйками проникала в щель под дверью каюты. Тошнило, боль упруго сдавливала виски. Такого состояния Александр еще не испытывал, хотя попадал в морские переделки и почище. «Неужели укачало?» — подумал он.

Дверь каюты распахнулась, пропустила вслед за брызгами соленой воды уже знакомого матроса в жестком, словно металлическом плаще.

— Эй, пассажир! — не испытывая смущения от внезапного вторжения, окликнул он. — Топай на палубу, помоги хлопцам отливать воду. А не то...

Он не договорил. Поняв его с полуслова, Вапельник направился помогать матросам.

Голова на ветру не болела. Но болезненные приступы тошноты то и дело напоминали о себе.

Сколько длилось единоборство со стихией, Александр не заметил. Постепенно море смягчилось, и только расколыхавшаяся вода время от времени бросала шхуну из стороны в сторону.

Вдали обозначилась кромка берега.

Вот и Одесса.

...Знакомый дом. Таня кинулась ему навстречу, обняла.

— Что с тобой? — тревожно спросила девушка. — Ты так похудел, осунулся. И этот наряд...

Александр в нескольких словах рассказал о событиях минувших дней.

Таня глядела на него с растерянностью и испугом.

— Я только что дала твой адрес двум харьковским товарищам. Центральный Комитет направил их в Севастополь для работы среди французских солдат и моряков. Один из них знает тебя еще по Парижу. Товарищи называют его Жаном. Жан Городецкий, по-моему.

Александр побледнел.

— Где он? Нужно немедленно предупредить.

— Да, да, — засуетилась девушка. — Это надо сделать сейчас же. Бегу в порт. Ты пока побудь здесь.

Она набросила пальто и выбежала из комнаты.

Ее отсутствие показалось Александру вечностью. Вапельник понимал, что если не удастся предупредить посланцев ЦК, они попадут прямо в лапы контрразведчиков. «Успеет ли Таня, найдет ли их в людской толчее на пристани?» Он с ненавистью смотрел на старенькие, ни в чем не повинные ходики, которые неторопливо отсчитывали минуты. Самым обидным было, что он ничем не может помочь товарищам.

Мелькнула мысль отыскать среди французских моряков одесского приятеля Фернана Лёза и через него передать радиogramму в Севастополь. Но не так-то просто найти человека, о котором неизвестно ничего, кроме имени. А товарищей надо предупредить немедленно. Если зайдут в кафе, наверняка попадут в засаду.

В комнату неслышно вошла Танина мать.

— Ой, кто это? — испуганно вскрикнула она, увидев стоящего у окна мужчину.

Александр обернулся.

— Здравствуйте, мамаша. Не признали?

— Ты ли это, Александр Ильич? — всплеснула руками Елена Кондратьевна. — Прости старуху. Да и как тебя опознать в таком виде... Уж не беда ли стряслась?

— До большой беды не дошло, — успокоил ее Александр. — А неприятности были. Теперь все позади.

— Слава-те осподи, — перекрестилась Елена Кондратьевна и тут же спохватилась: — Танюшка-то где?

— Пошла в порт. Жду ее с минуты на минуту.

— Чем у окна-то маячить, побрился бы, — предложила старушка. — Ишь как оброс.

— Бриться давно пора, — согласился Вапельник. — Да вот беда, не захватил с собой бритвы.

— Сейчас все отыщу. Такого сгругменту в доме хватает.

Александр побрился. Заботливая Елена Кондратьевна слила ему из ковша теплой воды, и он с наслаждением вымылся.

— Теперь на человека похож, — удовлетворенно заключила хозяйка. — С лица только спал. Подкормить тебя малость надобно.

Она захлопотала на кухне.

Александр неотрывно глядел в окно, поджидая Таню. Она пришла лишь с наступлением сумерек. На вопросительный взгляд Вапельника ответила:

— Пароход уходит в час ночи. Жан ждет у входа в трактир на пристани. Я провожу.

У Александра отлегло от сердца. Вскоре он вместе с Таней был в порту. Городецкий ждал их в условленном месте.

— Вот уж не чаял встретиться здесь, — вместо приветствия сказал он, приглядываясь к Александру. — Видно и вправду мир тесен.

— Твое счастье, что тесен, — заметил Александр. — Не окажись я в Одессе, тебе больше не пришлось бы вспоминать эту поговорку.

— Таня успела кое-что рассказать, — нахмурился Городецкий. — В Севастополе весь расчет на тебе строился. Ума не приложу, как быть теперь?

— Есть другие явки. Дам тебе адреса Ивана Ржанникова и Андрея Мазура. Они помогут обосноваться в городе. Постарайся сразу установить связь с ячейками друзей.

Вапельник обстоятельно рассказал о севастопольских товарищах-интернационалистах, находящихся в 175-м полку и на кораблях французской эскадры, — матросах Фернанде Лёзе, Марселе Лефевре, Луи Семаре, Жане Тийоне штабном переводчике Лейсе, пулеметчике Антуане Фрашолле, капрале Ле Гоффе и других руководителях подпольных революционных групп.

Городецкий повеселел.

— Вижу, ты не терял понапрасну времени. Попытаюсь найти твоих друзей. Спасибо за предупреждение и советы. Я с товарищами постараюсь восстановить твои связи.

— Какие товарищи? Вас же двое.

— Пока двое, а через некоторое время появится третий*, — сказал Жан. — Приедет туда со связным вашего горкома Овсянниковым.

Подпольщики еще некоторое время походили по притихшим улицам, вполголоса обмениваясь мнениями, и расстались. Ни Городецкий, ни Вапельник не предполагали, что это их последняя встреча. Мысли Жана были заняты предстоящей работой в Севастополе. Александр же думал о друзьях-товарищах, адреса которых только что сообщил посланцу ЦК. Как хотелось быть среди них, вместе бороться против белогвардейцев и интервентов!

Да, подумать было о чем.

Когда напряжение, вызванное беспокойством о судьбе товарищей, направляющихся в Севастополь, немного схлынуло, Вапельник почувствовал слабость. Казалось, что все тело налилось свинцовой тяжестью, в висках стучали многопудовые молоты. Таня заметила состояние Александра и заглянула ему в глаза. Они лихорадочно блестели.

— Саша, что с тобой? — девушка приложила руку к его разгоряченному лбу. — Да у тебя жар. Скорей домой.

Недомогание, которое он почувствовал еще вчера на шхуне, возвратилось вновь. Тогда невероятно возбуж-

---

* После провала группы Вапельника ЦК компартии Украины направил в Севастополь опытных партийных работников Жана Городецкого, Бориса Занько и Надежду Голембовскую. Жан Городецкий вскоре был избран секретарем подпольного горкома партии и председателем ревкома. В состав горкома вошел и возвратившийся в Севастополь Борис Поляков.

денное состояние не позволяло сосредоточиться на чем-то своем, личном. Он как бы вскользь ощутил учащенное сердцебиение, тошноту, головную боль, но тут же, занятый другим, перестал думать о себе. Теперь Вапельник шел за девушкой, словно в полусне. На крыльцо он уже не смог подняться. Тане пришлось звать на помощь Алексея.

— Подожди, Танюша, подожди,—шептал Александр, когда Таня и Елена Кондратьевна укладывали его в постель. — Так кружится голова... Подожди, сейчас все пройдет.

— Господи, что это с ним? — причитала Елена Кондратьевна. — Совсем оплошал парень.

Таня ничего не могла объяснить.

— С ним стало плохо, когда возвращались домой, — рассказывала она матери. — Что бы это могло значить?

— Не говори, доченька. Я как вошла в дом, сразу заметила, что он сумной какой-то. Хворь так вот сразу не прилипает. Стало быть, давно в нем сидит.

Больше всего Вапельнику не хотелось поддаваться болезни.

— Немного застудился на шхуне, — словно оправдывался он. — Штормило сильно, все время приходилось помогать матросам на палубе.

— Ты лежи, касатик, лежи, — ласково ворковала над ним Елена Кондратьевна. — Сейчас вот липова цвета заварю, да чаю с малиной... Всю твою хворость как рукой сымет.

Однако ни липовый цвет, ни малина не помогали. Старичок фельдшер, которого позвали к больному, определил тяжелую форму воспаления легких. Две долгих недели Александр пылал как в огне, лишь изредка приходя в сознание. Таня и Елена Кондратьевна не отходили от него ни днем, ни ночью.

В бреду Александр все время повторял Танино имя, и когда он первый раз осмысленно позвал ее: «Танюша, милая», — девушка не сразу поверила, что он пришел, наконец, в себя.

— Таня, — снова позвал Александр.

Она увидела его полный любви и нежности взгляд. От радости Таня расплакалась. Александр взял ее руку, поднес к губам.

— Лежи, Саша, лежи, — сквозь слезы шептала девушка

Он слушал голос любимой, как музыку. Его глубоко зававшие глаза светились радостью. Александр даже попытался приподняться, но это оказалось еще не по силам.

— Не спеши, — успокоила его Таня. — Теперь дело пойдет на поправку.

В комнату заглянула мать. Она обрадовалась не меньше дочери.

— Выкарабкался, касатик? — воскликнула старушка, но тут же нахмурилась и преувеличенно строго прикрикнула: — А ну, спать! Ишь мне, ранние чижики... На улице ночь, а они турусы разводят.

Она заботливо поправила подушку, принесла какое-то питье и увела Татьяну.

— Иди поспи немного. Я все равно не усну. Посижу подле Саши... Ему теперь покой да покой нужен.

Под тихое воркованье Елены Кондратьевны Александр снова забылся.

Старушка по привычке взяла в руки клубок пряжи и спицы, но ровное, спокойное дыхание больного убаюкало и ее. Она несколько раз крестила рот, с облегчением бормоча что-то вроде своего любимого «слава те осподи», потом умиротворенно засвистела носом.

Александр проснулся лишь в полдень и сразу зажмурился от яркого солнца, бьющего в щелку занавешенного темным платком окна.

— Как себя чувствуешь? — склонилась над ним Таня.

— Как вернувшийся с того света, — пошутил он. — И представь, туда уже не тянет.

Елена Кондратьевна принесла завтрак, и он впервые за много дней с аппетитом съел все. Потом попросил бритву.

Таня словно на крыльях выпорхнула из комнаты и через минуту вернулась с братом.

— Придворный брадобрей жаждет прикоснуться к вашему светлейшему лику, — верный своей манере, балагурил тот, взбивая мыльную пену.

Славный парень Леша рассказал Александру свежие одесские новости, потом спохватился:

— Тебя тут паренек из Севастополя ждет. На дню по несколько раз бывает. Карп велел пустить его к тебе, как очнешься.

— Может, то Анатолий, брат мой? — высказал Александр догадку.

— Нет, твой тезка. По кличке, кажется, Ходос, или что-то в этом роде.

Александр даже подался вперед.

— Ходос? Леша, дружище ты мой, да это же знаешь какой человек! Где он?

— На кухне сидит. Помогает матушке пряжу распутывать, — спокойно ответил Алексей и добавил: — По всему видать, старательный хлопчик.

— Леша! — взмолился Александр. — Зови его сюда, поскорее.

Ходос осторожно приоткрыл дверь и, не видя за широкой спинкой кровати Александра, вопросительно посмотрел на Лешу.

— Входи скорей, — махнул тот рукой.

Юноша порывисто кинулся к приподнявшемуся навстречу другу, но в этот момент Леша решительно заступил дорогу.

— Только без объятий и прочих нежностей, Сашок еще не созрел для этого.

— Да пусти ты его, чертяка, — попросил Александр. — Дай хоть взглянуть на человека.

Ходос подошел.

— Значит, уцелел? А мы с Поляковым хотели панихиду заказывать, — взволнованно говорил Вапельник. — Рассказывай, что произошло, как вырвался из лап контрразведчиков?

— Войчак, видно, побоялся идти вместе с «добровольцами», а те не сразу нашли мою квартиру, — проговорил Ходос. — Ночью их отряд человек в сорок ворвался во двор. Начали обыск во всех квартирах. Мимо моей двери под лестницей белогвардейцы проходили несколько раз, но в потемках входа не заметили. Я быстро оделся и выскочил из комнаты. Думал спрятаться до утра у сапожника Балюры, моего соседа. Но тот не пустил — сдрейфил после обыска. Пообещал только подтвердить, если меня задержат, что я приносил ему обувь в починку. Пришлось топать во двор. Там меня и схватили. Говорю, был, мол, у сапожника. «Живешь где?» Называю им свою старую квартиру на Большой Морской. Подошел офицер, видно, старший, и отрядил со мной солдата, чтобы удостовериться, проживаю ли я по этому адресу. На мое счастье, у ворот оказался дворник. Он подтвердил, что я живу в этом доме. Сообразительный такой старикашка. Очень уж достоверно засви-

детельствовал мое местожительство. «Вы не сумлевайтесь, — говорит, — здешний он. Но если в кутузку посадите, промашки не будет. Он у меня с самого нового года полтинник зажил. Пусть посидит в кутузке». Лучшего удостоверения и не требовалось. Солдат для острастки погрозил кулаком, чтобы я рассчитался с дедом, и оставил меня в покое. Я «вернул» дворнику в знак благодарности полтинник и со всех ног на Синопскую улицу. Там и отсиживался. На другой день узнал, что белогвардейцы отыскивали наш склад с оружием и пироксилином... Потом через Семена Федорова мне передали из горкома написанный на полотне мандат, адрес явки и приказание ехать в Одессу.

— Ну, не очень-то они поживились в твоём складе, — успокоил его Александр. — Основные запасы попали по назначению.

— Этот склад тоже не помешал бы. Больше всего жалею о пироксилине, — сокрушался Ходос. — Пять чудов!

— Не горюй, — утешил его Вапельник. — О матери расскажи. Видел ее?

Ходос опустил голову.

— Не мог ее навестить. Знаю, что кафе закрыто, а твоя семья переехала на другую квартиру. О ней заботится союз металлистов.

Александр устало закрыл глаза. Леша воспользовался паузой и выразительным жестом показал Ходосу, что пора закругляться. Тот и сам понимал, что утомил больного, но ждал, не будет ли каких-либо поручений.

Несколько минут Александр лежал молча. Казалось, он спит. Но так только казалось. Мысленно он был в Севастополе, рядом с матерью, говорил с ней о своем долге, о том, что пока не уничтожены враги революции, не может стать для нее настоящей опорой, просил простить. Ему слышался родной, ласковый голос: «Я все знаю, Саша, и не корю тебя. Ты выбрал трудную, но честную дорогу и мое благословение всегда с тобой...» Да, именно так и сказала бы его старенькая мать, будь она рядом. Александр сознавал это, и на душе становилось теплее. Наконец, он открыл глаза.

— Что умолк? — обратился Вапельник к Ходосу. — Рассказывай, как там в Севастополе.

— Все в порядке, — поспешно ответил юноша. — Товарищи просили сообщить, что посланцы ЦК восста-

новили твои связи с французскими матросами и солдатами. Я не встречался с ними, но Федоров хвалит, говорит, толковые люди. Городецкого избрали секретарем горкома. Борис Поляков тоже в горкоме.

— Борис в Севастополе? Но ведь там Войчак!

— В том-то и дело, что он как в воду канул. Надо полагать, выдал он только тебя.

— Не человек, а загадка, — вслух подумал Александр.

— По-моему, самый обыкновенный трус и подлец. Из тех, которые и нашим и вашим, — сплюнул Ходос. — На любой случай жизни хочет застраховаться. Борис нужен ему как громоотвод: если наша возьмет — будет свидетель, что он в большевистском подполье участвовал. Он ведь не догадывается, что Борис знает о его предательстве. С другой стороны, может рассуждать, что если верх одержат белогвардейцы, то ему зачтется его иудино предательство. Тогда и Бориса прихлопнет.

— Похоже, ты прав, — кивнул Вапельник. — Но тогда этот подлец вдвойне опасен.

— Товарищи знают и держатся настороже, — сказал Ходос. — Думаю, что ему не удастся навредить подполью. Если появится в городе, живым не выпустят.

В запасе у молодого севастопольского подпольщика оказалось множество интересных новостей. Он рассказал, как провалилась новая попытка белогвардейцев провести мобилизацию, о прибытии в Севастополь транспортов с французскими войсками, артиллерией и английскими танками, об участвовавших нападениях партизан на отряды белогвардейцев и интервентов, о голоде.

— После освобождения Красной Армией Харькова и переезда туда украинского советского правительства белогвардейцы вконец озверели, — делился юноша своими наблюдениями. — Каждую ночь обыски, облавы, стрельба. Нервничают господа белогвардейцы. А буржуазия напрочь разуверилась и в «добровольцах», и в союзниках: дает тягу за границу. Даже Рябушинский, тот самый, что грозился задушить революцию костлявой рукой голода, вскоре после крещения драпанул в Константинополь. «Южные ведомости» 12 января писали, что вместе с ним выехал и меньшевик Сазонов. А знаешь, кто поехал с Рябушинским личным секретарем? Ни за что не догадаешься. Сам достопочтенный господин Батман.

— Вот как? — удивился Вапельник. — Впрочем, этого следовало ожидать. Своей писаниной в «Прибое» он всегда прислужничал буржуазии. Теперь окончательно сбросил маску. Все соглашатели такие.

Беседу прервала Елена Кондратьевна.

— Это что такое? — напустилась она на Ходоса. — Человек не успел голову поднять, а ты с разговорчиками. Успеешь. Александру Ильичу окрепнуть надобно.

Она бесцеремонно выставила юношу за дверь, поправила постель и строго-настрого приказала больному спать.

— Какая вы добрая, — с благодарностью сказал Александр, прижав к груди руку Елены Кондратьевны.

— Не чужая тебе, потому и добрая, — старушка ласково погладила его по голове. — Вижу, связаны вы с Татьяной одной веревочкой.

С этого дня здоровье Александра пошло на поправку. Его все более тяготила вынужденная бездеятельность.

— Не спеши, отлежись как следует, — сдерживали пыл Вапельника Деготь и Карп, поочередно навещавшие его.

Но Вапельник был настойчив. Вскоре Владимир Деготь сам проводил его в Куяльницкие катакомбы, где находилась типография газеты «Коммунист» — органа подпольного областкома партии. Здесь же Иностранная коллегия печатала для французских солдат и матросов газету «Ле коммунисте».

...Катакомбы Одессы. Нескончаемый лабиринт подземных выработок в толще камня-известняка, из которого построен город. Их разветвления, словно поры, пронизывают многометровые слои миллионнелетних отложений на дне бывшего моря, поднявшегося на поверхность в результате тектонических движений земной коры. Со времен основания порта спрессованные в камень останки древних морских обитателей используются как даровой строительный материал, а образующиеся после выработки камня пустоты, соединенные множеством ходов-штреков, создают причудливую сеть подземных коммуникаций.

Александр знал о существовании катакомб, но ему ни разу не доводилось спускаться в эти искусственные пещеры, созданные каторжным трудом одесских камеломов.

Катакомбы, где размещалась подпольная типография, находились у села Куяльник, в восьми километрах от центра города. Они имели два выхода: один через верхнюю площадку на горе, второй — через погреб крестьянского дома, хозяин которого был своим человеком. К его хате и подъехал на пролетке Владимир Деготь со своим спутником. Хозяин встретил Владимира как доброго приятеля, вынес две массивные сальные свечи и поднял крышку погреба.

— Не заплутаешь? — пылливо прищурившись, осведомился он.

— Теперь уже нет, — улыбнулся Деготь. — Это на первых порах в боковые ходы тянет.

— Ну, добро, — согласился крестьянин. — Коли что, время есть, могу проводить.

— Лучше побудь наверху. Тебе свой пост оставлять нельзя, — ответил Деготь и с зажженной свечой первым опустился в подземелье.

Вслед за ним шагнул вниз и Александр.

В лицо пахнуло затхлой сыростью. С непривычки слегка закружилась голова. Александр сразу отстал. В крошечной тьме он продвигался вперед, ощупывая руками сырые осклизлые стены.

— Э, нет, так не пойдет, — вернулся к нему ушедший было вперед Деготь. — Держись за меня, иначе заблудишься.

Он, не спеша, двинулся вперед, то и дело предупреждая:

— Пригнись. Гляди под ноги. Здесь ползком...

Минут через сорок где-то далеко забрезжил свет. Проход постепенно становился шире, и они вошли в довольно просторный зал, освещенный карбидными фонарями.

Свет резал глаза. Александр прикрыл их ладонью.

— Сразу заметно, что новичок, — не выпуская из левой руки верстатки, ткнул его локтем бородатый наборщик. — Керосиновые лампы светят помягче, но мы бережем кислород. Тут и без того с трудом дышится. Как у тебя с легкими?

— Нормально, не жалуюсь, — соврал Вапельник.

— Если что, скажи, — предупредил наборщик. — Климат тут, прямо скажу, не курортный.

— Ничего, обтерплюсь, — промолвил Александр.

Привыкнув к свету, Вапельник огляделся. Большой

подземный зал кто-то со знанием дела приспособил под типографию. Наборные кассы размещались в глубоких нишах, вырубленных в ракушечнике. Александр насчитал их более двух десятков. Чтобы известковая крошка не сыпалась на шрифты и печатную машину, свод над ними закрывала натянутая мешковина. Боковые ходы и тупики давали возможность организовать круговую оборону и в случае надобности скрыться.

— Нравится? — улыбнулся Деготь.

— Вполне подходящее место, — одобрительно отозвался Вапельник. — Только не знаю, чем мне тут заниматься.

— Пока вычиткой гранок, а там посмотрим. Наша газета должна быть не только правдивой, но и грамотной. Когда совсем поправишься, найдем занятие поинтересней.

Вапельник не перечил. Но руководитель Иностранной коллегии уловил в его тоне неудовлетворенность, спросил:

— Не нравится поручение? — спросил он.

— Нет, почему же... Партийное поручение — не невеста, его не выбирают, — сдержанно ответил Вапельник. — Расскажи, как это «вычитывать гранки».

Деготь, словно не расслышав вопроса, обратился к бородатому наборщику:

— Гриша, дай товарищу первый номер французской газеты. Тот, исторический...

Бородатый Гриша растерянно улыбнулся, потоптался на месте, оглядываясь на Вапельника, и взмолился:

— Владимир Александрович, не позорь перед товарищем! Никто не виноват. Сам знаешь, не обучены мы по-французски.

Деготь не обратил внимания на восклицание бородача. Тот извлек из ниши газетный лист.

Александр с интересом рассматривал любовно сверстаные страницы. По его мнению, самый квалифицированный полиграфист не мог бы упрекнуть наборщиков и метранпажа. Но что это? Все материалы обращены к солдатам и матросам, а в заголовке газеты набрано: «Ла коммюнисте», то есть «Коммунистка».

— Слушайте, друзья, что вы наделали? — вырвалось у него. — Здесь же грубейшая ошибка! Надо было набрать «Ле коммюнисте»! Понимаете?

— Да уж кое-как разобрались, — выхватил газету

бородатый Гриша. — Кабы не Жанна, так бы и вышли на посмешище людям... Пришлось уничтожить весь тираж. А кто виноват, что нет у нас знающих французский язык?

Деготь молчаливо наблюдал за происходящим, потом что-то шепнул на ухо Григорию. Тот заговорщицки улыбнулся и сменил тон.

— Ты, Владимир Александрович, давно обещал человека вроде корректора или выпускающего редактора... Где он?

— Вот, знакомься, — представил Деготь. — Александр Ильич Вапельник. Без его просмотра ни одна газета и листовка теперь не выйдут.

— Очень рад, — поклонился наборщик. — Григорий Венгржиновский, заведующий типографией.

— Будем знакомы, — в свою очередь наклонил голову Александр и, обернувшись к Владимиру Александровичу, от души рассмеялся:

— Ну, и чертяка же ты! Хитро обошел, ничего не скажешь. Ладно уж, возьмусь за газету.

— Кроме тебя, пока никому, — ответил Деготь, и лицо его стало серьезным. — Нельзя, чтобы всякая контра смеялась над нашей неграмотностью.

Для Александра настала новая пора. Газетная работа увлекла его. Вапельник с интересом вычитывал и правил статьи, письма и корреспонденции перед сдачей в набор, подолгу корпел над гранками, по несколько раз сверял сверстанные страницы. Он, как никто другой, понимал, как воспримут тот или иной материал французские солдаты и матросы, и в душе гордился авторами, умеющими находить нужные, бьющие в цель слова.

Более всего его обрадовало письмо французских солдат, озаглавленное «Правда о нашем якобы добровольном пребывании в Одессе». В нем говорилось:

«Не успев еще сообразить, в чем дело, мы оказались в России, чтобы совершить здесь, как мы теперь это поняли, преступнейшее посягательство на жизнь и свободу рабочего класса, к которому мы сами принадлежим».

Александр вчитывался в неярко оттиснутые строки гранок. Перед его мысленным взором стояли Селестен, Луи, Марсель и другие французские друзья в матросских бушлатах и солдатских шинелях. Казалось, он слышит гневный вопрос Фернана Лёза: «Мы вправе спросить, почему, когда Россией правил император,

неограниченный самодержец, наше правительство было с ним в дружбе, а теперь посылает в Россию свои войска? Или всему причиной то, что Советская республика — социалистическая республика?»

В письме объяснялось и это:

«Ответ приходится искать в том, что наши империалистические правители являются выразителями не воли народа, а своих собственнических классовых интересов. Они насилуют нашу свободу, посылая нас уничтожать ростки интернационалистского движения за социалистическую революцию, которая нам должна принести освобождение».

Читая заключительную часть письма, Александр видел перед собой капрала Ле Гоффа. Это он мог сказать так: «Все теперь для нас ясно. С нетерпением ожидаем день, когда мы сможем поведать о том, что здесь происходит, и открыть глаза французским рабочим, одураченным ложью правительственной прессы. Мы стремимся прийти на помощь Советской республике рабочих, крестьян и солдат — единственной подлинно демократической и социалистической республике...»

Сколько таких материалов проходило через руки Вапельника! Вместе с Геленой Гржеляковой он правил листовку, посвященную солдатам 58-го французского пехотного полка. Брошенные в бой на Тираспольском фронте, они отказались воевать против советских войск. Иностранная коллегия от имени русских рабочих и крестьян приветствовала интернационалистов и выражала им глубокую благодарность.

В другой листовке Иностранная коллегия клеймила позором солдат, которые стреляли в мирных жителей села, заподозренных в причастности к паргизанам. Действие этих солдат расценивалось как предательство интересов международной солидарности трудящихся.

«Мы выражаем здесь наше возмущение поступком ваших товарищей... Мы заявляем, что будем считать их нашими врагами, злейшими контрреволюционерами, и, хотя они тоже являются трудящимися, мы не дадим им пощады и не простим их, так же, как и других врагов революции», — говорилось в листовке.

Десятки тысяч экземпляров таких листовок и газеты «Ле коммунисте» выходили из Куяльницких катакомб, проникали в воинские части и на корабли французских оккупантов. Одесский областком партии рассылал их в

Крым, Николаев, на Херсонщину и в Бессарабию, даже в Салоники и Константинополь, где формировались для отправки в Россию французские воинские части. Пропагандистские издания туда доставляли моряки торговых судов РОПиТа, используемых для перевозки войск интервентов. После такой информации об истинном положении вещей, французские солдаты прибывали в Одессу и Севастополь уже не такими, как их товарищи из первых эшелонов десанта. Большевистские листовки развеивали туман обмана. Еще не ступив на землю Страны Советов, многие проникались сочувствием к самоотверженной борьбе трудящихся России за свою свободу и независимость.

Газета выходила один-два раза в неделю, и у Александра оставалось много времени. Немного окрепнув после болезни, Вапельник использовал каждый удобный момент, чтобы побывать в городе, поговорить с французскими солдатами и матросами, найти среди них сочувствующих большевикам, пролетариату России.

Чаще всего он выступал в роли переводчика. Увидев на улице солдат или матросов, о чем-либо спрашивающих прохожих, Александр тотчас подходил и предлагал свои услуги. Безукоризненное знание языка помогало ему завязывать нужные знакомства. Он умел говорить с французами, понимал их настроения, и те охотно принимали его в свою компанию. Обычно после первого знакомства он договаривался о новых встречах, чаще всего в кафе-ресторане «Дарданеллы».

Мало ли какие причины могут побудить человека назначить встречу именно в этом, а не в другом заведении. Одесса того времени не страдала от нехватки «злачных мест». До глубокой ночи работали шикарные рестораны Франкони и Робина, ресторации на станции Одесса-Главная, на Лапжероновской улице, в Театральном переулке и на Николаевском бульваре, в «Лондонской» и других не менее аристократических гостиницах. Там кутило офицерье, и только недруг мог посоветовать нижним чинам, с их скромным достатком, посетить эти заведения. А «Дарданеллы» — вот они, рядом с Дерибасовской улицей, в Колодезном переулке. И цены умеренные, и обстановка своя, почти как во Франции. Каждый вечер собираются там и моряки, и пехотинцы... Именно этот ресторан-кафе служил для Иностранной коллегии, вернее, для ее французской группы,

в которую входил и Вапельник, своеобразным центром агитационной работы среди солдат и матросов, прибывших из Франции*. Содержал заведение Мартин Лоладзе — добродушный весельчак, которого все посетители называли не иначе, как «душа лубезный».

Только очень узкий круг людей из одесского большевистского подполья знал подлинное лицо этого общительного, расточающего приветливые улыбки «грузинского коммерсанта». Он являлся членом подпольного областкома партии и ближайшим соратником руководителя подпольщиков Ивана Федоровича Смирнова, законспирированного под именем гильдийского купца Николая Ласточкина. Член партии с 1904 года, Лоладзе начинал свою революционную деятельность вместе с легендарным Камо и вместе с ним был приговорен к смертной казни, замененной впоследствии пожизненной каторгой в Сибири. После Февральской буржуазно-демократической революции Мартин Артемьевич возвратился в Тифлис. В 1918 году Центральный Комитет партии направил его на юг Украины.

Разумеется, французские солдаты и военные моряки меньше всего интересовались биографией хозяина «Дарданелл». Их привлекало само заведение, где без боязни быть подслушанным представлялась возможность поговорить о наболевшем, а порой кое-что узнать от умных людей. Они рассказывали правду о революционной России, о сговоре капиталистов Антанты с русской буржуазией, о том, как обманули иностранных солдат, послав их сражаться против российских братьев по классу.

В ресторане-кафе Мартина Лоладзе перед французскими солдатами и матросами часто выступала на их родном языке миловидная, по-девичьи стройная брюнетка с коротко стриженными кудрями и глубоко проникающим взглядом карих глаз. В ее глазах, в зависимости от обстоятельств, читались и теплая ирония, и едкий сарказм, и испепеляющая ненависть. Не только взгляды, но и жесты, говор — все выдавало в ней француженку. Впрочем, она и сама не скрывала этого.

---

* Кроме французской национальной группы, в состав Иностранной коллегии при Одесском областкоме партии входили также польская, румынская, сербская, греческая и английская группы. Будучи автономными, они работали под общим руководством президиума коллегии и вели пропаганду и агитацию в национальных воинских формированиях.

— Я — французская учительница, дочь участника Парижской Коммуны, — говорила она, появляясь перед солдатами и матросами в своей неизменной широкополой фетровой шляпе и накинутом на плечи стареньком меховом пальто. — Я говорю с вами от имени ваших матерей, сестер и невест...

Каждый вечер в ресторане-кафе собиралось до сотни военных. Они шумели, спорили, но сразу же умолкали, как только из боковой комнаты появлялась эта обаятельная, невысокого роста женщина.

— Тише! Будет говорить наша Жанна, — шикали на новичков те, кто считал себя тут завсегдатаями. — Слушайте Жанну!

Вапельнику приходилось встречаться с Жанной Лябурб не только в кафе Мартина Лоладзе, но и на заседаниях редколлегии в доме № 37 по Нежинской улице. Он поражался умению Лябурб овладевать вниманием слушателей. Своих земляков она убеждала не только логикой фактов, но и умением задеть самые чувствительные струны французского характера: острой шуткой, примерами из истории родной страны, призывом к классовому чутью и гражданской совести.

Александр внимательно приглядывался к солдатам и матросам, которых приглашал в «Дарданеллы». Опыт севастопольского подполья помогал ему безошибочно находить нужных людей. Многие из них потом стали активистами революционных групп действия. Они распространяли в полках и на кораблях газеты и большевистские листовки, вели агитационную работу среди своих земляков.

В ресторане-кафе Александр в конце февраля неожиданно-негаданно встретился и со своими севастопольскими друзьями — переводчиком Амэта Жоржем Лейсом и радистом Фернаном Лёзом.

— Саша, камарад, здравствуй, — схватил его в охапку Жорж Лейс. — Жив, значит?

— Бонжур, камарад Жора, — стиснул его в ответ Александр. — Если не веришь в привидения, считай, что жив.

Фернан Лёз с открытым ртом наблюдал за происходящим, веря и не веря своим глазам. Потом отбросил стул и кинулся к Александру.

Мартин Лоладзе отвел друзей в отдельную комнату. Здесь они смогли потолковать обо всем с глазу на глаз.

От Жоржа и Фернана Вапельник узнал много нового о настроениях личного состава французской эскадры. Матросская масса стала походить на пороховой погреб. Достаточно было искры, чтобы вызвать взрыв.

— Команда «Жана Барта» готова к восстанию, — говорил Фернан Лёз. — Уверен, что за нами пойдут и другие корабли.

— В первую очередь «Демократия» и «Мирабо», — поддержал его Лейс.

— Что за «Мирабо»? — любопытствовал Александр. — При мне в составе эскадры, помнится, не было такого корабля.

— При тебе он ни разу не заходил в Севастополь, — подтвердил Лейс. — Лишь в первых числах февраля зашел в бухту и сразу напоролся на подводные камни. Засел на них так прочно, что буксиры не могли его стянуть.

— Как это его угораздило влипнуть? — недоумевал Вапельник. — Ведь севастопольский фарватер французам давно известен.

— Рулевые знали, что делали, — усмехнулся Фернан.

— Рулевые, конечно, молодцы, — догадался, в чем дело Александр. — А как другие матросы? Да и на что в случае восстания пригоден сидящий на камнях корабль?

— В том-то и дело, что его все-таки сняли с камней, — ответил Лейс. — Помогли севастопольские рабочие.

— Не может быть, чтобы рабочие Морзавода участвовали в спасении вражеского корабля, — вырвалось у Александра.

— Жорж говорит правду, — подтвердил Фернан. — Дело в том, что руководители профсоюза металлистов, прежде чем начать спасательные работы, добились от командира «Мирабо» обещания, что броненосец никогда не будет стрелять по севастопольским рабочим.

— Нашли кому верить! — Александр в досаде хлопнул ладонью по столу.

— Да, но ему пришлось повторить это обещание в присутствии всей команды, — возразил Лейс. — Понятно, такое обязательство нарушить труднее. Да и морзаводовцы не теряли времени даром. К моменту, когда они закончили работу и освобожденный от брони корабль сошел с камней, почти вся его команда оказалась

на стороне большевиков... За исключением офицеров, конечно.

— Это — другое дело, — смягчился Вапельник. — Выходит, не такие уж простаки в профсоюзе металлистов.

— Мне тоже так кажется, — согласился Фернан. — Можно сказать, без боя завоевали первоклассный дредноут.

Вапельник и его друзья засиделись в «Дарданеллах» до позднего вечера. Беседа с Фернаном и Жоржем окончательно убедила Александра в том, что экипажи кораблей французской эскадры созрели для восстания. Он верил, что рабочие Одессы при поддержке распропагандированных антантовских солдат и матросов сумеют восстановить Советскую власть до подхода Красной Армии.

В Иностранной коллегии его точку зрения поддерживали Яков Елин, Михаил Штиливкер и Жанна Лябурб. Но областной комитет партии не согласился.

— Ваш план заманчив, но нереален, в нем много романтики и революционного пыла, но нет учета обстановки, — говорила подпольщикам секретарь областкома Елена Соколовская. — Предположим, что нам удастся взять власть в городе, но сумеем ли мы ее удержать? Разумнее подождать несколько недель, пока подойдет Красная Армия, и тогда уже ударить наверняка. Кроме того, нужно точно знать, на какие воинские части и корабли интервентов можно опереться в случае восстания. Областком предлагает провести совещание представителей революционных групп французских кораблей и частей. Нужно выяснить, готовы ли они к серьезному выступлению и пойдет ли за ними основная масса солдат и матросов?

После долгих споров подпольщики согласились с Соколовской. Тем более, что, кроме французских дивизий и кораблей эскадры, в Одессе находились английские, польские, греческие, сербские, румынские воинские формирования и части деникинской «добровольческой» армии. Эти силы могли в любой момент стать серьезным противодействием революционному порыву французских интернационалистов. Не считаться с такой обстановкой значило обрекать восстание на поражение. Следовало все обсудить и взвесить. Для этого областком назначил совещание представителей революционных

групп действия. Решили собраться 2 марта в кафе на Гаванной улице. Но в канун совещания произошли события, круто изменившие все планы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ОСОБНЯК НА ЕКАТЕРИНИНСКОЙ ПЛОЩАДИ

После памятного заседания областкома партии Александр бродил по городу.

Что-то саднило в душе. Неосознанная тревога стучалась в мозг, держала его в напряжении.

Вечер он решил провести на Пересыпи.

— Что с тобой? — заметив его состояние, спросила Татьяна. — Ты словно натянутая струна.

— Кажется, ничего не случилось, — смутился Вапельник. — Сам не пойму, почему так тревожно на душе.

— Скорее всего от переутомления, — предположила Татьяна. — Отдохнуть бы тебе, а ты после болезни да в подполье. Выдержать нелегко.

Она-то знала, в каких условиях работали куяльницкие полиграфисты. Сама не раз пробиралась в катакомбы, доставляя сюда из маленькой молочной лавки на Нежинской улице материалы для очередного номера газеты.

В штольнях, где обосновались подпольщики, могли выдержать только сильные и здоровые люди. Застоявшийся сырой воздух вызывал спазмы удушья. Даже выносливая Гелена Гржелякова несколько раз теряла сознание, когда ей пришлось целый день провести в катакомбах. При каждом удобном случае вынужденные обитатели подполья выходили на поверхность или добирались до сквозных выработок, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Вапельнику как-то пришлось пробыть под землей четверо суток подряд. О том, чтобы выйти на поверхность, не могло быть и речи. В окрестностях Куяльника появились польские legionеры и греческие солдаты. С их помощью деникинские и французские контрразведчики обнюхивали и прочесывали всю округу, разыскивая подпольную типографию. Тому, кто найдет ее, обещали награду в сто тысяч рублей. Но полиграфисты-подпольщики продолжали работать. Возле наборных касс и печатной машины держали готовое к бою оружие.

Четверо суток без пищи и почти совсем без воды...

— За эти дни я совершенно извелась, — призналась Таня. — Трудно было?

— Скорее непривычно, — улыбнулся Александр. — Не знаешь, день на земле или ночь. Но мы народ терпеливый. Выдержали.

Она провела рукой по лицу, словно смахивая с него тень грусти, и ласково улыбнулась.

— Прости, я должна ненадолго отлучиться. Скоро вернусь.

Стоило Александру остаться наедине, и неясная тревога вновь овладела им. Он пытался разобраться в сумятице странных ощущений. Шаг за шагом восстанавливал в памяти события минувшего дня, но не мог понять, откуда у него появилось предчувствие близкой опасности.

Волновал внезапный отъезд из Одессы Владимира Дегтя. Председатель городского комитета партии Филипп Болкун говорил, что Владимира выследила белогвардейская контрразведка, но ему удалось скрыться.

— Если контрразведчики напали на след руководителя Иностранной коллегии, они могли установить и его связи, — высказал предположение Александр.

— Исключено, — успокоил тот. — Володя вовремя обнаружил слежку и сообщил об этом по всем каналам связи. Контрразведчики устроили засаду в его квартире, но остались с носом.

«Итак, эта причина отпадает, — размышлял Вапельник. — Жаль, конечно, что Дегтя нет в городе, но коллегия твердо стоит на ногах».

В кафе «Дарданеллы» от Мартина Лоладзе он узнал об аресте члена областкома партии Каллистрата Саджая. Это была большая потеря для подполья. Областкому пришлось принять срочные меры на случай, если Саджая не выдержит пыток. Но вскоре стало известно, что он категорически отрицал свою причастность к подполью, а во время очередного допроса разбил окно в кабинете следователя и выбросился с третьего этажа на улицу*.

Александр знал отважного и пылкого Каллистрата

---

* При падении Саджая сломал обе ноги. Возле него на Екатерининской площади сразу же образовалась толпа. Чтобы замять скандал, контрразведчики были вынуждены вызвать карету скорой помощи и отправить арестованного в больницу.

Саджая и понимал, какую невозвратимую утрату понесло подполье. Да и сам факт его ареста заставлял насторожиться. Видимо, не все благополучно с конспирацией.

А тут еще это совещание с участием секретаря областного комитета партии Елены Соколовской. Что касается восстания, Елена безусловно права. Готовиться к нему нужно, но сейчас оно преждевременно. Незачем подставлять рабочие отряды и готовых примкнуть к ним французских друзей под пулеметы, пока нет полной уверенности в успехе. По врагу следует бить наверняка, во взаимодействии с Красной Армией и растущими отрядами повстанцев.

Тут все правильно. А вот с предложением о совещании представителей французских групп действия да еще с участием членов областного комитета, военно-революционного комитета и Иностранной коллегии соглашаться не следовало. Если об этом пронюхает контрразведка, может случиться непоправимое.

Вапельник ощутил неприятный холодок. Лишь теперь он осознал причину одолевавшего его смутного беспокойства. Как же он раньше не подумал о том, что такое нарушение конспирации к добру не приведет? Почему же молчали остальные? Или он чего-то недопонимает? Нужно немедленно переговорить с Жанной Лябурб и Еленой Соколовской... Если не отменят совещание, следует дойти до самого Ласточкина. Карп поможет его отыскать.

Когда вернулась Таня, Александр был одет.

— Куда же ты? Хоть бы поужинал.

— Спешу, Танечка, не до ужина, — озабоченно ответил Александр и вышел на улицу.

В молочной лавке на Нежинской улице ни Жанны, ни Елены не оказалось. Вапельник отправился в ресторан «Дарданеллы». В зале он увидел Михаила Штиликера в окружении французских матросов. Рядом с Михаилом сидел молодой человек в темно-коричневом костюме. Вапельник уже встречал его. Еще тогда, при первой встрече, интуитивно почувствовал к нему ничем не объяснимую антипатию. Может быть, всему виной его лицо? Близко посаженные глаза под белесыми бровями, прямой тонкий нос, словно приплюснутый с обеих сторон, тонкие «в ниточку» губы, высокий лоб с глубокими залысинами... Было в этом лице что-то хищное, вызыва-

ющее брезгливость. Кто он и почему увивается возле Михаила?

— Проходи, знакомься с моими друзьями, — пригласил Штиливкер.

Вапельник подошел к столу, поздоровался. Матросы, заявив, что торопятся на корабль, тут же поднялись.

— Так не забудь, Эжен, о совещании, — остановил одного из них Михаил. — Завтра, в кафе Скведера, на Гаванной улице. Предупреди об этом товарищей на «Вальдеке Руссо» и всех, кого увидишь.

Вапельник мысленно выругался. Кто же так оповещает о тайном сборе?

Но Михаил не замечал хмурого взгляда товарища. Отпустив моряков, он представил Александру своего соседа:

— Знакомься, мой друг Манн, спартаковец. Послан из Германии для работы среди немецких солдат, да опоздал.

— В Николаеве, кажется, еще есть германский гарнизон, — сообщил Вапельник.

Манн никак не реагировал на эти слова.

— По-русски он ни бельмеса не понимает, — пояснил Штиливкер, — говори с ним по-немецки или по-французски.

— Из Николаева немецкие части еще не эвакуировались, — повторил Александр по-немецки.

— Знаю, — вяло ответил немец. — Там есть наши люди.

— Он хорошо знает Турцию. — похлопал Манна по плечу Михаил Штиливкер. — Мы с ним собираемся в Константинополь. Сначала он, потом я. Будем работать среди антантовских солдат, готовящихся к отправке в Россию.

Он говорил по-французски. Манн внимательно выслушал Штиливкера, важно кивнул головой и добавил:

— У нас дальний прицел. Нужно готовить мировую революцию.

Александр молчал. Узколицый немец с его высокопарными словами о мировой революции ему не нравился. Тот, видимо, почувствовал это и поспешил откланяться.

— Завтра попытаюсь окончательно договориться о твоём заграничном паспорте, — пообещал он Штиливкеру на прощанье

— Видал? — проводив Манна восхищенным взглядом, обернулся к Вапельнику Михаил. — Настоящий интернационалист. Посмотришь, какие дела развернем мы с ним. Константинополь — это тебе не Одесса. Здесь шпик на шпике, а там до нас никакая контрразведка не дотянется.

— Мне что-то не по душе этот запоздалый спартаконец, — откровенно признался Александр. — Его рассказ о причине приезда в Одессу неубедителен. Как ты с ним познакомился?

Штиливкер смутился.

— Знаешь, есть тут знакомые среди анархистов. Они и свели меня с ним.

— Эх ты, шляпа! — не удержался Александр. — Нашел поручителей... Но в конце концов, что это за тип?

— У тебя нет никаких оснований для подозрения, — упрямылся Михаил. — Ты видишь его первый раз, а я с ним ходил в казармы к французским саперам.

— Мог бы и на совещание коллегии пригласить, — с сарказмом заметил Александр и тут же спохватился: — Постой, ты на какое число пригласил матросов к Скведеру?

— На завтра.

— Так ведь завтра — первое, а совещание назначено на второе марта, на воскресенье.

Штиливкер схватился за голову.

— Не может быть! Я всем объявил сбор на первое число. Сейчас же сообщу об этом членам коллегии.

Он стремительно выбежал из ресторана. Вслед за ним поднялся и Вапельник. Поплутав по городу, он проверил, нет ли за ним «хвоста», и вернулся на Пересыпь.

Настроение было подавленное. Он понимал, что при таком легковверном отношении к людям, как у Штиливкера, провокаторам нетрудно проникнуть в подполье.

Весь следующий день Вапельник провел в типографии. Когда вышел из катакомб, уже смеркалось. С твердым намерением найти способ для предотвращения угрозы провала он в десятом часу вечера постучался к Якову Карпу.

— Саша! Цел? — с несвойственной ему тревогой воскликнул тот. — В коллегии страшный провал — контрразведчики захватили всю французскую группу.

До Александра не сразу дошел смысл его слов.

— Кого захватили? Где? Когда?

— Штиливкера, Елина и двух французских матросов взяли у Скведера, часов в семь вечера, а через полчаса — Жанну. Ее дома арестовали. Вместе с ней и Стойко Раткова — из сербской группы.

Известие ошеломило Александра. Словно пригвожденный, стоял он на ступеньке перехода, ведущего из коридора в жилые комнаты. Подтвердились самые худшие предчувствия. И он, только он виноват в случившемся... Нельзя было ни на один час откладывать разговор с Еленой Соколовской и Жанной, особенно после встречи со Штиливкером и узколицым немцем в ресторане.

Вапельник прислонился к стене и расстегнул воротник.

— Что же делать, Карп? — глухим, срывающимся от волнения голосом спросил он. — Ведь это лучшие наши товарищи.

Карп молчал. Он был не меньше Александра взволнован арестом друзей.

— Что же мы стоим? Надо выручать товарищей, — тронул его за рукав Вапельник. — Где они?

— Всех свезли на Екатерининскую площадь. Сам знаешь, какие там заведения.

Александр знал. Во всей Одессе не было места страшнее. Здесь находился штаб одесского палача-губернатора Гришина-Алмазова. В одном из роскошных особняков с обширными подвальными помещениями обосновалась деникинская контрразведка. Ни одна из восемнадцати аккредитованных в Одессе разведок не могла соперничать с ней в изощренности и жестокости пыток.

— Нужно спасти ребят, — повторил Вапельник.

Он направился к выходу, охваченный стремлением действовать, поднимать подпольщиков и французские группы действия на выручку арестованных. Но Яков решительно загородил дорогу.

— Не горячись. Кого найдешь ночью?

— Найду! Не все по обывательским квартирам прячутся.

Яков схватил Вапельника за грудки, притянул к себе и тут же отпустил.

— Эх ты, кипиток! Не в том сейчас доблесть, чтоб на рожон переть. Обдумать надо, как за дело приняться.

— Обдумать, — презрительно бросил Вапельник. —

Люди, какие люди гибнут, а ты призываешь думу думать.

— Можешь идти, — отступил в сторону Карп. — Не удерживаю. Но советую: на Екатерининскую не лезь. Голыми руками контрразведку не возьмешь.

Александр со злостью стукнул тростью о пол.

Вапельник и сам понимал, что его стремление немедленно освободить товарищей вряд ли увенчается успехом. Особняк на Екатерининской площади белогвардейцы крепко охраняли. Но в такую минуту он не мог ждать.

— Не поминай лихом, — сказал Александр. — Попробую найти товарищей посмелей.

Карп с сомнением покачал головой.

— Пропадешь не за понюх табаку. Лучше подожди до утра.

— У меня закон: сам погибай, а товарища выручай, — ответил Вапельник и вышел на неосвещенную улицу.

«Первым делом к Мартину Лоладзе, — решил он, шагая в сторону Дерибасовской. — Этот наверняка может собрать нужных людей».

Но и содержатель «Дарданелл» не выразил готовности немедленно сразиться с контрразведкой.

— Зачем раньше времени переполох делать? Завтра будем действовать, как знаменитый Али-Баба из древней арабской сказки. Есть у меня один полковник, который умеет сказать: «Сезам, отворись!»

Вапельник недоверчиво поглядел на Лоладзе.

— Точно говорю, — подтвердил тот и похлопал по карману. — Он у меня тут сидит. А ночью да еще без подготовки, сам посуди, что мы сделаем? В таких делах нужен трезвый расчет. Думаю, что за ночь с нашими друзьями ничего не случится... Им ведь важно всех допросить.

Но Лоладзе ошибался. Именно в это время во дворе особняка на Екатерининской площади шли последние приготовления к кровавой расправе над подпольщиками.

Гришин-Алмазов и командующий французской армией генерал д'Ансельм в категорической форме распорядились немедленно покончить с арестованными.

Предчувствие не обмануло Вапельника. Манн действительно оказался провокатором. Это он выследил и выдал контрразведке французскую группу Иностранной

коллегии. Стремясь набить себе цену, он доложил, что в городе готовится вооруженное восстание, рабочие и распропагандированные большевиками французские солдаты и матросы ждут лишь сигнала к выступлению. Их организацию необходимо обезглавить, уничтожив всех арестованных руководителей подполья.

Узколицый добился своего. К зданию контрразведки были стянуты греческие подразделения и отряды «добровольцев». По городу дефилировали усиленные патрули, а в застенках контрразведки самые опытные заплечных дел мастера вели допрос арестованных. Палачи выбивали у своих жертв зубы, дробили кости, выворачивали суставы и били, били... Били чем попало и куда попало. Тех, кто терял сознание, отливали холодной водой, и пытка продолжалась.

Д'Ансельм и Гришин-Алмазов через каждый час спрашивались о результатах допроса, но следователи не могли сообщить ничего нового.

— Главное — имена и адреса руководителей большевистского подполья, — выходил из себя нетерпеливый губернатор Одессы.

— Пусть назовут агитаторов в полках и на кораблях, — требовал д'Ансельм.

Из рук белогвардейцев арестованные переходили к французским контрразведчикам. Но и те не могли порадовать начальство результатами пыток. Подпольщики молчали. А время шло и генеральские нервы не выдержали. Д'Ансельм и Гришин-Алмазов распорядились прекратить «следствие» и расстрелять арестованных.

— Тут есть несколько женщин, не причастных к подполью, — доложил начальник контрразведки губернатору.

— Кто они?

— Квартирная хозяйка французской подданной Жанны Лябурб и три ее дочери, а также не заподозренная в преступных связях невеста инженера Якова Елина.

— Не оставляйте свидетелей, — с досадой на недовольство шефа контрразведки прохрипел в трубку губернатор и после паузы добавил: — Сделайте так, чтобы убитые были похожи на жертвы уголовников. Поручите это дело Бекир-Беку.

Матерый контрразведчик хорошо знал командира особого отряда при военном губернаторе Бекир-Бека Масловского. Этот малоразговорчивый поджарый рот-

мистр с глазами параноика и болезненно-бледным лицом был у Гришина-Алмазова главным специалистом «по мокрому делу». К своему шефу — самозванному тридцатилетнему генералу — ротмистр питал собачью привязанность и по первому его жесту мог застрелить, зарубить шашкой, задушить или повесить любого неугодного Гришину-Алмазову человека. Шеф контрразведки, посвященный в тайны темной биографии генерала-авантюриста, однажды тоже мог оказаться в числе неугодных. Поэтому он ответил губернатору с верно-подданческим подобострастием:

— Будет исполнено, ваше превосходительство!

У генерала Д'Ансельма под руками также оказался не менее искушенный рыцарь смерти. На время проведения «операции» к деникинской контрразведке был прикомандирован французский майор Андре Бенуа — флегматичный толстяк с водянистыми, бесцветными глазами.

Бекир-Бек и Бенуа быстро нашли общий язык. По их приказу минут через тридцать после полуночи во двор стали выводить подпольщиков. Командир особого отряда лично проверил арестованных по списку. Все одиннадцать оказались налицо — пятеро мужчин и шесть женщин.

Бекир-Бек махнул перчаткой в сторону стоящего наготове французского грузовика:

— В кузов, живо!

Тех, кто мешкал, конвойные подгоняли прикладами. В кузов второго грузовика сели два десятка головорезов из особого отряда.

— Для чего такой эскорт? — спросил товарищей Елин. Он все еще не понимал, куда их везут.

Ответом было молчание. Никто не хотел верить в расстрел. В душе каждого теплилась надежда, что их переводят в тюрьму, а оттуда товарищи несомненно найдут способ устроить побег.

Ротмистр напоследок еще раз напомнил конвсирам, чтобы не зевали и не церемонились с арестантами, сел в кабину переднего автомобиля и жестом приказал водителю трогать.

Избитые, полуживые арестованные тесно сгрудились на дне кузова, стараясь своими телами согреть друг друга. Фары идущего сзади грузовика освещали их изуродованные лица. Хуже всех выглядел Штиливкер:

щеки, губы, нос — все слилось в сплошное кровавое месиво. Безжизненно висели раздробленные кисти рук.

— Мерзавцы, палачи! — в бессильной ярости шептал он. На выбоинах дороги машину бросало из стороны в сторону, и нестерпимая боль пронизывала все его тело. — Изверги... Они поломали мне все ребра и отбили внутренности, — еле сдерживаясь, чтобы не закричать от боли, стонал Штиливкер.

— Потерпи, Миша, — как могли успокаивали его товарищи. — Немного отлежишься в тюрьме, а там придут наши, освободят. Вылечим тебя.

Яков Елин, казалось, не замечал боли, хотя заплочных дел мастера не оставили на нем живого места. Рядом с ним была Мария — самый дорогой и близкий ему человек. Она мучительно переживала постигшую всех катастрофу, и Яков старался ничем не показывать своих страданий.

Самый сильный из всех арестованных Стойко Ратков вместе с Александром Винницким поддерживали избитую Жанну Лябурб. Неукротимая Жанна клочкотала гневом:

— Всех не арестуют и не убьют! Нет! Мы отомстим подлым палачам. Заставим ответить за каждую каплю крови!

Немного поодаль от подпольщиков склонилась над своими дочерьми квартирная хозяйка Жанны. Ни она, ни ее дочери не были причастны к подполью, так же как и зашедший к ним давнишний друг семьи Леонид Швец.

Мать выплакала все слезы и теперь лишь тихо причитала:

— Горе мое, горюшко... За что ты наказываешь нас, господи?

«Господь» не отвечал на ее стенания...

Стойко Ратков, несмотря на окрики конвоиров, время от времени приподымался, чтобы взглянуть на дорогу. Когда проехали Стрельбищное поле, он облегченно вздохнул: значит, не на расстрел. В период интервенции это поле заслужило у одесситов недобрую славу лобного места. Именно здесь устраивали оккупанты и белогвардейцы свои расправы над непокорными.

Впереди виднелось кладбище, а где-то за ним должна быть и тюрьма.

Ратков тихо шепнул Жанне:

— Если проедем кладбище, считай, что живы.

Как раз в это время машины затормозили и, подмятая кусты, двинулись вдоль кладбищенской стены.

— Все, конец, — попытался подняться Штиликер. — Попрощаемся, товарищи!

— Молчать, стерва! — гаркнул конвойный и изо всей силы ударил его прикладом по ноге. Михаил, как подкошенный, рухнул на товарищей. Его подхватил на руки Стойко Ратков.

— Держись, брат.

Бекир-Бек знал свое дело. Он развернул машины так, чтобы осветить фарами часть кладбищенской стены. В полосе света он расставил своих подручных и скомандовал:

— Сначала — женщин. А ну, живо!

— Дважды не умирают, — первой шагнула к борту Жанна Лябурб. — Прощайте, товарищи! За нас отомстят!

Она хотела сойти с машины сама, но силы изменили, и Жанна упала под колеса грузовика. Ее квартирная хозяйка истерически закричала. Солдаты никак не могли оторвать ее от дочерей. Словно разъяренная тигрица, закрывала она детей своим телом.

— Что вы там возитесь? — крикнул снизу недовольный Бекир-Бек. — Веселей пошевеливайтесь!

Конвойные кинулись к женщинам. Лишь двое остались у заднего борта. Стойко Ратков воспользовался суматохой и, как подкинутый пружиной, поднялся перед ними. Не успев опомниться, солдаты оказались в железных объятиях молодого серба.

— Это вам за Жанну! — воскликнул Ратков и со страшной силой стукнул конвойных лбами.

Оглушенные ударом, они, как снопы, попадали на дно кузова. Стойко же перемахнул через борт. Ослепленные фарами, охранники пытались стрелять, но отчаянный серб, ничего не замечая, продирался сквозь кустарник.

На окраинной улице ему удалось укрыться за невысокой оградой какого-то маленького дворика. Он слышал винтовочную пальбу. Это расстреливали товарищей. Стреляли залпами. Но вот стали доноситься одиночные выстрелы — Бекир-Бек и Андре Бенуа добивали из револьверов тех, кто еще подавал признаки жизни.

Раткову казалось, что сердце вот-вот вырвется из груди. Но чем он мог помочь?

Вскоре мимо ограды промчались страшные грузовики. Стойко проводил их ненавидящим взглядом и дал клятву, что отомстит за расстрелянных подпольщиков*.

На рассвете Стойко Ратков пробрался на явочную квартиру и сообщил о расстреле товарищей. С глубокой скорбью слушали подпольщики весть о кровавой трагедии.

По призыву подпольного горкома и областкома партии в тот же день остановились многие фабрики и заводы. По городу прокатилась волна массовых митингов протеста против бешеного террора интервентов и белогвардейцев. Газета «Коммунист» вышла с призывом ответить на белый террор красным террором. Похороны погибших, тела которых под видом жертв несчастного случая были доставлены в городской морг, подпольщики решили превратить в политическую демонстрацию.

Одновременно областком приступил к восстановлению связей с группами действия на французских кораблях и в частях. Эту работу поручили члену Иностранной коллегии Александру Вапельнику.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ДО ПОСЛЕДНЕГО ВДОХА

Александр сознавал, что, несмотря ни на какие трудности, обязан взять на себя дело погибших товарищей. Это как в атаке: падает один боец, его место тут же занимает другой. Вапельник не сомневался, что подпольщиков выдал Манн. Не перепутай Штиливкер дату совещания, среди расстрелянных наверняка оказались бы все руководители подполья и товарищи из французских групп действия. Лишь случайность спасла их от ареста.

---

* Стойко Ратков сдержал эту клятву. Через несколько дней после побега он покинул Одессу и перешел линию фронта. В Москве, в редакции «Правды», Ратков рассказал о деятельности Иностранной коллегии, о гибели ее французской группы. Из Москвы Ратков отправился на фронт и храбро сражался против белогвардейцев и интервентов. После гражданской войны он возвратился к себе на родину, в Югославию. Во время второй мировой войны в рядах югославских партизан он боролся против немецко-фашистских захватчиков. В честь 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции и за заслуги перед Советским государством Стойко Ратков награжден орденом Ленина.

...Вечером 2 марта в здании купеческой биржи союзное командование давало для волонтеров своих армий грандиозный бал. «Более удобного случая встретиться с представителями кораблей и частей не выпадет, — решил Вапельник. — Надо идти».

Об этом он доложил руководству подполья. Возможность встречи с нужными людьми казалась заманчивой, но никто не решался первым согласиться с предложением смельчака. Все понимали, на что он решился. Понимали, что единственным пропуском для него мог быть орден Почетного легиона. Но в таком случае Вапельнику придется появиться среди волонтеров под своим именем. Хорошо, если севастопольская контрразведка не успела сообщить в Одессу его приметы. А если сообщила?

— Поймите меня правильно, — настаивал Александр. — Риск, конечно, есть, но он оправдан. В борьбе без риска не обойтись.

— Да, это верно, — согласился Филипп Болкун. — Надо действовать... Но знай, на балу мы не имеем никакой возможности подстраховать тебя. Надейся только на себя самого. И, пожалуйста, прошу тебя, будь осторожен.

...Орден Почетного легиона открыл перед Вапельником двери купеческой биржи, и он сразу оказался в центре внимания. Его наперебой приглашали то к одному, то к другому столу. Среди солдат и матросов нашлось немало знакомых. С некоторыми из них удалось переговорить и назначить встречи, чтобы определить на дальнейшее способы поддержания связи.

Непринужденно перебрасываясь фразами с солдатами и матросами, Вапельник внутренне держался настороже. Правда, Манна среди гостей не оказалось. Зато он все время чувствовал на себе цепкий взгляд невысокого полного офицера в форме майора французской армии. Его бесцветные водянистые глаза преследовали Александра повсюду. Вапельник дважды выходил в курительную комнату, и оба раза майор оказывался рядом. Видно было, что он проявляет к нему далеко не праздный интерес.

Майор Бенуа, а это был он, терпеливо выжидал удобного момента, чтобы заговорить с Вапельником. Арестовать по подозрению и уничтожить «при попытке к бегству» он мог любого, но не кавалера этого ордена.

С таким человеком следовало держаться как можно осторожнее.

Выбрав момент, Бенуа с бокалом в руке подошел к Вапельнику.

— Хотел бы выпить на брудершафт с героем Франции, — предложил он.

— Почту за честь, — ответил Вапельник.

Чисто французский ответ, да еще с парижским выговором, обескуражил майора. «Мужлан так бы не сказал, — мысленно отметил он. — И держится с достоинством. По всему видно — птица высокого полета».

— Пошли к нашему столу, — предложил Бенуа.

— Охотно, — согласился Вапельник.

Он подхватил майора под руку и провел через весь зал.

Офицеры, с которыми пировал майор, встретили их стоя, с бокалами в руках.

— За Францию, мою вторую родину, — провозгласил Александр.

— Вив ля Франс! — слышалось в ответ.

После перезвона бокалов все снова уселись на свои места.

— Не спускать с него глаз, — почти не шевеля губами, шепнул майор сидящему рядом офицеру.

Александр заметил их шушуканье.

— Друзья, сейчас не время шептаться о служебных делах. Предлагаю тост за доблестную Францию!

— О-ля-ля, — возбужденно воскликнул один из офицеров, — Два тоста за Францию от нефранцуза — это требует ответа. Майор, по праву старшинства, слово за вами.

Флегматичный майор оказался застигнутым врасплох. Мысль его работала в другом направлении. «Удивительное совпадение, — думал он. — По внешним приметам это тот, кого разыскивает русская контрразведка. Но у этого господина с изысканными манерами не может быть ничего общего с большевиками. К тому же чувствуется, что он искренне любит Францию».

У него не хватило времени сосредоточиться, и потому его тост был кратким:

— За дружбу Франции и России, за великую русскую державу, где родился и вырос почетный гражданин нашей республики!

Осушили бокалы.

— Благодарю вас, господа, — поклонился Александр. — Не буду мешать вашей беседе.

Он дружелюбно попрощался и уже собрался уходить, но майор задержал его руку.

— Прошу извинить за любопытство, вы давно из Севастополя?

Ловушка. Сомнений не оставалось. Чтобы выгадать время, Вапельник ответил вопросом на вопрос:

— Вы знаете Севастополь по учебнику истории или бывали там лично?

Майор впился глазами в Александра и отдельно проговорил:

— Простите, я не знал, что вам не нравится, когда вас спрашивают о Севастополе.

— Что вы, наоборот, — воскликнул Вапельник. — Севастополь — город моего детства. К сожалению, давно не приходилось бывать там.

В глазах майора он прочитал издевку и сомнение. С одной стороны, контрразведчику хотелось скорей окончить затянувшуюся игру, с другой, он не был уверен в своих выводах. «Неужели, ошибся? — думал Бенуа. — Однако какое удивительное совпадение примет!»

— Извините, что навязал вам свою компанию, — учтиво поклонился он. — Если торопитесь, можете воспользоваться моим авто... Синий «рено» у подъезда.

— Я провожу, — с готовностью вскочил из-за стола молодой офицер.

— Не беспокойтесь, — поднял руку Вапельник. — Я не спешу. Просто хочется побывать во всех залах. Такой бал — целое событие.

— Не смею вас задерживать, — фальшиво улыбнулся майор. — Если заскучаете, пожалуйста к нам.

— Мерси боку, — поблагодарил Александр и отошел от стола.

Он неторопливо пересек банкетный зал и вышел в просторный вестибюль, где толпились вышедшие покутить разгоряченные танцами французские волонтеры и русские «добровольцы».

Вапельник со скучающим видом огляделся по сторонам.

Здесь все: и многопудовые люстры, и вызолоченный лепной карниз, и высокие панели из мореного дуба, и многочисленные скульптуры в нишах — свидетельство о богатстве купеческого сословия Одессы и отсут-

ствии чувства меры у архитектора, стремившегося потрогать толстосумам.

Вапельник взял пальто и направился к выходу. Швейцар, весь в галунах и позументах, с благообразным лицом и седыми бакенбардами а-ля генерал Скобелев, широко распахнул перед ним массивную, резного дерева дверь. В то же мгновение рядом с ним вырос уже знакомый офицер. Когда он вышел из зала, Вапельник не видел. Не знал он и о том, что флегматичный майор в его отсутствие успел созвониться с белогвардейской контрразведкой.

— Майор Бенуа просил напомнить, что его автомобиль к вашим услугам, — навязчиво проговорил молодой офицер.

«Западня», — утвердился в догадке Александр, но ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Благодарю, мне недалеко. К тому же такая чудесная погода. Перед сном полезно пройтись по свежему воздуху, — ответил он.

— Нет-нет, — послышался сзади вкрадчивый голос самого майора. — Мы решили преподнести вам сюрприз: показать улицы вечерней Одессы из окна автомобиля. Прошу.

Вапельник обернулся к майору.

— О, и вы здесь? В таком случае предлагаю вернуться к столу. Автомобильная прогулка по ночным улицам меня не прельщает.

Да, французские контрразведчики вцепились в него мертвой хваткой. Тем не менее надо довести игру до конца. Может, еще удастся выкрутиться.

Александр по-дружески подхватил контрразведчика под руку и увлек за собой к ярко освещенным дверям. На какое-то мгновение ему даже показалось, что майор доволен таким поворотом событий.

Бенуа и в самом деле обрадовался предложению Вапельника. Ему во что бы то ни стало хотелось выиграть время до прибытия офицеров из деникинской контрразведки. Он не любил подвергать себя риску. «Кавалер ордена Почетного легиона — это фигура. Русским проще проверить, кто он такой».

Когда вернулись в банкетный зал, Бенуа украдкой взглянул на Вапельника: «Не догадывается ли о ловушке?» Александр безмятежно улыбался. У майора отлегло от сердца.

— За нашего славного гостя и героя Франции, — провозгласил он тост.

— За наше знакомство, — ответил Александр и осушил бокал. Но тут же поднялся:

— Господа, что это за вино?

Его лицо скривила гримаса отвращения, и он поспешно вышел в туалет. Вслед за ним отправился один из офицеров. Но он опоздал: ватер-клозет оказался закрытым изнутри. Офицер бесцеремонно постучал.

— Мосье, откройте!

Вместо ответа до него донесся звон разбитого стекла.

Только теперь контрразведчик сообразил, как обвел его русский. Он изо всей силы навалился плечом на дверь, но она даже не скрипнула.

Когда подоспела помощь и дверь взломали, беглеца и след простыл.

Вапельник рассчитал правильно: у него было достаточно времени, чтобы уйти от преследования. Беда подстерегла его в самый последний момент.

Двор биржи, куда он вылез через разбитое окно, окружала высокая каменная ограда. У нее стояло несколько повозок. Взобравшись на одну из них, беглец без труда достиг гребня забора. Однако спрыгнуть с двухметровой высоты на мощеную улицу он не решился. Чтобы не разбередить рану, попытался спуститься на руках, но ударился больным коленом об острый выступ стены. Потемнело в глазах. Вапельник упал на тротуар. Острая ноющая боль пронзила все тело, сейчас же отдалась в мозгу. Череп, казалось, вот-вот расколется пополам. Это было последнее, что осталось в памяти... Очнулся он уже в подвале особняка на Екатерининской площади.

...Александр не сразу понял, где он. Мучительно хотелось пить. Он попытался подняться. Но та же боль, что сразила его при падении на тротуар, снова пронзила все тело.

— Очнулись, молодой человек? — слышался рядом старческий голос.

Вапельник повернул голову и увидел сидящего на краю топчана старика с седой эспаньолкой и в пенсне. Он был в белом халате и докторской шапочке, из-под которой выбивалась седая прядь.

— Плохо вы берегли свою ногу, — укоризненно про-

говорил старичок. — Акробатика, милый мой. не для вас.

— Где я? — с трудом шевеля воспаленными губами, спросил Вапельник.

— Вы находитесь в контрразведке, точнее в камере для подсудимых. Мне велено как можно скорее подготовить вас к допросу. Интересуются... Так-с. Сейчас сделаем еще одну инъекцию, и вы, пожалуй, сможете уже сегодня познакомиться с теми, от кого будет зависеть ваша участь.

Говоря это, доктор неторопливо готовил все необходимое для укола.

— Ну-с, дайте-ка вашу руку.

Александр равнодушно закрыл глаза. Укола он почти не почувствовал.

Доктор еще раз осмотрел ногу, покачал головой и, по-стариковски ворча, начал собирать инструменты.

— Вечером загляну снова. Не скрою, положение ваше серьезное. Необходима срочная операция, иначе...

Что «иначе» он не сказал, но Вапельник понял.

— Доктор, — остановил он старика, — хочу спросить.

— Пожалуйста, спрашивайте, — отозвался тот.

— Я вот гляжу на вас и хочу понять: не стыдно вам?

— Мне? Стыдно? — недоуменно воскликнул старик. — Чего я должен стыдиться?

— Мерзкое у вас занятие — лечить больного, чтобы отдать в руки палача.

— А как поступили бы на моем месте вы? — Доктор снял пенсне и, близоруко щурясь, подошел к странному пациенту. — Ну-с, говорите.

— Из простого человеческого сострадания я на вашем месте сейчас перепутал бы дозу инъекции.

Доктор водрузил пенсне на место и поднял голову.

— Нет-с, милый мой. Вы глубоко заблуждаетесь. Пока жив человек, у него остается надежда на лучшее. Пусть она будет и у вас. Я же и под страхом казни не изменю святой клятве Гиппократы.

Он гордо вскинул голову и вышел из камеры.

Вапельник же еще долго продолжал мысленный спор с ним.

На что надеяться? Отсюда выход один — на Стрельбищное поле.

Он устало закрыл глаза.

«Итак, все кончено. Рановато для двадцати восьми лет. Сколько же было Шмидту?.. Кажется, тридцать девять. Но все равно я счастливее. Шмидт пережил поражение, а мой последний час освещен зарей скорой победы. Я сделал все, что мог, чтобы приблизить ее... Теперь не страшно и умереть. Но... обидно, до боли обидно».

Он попытался дотянуться до стоящего возле топчана табурета, чтобы достать кружку с водой, но в это время загремели запоры и в камеру вошли двое офицеров — русский полковник и французский майор.

— Как самочувствие? — деловито осведомился полковник. — Врач настаивает на немедленной операции. Если проявите благоразумие, вас сейчас же отправят к хорошему хирургу.

Вапельник с нескрываемым любопытством смотрел на полковника. Он был готов ко всему, только не к такому разговору.

Полковник же по-своему оценил взгляд арестованного: «Кажется, попал в точку. Еще маленький нажим и расколется, как грецкий орех».

— Врач опасается газовой гангрены, — продолжал он вслух, и в его голосе послышалась нотка участия. — Это смерть, а вы еще так молоды. Посудите сами...

— Нельзя ли конкретней? — прервал его Вапельник. — Что вы имеете в виду, говоря о благоразумии? И, кстати, кто вы?

— Пардон, мы не представились, — спохватился полковник. — Тронин, начальник следственного отдела разведки. А это — майор Бодэн, мой коллега. Рекомендую быть откровенным с нами. Нас интересуют фамилии, адреса и связи людей, с которыми вы работали, адрес подпольной типографии и планы большевистской организации.

Вапельник изобразил на лице гримасу величайшего удивления:

— Вы, вероятно, принимаете меня за кого-то другого. О большевиках не имею ни малейшего представления.

— Не спешите, коммерсант Вапельник, — замахал руками полковник. Нажим, с которым он произнес слово «коммерсант» свидетельствовал о том, что служба оповещения уже сработала и личность задержанного установлена. — Нам известно о вас гораздо больше,

чем вы предполагаете. В вашем положении единственная возможность спасти жизнь — это полная откровенность. Мы же гарантируем вам сохранить наш разговор в полной тайне. Но, предупреждаю, времени в вашем распоряжении слишком мало.

Вапельник бросил на полковника презрительный взгляд и обратился к майору:

— Мосье, я оказался жертвой какого-то ужасного недоразумения и, как видите, не могу рассчитывать даже на медицинскую помощь. Это вынуждает меня просить защиты у французского командования. Надеюсь, вы не откажете в любезности доложить генералу д'Ансельму, что русские власти держат под арестом почетного гражданина вашей республики и кавалера ордена Почетного легиона.

Тронин и Бодэн растерянно переглянулись. Готовясь к допросу, они упустили из виду правовое положение подследственного.

— Прошу вас сделать это как можно скорее, — продолжал Вапельник. — Врач утверждает, что необходима немедленная операция.

— Да, да, я постараюсь при первой возможности доложить о вас, — невнятно пробормотал майор. — Но вначале хотел бы задать несколько вопросов.

— Мосье, вы же видите, в каком я состоянии! — с возмущением почти выкрикнул Вапельник. — Я могу отвечать только на вопросы врача. И прошу запомнить, если со мной что-либо случится, Франция узнает, как обошлись в России с ее почетным гражданином.

Этого он мог и не говорить. У майора было достаточно развитое воображение, чтобы представить, какой шум могут поднять во Франции левые газеты. Ему стало не по себе.

Полковник Тронин лишь теперь понял, что совершил ошибку, пригласив на допрос майора Бодэна.

— Я просил вас хорошенько подумать над ситуацией, в которой вы оказались, — сдержанно произнес он. — О том, что вы в контрразведке, никто не знает и, что бы ни случилось с вами, для всех останется тайной. Учтите, у нас есть другие возможности заставить вас заговорить. Даю три часа на размышление.

Полковник, пропустив майора впереди себя, направился к выходу.

Вапельник заново оценил обстановку. Надежд на

то, чтобы запутать следы, у него не осталось. Но надо тянуть, тянуть до последнего, путать и сбивать врагов с толку. Пусть они рассчитывают на результаты допроса, а тем временем товарищи, оставшиеся на свободе, будут делать свое, нужное революции дело. А потом... Потом все равно победа. Она близка.

Он думал о товарищах по подполью, о Тане...

Видимо, подпольщики уже знают, где он находится. Но в настоящее время они все равно не смогут помочь. Надеяться надо лишь на себя. Значит, держаться и держаться!

Он провел рукой по борту пиджака. Карман, в котором лежали документы, был пуст. Ощупал карманы брюк. Их вовсе вывернули.

Осмотрелся. На полу, неподалеку от ножки топчана поблескивала случайно оброненная монета. Превозможная боль, Вапельник дотянулся до нее, непослушными пальцами с трудом поднял с пола, провел краем монеты по сырой выбеленной известью стене. На штукатурке остался отчетливый след. Написать! Таким образом можно сообщить товарищам о себе. Вспомнил слова лейтенанта Шмидта. Аккуратно, букву за буквой врезал он в штукатурку фразу, как нельзя лучше передающую и его мысль: «Умереть в борьбе легко — это потребность. Умирать на эшафоте тяжело — это... необходимость».

Ниже приписал: «Верю в победу коммунизма и во имя этого бестрепетно встречу смерть. А. В. 3/III 1919 г.».

Надпись, сделанную над топчаном, Александр прикрыл скомканным одеялом.

Тронин, как и обещал, пришел ровно через три часа, но один, без Бодэна.

— Ну-с, «господин коммерсант», надеюсь, вы поняли, чего мы ждем от вас, — без обиняков начал он.

Александр выдержал его взгляд и спокойно ответил:

— Повторяю еще раз, что произошло досадное недоразумение.

— Решили упорствовать? Посмотрим, на сколько вас хватит. Если не хотите отвечать на мои вопросы, вас силой принудят говорить.

— Я настаиваю, чтобы обо мне доложили французскому главнокомандующему, — стоял на своем Вапельник.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся полковник, и в его смехе

слышалось что-то сатанинское. — Этот номер не пройдет. Майор Бодэн вовремя умыл руки.

— В таком случае нам не о чем разговаривать, — отвернулся к стене Александр.

— Врешь, сволочь краснопузая! — полковник окончательно сбросил с себя маску благовоспитанности. Он выхватил из кобуры револьвер и ударил рукояткой по закованной в лубок правой ноге Вапельника. Александр невольно вскрикнул. Его лицо покрылось каплями холодного пота.

— Что скажешь теперь? — глядя в расширенные от щемящей боли зрачки Вапельника, выкрикнул Тронин.

— Вы — палач, зверь...

— Ха-ха-ха, — рассмеялся тот. — Это цветики, а ягодки впереди. Рассказывай, где типография, где ваше большевистское гнездо, именуемое областком?

Вапельник молчал.

— Ну! Или ждешь еще одной встряски?

— Я отказываюсь разговаривать.

Упорство арестованного бесило полковника. Он был готов растерзать его тут же, немедленно. И только необходимость во что бы то ни стало получить нужные сведения заставляла продолжать допрос. Вскоре на помощь ему пришел более изощренный в пытках ротмистр Бекир-Бек Масловский. Палачи до глубокой ночи истязали Вапельника. Он много раз терял сознание, но Бекир-Бек отливал его холодной водой, и пытка начиналась снова.

Тронин опасался вмешательства французского командования и торопился вырвать у Вапельника нужные сведения. Но тот молчал. Даже издававшие виды палачи смотрели на него с удивлением и страхом: какая же огромная сила духа живет в этом изуродованном человеческом теле! Лишь глухие стоны слышали они в ответ на повторяемые вновь и вновь вопросы об областке и подпольной типографии. В конце концов огступился даже Бекир-Бек.

— Больше не могу. Он уже не чувствует боли. Или отложим разговор до завтра, или я задушу его, — рычал он, размазывая по лицу пот. — Черт побери! От этого фанатика мы, кажется, ничего не добьемся.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Тронин. — Пусть немного придет в себя. Может, к утру одумается и заговорит.

Утром в камеру Вапельника вновь заглянул тот же старичок-доктор.

— Эге, батенька, вы, я вижу, важная птица, — добродушно и вместе с тем испуганно произнес старик. — Эк вас разукрасили. Живого места не осталось.

— Присядьте, доктор, — пригласил Александр. — Хочу продолжить наш спор о человеколюбии и сострадании. Не будьте служителем дьявола. Здесь тот же дантовский ад. Над воротами этого заведения можно было бы сделать ту же надпись: «Входящие, оставьте упование».

Доктор изумленно глядел на пациента. В его взгляде читалось и восхищение мужеством, и сострадание, и страх. «В такую минуту вспомнить «Божественную комедию»!... Удивительно! Стало быть, есть идеалы, во имя которых можно пройти круги дантова ада!»

Доктор снял пенсне и склонился над Вапельником.

— Я преклоняюсь перед вашим мужеством, молодой человек, — тихо прошептал он и закашлялся. — Но бога ради, не искушайте... Я слишком стар, чтобы изменить своим принципам.

Чтобы не видеть заплывших от кровоподтеков глаз пациента, в которых сквозила насмешка над его слабостью, старик занялся руками изувеченного узника. Они были ужасны: синие ногти с застрявшими под ними деревянными занозами-спицами, раздробленные фаланги пальцев, опаленные огнем ладони..

Прошло не менее двадцати минут, пока длилась обработка ран. Старик-доктор старался делать все как можно осторожнее, но каждое его прикосновение причиняло Александру страшную боль, и он не мог удержаться от стонов.

— Еще немного, дорогой. Потерпите, пожалуйста, — шептал доктор, а сам чувствовал, как шевелятся его седые волосы и холодеет от страха спина.

— Ну, вот и все, — наконец вздохнул он. — Теперь займемся ногой.

Он развязал бинты, стягивающие лубок, и ахнул: начиналось омертвление ткани.

«Только немедленная ампутация, иначе смерть», — констатировал доктор. Он закрепил лубок и горестно скрестил руки.

Изувеченный узник тихо стонал.

«А может, действительно, сделать инъекцию, чтобы

облегчить ею страдания несчастного?» — мелькнула у врача мысль, но он тут же прогнал ее. За всю свою долгую жизнь он никогда не был так близок к преступлению, как сейчас. Старику казалось, что он сходит с ума. В страшном смятении он собрал инструменты и, не видя перед собой дороги, словно слепой, вышел из камеры.

Через несколько минут к заключенному явились Тронин и Бекир-Бек.

— Одумался? — ехидно спросил Тронин. — Хватит играть в прятки. Давай показания, и через час будешь у хирурга.

Вапельник молчал.

— Бекир, встряхни его для начала, — приказал полковник.

Ротмистр выхватил шашку и плашмя ударил Вапельника по ногам. Но Александр уже не ощущал боли. Он лишь учащенно дышал, шумно втягивая в себя воздух. Грудь его часто-часто конвульсивно вздымалась и опускалась.

— Поджарь ему уши, — снова распорядился Тронин.

Бекир-Бек щелкнул зажигалкой, и в камере распространился запах горелого мяса. Александр пытался отдернуть голову, но палач схватил его за горло и придавил к топчану.

— Хватит, Бекир, задушишь, — остановил его полковник.

Ротмистр, тяжело дыша, отошел к окну.

— Будешь отвечать? — в который уже раз спросил Тронин, когда Вапельник очнулся от обморока и открыл глаза.

— Воды, — попросил он.

Полковник зачерпнул из ведра полную кружку воды, но Александр уже не мог удержать ее в руках. Тронину пришлось самому поднести кружку к его воспаленным губам.

— Видишь, до чего ты довел себя упрямством, — укоризненно покачал головой полковник, когда Вапельник утолил жажду. — Пора стать благоразумнее. Рассказывай все, что знаешь об областкоме и типографии.

— Горит... Внутри все горит, — не слыша вопроса, стонал Александр. — Изверги!

Он снова потерял сознание.

— Врача, — коротко распорядился полковник.

Бекир-Бек вышел из камеры и вскоре вернулся с доктором.

— Приведите его в чувство, — бросил Тронин и отошел в сторону.

Доктор проверил пульс.

— Придется ввести камфору.

— Делайте все, что нужно, — нетерпеливо рявкнул полковник. — Все, что угодно, лишь бы говорил.

Через несколько минут дыхание выровнялось.

— Ах, доктор, доктор, — слабым голосом укорил больной старика. — Рассуждаете о клятве Гиппократата, а работаете подручным у палачей.

— Не разучился еще разговаривать? — подошел к нему Тронин. — Итак, побеседуем.

Он долго и нудно рассуждал о том, как прекрасна жизнь и как важно вовремя найти в себе силы, чтобы отрешиться от заблуждений молодости. Садист не скупился на обещания, сулил всяческие блага, если Александр поможет «выкорчевать» большевистские гнезда в Одессе и Севастополе.

— Вы губите себя во имя химеры, — заученно-проникновенно говорил полковник. — Неужели вы не можете понять, что государство, управляемое безграмотными мужиками, обречено на гибель? Оно развалится при первом серьезном испытании. Россия большевиков — это колосс на глиняных ногах.

— Этот колосс ныне на всех фронтах бьет объединенные силы Антанты и внутренней контрреволюции, — слабым, но твердым голосом ответил Александр.

Полковник побагровел, но сдержался. К тому же вести с фронтов действительно приходили самые неутешительные. В войсках держав Согласия усиливалось революционное брожение, в тылу «добровольческой» армии и союзников возникали партизанские отряды. Тут было над чем задуматься. Но не показывать же свои сомнения этому истерзанному упрямцу.

— Предположим, что Советская власть победит, — иронически проговорил Тронин. — Что это даст тебе? Плоды победы достанутся другим.

— Они достанутся народу. А я буду счастлив тем, что на победном красном знамени будут и капли моей крови.

— Тебя, как видно, не проймешь словами. Бекир, добавь ему ума.

— Ясно...

И все началось сызнова.

После очередного удара рукояткой револьвера по голове Александр потерял сознание. Его отливали водой, подносили к носу пузырек с нашатырным спиртом, но тщетно.

— Черт побери! — хрипел полковник. — Надо было полегче ударить... Впрочем, от такого одержимого все равно ничего не добьемся. Как хотите, но, несмотря на весь свой опыт, я решительно не понимаю этих большевиков.

Агония продолжалась недолго. Палачам так и не удалось вырвать нужные им сведения у этого непонятного для них, убежденного в своей правоте человека. Он умер как герой, до конца сохранив верность партии, светлым идеалам коммунизма.

— Ночью уберешь отсюда, — жестом показал на труп полковник. — Постарайся, чтобы все сошло за обычное бандитское нападение.

Как это сделать, Бекир-Бек знал лучше начальника.

Утром следующего дня в городской морг был доставлен никем не опознанный труп, обнаруженный дворником на Моразлиевской улице. «Одесские новости» сообщили о нем, как еще об одной жертве налетчиков. Газета призывала городские власти усилить борьбу с преступностью, оградить население от распоясавшихся погромщиков.

Тронин и Бекир-Бек довольно ухмылялись, читая эти разглагольствования газетного хроникера...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

СИЛЬНЕЙ ДРЕДНОУТОВ И ПУШЕК

Шла весна 1919 года.

Словно неудержимое половодье, разрасталась и ширилась борьба трудящихся Украины против интервентов, белогвардейцев и петлюровцев. 1 марта части Красной Армии начали наступление на Херсон. Поднялись на борьбу и местные рабочие. Из окон домов и подвалов, с чердаков они стреляли в интервентов и «добровольцев», всем, чем могли, помогали советским войскам.

Для интервентов и белогвардейцев наступила пора тревог и волнений. Союзное командование опиралось лишь на греческие войска и «добровольческие» формирования. Французские же части, как сообщали в своих донесениях белогвардейцы, оказались совершенно небоеспособными, так как «одно время составляли гарнизон Одессы и, пребывая там, подвергались в течение продолжительного времени настойчивой, умелой и крайне разлагающей пропаганде большевистских агитаторов».

Первыми отказались воевать против Красной Армии шесть рот 176-го полка. Их примеру последовали солдаты подразделений, посланных из Одессы в Херсон. Они единодушно потребовали немедленной отправки на родину.

Шестьдесят два иностранных солдата объявили себя большевиками и перешли на сторону войск молодой Советской Республики.

После восьмидневных боев, части украинской Красной Армии вступили в Херсон. 14 марта был освобожден Николаев. Вскоре войска держав Согласия и «добровольческой» армии потерпели поражение на Вознесенском направлении у станции Березовка.

К концу марта Красная Армия и отряды повстанцев железным кольцом охватили Одессу.

Назревали новые события. Офицеры, привыкшие к безоговорочному повиновению нижних чинов, считавшие штыки и орудия решающим фактором в любом сражении, вдруг осознали, что решающая роль принадлежит людям с их взглядами и убеждениями. Штурмовой ветер революционной эпохи опрокинул догмы буржуазных стратегов, заставил с недоумением и страхом взглянуть на солдат, которых они считали механическими исполнителями своей воли.

Да, многое изменилось. И сила оказалась на стороне тех, кто носил в сердцах страстную веру в правоту избранного пути, кто умел убедить и повести за собой массы. Именно такими людьми были отважные пропагандисты и агитаторы Иностранной коллегии, герои большевистского подполья. Словом ленинской правды они завоевали сердца французских солдат, донесли до них идеи пролетарского интернационализма. Рабочие и крестьяне, одетые в солдатские шинели и матросские бушлаты, перестали быть слепыми исполнителями воли

своих начальников. Теперь они видели то, что еще не дошло до сознания растерявшихся главарей своры интервентов.

К моменту наступления советских войск французские солдаты жили одним стремлением: как можно скорей прекратить преступную антисоветскую интервенцию и вернуться домой.

«Военные события в районе Херсона и Николаева, а также в районе Березовки с полной очевидностью доказали, что французские войска находятся в состоянии полного разложения. При первом натиске большевиков они в беспорядке отступают, бросая даже оружие», — сообщал в Сибирь «верховному правителю» Колчаку его представитель.

«То тут, то там французские солдаты заявляют, что они не будут воевать против революционного народа», — доносили из Одессы Деникину агенты осведомительной службы.

Так оно и было. Большевистская правда оказалась сильнее дредноутов и пушек.

Генералы д'Ансельм и Гришин-Алмазов предпринимали отчаянные попытки удержать Одессу, требовали у Франше д'Эспере подкреплений.

— Греков, греков побольше! — взывал д'Ансельм к главнокомандующему. На своих солдат он уже не надеялся.

Ежедневно в Одессу прибывали караваны судов с греческими войсками и... духовенством. На попов возлагалась обязанность поддерживать боевой дух солдат, ограждать их от влияния большевистской агитации.

Вовсю работали французские военно-полевые суды. На станции Сербка офицеры расстреляли более сотни французских солдат за отказ стрелять в русских братьев. Многие попали в тюрьмы. Но и карательные меры не помогали. Солдаты открыто выражали свои симпатии к большевикам. «Вив ле большевик» — не опасаясь подслушивания, провозглашали солдаты 19-го Нимского артиллерийского полка, 1-го сводного полка зуавов и 7-го саперного полка. Здесь активно работали группы действия, созданные друзьями Жанны Лябурб, Якова Елина и Александра Вапельника.

Погибших героев-подпольщиков в Иностранной коллегии заменили агитаторы, направленные в Одессу Центральным Комитетом Коммунистической партии

Украины. За короткое время они восстановили нарушенные связи с французскими группами действия, еще более активизировали их работу.

Шпики белогвардейской контрразведки рыскали по городу, стараясь выловить агитаторов и разгромить подпольный областком партии. 14 марта с помощью провокатора Ройтмана они арестовали руководителя одесских большевиков Николая Ласточкина (И. Ф. Смирнова). После нескольких дней зверских пыток (ему выкололи глаза, сорвали ногти, вывернули руки) палачи утопили его в море.

Враг был беспощаден в своей злобе. Это было озлобление обреченных. Большевики-подпольщики, вся пролетарская Одесса в это время готовились к последней, решающей схватке.

Генерал д'Ансельм в запальчивости издал приказ, извещающий о том, что он будет оборонять Одессу «как ст внешних, так и от внутренних большевиков» всеми имеющимися в его распоряжении силами. Местные газеты опубликовали этот приказ на самых видных местах. Но прошла неделя, и воинственность генерала испарилась. Донесения, посылаемые им в Константинополь и Париж, с каждым днем становились все более пессимистичными и паническими.

«Большевистское движение есть чисто народное движение, которому горячо сочувствует вся масса населения, — с тревогой писал он, анализируя положение в оккупированной Одессе, и тут же спешил добавить: — Что же касается большевистских войск, то последние по своим высоким боевым качествам напоминают французские легионы времен Великой революции».

Эту приписку генерал сделал не без умысла: готовил почву для оправдания неизбежности вывода союзных войск из Одессы. Д'Ансельм уже не сомневался, что его войска не смогут устоять перед натиском «внешних и внутренних» большевиков и в конце марта подписал представление «о необходимости немедленно отозвать с южного побережья все войска — французские, греческие, колониальные». Главнокомандующий, предвидевший такой исход интервенции, с готовностью ухватился за это представление. 2 апреля д'Ансельм получил приказ об эвакуации.

В тот день он безвыездно сидел в своем штабе на Николаевском бульваре, вместе с командирами частей

и соединений прикидывая, на какие суда грузить личный состав, какие транспорты выделить для вывоза запасов продовольствия из портовых пакгаузов и наиболее ценного оборудования порта и городских предприятий. Дело оказалось довольно хлопотливым. Оно требовало длительного времени. По самым осторожным прикидкам выходило, что на эвакуацию армии, продовольствия и других трофеев потребуется не менее двух недель.

Но в его распоряжении не оказалось и этого срока.

— К вам делегация от трудящихся города, — шепнул ему на ухо неслышно вошедший в кабинет адъютант.

— Гони в шею, — не отрываясь от бумаг, приказал д'Ансельм.

— Зачем так грубо? — послышался женский голос.

Генерал поднял голову и удивленно привстал. В дверях кабинета стояла миловидная, элегантно одетая женщина. Отличный французский язык и особенно ее реплика привели генерала в замешательство.

Даму сопровождал мужчина лет тридцати.

— Кто вы? — сился замять неловкость, спросил генерал.

— Адъютант доложил правильно. Мы явились к вам, чтобы выразить волю трудящихся Одессы, — выступила вперед дама. — Наши полномочия подписаны Советом депутатов трудящихся. Позвольте представиться: Елена Соколовская.

— Филипп Болкун, председатель городского комитета Коммунистической партии большевиков, — назвал ее спутник. Он держался уверенно, с сознанием собственного достоинства.

Генерал опешил.

— Гм, гм-гм. А что это, собственно, за совет?

— Совет рабочих депутатов — высший орган власти в Одессе, — пояснила Соколовская.

Брови генерала поползли вверх.

— Одесса на осадном положении, и вся власть в городе — военная и гражданская — принадлежит мне, — стукнул он кулаком по столу.

— Совет не давал вам таких полномочий, — негромко, но твердо ответила Соколовская. — Мы пришли не с целью обсуждать прерогативы власти. Нам поручено довести до вашего сведения меморандум Совета об условиях эвакуации вверенных вам войск. Если не бу-

дуг выполнены эти условия, мы не ручаемся за дальнейшую безопасность вашего пребывания в городе.

Уверенный, деловито-ровный тон этой женщины заставил генерала насторожиться: «Видимо, действительно чувствует за собой силу. Иначе бы не говорила так».

— Прошу садиться, господа, — пригласил он. — Я впервые встречаюсь с большевиками вот в такой обстановке, и, признаться, мне весьма любопытно послушать, с чем вы пришли.

— Требования Совета и всех рабочих Одессы к французскому командованию заключаются в следующем, — раздельно произнесла Соколовская: — Немедленно разоружить польских легионеров и отряды офицеров-добровольцев, а их оружие передать Совету; не уводить русские морские суда и не увозить имеющиеся в порту запасы продовольствия.

— Это все? — генерал иронически улыбнулся. — Господа, если бы это не было шуткой, я приказал бы отправить вас... к врачу по душевным болезням.

— Мы не шутим, — холодно заметил Филипп Болкун. — Учтите, куда бы вы ни попытались нас отправить, вы лишь взорвете пороховую бочку у себя под ногами.

— Я?

— Вот именно. Так что давайте поговорим серьезно.

Генерал нахмурился. Зачем-то переложил с места на место кипу бумаг и поднялся — грозный, недосягаемо величественный.

— Ну, если это не шутка, то слушайте ответ: я знаю, что вы разложили половину моей армии, а именно, ее французскую часть, но все же я надеюсь, что вторая половина мне верна. У меня есть на рейде флот, и вдобавок сюда идет американский крейсер. Если вы не дадите мне спокойно эвакуироваться, я не оставлю в городе камня на камне, в полчаса снесу всю Одессу.

— Сказано резко, но необдуманно, — остановила его Соколовская. — Мы, русские, тоже умеем ценить юмор, мосье, но только в том случае, когда он не выходит за рамки элементарного приличия и здравого смысла. Никогда не говорите сгоряча. Посудите, что последует за вашей попыткой снести Одессу? Революционный пролетариат Франции утопит вас за это у берегов своей родины. Да и ваши матросы вряд ли согласятся стрелять по Одессе.

Генерал побагровел.

— Могу сообщить по секрету: матросы раньше солдат познакомились с нашими листовками и газетами, — словно невзначай вставил реплику председатель горкома партии. — С матросами у нас крепкая дружба. Они не будут стрелять по Одессе.

Д'Ансельм знал об этом, но ему нелегко было признаться, что он остался генералом без войск. Между тем представители Совета требовали определенного и ясного ответа на свой ультиматум. Что им сказать? Оставалось одно: сделать хорошую мину при плохой игре. Так он и поступил.

— Господа, — изобразив на лице подобие улыбки, обратился он к делегатам, — нам не о чем спорить и не зачем пугать друг друга. Взаимное непонимание — вечная причина недоразумений. Чтобы избежать их, сообщу, что вверенная мне армия эвакуируется из Одессы, дабы не ухудшать и без того ненормальное продовольственное состояние города.

Елена Соколовская и Филипп Болкун понимающе переглянулись.

— Будем благодарны, если такие же соображения окажутся в основе ваших ответов и по другим пунктам.

Генерал картинно развел руками.

— Мадам, я уже имел честь высказаться о взаимопонимании. Я ценю ваше стремление к точным формулировкам, но, поверьте, ход эвакуации моих войск не повлечет за собой никаких эксцессов. К тому же у нас так мало транспорта.

— Верим на слово, — поднялась Соколовская. — Поэтому не будем напоминать, что в ваших интересах ускорить эвакуацию. С завтрашнего дня городской Совет официально объявляет себя ответственным и за порядок в городе, и за вашу эвакуацию.

Д'Ансельм в знак согласия кивнул головой, но любопытство все же взяло верх, и он не удержался от вопроса.

— Мадам, простите за нескромность, при моем возрасте это позволительно. Скажите, сколько вам лет?

Ответ окончательно обескуражил его: главе делегации было всего двадцать четыре года.

«При таком возрасте и такая государственная мудрость, — отметил д'Ансельм про себя. — Поразительно!»

Чтобы завершить разговор, Соколовская напомнила:

— Совет надеется, что эвакуация будет проведена в течение трех суток. Военные умеют действовать быстро и энергично. Надеемся на вашу распорядительность.

— Моим войскам нет нужды задерживаться в Одессе, — по-своему ответил д'Ансельм на ультиматум. — Солдаты только о том и мечтают, чтобы скорее вернуться на родину.

— Да, да, — не удержался от шпильки Филипп Болкун, — у нас на этот счет самая точная информация.

Генерал метнул в его сторону гневный взгляд, но тут же взял себя в руки. Ссориться с делегатами Совета ему уже не хотелось. По имеющимся у него сведениям, большевики Одессы в случае надобности могли в короткий срок поднять до пятидесяти тысяч рабочих, а на подступах к городу в полной готовности стоят полки Красной Армии и отряды повстанцев. Те самые, которые совсем недавно разгромили гарнизоны Херсона и Николаева и нанесли поражение его войскам на Вознесенском направлении. С этим приходилось считаться.

Пятидесяти тысяч вооруженных рабочих в городе, конечно, не было. На подступах же к Одессе против двух греческих и одной румынской дивизии (две французские в расчет уже не принимались), четырех с половиной тысяч «добровольцев» и нескольких батальонов польских легионеров действовала лишь одна — 1-я Заднепровская советская бригада и местные партизанские отряды. Но не зря говорится, что у страха глаза велики. Уверенный тон, каким разговаривали делегаты, свидетельствовал о том, что они чувствуют за собой реальную силу. И генерал счел за благо согласиться с их требованиями.

3 апреля все одесские газеты опубликовали объявление французского командования об эвакуации войск. Буржуазию охватила паника. Слетевшаяся сюда со всех концов России вельможная знать, толстосумы и денкинцы осаждали штаб д'Ансельма на Николаевском бульваре, умоляя не оставлять их в Одессе. Французские офицеры за бешеные деньги продавали места на пароходы, беззастенчиво обирая тех, кто еще недавно мечтал с их помощью под благовест колоколов войти в Москву и Петроград, вернуться в свои потомственные имения. Тем временем солдаты и матросы Франции братались с рабочими, пели революционные песни. Повсюду звучал «Одесский вальс». Д'Ансельм со страхом

прислушивался, как пели проходившие мимо штаба солдаты 7-го саперного полка:

Да, час расплаты будет жарок,
Мы в этот час припомним все,
Мы привезем с собой подарок
Пуанкаре и Клемансо.

Сотни молодых сильных голосов подхватили слова песни и понесли ее дальше:

Этот скромный припев,
Наше мщение и гнев, —
Мы с охотой
Вам споем, господа,
Всем, кто жил без труда
Нашим потом.

Мы каштаны не раз
Добывали для вас
И отчасти
Лишь отплатим должок,
Вам, забивши их в срок,
В ваши пасти!

Генерал зябко поежился. К вечеру он со своим штабом перебрался на корабль.

Солдаты в ожидании очереди на погрузку в последний раз проходили по улицам Одессы. «До свидания, товарищи!», «Вив ле большевик!», «Вив ле Рюсс Советик!», — радостно провозглашали они, прощаясь с одесскими рабочими.

Перед зданием городской думы, где разместился вышедший из подполья Одесский Совет рабочих депутатов, проходили артиллеристы 19-го Нимского полка. Они только что прибыли со станции Колендорово, где отказались вести огонь по советским войскам. Солдаты оставили на позициях все орудия. Увидев красный флаг над зданием Совета, артиллеристы замедлили шаг, подтянулись и запели «Интернационал». Их офицеры в это время уныло тряслись на зарядных ящиках, подстегивая лошадей. Они сами вывозили пушки, брошенные солдатами.

6 апреля в Одессу вступили части 1-й Заднепровской бригады украинской Красной Армии. В тот же день был опубликован приказ № 1 войскам Одесской группы и гражданам Одессы. В нем говорилось:

«Мы разбили не только французов, греков, румын и добровольцев, но и ту политику, которую вела Франция на юге Украины».

Теперь интервенты и белогвардейцы стремились любой ценой удержаться в Крыму. Но вскоре и здесь их планы потерпели крах. Советские войска оттеснили белогвардейцев и греческую бригаду с Перекопского перешейка, прорвали оборонительные укрепления и развернули стремительное наступление на Евпаторию и Симферополь — Севастополь. Успешно действовали красноармейские части и на Чонгарском направлении. Разбив заслоны белогвардейцев, они устремились вдоль железной дороги на Феодосию и Керчь.

Тревога и уныние охватили бежавших на юг приверженцев старого мира. Опереточное правительство Соломона Крыма поспешно оставило Симферополь в надежде найти убежище под защитой французских войск и эскадры в Севастополе. Но и тут положение оказалось ненадежным. 10 апреля премьер и его министры переехали на греческий корабль «Трапезонд». Однако удрать в Константинополь без ведома французского командования им не удалось. Полковник Труссон, назначенный командующим сухопутными войсками вместо отозванного во Францию Рюйэ, потребовал у министров передать ему деньги и ценности, захваченные в Симферопольском банке. Так называемое Крымское краевое правительство специальной нотой уведомило союзное командование, что не располагает никакими ценностями. Тогда разгневанный Труссон вызвал министров в морские казармы.

— Мне нужны деньги, а не ваши бумажки и объяснения. Выкладывайте все, иначе отсюда не выйдете, — прикрикнул он.

Те пытались хитрить. Мол, деньги остались в других местах, где имеются отделения банка — в Керчи, Ялте, Феодосии. Но сбить с толку Труссона оказалось не такто просто. Он распорядился произвести ревизию ценностей на транспорте «Кагул», куда погрузили имущество низложенного Труссоном правительства, а министров арестовать. «Благодетели и защитники», как еще недавно именовал французов Соломон Крым, изъяли из его сейфов почти на пять миллионов рублей процентных бумаг, на 750 тысяч рублей денежных знаков и на миллион рублей различных обязательств. Лишь после этого вор империалистический выпустил с гауптвахты ограбленных им воров из почившего в бозе Крымского краевого правительства.

Игра в демократию кончилась. Отныне полковник Труссон сосредоточил в своих руках всю военную и гражданскую власть.

10 апреля городские газеты опубликовали постановление, в котором Труссон без всяких дипломатических уверток изложил программу действий «высшего командования союзными силами в Крыму». Он доводил до сведения местных жителей, что:

«Ввиду: 1) паники, возникшей в Симферополе и имевшей последствиями наплыв в Севастополь массы обезумевших от страха людей; 2) покушений, убийств, попытки порчи железной дороги, которые происходят за последние дни как внутри района севастопольской крепости, так и в ближайшем соседстве, — высший командующий союзными войсками постановил:

Район севастопольской крепости объявляется на осадном положении, начиная с полудня 10 апреля.

Начиная с этого же момента, все взрослое население объявляется находящимся в состоянии реквизиции для обслуживания армии и военных работ...

Всякие собрания какого бы то ни было характера воспрещаются. Всякая остановка или скопление более 4-х взрослых лиц воспрещается.

Все собрания и митинги на улице или в домах будут рассеиваться силой после первого предупреждения.

Наконец, если бы беспорядки приняли большие размеры, отданы приказания, чтобы город был разрушен огнем военных судов, начиная с внешних кварталов».

Полковник не учитывал опыта Одессы. Он не знал обстановки на кораблях, в подчиненных ему 175-м и колониальном полках и, разумеется, не ведал, что Севастопольский комитет партии большевиков через областком установил связь с Красной Армией и получил директиву при приближении советских войск поднять в городе восстание. Подпольный комитет большевистской организации привел в боевую готовность рабочие дружины, специальные подрывные группы и сформированный еще в период немецкой оккупации батальон бывших фронтовиков и военных моряков.

События развивались не так, как хотелось Труссону.

15 апреля части 1-й Заднепровской дивизии подошли к Севастополю. Командование Красной Армии предложило сдать город без боя, но «высший командующий союзными войсками в Крыму» ответил отказом. Он надеялся остановить советские войска. Однако личный состав 175-го и колониального полков отказался вступить в бой. По приказу Труссона было арестовано около трехсот солдат. Но и эта мера не помогла. Полки не хотели воевать. Тогда «высший командующий» договорился с адмиралом Амэтом об открытии заградительного огня с кораблей. Корабельные же артиллеристы заявили, что не станут стрелять в своих братьев, не желают быть сторожевыми псами у тронов и сейфов. К орудиям встали офицеры, а в контрнаступление против красных пошли греческие войска и «добровольцы» под командованием полковника Карпова. По ним с тыла ударили боевые дружины подпольщиков и батальон союза бывших солдат фронтвиков. Контрнаступление захлебнулось. 17 апреля красноармейцы 1-й Заднепровской дивизии овладели Малаховым курганом.

Только после этого Труссон вступил в переговоры с представителями Красной Армии и Севастопольского ревкома и даже предложил заключить перемирие на восемь дней. Он пытался выиграть время, чтобы обелить себя и запросить у главнокомандующего разрешения на эвакуацию союзных войск и эскадры. По условиям перемирия власть в Севастополе с 19 апреля перешла к ревкому.

20 апреля на мачтах линейных кораблей «Франс» и «Жан Барт», взвились алые стяги революции. Матросы обоих кораблей приветствовали их пением «Интернационала». К ним присоединилась команда линкора «Жюстис».

Прозвучал сигнал к общему восстанию.

Командный состав эскадры растерялся. Вахтенный офицер «Франса» попытался было увещевать матросов:

— Дурачье! — кричал он. — Вы не знаете, что делаете! Это гражданская война!

— Вы сами этого хотели, — отвечали матросы. — Теперь расплачивайтесь!

...Был первый день пасхи. Солнце сверкало на белых стенах домов. На кронах деревьев словно язычки зеленого пламени шелестела распускающаяся листва.

На улицах бурлил, многоголосо перекликался людской поток.

— Скорей, на Графскую! Восстала французская эскадра! Красные флаги на французских дредноутах!

Тысячи севастопольцев собрались на Графской пристани. А с моря один за другим подходили катера и шлюпки с французскими матросами. Они тут же строились в колонны и с пением «Интернационала» направлялись на Большую Морскую, к зданию бывшей городской управы, где разместился ревком. С балкона к французским матросам с горячей речью на их родном языке обратился председатель ревкома Городецкий. «Вив ле большевик!» «А ба Клемансо!»*, — скандировали в ответ матросы.

В руках Городецкого — красное знамя. Он передал его высокому матросу, стоящему возле балкона. Тысячеголосым «ура» приветствовали знамя севастопольцы, а французские моряки срывали с беретов красные помпоны и прикалывали к своим блузам.

От здания ревкома участники митинга с пением «Интернационала» двинулись дальше. На углу Хрулевского спуска дорогу преградил плотный строй греческих войск. На броневик, стоящий впереди, поднялся полковник Труссон.

— Приказываю всем разойтись! — крикнул он.

Демонстранты не шелохнулись.

На крыло броневика вскочил матрос с «Жана Барта» Жорж Лейс

— Вы бы посторонились, мосье, — обратился он к полковнику. — У нас тут свой разговор. И потом, видите, люди хотят петь.

— Вы поете большевистские песни! Позор!

— Мосье, а мы и есть большевики, — с достоинством ответил Лейс.

Пятьсот матросских голосов подхватили:

— Вив ле большевик!

Полковник скрылся в автомобиле и подъехал к греческому офицеру. Никто не слышал, о чем они говорили, но когда демонстранты вслед за знаменосцем двинулись вперед, раздался залп.

Толпа ахнула, подалась назад. Греки продолжали стрелять. Мостовая обгарилась кровью. Упал матрос-

---

* Долой Клемансо!

знаменосец. Знамя подхватил другой. Но пуля сразила и его.

Разъяренные матросы бросились к катерам и шлюпкам, чтобы доставить с кораблей оружие и отомстить за кровавую расправу над мирной демонстрацией. Но на берег они не возвратились. Линкоры и крейсера, зараженные «бациллой революции», поспешно снимались с якорей и уходили в море.

Вскоре эвакуировались и сухопутные части.

После освобождения Одессы областной комитет партии направил Якова Карпа на работу в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и бандитизмом. Его сразу же захватил бурный водоворот событий. Но чем бы он ни занимался, его не оставляла надежда отыскать затерянные следы Александра Вапельника. Задержанный чекистами полковник Тронин категорически отрицал причастность белогвардейской контрразведки к аресту кого-либо из членов Иностранной коллегии. Лишь с помощью показаний Стойко Раткова его удалось припереть к стенке и заставить говорить. Тем не менее о Вапельнике показаний Тронин не давал.

— Вапельник? — фальшиво пытался показать свою забывчивость полковник. — Ах, да... Его кличка в наших делах — «Сашка-хромой». Точно. Была ориентировка из Севастополя, но в Одессе мы его не обнаружили.

Карп догадывался, что Тронин имел самое непосредственное отношение к гибели его друга. Он почувствовал это сразу, когда увидел, как забежали глаза у подсудимого при упоминании имени Вапельника.

— Понятно, теперь на контрразведку вешают все смертные грехи, — юлил Тронин. — Однако ваш Вапельник мог оказаться жертвой обыкновенного несчастного случая, скажем, нападения бандитов.

— Вечером второго марта его видели на балу волонтеров в купеческой бирже, — как бы вскользь заметил Карп.

— Вам известно, когда кончился бал? Раньше полуночи Вапельник вряд ли мог уйти оттуда. Ночью же самое раздолье для всякой уголовщины. Прошу вас, не вмешивайте меня в это грязное дело. Я — военный, если хотите, разведчик... Мы устанавливали истину, но не занимались убийствами.

— Чем вы занимались, нам известно, — с трудом сдерживаясь, сказал Карп. — Поэтому мы и спрашиваем вас об Александре Ильиче Вапельнике.

— Странно, — пожал плечами контрразведчик.

— Вот именно, — проговорил Карп.

Он опросил десятки людей, которые так или иначе были связаны с белогвардейской контрразведкой. Наконец, он встретился со стариком-доктором.

— Мне не сообщали имен пациентов, — неопределенно ответил тот. — Впрочем, судя по приметам, среди них был и тот, кого вы разыскиваете. На своем веку я не встречал более стойких и мужественных людей.

У Карпа тревожно забилось сердце. Превозмогая волнение, слушал он рассказ доктора о том, как пытали его друга, каким нечеловеческим мукам подвергали его белогвардейские палачи Тронин и Бекир-Бек.

Кончив рассказ, старик надел пенсне и только тогда увидел, что следователь не написал в протокол ни одной строчки.

— Господин следователь, то, о чем я рассказал, по моему, необходимо записать, — обратился к нему старик.

— Не беспокойтесь, гражданин, этого я никогда не забуду, — глухо отозвался Карп и тут же распорядился, чтобы послали рассыльного за Татьяной.

Через несколько минут она явилась.

— Дядя Яков, узнали что-нибудь о Саше? — с тревогой и надеждой взглянула на него девушка.

— Кажется, узнал, Танюша... Сашу замучили белогвардейцы. Здесь, в этом здании. Вот послушай доктора.

Старику пришлось повторить свой рассказ.

Татьяна до боли закусила губы. Слушая, она вся содрогалась от ужаса. Ей казалось невыносимым, что есть на земле палачи, способные так глумиться над человеком.

— Я хочу видеть это страшное место, — потребовала она.

В сопровождении Карпа, коменданта и старика-доктора девушка спустилась в подвал. Доктор шел впереди. Возле массивной, окованной железом двери с тяжелыми запорами он остановился.

— Здесь.

Татьяна первой переступила порог. Но выдержка

покинула ее. Нервное напряжение, благодаря которому она держалась до сих пор, ослабло подобно лопнувшей пружине. Закружилась голова. Тяжесть навалилась на грудь. Ноги задрожали и подкосились. Она упала бы, не подоспей на помощь Карп.

— Держись, Татьяна, держись, — говорил он, поддерживая девушку.

В камере все осталось так, как и месяц тому назад.

— Здесь пытали вашего друга, — заговорил срывающимся голосом доктор, — на этом самом топчане я увидел его в первый раз. Он был совсем плох, когда меня позвали к нему в последний раз. Пришлось сделать укол. Потом его пытали снова.

— Да замолчите вы! — не выдержала Таня. — Вы хуже палача! Сделали укол, чтобы продлить его муки... Ненавижу вас!

Старик испуганно попятился к двери.

— Но... вы неправильно меня поняли, — заикаясь, оправдывался он. — Я не мог нарушить принцип врачебной этики.

Яков Карп приказал коменданту привести арестованного Тронина.

В камере появился белогвардейский контрразведчик. Увидев Карпа, старого доктора и рыдающую девушку, он вздрогнул и опустился на колени.

— Гражданин следователь, пощадите. Я расскажу все, только не здесь, — взмолился Тронин. — Это выше моих сил, я не вынесу.

— Бойшься пытки? — зло спросил Карп. Но он тут же взял себя в руки и, глядя куда-то в стену, поверх головы стоящего на коленях полковника, приказал: — Встаньте!

Красноармейцы подняли с пола палача, усадили на колченогий табурет. Контрразведчик мелко дрожал, словно в лихорадке. Он был ничтожен и омерзителен.

— Игра кончена, — коротко бросил Карп. — Теперь рассказывайте, как вы убили Вапельника.

— Я не убивал, — лепетал палач. — Это Бекир... Ротмистр Бекир-Бек Масловский. Он допрашивал Вапельника.

— Извините, — обратился к Карпу старик-доктор, — но этот господин... Э-э-э, как его называть, лжет.

Доктор на мгновение смолк и, словно набравшись сил, выкрикнул в лицо Тронину:

— Вы, вы допрашивали! Вы и тот страшный ротмистр. Вы убили арестованного после того, как заставили сделать ему укол камфоры.

— Рассказывайте, Тронин! — повторил Карп.

— Только не здесь... Не могу, поймите! Умоляю вас, гражданин следователь, — канючил полковник. — Будьте милосердны.

Карп отвернулся.

— Эх, вы, «высокое благородие»! О милосердии вспомнили, нервишки не выдержали... А когда пытали наших товарищей, не думали, что придет час расплаты? Они, видимо, предупреждали вас об этом.

Слова падали на контрразведчика, как удары хлыста. В его глазах застыл животный страх.

— Меня расстреляют? — хрипло спросил он.

— Это решит военный трибунал, — отрезал Карп. — А сейчас припомните, кто выследил Жанну Лябурб, Ели-на и других товарищей? Когда и при каких обстоятельствах арестовали Вапельника?

Белогвардейский контрразведчик опасливо покосился на Татьяну. Она не отводила от него ненавидящих глаз, и в них он прочитал приговор.

— Дайте собраться с мыслями, — произнес он чуть слышно и устало потер виски. — Как начальник следственного отдела, я принимал участие в аресте и допросах ваших людей, в том числе и председателя областного комитета большевиков Ласточкина. Вапельника же нам передали французские контрразведчики. Он сам отдался в их руки — явился на бал волонтеров. К этому времени его приметы знали все восемнадцать контрразведок, которые работали в Одессе.

Полковник умолк, давая понять, что сказал все.

Татьяна продолжала сосредоточенно смотреть на арестованного контрразведчика, словно сию минуту собиралась прочесть на его лице нечто, о чем он умолчал.

— Продолжайте, — нарушил паузу Карп.

— Не понимаю, — промямлил полковник. — Я сообщил все... основное. Прошу учесть, что я лично к этому делу прямого отношения не имел.

В это мгновение он ощутил на себе еще один гневный, ненавидящий взгляд. Это к палачу обернулся старик-доктор — живой свидетель событий.

Медленно тянулись бесконечно длинные секунды. Доктор смотрел, не мигая, вызывая и решительно.

Полковник понял, что если он сейчас не начнет говорить, то это сделает старик.

— Хорошо, — разжал он пересохшие от страха губы, — слушайте.

Тронин говорил долго, припоминал ужасные подробности. Перед Татьяной все отчетливее вырисовывалась страшная картина гибели самого дорогого ей человека. Девушка словно окаменела, слушая признания палача. Когда тот цинично заявил, что Вапельника похоронили как неопознанную жертву уличного происшествия, Татьяна не выдержала и выхватила из сумочки подаренный ей Александром маленький немецкий револьвер.

Тронин дико закричал и закрыл лицо руками. Но выстрелить Татьяна не успела. Карп выхватил у нее оружие.

— Не сходи с ума, — строго произнес он. — За преступления этот палач ответит перед судом по всей строгости революционного закона.

Силы окончательно покинули девушку. Она, как подкошенная повалилась на залитый кровью Александра топчан и беззвучно разрыдалась.

Карп приказал увести арестованного. Его взгляд скользнул вдоль стены. За спиной девушки, у самого топчана, он увидел надпись. «Умереть в борьбе легко — это потребность», — прочитал Карп.

— Татьяна, смотри! — указал он на косые буквы.

Девушка обернулась, но слезы мешали ей видеть.

— Это его прощальный привет всем нам, — тихо промолвил Карп и снял фуражку.

Татьяна поднялась с топчана и встала рядом. Теперь открылась вся надпись:

«Умереть в борьбе легко — это потребность. Умирать на эшафоте тяжело — это... необходимость. Верю в победу коммунизма и во имя этого бестрепетно встречу смерть. А. В. 3/III 1919 г.».

— «А. В.» — Александр Вапельник. Это мог написать только он, — шептала Таня, снова и снова перечитывая написанное.

— Он, Танюша, он, — повторял Карп. — Мы разыщем его могилу и высечем эти слова на памятнике. Он жил и умер как настоящий герой. Таким, как он, суждено бессмертие.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

СПАРТАКОВЦЫ

Глава первая. В Севастополь	5
Глава вторая. Кафе на Таможенной	16
Глава третья. Ошибка фон Ашауэра	26
Глава четвертая. Связная из Одессы	51
Глава пятая. Поединок	68
Глава шестая. Совет единомышленников	92
Глава седьмая. Пламя разгорается	117
Глава восьмая. Перед бурей	136
Глава девятая. В Одессе	145
Глава десятая. Волна новых событий	157

Часть вторая

ВНУКИ КОММУНАРОВ

Глава первая. Спектакль марионеток	177
Глава вторая. Непредвиденные обстоятельства	195
Глава третья. Поручение полковника Рюйэ	208
Глава четвертая. Двойная игра	226
Глава пятая. «Одесский вальс»	248
Глава шестая. Шпики идут по следу	261
Глава седьмая. В катакомбах Куяльника	271
Глава восьмая. Особняк на Екатерининской площади	292
Глава девятая. До последнего вздоха	303
Глава десятая. Сильней дредноутов и пушек	317

Балахонов Виктор Иванович

КАВАЛЕР ОРДЕНА ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА

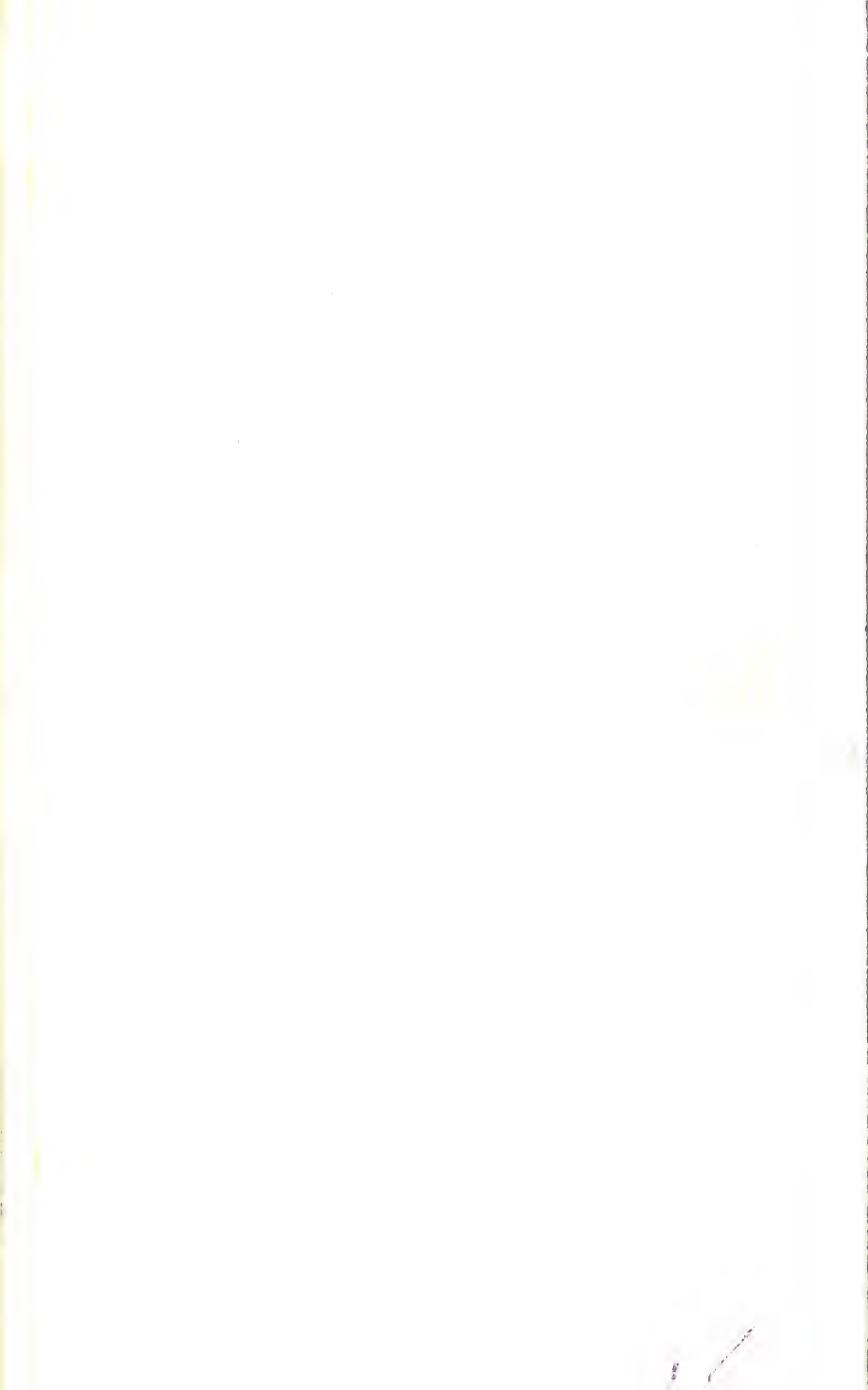
Редактор Ю. П. Черницын.
Художник Ю. И. Белькович.
Художественный редактор И. Т. Литвинов.
Технический редактор Б. И. Киселев.
Корректор В. Ф. Ларисс.

Сдано в набор 31.VII. 1968 г. Подписано к печати 10.X 1968 г. БЯ 00194.
Бумага 84×108¹/₃₂. Объем: 10,5 физ. п. л., 17,64 усл. п. л., 18,72 уч.-изд. л.
Тираж 65 000 экз. Заказ № 8147. Цена 75 коп.

Издательство «Крым», Симферополь, Горького, 5.
Типография газетного издательства Крымского обкома КП Украины,
Симферополь, проспект Кирова, 32/1.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

*ПРИСЫЛАЙТЕ ВАШИ ОТЗЫВЫ ОБ
ЭТОЙ КНИГЕ ПО АДРЕСУ:
СИМФЕРОПОЛЬ, ул. ГОРЬКОГО, 5.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРЫМ».*

75 коп.

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY

OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY

OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY

OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY

OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY
OF THE
MUSEUM OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND
ANATOMY